

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 2 (58)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2020

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 2 (58). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – 192 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневецкий –
д.филол.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПБУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (ННГУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледеява – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стариене –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 2 (58)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2020

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 2 (58). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2020. – 192 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralievа – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepureno – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Аксенов В.А., Хмелев И.Б., Шимин Н.А.</i> Анализ динамики туристского рынка Нижегородской области и выбор стратегии развития региона	7
<i>Захаров В.Я., Фролов В.Г., Трофимов О.В.</i> Методологические аспекты развития сложных экономических систем в условиях цифровой трансформации промышленности	14
<i>Коган Л.П., Краснов А.А., Сербер А.В.</i> Анализ информационных процессов при формировании управленческих решений в концепции иерархической модели управления экономической системой	25
<i>Лапаев Д.Н., Максимов Ю.М., Митяков С.Н.</i> К вопросу о точности определения значений показателей качества в задаче многокритериального выбора и способе компенсации ошибок в их определении	34
<i>Летягина Е.Н., Перова В.И.</i> Нейросетевое моделирование развития детско-юношеского спорта Российской Федерации как фактора формирования человеческого капитала	40
<i>Усманов М.Р.</i> Влияние новых технологий на разработку новых продуктов и услуг	48
<i>Федоткин М.А., Пройдакова Е.В., Эделева А.Н.</i> Аналитические и численные методы анализа функционирования больницы с учётом ошибок результатов наблюдений	55

Социологические науки

<i>Шаброва Н.В., Шуклина Е.А., Певная М.В.</i> Родительское сообщество об условиях обучения детей в школе: типология и стратегии управления	66
<i>Гаршиве Л., Повилайтене Н.</i> Анализ функций кейс-менеджера в помощи семьям: литовский контекст	72
<i>Селиванова З.К.</i> К вопросу о проведении свободного времени молодежью старшего подросткового возраста	82
<i>Базуева Е.В., Сюзья А.А.</i> Активность студенческой молодежи в социально значимой деятельности как репутационный капитал вуза (на примере ПГНИУ)	92
<i>Янак А.Л.</i> Прародительский потенциал в современной российской семье: постановка проблемы	101
<i>Дорофеева З.Е.</i> Многодетные семьи, домохозяйства и семейные ячейки: социологический анализ понятий	109
<i>Патокина Н.Н.</i> Формирование российской социально ориентированной конкурентной политики	115
<i>Бухнер А.А.</i> Особенности формирования имиджа государственных и муниципальных служащих в представлении студенческой молодежи	122
<i>Ушенков Е.Е.</i> Оценка уровня инновационного потенциала молодежи (по материалам исследования в Ивановской области)	127
<i>Тюлюнова В.В.</i> Образ семьи в современном российском кинематографе в оценках экспертов	134
<i>Болозин А.А.</i> Институциональные барьеры доступности массового спорта для современной российской молодежи	143
<i>Черникова А.А.</i> Образовательная миграция из стран Евразийского экономического союза: социальные угрозы, перспективы, динамика	149

Педагогические науки

<i>Котлованова О.В.</i> Роль родителей в процессе формирования представлений о безопасном поведении при террористических актах у детей дошкольного возраста	158
<i>Муравьева А.А., Олейникова О.Н.</i> Магистерские программы в контексте международной сопоставимости	164
<i>Орлова Н.Л.</i> Использование контекстуальных синонимов как средство оптимизации преподавания английского языка у студентов естественнонаучных направлений	173
<i>Пушкина Е.Н.</i> Анализ предложения и снятие грамматических трудностей англоязычных текстов профессиональной направленности	177
<i>Ярыгина Н.Ю., Францева Ю.Е.</i> Специфика организации образовательного процесса подготовки психологов-консультантов, обучающихся по образовательной программе магистратуры «Психологическое консультирование»	186

CONTENTS

Economic sciences

<i>Aksenov V.A., Khmelev I.B., Shimin N.A.</i> Analysis of the dynamics of the tourist market of the Nizhny Novgorod region and the choice of regional development strategy	7
<i>Zakharov V.Ya., Trofimov O.V., Frolov V.G.</i> Methodological aspects of digital transformation of complex economic systems in industry	14
<i>Kogan L.P., Krasnov A.A., Serber A.V.</i> Analysis of information processes in the formation of management decisions in concepts of hierarchical model of economic system management	25
<i>Lapaev D.N., Maksimov Yu.M., Mityakov S.N.</i> On the accuracy of determining the values of quality indicators in the problem of multicriteria selection and the method of compensation for errors in their determination	34
<i>Letiagina E.N., Perova V.I.</i> Neural network modeling of the development of children's and youth sports in the Russian Federation as a factor in the formation of human capital	40
<i>Usmanov M.R.</i> The impact of new technologies on new product development practices	48
<i>Fedotkin M.A., Proydakova E.V., Edeleva A.N.</i> Analytical and numerical methods for analysis of hospital functioning taking into account errors of observation results	55

Sociological sciences

<i>Shabrova N.V., Shuklina E.A., Pevnaya M.V.</i> Parent community about the conditions of children's education in school: typology and management strategies	66
<i>Garšvė L., Povilaitienė N.</i> The analysis of the case manager functions in the Lithuanian context of family assistance	72
<i>Selivanova Z.K.</i> On the issue of spending leisure time by teenagers	82
<i>Bazueva E.V., Syukkya A.A.</i> Activity of students in socially significant activities as a university's reputation capital (case study of the Perm State University)	92
<i>Yanak A.L.</i> Grandparenthood potential in a modern Russian family: problem statement	101
<i>Dorofeeva Z.Ye.</i> Multi-child families, households and family units: sociological analysis of concepts	109
<i>Patokina N.N.</i> Shaping Russia's socially oriented competition policy	115
<i>Bukhner A.A.</i> Peculiarities of shaping the state and municipal employee's image as perceived by students	122
<i>Ushenkov E.E.</i> Assessment of the level of young people's innovation potential (based on research materials of the Ivanovo region)	127
<i>Tyulyunova V.V.</i> The image of the family in modern Russian cinema according to experts	134
<i>Bolozin A.A.</i> Institutional barriers in the area of mass sports for modern Russian youth	143
<i>Chernikova A.A.</i> Educational migration from the countries of the Eurasian Economic Union: social threats, prospects, dynamics	149

Pedagogical sciences

<i>Kotlovanova O.V.</i> The role of parents in shaping pre-school children's perceptions of safe behaviour in the event of terrorist acts	158
<i>Muravyeva A.A., Oleynikova O.N.</i> Master programmes through the prism of international compatibility	164
<i>Orlova N.L.</i> Lexical difficulties when translating contextual synonyms	173
<i>Pushkina E.N.</i> Sentence analysis and overcoming grammatical difficulties of English speciality texts	177
<i>Yarygina N.Yu., Frantseva Yu.E.</i> Specific features of organizing the training of psychological counsellors in the Master's degree program «Psychological Counselling»	186

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.48

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ТУРИСТСКОГО РЫНКА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ И ВЫБОР СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

© 2020 г.

В.А. Аксенов, И.Б. Хмелев, Н.А. Шимин

Аксенов Виктор Алексеевич, к.и.н.; доц.; доцент кафедры сервиса и туризма
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
aksv5@ Rambler.ru

Хмелев Игорь Борисович, к.э.н.; доцент кафедры международного бизнеса и таможенного дела
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва
ibkhmelev_hs1957@ Rambler.ru

Шимин Николай Андреевич, к.э.н.; старший преподаватель кафедры сервиса и туризма
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shimazu@ Rambler.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2020

Статья принята к публикации 25.05.2020

Рассматриваются ключевые показатели, составляющие структуру и динамику въездного туризма в российских регионах, проводится анализ маркетинговой информации, необходимой для формирования стратегии развития въездного туризма в Нижегородской области. На основании изученных статистических данных по количеству туристов, их географии, направлениям туристских поездок и ключевым сегментационным признакам предлагаются ряд институциональных решений по привлечению иностранных туристов в Нижегородскую область и механизмы их реализации. В центре внимания соответствующих структур управления туризмом в Нижегородской области должны оказаться туристы из Китая, для привлечения которых необходимо приложить значительные усилия по продвижению и созданию конкурентоспособного и привлекательного нижегородского туристского продукта (с учетом имеющихся у туристов из КНР предпочтений).

Ключевые слова: въездной туризм, коллективные средства размещения, туристский рынок, удовлетворенный и потенциальный спрос на туристские услуги, структура спроса на туристские услуги, сегментация по туристским предпочтениям, туристско-информационный центр.

Введение

Современный рынок туристских услуг характеризуется высоким уровнем дифференциации, являющейся необходимым условием гибкого приспособления к быстро меняющемуся спросу и внешним условиям жесткой конкуренции. Сравнительно недавно (май 2018 года) на федеральном уровне Правительством РФ была принята новая Федеральная целевая программа (ФЦП) развития туризма на 2019–2025 гг., согласно которой общий объем финансирования туристской отрасли из федерального бюджета составит около 70 млрд рублей. Программа предполагает привлечение не менее 2.2 рубля внебюджетных инвестиций на каждый рубль вложенных бюджетных средств. Конечным результатом реализации программы должно стать увеличение совокупного туристского потока по России до 93 млн человек (рост – 28%) и достижение увеличения вклада туризма в ВВП РФ более чем на 70% (к концу 2025 года). Осуществле-

ние программы в полном объеме возможно только в случае акцента на развитии внутреннего и въездного туризма в регионах России.

В условиях крайне динамичной, многофакторной среды российским регионам приходится разрабатывать различные туристские стратегии для сохранения имеющихся, а также создания новых конкурентных преимуществ. При этом анализ российского рынка туристских услуг должен опираться на исследование специфики региональных рынков. Однако оценка ситуации на рынках российских регионов, по нашему мнению, требует обработки очень большого объема крайне разнообразной информации, вследствие чего в настоящий момент она носит в значительной мере поверхностный характер, а наибольший интерес представляют экспертные оценки. Существующие базы данных крайне разноплановы и лишь частично интегрированы для принятия решений [1, с. 120–124].

Мы исходим из гипотезы о назревшей необходимости организации постоянного глубокого

маркетингового исследования регионального туристского рынка. В данной статье собраны вторичные данные, используемые нами при оказании консультационных услуг субъектам туристского рынка [2, с. 46–57]. Ключевые положения статьи основаны на ряде теоретических фундаментальных положений [3, с. 17–20], а также практическом опыте развития въездного туризма в Нижнем Новгороде. Они не претендуют на законченный и всеобъемлющий характер и сформулированы в порядке постановки проблемы.

Теоретико-методологические подходы

Въездной туризм в последние несколько лет показывает впечатляющие результаты на фоне роста выездного туризма, продолжающегося даже в условиях санкций, кризиса и т. п. (выездной туризм из России рос в 2018–2019 годах на 6–7%) [4].

При рассмотрении количественных характеристик следует оговориться, что статистические показатели по въезду иностранных граждан и показатели объема въездного туризма существенно различаются. Так, например за 2017 год общее число иностранцев, посетивших Россию, составило около 32 млн, при этом чуть более 71% из них – это граждане СНГ и других стран «ближнего зарубежья», с которыми у РФ существует безвизовый режим [5]. В 2018 году наибольшее число иностранцев въехало в Россию из Украины (6 млн 673 тыс. человек) и Казахстана (2 млн 699 тыс. человек) [6], при этом граждане из стран «ближнего зарубежья» приезжают в Россию в основном с рабочими, а не туристическими целями. Хотя какая-то часть из них предъявляет спрос на туристские услуги [7, с. 264–269], но статистически точно это установить крайне сложно.

Рассмотрим далее географический аспект тренда. Согласно данным пограничной службы ФСБ РФ, в первом полугодии 2019 года в РФ въехали 15 073 826 иностранных граждан (на 0.78% (11 781 человека) больше, чем в первом полугодии 2018 года). Четырьмя странами – лидерами по въездному туризму в Россию стали Украина (3 896 310 человек, снижение на 9.1%), Казахстан (1 930 964 человека, рост на 2.03%), Узбекистан (1 436 585 человек, рост на 16.51%) и Таджикистан (836 953 человека, рост на 26.68%). При этом по сравнению с первой половиной 2018 года наблюдается падение объемов въездного потока из республик бывшего СССР и приграничных стран (в порядке убывания): Молдавия (снижение на 13.85%), Украина (снижение на 9.1%), Польша (снижение на

7.3%), Финляндия (снижение на 6.8%), Литва (снижение на 6.73%), Армения (снижение на 2.5%). В общей сумме из вышеперечисленных государств в 2019 году приехало на 515 800 человек меньше, чем за аналогичный период 2018 года. При этом практически все визиты были совершены с нетуристическими целями (например, посещение родственников, шопинг, трудовая миграция). Одновременно при снижении количества нетуристских прибытий из приграничных стран происходит рост классического туристского потока из европейских и азиатских стран: за первое полугодие 2019 года с туристскими целями Россию посетили 1 967 221 человек, что почти на 25% больше аналогичных цифр первого полугодия 2018 года (1 574 113 человек). Абсолютными лидерами по «чистому» туристскому потоку в нашу страну стали Китай (959 817 человек, рост на 15.88%), Германия и Южная Корея. Из топ-10 стран – поставщиков туристов в Россию наибольший прирост показали также Испания, Индия, Италия, Франция, Израиль. Кроме того, незначительный рост числа въездных туристов наблюдался даже из Великобритании и США (хотя общее число въехавших в Россию американцев и англичан и упало на 24.3% и 16.1% соответственно, но не за счет снижения числа туристов, а за счет сокращения количества частных и деловых визитов). Среди остальных стран прирост туристского потока в РФ показали также (в порядке убывания): Япония (29.5 тыс. человек, рост на 54.96%), Австрия (13.7 тыс. человек, рост на 32%), Таиланд (30.7 тыс. человек, рост на 28.46%), Бельгия (10.6 тыс. человек, рост на 19.14%), Швейцария (13.9 тыс. человек, рост на 16.8%), Нидерланды (16.7 тыс. человек, рост на 12.06%), Гонконг (10.2 тыс. человек, рост на 11.05%), Австралия (23.3 тыс. человек, рост на 10.64%), Турция (23.4 тыс. человек, рост на 8.83%), Канада (18 тыс. человек, рост на 3.44%), Куба (10.5 тыс. человек, рост на 2.9%). Среди стран, откуда прибыли менее 10 тыс. туристов в первом полугодии 2019 года, следует отметить ОАЭ (рост количества туристов с 370 до 2918 человек), Вьетнам (рост на 143%), Индонезию (рост на 75%), Португалию (рост на 50%), Иран (рост на 18.34%), Чили (рост на 15.5%) и Мексику (+4.7%) [8]. Надо отметить, что в отчетный период не вошли июль, август и сентябрь – «пиковые месяцы» туристического сезона.

Показатели статистики крайне интересны. Воспользоваться позитивным трендом могут нижегородские турагентства и средства размещения, имеющие налаженные связи с вышеуказанными странами. Их успех будет зависеть от точности понимания предпочтений и ожиданий

Таблица 1

Численность иностранных граждан, размещенных в КСР (без учета микропредприятий), тыс. чел.

Субъект	Год								
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
РФ	3055.4	3413.4	3865.9	4213.6	4443.6	4607.9	5033.5	6092.2	8028.8
Москва	1194.8	1402.3	1622.0	1734.4	1822.8	1827.0	2074.5	2516.6	3790.7
Московская область	135.4	103.1	102.1	173.2	169.6	139.5	164.7	227.9	293.0
Санкт-Петербург	758.7	806.9	936.1	917.7	1046.9	900.5	1004.0	1277.6	1667.7

Составлено авторами на основе данных [11].

Таблица 2

Данные по въездному туризму топ-10 регионов России по итогам Национального рейтинга за 2017 год, 2018 год и первое полугодие 2019 года

Место за 2019 год	Наименование субъекта РФ	Общее кол-во баллов	Всего туристов, чел., 2018 год	Туристов на 1000 жителей, 2018 год	Прирост иностранных туристов, чел., 2018 год
1	Москва	25.5	4 971 435	432	1 180 757
2	Санкт-Петербург	25.2	1 865 132	382	197 409
3	Приморский край	24.8	393 865	201	137 886
4	Московская область	24	395 584	56	102 538
5	Краснодарский край	23.5	249 320	48	77 949
6	Калининградская область	23.4	109 582	115	40 988
7	Нижегородская область	23.3	144 202	44	104 012
8	Республика Татарстан	22.5	140 526	37	51 600
9	Новгородская область	22.4	73 868	116	14 257
10	Свердловская область	21.8	141 912	–	28 283

Составлено авторами на основе данных [11, 13].

новых клиентов, потенциальной возможности удовлетворить их спрос. Серьезным плюсом Нижнего Новгорода является и тот факт, что за последнее время в городе появился целый ряд отелей, представляющих международные гостиничные сети [9] или находящихся под управлением крупных компаний, имеющих возможность использования качественной информации о международных рынках. Тем не менее возможности широкомасштабного привлечения качественных экспертов по различным зарубежным рынкам в городе довольно серьезно ограничены кадровыми и финансовыми ресурсами [10, с. 468–473].

Однако областному руководству, на наш взгляд, более важно обратить внимание на другую тенденцию. Рассмотрим данные статистики с 2009 по 2017 год о количестве иностранных граждан, воспользовавшихся за данный период услугами коллективных средств размещения (КСР, табл. 1).

Очевидно, что доля Москвы по общему количеству иностранцев, посетивших РФ в 2017 году и размещенных в КСР (без учета микропредприятий), составила более 47%. За весь предшествующий период доля Москвы колебалась в пределах от 39% до 42%, а в 2017 году произошел существенный скачок (с 41% до 47%) за счет абсолютного притока иностранных граждан в город. С учетом других средств размещения в 2017 году в Москве побывало более 4.8 млн иностранных туристов [12].

Итоги Национального рейтинга въездного туризма за 2018 год и первое полугодие 2019 года показали ту же тенденцию (см. табл. 2). Лидер гонки – Москва выглядит недостижимой для остальных российских регионов по количеству принимаемых иностранных туристов. При этом столица с 2015 года увеличила турпоток в 2.5 раза, Московская область – в 2 раза, Приморский край – в 2.7 раза.

11 российских регионов принимали в 2018 году матчи Чемпионата мира по футболу, что позволило им вырваться в лидеры рейтинга. Так, Нижегородская область зафиксировала прирост иностранных гостей в 2018 году – в 3.5 раза больше, чем в 2017 году (4-е место в рейтинге регионов). Входя в первую, «золотую» группу рейтинга с условным названием «5 звезд» (20 регионов), Нижегородская область с девятого места в 2018 году поднимается на седьмое, обогнав Татарстан и Свердловскую область, столицы которых – крупнейшие деловые центры Казань и Екатеринбург – также проводили матчи Чемпионата мира по футболу. На наш взгляд, в этих результатах велика роль географической близости Нижнего Новгорода к Москве.

Результаты

С учетом логистики Нижний Новгород располагает неплохим доступом к туристским потокам Москвы. Собственный международный аэропорт (резервный для столицы) и 3.5-часовой

Таблица 3

Топ-30 стран по числу въездных туристских поездок их граждан в Россию за первое полугодие 2019 года [15]

Место	Страна	Количество туристов, чел.
1	Китай	780109
2	Финляндия	430043
3	Польша	323134
4	Германия	270117
5	Монголия	180622
6	Республика Корея	178290
7	США	114187
8	Франция	106301
9	Израиль	100686
10	Италия	96234
11	Великобритания	76191
12	Испания	47512
13	Япония	42197
14	Турция	38465
15	Индия	32674
16	Таиланд	32256
17	Нидерланды	29576
18	Сербия	26068
19	Австрия	24904
20	Вьетнам	24358
21	Норвегия	22579
22	Австралия	22410
23	Канада	22127
24	Швейцария	21554
25	Чехия	20226
26	Швеция	17539
27	Бельгия	16102
28	Бразилия	15981
29	Болгария	14193
30	Греция	13134

железнодорожный маршрут позволяет воспользоваться сложившимся положением [14, с. 106–109]. Поэтому достигнутые результаты нельзя назвать потолком роста. В этой связи возникает важный вопрос: как использовать рост абсолютного притока иностранных граждан в Москву? И второй вопрос: какое количество иностранных граждан потенциально готово предъявлять спрос на туристические услуги в Нижнем Новгороде и на какие услуги?

На основании данных Росстата журнал «Отдых в России» составил рейтинг стран по количеству иностранных граждан, приехавших в Россию в первом полугодии 2019 года (см. табл. 3). Чтобы определить целевые группы, проведем сегментацию туристов, посещающих Москву. За период в 5 лет (2015–2019 гг.) наблюдается устойчивый рост въездного туризма в Россию из Китая.

Динамика въездного туризма в Россию из КНР представлена ниже (см. табл. 4).

На основе представленных данных можно утверждать, что прирост туристского потока в Россию из Китая в последнее время довольно велик. Если считать, что около 47% этих туристов посетили Москву, то получим весьма значительные цифры.

Рассмотрение китайских туристов в качестве ключевой и наиболее перспективной целевой группы предполагает ответ на вопрос относительно её социально-демографического состава. По некоторым оценкам, среди китайских туристов преобладают люди среднего возраста (от 35 до 65 лет), среди которых отдельно необходимо отметить контингент туристов активного возраста (от 25 до 45 лет), представляющий китайский «средний класс».

Согласно данным туристской ассоциации «Мир без границ», сайтов hotels.com и visit-russia.ru, портрет китайского туриста в России получается следующим: это женщина (63%) среднего возраста (50 лет), путешествующая в составе туристской группы (80%), с супругом и детьми (54%), родственником (46%) или другом (45%), реже – с возлюбленным (6%) или в одиночку (16%). Более 50% всех китайских туристов предпочитает посещать Москву по безвизовому каналу.

Китайские туристы предпочитают культурно-познавательный туризм. Российская часть очень популярного у китайских туристов «Красного маршрута» включает Ульяновск, Казань, Шушенское и ряд других населенных пунктов, связанных с биографией В.И. Ленина.

Таблица 4

Динамика въездного туризма из Китая в Россию

Период	2015 год	2016 год	2017 год	Январь – июнь 2018 года
Въезд в Россию из Китая (в рамках безвизовых групповых туристических обменов)	537 381 (+87%)	762 452 (+41%)	943 722 (+23%)	373 577 (+20%)
Въезд в Россию граждан Китая (в т. ч. с деловыми, учебными и прочими целями)	1 млн 122 тыс.	1 млн 71 тыс.	1 млн 243 тыс.	828 235

Составлено авторами на основе данных [13].

Таблица 5

Структура въезда туристов из Китая
(по данным погранслужбы ФСБ за 2015–2018 гг.)

Год	Индивидуальные туристские поездки	Туристские поездки в составе «безвизовых» групп	Всего туристских поездок
2015	194 500	537 400	677 600
2016	162 800	762 500	890 700
2017	128 200	943 722	1 106 500
2018	140 200	1 062 000	1 257 000

Составлено авторами на основе данных [4, 8, 16].

Таблица 6

Особенности поведения туристов из Китая [17]

Характеристики	Самостоятельный турист	Групповой турист
Возраст	Моложе 35 лет	Старше 35 лет
Среднегодовой доход	272 000 тыс. юаней	276 000 тыс. юаней
Траты за день поездки	8 тыс. юаней	4 тыс. юаней
Протяженность поездки	1.5 недели	1.3 недели
Делятся впечатлениями в соц. сетях	73%	55%
Оставляют отзывы на туристских сайтах	32%	32%

Таблица 7

Особенности спроса туристов из Китая [17]

Предъявляемый спрос	Доля в %
Достопримечательности	73
Местная кухня	64
Шопинг	56
Пляжи	36
Музеи	20
Экотуризм	17
Организованные экскурсии	12
Искусство	7
Спорт	3

С этой точки зрения очень перспективным является включение Нижнего Новгорода в этот маршрут, а также во всемирно известное «Золотое кольцо» России, которому в следующем году исполняется 50 лет.

Что касается туристских расходов (расходов на потребление туристских услуг), то зависимость между уровнем доходов иностранных туристов в стране постоянного проживания и уровнем расходов в стране временного пребывания, безусловно, существует, но при этом не является линейной и в значительной степени определяется склонностью к потреблению и национально-культурными особенностями. В этой связи, по нашему мнению, необходимо проведение специальных маркетинговых исследований структуры туристского потребления китайских туристов из разных регионов для вы-

явления и отслеживания устойчивых потребительских различий, определения тенденций изменения потребительских предпочтений.

Заключение

Для руководителей туристского бизнеса полноценный анализ факторов туристского спроса со стороны иностранных туристов достаточно сложно осуществим в силу необходимости научного анализа и длительного процесса контроля динамики, выявления трендов российского и регионального туристских рынков [18, с. 207–211]. Можно выделить несколько ключевых направлений подобной деятельности. Во-первых, совершенствование статистической методики учета въездных туристов с более подробным количественным и качественным

охватом иностранных граждан, предъявляющих спрос на туристские услуги, с целью разработки более реалистичных управленческих стратегий участниками туристского рынка (туроператоры, турагентства, средства размещения, транспортные компании). Во-вторых, исследования тенденций изменения географии туристских потоков для более достоверной сегментации рынка по географическому признаку с целью выработки и закрепления перечня приоритетных мер по увеличению туристского спроса со стороны разных групп китайских туристов. В-третьих, подробный анализ структуры расходов иностранных туристов с целью выявления наиболее привлекательных туристских услуг и совершенствования процесса их оказания. И, наконец, в-четвертых, выявление ключевых сегментов потребителей (на основе анализа демографических признаков) туристических услуг и оценка их потребительских предпочтений.

Подобного рода исследования весьма сложны, дорогостоящи и трудоёмки. Их окупаемость требует долгосрочного горизонта планирования, поэтому руководители туристского бизнеса предпочитают прибегать к помощи сторонних консультантов, наиболее оптимальным вариантом которых по соотношению затрат средств и времени нам видятся квалифицированные специалисты профильных вузов.

Постоянные масштабные маркетинговые исследования по выявлению и структурированию туристского спроса со стороны иностранных граждан также могли бы выполняться, например, ГБУ НО «Нижегородский туристско-информационный центр» [19], МАУ «Управление по туризму Нижнего Новгорода» [20] или иной подобной структурой.

Нижний Новгород входит в десятку самых посещаемых китайскими туристами городов Европейской России. Он уступает только Москве, Санкт-Петербургу и городам «Золотого кольца» (Владимир – Суздаль – Ярославль). К сожалению, в топ объектов для показа нижегородские достопримечательности не входят (однако в топ-5 лучших экологических маршрутов входят круизы по Волге). Проблемой является и то, что соседние регионы активно осваивают перспективный китайский рынок. Так, например, туристическая ассоциация «Мир без границ», которая специализируется на российско-китайском сотрудничестве, заявила, что в ближайшее время девять городов маршрута «Золотое кольцо» будут адаптированы для туристов из КНР. Начнут со столицы маршрута – Ярославля, вторым городом названа Кострома. На улицах появятся китайские надписи, а вот в чем еще будет заключаться адаптация – пока не со-

всем ясно. Власти Суздаля заявили о готовности к «китаизации». Самый большой туристический комплекс «Суздаль» стал участником программы China Friendly («Дружественный Китаю»). Участники этой программы должны иметь версию своего сайта и таблички-указатели на китайском языке. На стойке администратора должны присутствовать визитки, газеты, буклеты на китайском. Кроме того, необходимо иметь терминалы и банкоматы, которые работают с китайской платежной системой China UnionPay. Питание должно быть адаптировано для гостей из КНР, а розетки обязаны подходить под стандарты этой страны. Это не говоря уже о говорящем на китайском персонале [16].

Список литературы

1. Цуба Г.В., Хмелькова Н.В. Информационные технологии как инструмент анализа сезонности социально-экономических процессов // Российский человек в «разломе эпох»: quo vadis?: Материалы XV Международной научно-практической конференции. 2012. С. 120–124.
2. Аксенов В.А., Богатищева Ю.Н., Любимова М.В. Региональный аспект КСО // Управленческие науки. 2013. № 2. С. 46–57.
3. Агеносов А.В., Хмелькова Н.В. Прогнозная модель оценки спроса в логистике // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 3 (3). С. 17–20.
4. Въездной турпоток в Россию в первом полугодии 2019 года вырос на 25% / Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6754844> (дата обращения: 09.12.2019).
5. Сайт Tourprom. URL: www.tourprom.ru/news/39242/ (дата обращения: 03.12.2019).
6. Сайт Turstat. URL: <http://turstat.com/inboundtravelrussia9month2018> (дата обращения: 05.12.2019).
7. Хмелев И.Б. Факторный анализ динамики туристического рынка и консультирование московского бизнеса // Развитие сферы услуг: стратегии, инновации, компетенции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Н. Новгород, 26 марта 2019 г. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. С. 264–269.
8. Иностраный турпоток в Россию вырос на 25% // Вестник АТОР. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/48103.html> (дата обращения: 09.12.2019).
9. В Нижегородской области номерной гостиничный фонд за пять лет вырос вдвое // Портал «Новости Нижнего Новгорода». URL: <https://newsnn.ru/news/society/10-09-2018/v-nizhegorodskoy-oblasti-novernoy-gostinichnyu-fond-za-ryat-let-vyros-vdvoe> (дата обращения: 06.12.2019).
10. Ефремова М.В., Богатырева Л.Г. Анализ финансово-экономических показателей в гостиничном менеджменте // Инновационная экономика: глобальные и региональные тренды: Материалы XI Международной научно-практической конференции (Ниж-

ний Новгород, 31 мая – 1 июня 2019 г.). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 468–473.

11. Сайт Russiatourism. URL: <https://www.russia-tourism.ru/contents/statistika/> (дата обращения: 06.12.2019).

12. Сайт Investmoscow. URL: <https://investmoscow.ru/investment/priority-sectors/tourism/> (дата обращения: 02.12.2019).

13. Сайт Visit-Russia. URL: <http://www.visit-russia.ru/rossiysko-kitayskiy-turizm/statistika> (дата обращения: 06.12.2019).

14. Кочкурова Е.А., Шимин Н.А. Анализ туристского потенциала региона с учетом фактора риска на примере Нижегородской области // Инновации и инвестиции: научно-аналитический журнал. 2015. № 8. С. 106–109.

15. ТОП-30 стран по числу въездных туристских поездок их граждан в Россию за 1-е полугодие 2019

года // Журнал «Отдых в России». URL: <https://rustur.ru/top-30-stran-po-chislu-vezdnyx-turistskix-poezdok-ix-grazhdan-v-rossiyu-za-1-oe-polugodie-2019-goda> (дата обращения: 11.12.2019).

16. Китайцы захватят 雅罗斯лавль // Журнал «Отдых в России». URL: <https://rustur.ru/kitajcy-zaxvatyat> (дата обращения: 11.12.2019).

17. Сайт Hotels.com. URL: <https://ru.hotels.com> (дата обращения: 10.12.2019).

18. Шимин Н.А. Управление туризмом на региональном уровне: маркетинговый аспект // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4-1 (27). С. 207–211.

19. Портал «Туристический Нижний Новгород». URL: <http://nn-grad.ru/> (дата обращения: 10.12.2019).

20. Туристический портал Нижегородской области. URL: <https://visitnizhny.ru/> (дата обращения: 10.12.2019).

ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF THE TOURIST MARKET OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION AND THE CHOICE OF REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGY

V.A. Aksenov¹, I.B. Khmelev², N.A. Shimin¹

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

²Plekhanov Russian University of Economics

The authors consider key indicators that make up the structure and dynamics of inbound tourism in the Russian regions and provide an analysis of the marketing information necessary to formulate a strategy for the development of inbound tourism in the Nizhny Novgorod region. Based on the studied statistical data on the number of tourists, their geography, directions of tourist trips and key segmentation features, a number of institutional solutions are proposed to attract foreign tourists to the Nizhny Novgorod region and the mechanisms for their implementation. The focus of the relevant tourism management structures in the Nizhny Novgorod region should be tourists from China. To attract them, significant efforts are required to promote and create a competitive and attractive Nizhny Novgorod tourism product (taking into account the preferences of tourists from China).

Keywords: inbound tourism, collective accommodation facilities, tourist market, satisfied and potential demand for tourism services, structure of demand for tourism services, segmentation by tourist preferences, tourist information center.

УДК 338.4

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЛОЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

© 2020 г.

В.Я. Захаров, В.Г. Фролов, О.В. Трофимов

Захаров Владимир Яковлевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры экономики предприятий и организаций
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zaharov48@yandex.ru

Фролов Владислав Генрихович, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятий и организаций
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
frolov.unn@gmail.com

Трофимов Олег Владимирович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой экономики предприятий
и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovt@iee.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 06.03.2020**Статья принята к публикации 26.05.2020*

Представлен обзор результатов последних исследований о тенденциях и методах трансформации крупных промышленных предприятий и их объединений в предстоящее десятилетие. Делается вывод, что предприятия, реагируя на изменения в бизнес-среде, превратятся в обучающиеся организации третьего поколения – самонастраивающиеся компании. Предполагается, что у них появятся новые ключевые функции: обучение с разной скоростью одновременно в разных временных интервалах; оптимальное сочетание людей и машин в гибридном цифро-физическом мире; выращивание широких экосистем; постоянная внутренняя трансформация с целью устойчивого развития. Эти функции поддерживают друг друга и основываются на глубоких технологиях. Прогнозируется, что организации объединят данные, алгоритмы искусственного интеллекта и автоматизированное интегрированное исполнение при минимальном вмешательстве человека, создавая спирали алгоритмического обучения со сверхчеловеческой скоростью, и одновременно сконцентрируются на анализе проблем на больших временных интервалах. Руководители компаний позволят машинам делать то, что они способны делать лучше людей, и сосредоточат усилия людей на проблемах, решение которых требует человеческих способностей. Развертывание экосистем повысит мощность алгоритмов искусственного интеллекта благодаря увеличению объема данных, потребуется постоянное обновление стратегий и технологий цифровых платформ. Доказывается, что приоритет будет отдан устойчивости развития – способности организаций работать с шоками, которые нельзя предсказать, находить технологии, генерирующие новые возможности. Показано, что для повышения конкурентоспособности компаний их лидеры должны выйти за рамки SMART-целей и перейти к FAST-целям, т.е. чаще проводить дискуссии о целях, ставить амбициозные цели, переводить их в конкретные метрики и этапы, сделать их доступными для всеобщего обозрения. Корпоративные стратегии будущего должны поддерживаться промышленной политикой государства, стимулирующей устойчивый экономический рост.

Ключевые слова: бизнес-среда, промышленность, организации будущего, новые технологии, функции и цели, гибридные организации, экосистемы, устойчивое развитие, промышленная политика, «Индустрия 4.0».

Введение

Развитию России, как и ряда других стран, предстоит осуществить реиндустриализацию. Проблему исследования мы видим в том, что требования к успешным компаниям предстоящего десятилетия будут существенно отличаться от требований сегодняшнего времени, но невозможно, как считают многие исследователи, заранее зафиксировать желаемое конечное состояние организаций (на определенный момент времени) и однозначно определить путь, ведущий организации к желаемому будущему. Бизнес-среда в ближайшее десятилетие станет еще более неопределенной, она будет изменяться

быстрее и кардинальнее, чем раньше. Организации должны научиться использовать непредвиденные возможности по мере их появления, «создавая себя заново», что означает их фундаментальную «перезагрузку» (с высокими рисками) для изменения траектории своего развития.

По мере роста, усложнения и старения компаний им становится сложнее трансформироваться, далеко не все используемые средства принесут ожидаемые результаты. Трансформация компаний становится все более необходимой, но и все более рискованной. Исследования показывают, что с 2004 г. по 2016 г. 32% крупных компаний испытали серьезное ухудшение общей доходности акционеров (TSR) относи-

тельно среднеотраслевого уровня и только четверть из них смогли успешно восстановиться, превзойдя показатели отрасли в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Потребность в трансформации и ее риски были выше в технологических отраслях, в особенности, когда речь шла о разрушающих цифровых технологиях. Чем глубже падение TSR, тем меньше вероятность ее восстановления: из компаний, у которых показатель TSR упал более чем на 20 процентных пунктов, 95% не смогли восстановиться до прежнего уровня результативности. Компании в турбулентной корпоративной среде с большей вероятностью нуждаются в трансформации, чем компании в стабильной конкурентной среде [1].

Абсолютным императивом становится динамическое обучение организаций, результаты которого невозможно предвидеть заранее, но которым можно управлять. Чтобы победить в 20-х годах, лидерам предстоит преобразовать свои предприятия в обучающиеся организации следующего (третьего) поколения, подобно тому, как это было в прошлом. Надо понять, какие изменения будут происходить в бизнес-среде, как они повлияют на функции организаций, какие действия определяют успех компаний в следующем десятилетии и какие задачи должны ставить перед собой организации.

Цель статьи – представить обзор результатов последних исследований, выполненных в разных странах, который позволил бы сделать более четкими и обоснованными ответы на вопросы относительно стратегий и методов будущего развития организаций, показывая возможности в достижении успеха в новом десятилетии. На основе результатов, полученных нами ранее [2–4], наш анализ опирается на методологию исследований, которую развивают Бостонская консалтинговая группа и Массачусетский технологический институт, а также другие исследовательские команды, в т.ч. в России. Эта методология вобрала в себя опыт успешных компаний в странах, совершивших технологические прорывы.

Цифровая трансформация: новые функции предприятий

Обучающиеся организации третьего поколения будут созданы для выполнения новых ключевых функций, которые и обуславливают важнейшие требования, или императивы, трансформации промышленных предприятий в следующем десятилетии. В качестве таких новых функций чаще всего выделяют четыре [5].

Обучение в разных временных интервалах одновременно (как быстрое, так и медленное). С

одной стороны, предприятиям необходимо обучаться быстрее, в более короткие сроки, обусловленные скоростью технологических инноваций; конкуренция в скорости обучения усиливается, реагирование в режиме реального времени становится реальностью для многих компаний.

С другой стороны, необходимо научиться эффективно реагировать на медленные сдвиги во внешней среде, которые разворачиваются на протяжении нескольких лет и даже десятилетий, при этом оказывают все более глубокое влияние на бизнес: это политические изменения, нарастание неравенства, сдвиги в социальных и потребительских установках и другие. Чтобы успешно развиваться, компании должны быть способны учиться с разной скоростью во всех временных интервалах одновременно.

Императив: интегрировать технологии для непрерывного обучения.

Оптимальное сочетание людей и машин в гибридном, цифро-физическом мире. Машины будут не просто выполнять управляемые человеком и разработанные им процессы, они смогут учиться и адаптироваться, расширяя свое участие в развитии будущих предприятий. Люди по-прежнему будут незаменимы, но их обязанности будут другими, они будут взаимодействовать с интеллектуальными машинами.

Императив: пересмотреть отношения между машинами и людьми. Перевести человеческие когнитивные способности на новые, более высокие уровни.

Интеграция экономической деятельности за пределами организаций. Предприятия все активнее действуют в многопрофильных экосистемах, в которые вовлечены самые разные участники. Семь крупнейших компаний в мире и многие из наиболее прибыльных в настоящее время являются цифровыми платформами [6]. Экосистемы значительно расширяют возможности организационного обучения: они предоставляют доступ к экспоненциально большему количеству данных, позволяют быстро экспериментировать и связывают с более крупными сетями поставщиков и клиентов. Использование этого потенциала требует пересмотра границ предприятия и эффективного влияния на экономическую деятельность за пределами организации.

Императив: выращивать более широкие экосистемы.

Постоянная внутренняя трансформация организаций для обеспечения их устойчивого развития в более динамичной и неопределенной среде. Чтобы воспользоваться преимуществами новой информации и конкурировать в динамич-

ных, неопределенных условиях, внутренняя среда организаций должна непрерывно развиваться. Многие нынешние организации были изначально созданы для работы в преимущественно стабильной бизнес-среде.

Императив: переосмыслить управление и лидерство в организациях.

Перестройка функций изменит содержание конкуренции: из предсказуемой игры со стабильными предложениями для рынка и известными участниками конкуренция превратится в сложную, динамичную игру по многим измерениям. Лидеры, которые понимают это и соответствующим образом перестроят свои предприятия, будут иметь больше шансов победить в следующем десятилетии. А ставки выше, чем когда-либо: разрыв в производительности между компаниями верхнего и нижнего квартилей увеличивался в каждое из последних шести десятилетий [5].

Методы реализации новых функций

Интегрировать технологии для непрерывного обучения организации. Эффективность обучения организации определяется ее способностью реагировать на новые идеи. Традиционные организации действуют медленно, потому что они полагаются на человеческое принятие решений и иерархию.

Чтобы по-настоящему увеличить скорость обучения, организациям предстоит «автономизировать» значительную часть своего бизнеса. Автономизация выходит за рамки традиционной автоматизации, при которой машины выполняют заранее спроектированный процесс многократно и последовательно. Автономизация включает машины, которые используют непрерывную обратную связь, учатся и адаптируются самостоятельно, без ограничивающего человеческого вмешательства.

Данные с цифровых платформ автоматически поступают в алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ), которые извлекают информацию в режиме реального времени, облегчая понимание и принятие новых решений. Они подключены непосредственно к системам действий, которые непрерывно оптимизируют результаты в изменяющихся условиях. Эти действия производят еще больше данных, которые могут быть возвращены, замыкая цикл и позволяя организации учиться со скоростью алгоритмов.

Традиционные организационные подходы – например, неизменные правила или иерархические процессы принятия решений – могут препятствовать использованию потенциала быстрого обучения, создаваемого новыми техноло-

гиями. Трансформирующиеся организации уже сталкиваются с необходимостью уменьшить бюрократию и сложность для создания гибкого сотрудничества. Внедрение ИИ и других цифровых технологий потребует от лидеров нарастить усилия, упрощая свои организации для обеспечения автономного обучения и более эффективного взаимодействия людей.

Организации используют разные механизмы (с разной скоростью реагирования) для управления быстрыми изменениями и медленными сдвигами, развивающимися во временных интервалах разного масштаба, чтобы повысить свои шансы на выживание.

Переосмыслить отношения между людьми и машинами. Перевести человеческие когнитивные способности на новые, более высокие уровни. Какую роль будут играть люди в организациях будущего? Очевидно, что в следующем десятилетии конкуренция будет происходить в гибридном, цифро-физическом мире. Чтобы активно формировать будущее работы для людей и максимизировать организационные возможности обучения, предприятиям необходимо сосредоточить внимание на уникальных преимуществах человека.

Считается, что ИИ ограничен в своих когнитивных возможностях. Он может анализировать корреляции в данных («что происходит») с предельной скоростью, в гигантских объемах, с максимальной сложностью. Но он не может работать на более высоких уровнях, таких как причинный вывод («почему это так») или контрфактивное мышление («что не так, но могло бы быть») [7].

Люди должны все больше концентрировать свои усилия на видах деятельности более высокого уровня. Опыт показывает, что корреляционный анализ обычно достаточно для изучения повторяющихся быстрых действий, однако он менее полезен для изучения сдвигов в медленных силах, таких как политические, социальные и экономические тенденции, которые оказывают все более сильное воздействие на развитие компаний. Эти сдвиги происходят редко и зависят от исторического контекста и траектории, следовательно, не существует повторяющегося набора данных для идентификации шаблонов. Уникальные человеческие способности, такие как понимание причинно-следственных связей и обобщение на основе ограниченных данных, необходимы для расшифровки воздействия этих сил и соответствующей адаптации организации.

Человеческое мышление необходимо, чтобы конкурировать за *творческое воображение*, т.е. способность придумывать и использовать но-

вые идеи. Воображение – уникальная человеческая способность. Чтобы реализовать новые возможности, нам сначала нужно вдохновение (причина видеть вещи по-другому), а затем воображение (способность идентифицировать возможности, которых на данный момент нет, но они могли бы быть) [7].

Способность генерировать новые идеи важна как никогда раньше: существующие бизнес-модели исчерпываются все быстрее, долгосрочный рост снижается, компании должны постоянно генерировать новые идеи для устойчивого развития; рынки становятся все более податливыми для воздействия, увеличивая потенциальное вознаграждение за инновации. Однако сегодня многие компании (часто неявно) предназначены для максимизации краткосрочных финансовых результатов.

Как показывают исследования, инерция в мышлении и поведении усиливается с возрастом и размером компаний: у более старых и крупных компаний ниже жизнеспособность, меньше возможностей для устойчивого роста и переосмысления своей деятельности [5]. После достижения успеха большинство компаний становятся жертвами стратегической жесткости, инерции и самоудовлетворенности.

В дополнение к воображению и осмыслению неповторяющихся событий расширяются новые виды деятельности, в которых люди имеют преимущества перед машинами: организационный дизайн, алгоритмическое управление, этическое поведение и постановка целей. Их реализация предполагает акцент на самоорганизацию, экспериментирование и управление путем создания организационного контекста, в котором могут процветать адаптивные процессы принятия решений и обучения. Для развития когнитивных способностей рекомендуется сосредоточиться на аномалиях, авариях и аналогиях, чтобы «зажечь» вдохновение; обеспечить открытое распространение и конкуренцию идей и предоставить сотрудникам возможность экспериментировать [9].

По сути, речь идет о создании гибридных обучающихся организаций, которые сочетают в себе преимущества машин и людей: способность машин быстро определять сложные шаблоны в больших данных и способность людей декодировать сложные причинно-следственные связи и видеть новые возможности. Вместе они позволяют организации учиться в расширенном диапазоне времени (быстрее и медленнее).

Различные типы рабочих задач требуют различных типов отношений между человеком и ИИ. Есть основания предполагать, что в работах, которые основаны преимущественно на

оптимизации или распознавании образов, особенно на высокой скорости и в большом объеме, люди, вероятно, будут заменены машинами. В работах, где требуется социальное взаимодействие (понимание, моральная поддержка, доверие, сочувствие), машины могут брать на себя аспекты, связанные с оптимизацией, но человеческий уровень общения будет иметь решающее значение. В работах, которые требуют больше творчества, чем оптимизации, люди, вероятно, будут дополнены интеллектуальными машинами, которые расширяют возможности для творчества и воображения. На работах, требующих как творчества, так и социальных контактов, люди будут выполнять многие из тех же основных обязанностей, которые они выполняют сегодня, но приложения ИИ помогут им максимизировать свои навыки [9].

Современные модели искусственного интеллекта, как правило, представляют собой «черные ящики», не позволяющие понять, что происходит внутри них, и это препятствует доверию к ним. Будут разработаны интерфейсы, которые обеспечат прозрачность того, как ИИ создает рекомендации, они позволят людям понимать и проверять действия машин. Люди и алгоритмы редко совпадают по пропускной способности и сложности, поэтому важен выбор правильного уровня абстракции и сжатия взаимосвязей между людьми и компьютерами.

Развивать более широкие экосистемы. В традиционных моделях производства компании работают в линейной цепочке создания стоимости, поставляя ограниченный ассортимент продуктов. Но мы видим, как компании все в большей степени организуются в экосистемы – сложные, с большим количеством партнеров из разных отраслей, «текущие» или подвижные сети организаций, которые пересекают традиционные границы компаний и отраслей. Чем больше партнеров в экосистеме и чем больше отраслей, из которых они пришли, тем лучше экосистема функционирует (средняя экосистема имеет 27 партнеров, успешные цифровые экосистемы имеют около 40; успешные цифровые экосистемы имеют партнеров в 10 или более странах, в то время как типичные экосистемы – только в 5) [10]. Объединяя все больше рынков, платформы связывают воедино разные отрасли.

Экосистемы объединяют информацию и возможности широкого круга игроков, расширяя их коллективную способность исследовать новые пути и познавать рынок. Они позволяют экспериментировать и быстро разрабатывать новые предложения в ответ на возникающие возможности и угрозы (новые предпочтения потребителей, новые технологии, новые прави-

ла регулирования), которые невозможно предвидеть заранее. Поэтому экосистемами невозможно успешно управлять с помощью жесткого централизованного планирования и контроля. Лидеры экосистем развивают свои способности придавать экосистемам нужную форму, «дирижируя», а не командуя, подталкивая их к более выгодным для всех участников действиям [10]. «Дирижеры» наблюдают за экосистемой, определяют стратегию и потенциальных участников.

Бросающиеся в глаза современные крупнейшие экосистемы заставляют нас поверить, что экосистемы чрезвычайно успешны и устойчиво развиваются. Однако при этом мы упускаем из виду гораздо большее число экосистем, которые не смогли удержаться на рынке. В исследовании эффективности 57 экосистем в 11 секторах на различных географических рынках было показано, что менее 15% изученных экосистем были устойчивыми в долгосрочной перспективе (с рентабельностью не ниже 29%), 35% экосистем уже перестали существовать и еще 40% либо потеряли по крайней мере половину своей пиковой доли рынка, либо не «взлетели» (не смогли достигнуть 50%-й доли рынка). Общая итоговая цифра неудач – три четверти экосистем – примерно равна уровню неудач среди малых предприятий в первые 15-летия жизни [11]. В то время как наиболее успешные экосистемы могут «выиграть все» и получить щедрое финансовое вознаграждение, шансы на успех у других экосистем неоднозначно лучше, чем у традиционных предприятий, а выгоды тех, кто изначально добился успеха, часто бывают временными. По данным международных опросов, самым сильным риском сотрудничества в экосистемах является риск, связанный с кражей или потерей данных: более двух третей экспертов (60–70%) из США, Китая, Германии, Японии и Южной Кореи и 85% экспертов из России назвали недостаточную защиту данных основным риском развития кооперации [12].

«Дирижеры» экосистем должны постоянно адаптировать стратегии, обновлять платформы с помощью новых технологий, расширять сферы их действия либо функционально (путем удовлетворения дополнительных потребностей клиентов), либо органически (путем перехода на другие рынки или посредством приобретений и стратегических партнерств) и усиливать взаимодействие с партнерами по платформе. Исследования показывают, что выигравшие экосистемы делают это чаще и быстрее, чем остальные [10].

В отличие от прошедшего десятилетия, в котором стартапы, молодые и энергичные цифровые компании своими чисто цифровыми моде-

лями выбили из седла многих традиционных лидеров отраслей, в следующее десятилетие очередной раунд конкурентной борьбы, скорее всего, будет более сбалансированным. Традиционные компании смогут лучше использовать имеющиеся у них связи и опыт в физическом мире. Следующая волна «естественного отбора» в бизнесе, скорее всего, будет проверять как цифровых новичков, так и традиционные компании, и победители могут выйти из каждой группы [10, 11].

Воспринимая свою внешнюю и внутреннюю деятельность как гибкую, развивающуюся экосистему, организации смогут справиться с гораздо большей динамичностью и сложностью процессов. Возникнут внутренние системы, которые автоматически приспосабливаются к новой информации, осуществляя обучение и перераспределение ресурсов с алгоритмической скоростью. В сочетании эти возможности способны создать «самонастраивающееся» предприятие, которое постоянно учится и развивается в соответствии со своей средой [13].

Перестроить управление и лидерство. Обеспечить устойчивое развитие во все более динамичной и неопределенной среде. Эксперты подчеркивают, что в предстоящее десятилетие резко вырастет влияние лидерства на установление приоритетов и ограничений в развитии технологий. Одновременно с этим на первый план выходят вопросы доверия, конфиденциальности данных и этического поведения. Обучение, способное перевести человеческое мышление на новые когнитивные уровни, встраивается в рабочие процессы; способности людей будут развиваться непрерывно и непредсказуемо, формируя еще неизвестные нам навыки для новых ролей.

Промышленные предприятия, как гибкие и сложные экономические системы, в процессе своего развития приобретают новые элементы, связи и свойства, а также встраиваются в еще более сложные и гибкие системы. Их собственное поведение, будучи изначально целенаправленным, становится все более вероятностным, менее предсказуемым. Вместо контроля над командами и непосредственного вмешательства в операционную деятельность лидеры, управляющие сложными динамичными системами из людей и машин, переходят – воспользуемся словами Джона Кларксона – к роли «лидера импровизационной джазовой группы». Традиционное прямое принятие решений в виде указаний сокращается, потому что в организации действительно становится меньше процессов, которыми можно «управлять». Руководители превращаются скорее в коучей, перенося свою

деятельность на более высокие уровни, такие как формирование условий и контекста предприятия.

Признается, что в 2020-х гг. важнейшим приоритетом в управлении организациями станет *устойчивое развитие*. Разного рода потрясения (экологические, социальные и экономические) происходят все чаще и наносят все больший ущерб компаниям. Корпоративное долголетие уменьшается, и компании падают со своих конкурентных вершин быстрее, чем когда-либо. Когда появляются видимые признаки снижения эффективности, нередко бывает так, что избежать быстрого падения уже невозможно.

Устойчивость понимается как способность организации восстанавливаться до прежнего уровня благополучия и выше после шока благодаря наращиванию ее поглощающего, адаптационного и трансформационного потенциала с помощью новых технологий.

Поглощающий потенциал характеризует способность организации подготовиться к шокам, т.е. предотвратить их или минимизировать их воздействие; его индикатор – размер нанесенного ущерба. Адаптационный потенциал – способность организации провести такие изменения в своих характеристиках и во внешней среде, которые позволят ей вернуться к прежнему уровню благополучия с меньшими потерями и как можно быстрее (измеряется временем, необходимым для преодоления последствий шоков, т.е. скоростью восстановления). Трансформационный потенциал – способность организации измениться под воздействием шока настолько, что ее благополучие становится выше прежнего уровня благодаря усилению существующих и созданию новых функций, критически важных для будущего устойчивого развития.

Для успеха трансформации, начатой для преодоления спада, необходимо, как показывают исследования БКГ, сократить издержки, восстановить доверие инвесторов в жизнеспособность компании и обеспечить устойчивый рост ее доходов в долгосрочной перспективе. Этому способствуют: наличие долгосрочной стратегической ориентации руководства; инвестиции в НИОКР и капитальные затраты выше среднеотраслевого уровня; перемены в руководстве компаний [14].

Эксперты полагают, что в 2020-е годы неопределенность будет высока на многих направлениях, и этот период повышенной неопределенности сохранится надолго; следовательно, организациям придется конкурировать за устойчивость. Проблема в том, что повышенные устойчивости часто противоречат традици-

онным целям управления, таким как эффективность и максимизация финансовых результатов в краткосрочной перспективе.

Создание способной к постоянным экспериментам организации резко снижает уязвимость ее к непредвиденным шокам. Чем выше разнообразие талантов, идей и источников роста в организации, тем выше ее устойчивость к шокам.

Все направления трансформации компаний поддерживают и усиливают друг друга. Компании, которые управляют экосистемами, будут иметь преимущество в конкуренции за обучение, потому что экосистемы являются богатым источником данных в реальном времени, а цифровые платформы облегчают проведение экспериментов. Многие компании будут интегрировать физические и цифровые активы, используя партнерства в гибридных экосистемах. Машинное обучение и автономные действия повысят потребность и способности людей сосредоточиться на творческом воображении. Эти сдвиги в совокупности создадут дополнительную непредсказуемость для бизнеса, что потребует стратегий обеспечения его устойчивости.

Новый подход к определению целей предприятий

Большинство менеджеров стремятся устанавливать SMART-цели: конкретные, измеримые, достижимые, реалистичные и на определенный период. И они редко задают себе вопросы: насколько они работают? Эффективны ли цели SMART в каждом контексте? Если нет, то какие цели в каких контекстах наиболее полезны?

Традиционно многие компании устанавливают сильные стимулы для достижения целей. Сотрудники, желая достигнуть 100% своих целей, чтобы получить бонус, стремятся установить консервативные цели, которых они обязательно достигнут. И если цели при этом остаются конфиденциальными, сотрудники не знают, над чем работают коллеги из других команд и насколько эффективен их собственный труд.

За последнее десятилетие ряд ведущих компаний разработали альтернативный подход, позволяющий сделать цели мощным инструментом реализации стратегии. Недавние исследования позволили понять, как работает этот новый подход, и идентифицировали четыре основных его принципа, которые были обозначены аббревиатурой FAST [15]. Цели должны: часто обсуждаться (*Frequent*); быть амбициозными по своему масштабу (*Ambitious*); измеряться конкретными показателями (*Specific*) и быть прозрачными для всех в организации (*Transparent*).

Ограничения SMART-целей. Цели SMART недооценивают амбиции, они узко ориентированы на индивидуальные показатели и игнорируют важность обсуждения целей в течение года. Ни одна из характеристик SMART-целей ничего не говорит о контексте, в котором предприятие определяет свои цели [14].

Основной принцип подхода SMART заключается в том, что цели должны быть достижимыми и реалистичными, в поддержку этого приводятся многочисленные доводы. Желание не рисковать при постановке целей, устанавливать консервативные цели, которые обязательно будут достигнуты, понятно и объяснимо. Однако оно часто ведет предприятие в неправильном направлении. К примеру, компания стремится «выжать» постепенные улучшения из существующих продуктов и бизнес-моделей, не использует новую технологию, которая в долгосрочной перспективе даст более высокую отдачу.

Сотрудники, преследующие амбициозные цели, значительно превосходят коллег с менее сложными задачами, что многократно подтверждалось на практике как в России, так и в других странах.

Когда мы спрашиваем менеджеров, как часто они анализируют цели, большинство отвечают, что два раза в год: один раз, когда они ставят цели, и еще раз, когда оценивают эффективность работы. Для многих организаций постановка целей – ежегодный ритуал, после определения целей о них порой забывают до конца года. В декабре, когда цели пересматриваются, менеджеры часто удивляются слабой взаимосвязи между заявленными целями и фактическими результатами. Даже самые тщательно продуманные цели окажут незначительное влияние на реализацию стратегии, если они будут неизменными 363 дня в году.

В стабильных, предсказуемых средах имеет смысл ставить цели, которые являются конкретными и измеримыми. В предсказуемых средах наш мозг разбивает цели на привычные действия, которые, как мы знаем, будут способствовать достижению общего результата. Цели SMART указывают пункт назначения и время прибытия, помогают определить правильные действия в правильном порядке. Они используют наши стабильные знания об окружающей среде, чтобы выстроить эффективный план [14].

Однако в более динамичной и неопределенной среде SMART-цели становятся проблематичными. Трудно справиться с конкретными, жестко привязанными ко времени целями, когда спрос, технологии, бизнес-модели и конкуренты постоянно меняются, что характерно для новых или прорывных отраслей. В таких случаях ком-

паниям нужны цели, побуждающие сотрудников к новому мышлению, поощряющие эксперименты и обучение в ситуациях, с которыми они ранее не сталкивались.

Преимущества FAST-целей. Цели FAST помогают организациям совершенствоваться по нескольким измерениям одновременно. К примеру, делая цели прозрачными, компании позволяют сотрудникам согласовывать свои действия с корпоративной стратегией и более эффективно координировать свою деятельность в разных областях. FAST-цели хорошо работают в широком спектре отраслей, как новых, так и традиционных.

Амбициозные цели. Эти цели воспринимаются как недостижимые в существующих условиях, но они могут быть достигнуты в иных условиях. Сверхзадача, или амбициозная цель, отличается от обычной сложной задачи более высокой сложностью (ее показатели кажутся запредельными) и необходимостью принципиально нового подхода (путь к цели неизвестен заранее).

При постановке амбициозных целей следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, человеческое мышление склонно переоценивать возможности людей изменить что-либо в своих интересах, и этот когнитивный сдвиг побуждает компании ставить смелые цели, которые звучат захватывающе, но могут не соответствовать «податливости» окружающей среды. Во-вторых, чем больше компания имеет возможность формировать свое окружение, тем больше ее целей должны быть амбициозными, широкими и ориентированными на внешнюю среду [15].

Амбициозные цели сводят к минимуму риск того, что работники будут ограничивать себя, принимая чрезмерно консервативные цели, которых они обязательно достигнут. Когда разрыв между поставленными целями и текущей реальностью велик, организациям приходится искать творческие и инновационные способы достижения своих амбициозных целей. Амбициозные цели повышают результативность людей и команд, ускоряют поиск инновационных способов достижения целей, создают плацдарм для будущих прорывов. Такие цели привлекают лучших из лучших, предлагая им превосходные условия работы.

Однако больше амбиций – не всегда лучше, в какой-то момент цели попадают в область заблуждений, иллюзий. Не всегда следует настаивать на том, чтобы сотрудники достигали 100% своих целей, это может удерживать сотрудников от внедрения инноваций. Проблема в том, что лишь немногим компаниям, поставившим амбициозные цели, удается их достичь. В одном из недавних исследований были задан вопрос

8812 менеджерам из 363 организаций о том, что бы они посоветовали своему новому коллеге относительно определения целей: (1) принять консервативные обязательства, которых они обязательно достигнут, (2) установить амбициозные цели, даже если они не уверены, как они их достигнут, или (3) избегать приверженности целям, когда это возможно. Почти две трети менеджеров посоветовали бы новому коллеге не рисковать. В том же опросе менеджеров попросили выбрать три фактора, которые больше всего влияют на решения о продвижении сотрудников в их компаниях. Постановка амбициозных целей (13%) была второй с конца, опередив лишь инновации (12%). Гораздо важнее для карьеры оказались достигнутые в прошлом результаты (61%), политические связи (30%), способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам (29%) [16].

Нужно понимать, когда и в каких обстоятельствах целесообразно ставить амбициозные цели. С. Ситкин, Ч. Миллер и К. Си отмечают, что возможности достижения амбициозных целей зависят от таких факторов, как высокая эффективность компании, наличие у нее достаточных ресурсов и сильная культура. Парадокс заключается в том, отмечают эти авторы, что компании, которые способны реализовать сверхзадачи, редко ставят их перед собой, а те, кому это не под силу, часто обращаются к ним в отчаянной попытке совершить прорыв [17].

Нередко масштабные цели ставят перед собой компании с ограниченными ресурсами и низкой эффективностью. Как показали Д. Канемани, А. Тверски, пережитая неудача повышает предрасположенность к дальнейшему риску: те, чье положение шатко, начинают действовать очень активно. А компании с высокой эффективностью и излишком ресурсов меньше других настроены добиваться невозможного, успех заставляет их избегать риска; самоуспокоенность погубила не одну компанию.

Как лидеры вдохновляют людей принимать более амбициозные цели? В Силиконовой долине многие компании поощряют сотрудников ставить цели, которых они вряд ли смогут достичь в полной мере. Google, например, ожидает, что сотрудники достигнут в среднем от 60% до 70% своих ключевых целевых результатов, отделяя достижение цели от анализа производительности и решений о вознаграждении; амбициозные цели стимулируют повышение эффективности сами по себе. Метаанализ показал, что при мотивации людей на выполнение сложных задач, связанных с творчеством, внутренняя мотивация была почти в шесть раз более эффективной, чем внешние стимулы [18].

Цели чаще обсуждаются. Чтобы цели определяли ключевые решения и действия в течение года, их следует обсуждать и пересматривать чаще. Цели изменяются, когда изменяется бизнес-среда, изменяется сама компания, ее потенциал, или когда опыт компании приводит ее к более глубокому пониманию своих целей.

Наиболее стабильные отрасли предпочитают устанавливать цели на год. Компании в динамичных секторах, таких как медиа, информационные технологии и финансовые услуги, чаще всего ставят квартальные цели. Около 70% опрошенных БКГ менеджеров заявили, что хотели бы ежемесячно получать обновленные данные о том, как они справляются со своими задачами, но менее половины из них получают эти ежемесячные отзывы. На самом деле, важно не то, ставятся ли цели ежемесячно, ежеквартально или ежегодно, а формируют ли они ключевые дискуссии по выполнению работы.

Конкретные цели. Компании и сотрудники должны уметь превращать свои цели в конкретные действия и показатели, чтобы уточнить, как они будут достигать своих целей и измерять продвижение на этом пути. Каждая цель включает несколько ключевых результатов, которые, как правило, выражены количественными показателями и этапами их достижения; они определяют шаги, необходимые для достижения цели.

Одни компании, в особенности те, которыми управляют инженеры, настаивают на том, чтобы каждый ключевой результат имел количественную оценку. Опыт других компаний показывает, что полагаться исключительно на количественные показатели не нужно и не оптимально. К примеру, для быстро растущего технологического стартапа качественный этап приема на работу нового технологического директора может быть столь же важным, как и любой количественный KPI [15].

Определение конкретных показателей и этапов для каждой цели повышает гибкость организации. Ключевые результаты можно рассматривать как гипотезы: «Если мы сделаем это, то мы выполним нашу цель». Чем конкретнее гипотезы, тем легче их проверить, определить, какие из них работают (или не работают), и внести исправления в середине пути. Преобразование общих целей в проверяемые гипотезы выявляет ошибки быстрее и точнее, ускоряет темпы обучения и адаптации.

Сильное влияние конкретных амбициозных целей на повышение эффективности работы организаций многократно доказано более чем в 500 исследованиях за последние 50 лет. Метаанализ 83 мероприятий в организациях США показал, что определение метрик для каждой

цели и регулярная обратная связь позволили командам в среднем достичь 88-го перцентиля результативности [19].

Прозрачные цели. В большинстве организаций многие цели являются непубличными. Некоторые руководители полагают, что прозрачность целей хороша для других компаний, но не согласуется с культурой их компании. Однако исследования показывают, что сотрудники широкого круга организаций предпочитают прозрачные цели. К примеру, клиенты Better Works, компании-разработчика программного обеспечения, обнародовали 90% своих целей [12]. Процент публичных целей оказался одинаковым для государственных и частных компаний, маленьких и крупных, новых технологических компаний и традиционных предприятий.

Безусловно, некоторые цели должны оставаться непубличными, особенно те, которые касаются чувствительных кадровых решений, юридических вопросов и т.п.

Обнародование целей позволяет, как показывают исследования, повысить производительность, показывая сотрудникам, какой уровень производительности возможен, и оказывая им помощь в поиске коллег, которые способны дать совет о том, как можно добиться большего. Когда сотрудники получают возможность видеть цели высшего уровня, они могут согласовать свои индивидуальные и командные цели с общим направлением деятельности компании; ясность в том, как их работа способствует успеху организации в целом, является одним из главных факторов вовлечения сотрудников в работу компании [20]. Между тем сегодня сотрудники плохо знают корпоративные цели во многих компаниях: менее четверти руководителей среднего звена знают стратегические приоритеты своей компании [21].

Когда цели являются общедоступными, высшее руководство может проанализировать их, чтобы выделить цели, которые не соответствуют общему направлению компании. Прозрачность способствует стратегическому выравниванию, не прибегая к длительному процессу каскадирования целей в цепочке распоряжений.

Когда цели хранятся в тайне, сотрудники часто не понимают, что делают люди в других командах: только четверть опрошенных руководителей сказали, что их цели были поняты коллегами в других подразделениях. Когда сотрудники не знают целей друг друга, они с большей вероятностью будут выдвигать нереальные требования, фокусироваться на действиях, которые не поддерживают работу их коллег, или дублировать усилия. В компаниях с более чем 10 000 сотрудников типичный пользователь

просматривает цели коллег в других командах, если есть такая возможность, более двух раз в неделю [16].

Заключение

Реагируя на нарастание динамичности, сложности и неопределенности бизнес-среды, предприятия преобразуются, каждый раз превращаясь в обучающиеся организации третьего поколения. Обучающиеся организации первого поколения были способны повышать эффективность существующих процессов снижая предельные издержки. Обучающиеся организации второго поколения создавали качественно новые продукты и процессы, они стали гибкими, экспериментирующими, автоматизированными и взаимодействующими. Обучающиеся организации третьего поколения будут способны одновременно реагировать со сверхчеловеческой скоростью на стремительные изменения и влиять на медленные, но критически важные сдвиги (самонастраивающиеся алгоритмические организации). Компании, которые преуспеют в 2020-е годы, по своим технологиям, функциям и целям будут выглядеть совсем иначе, чем сегодня. Новые организационные модели необходимы, чтобы раскрыть и использовать потенциал новых технологий.

На процесс трансформации компаний в наибольшей степени влияют глубокие технологии (их долго и дорого создавать, но они оказывают самое сильное воздействие), весь спектр последствий которых невозможно предугадать. Попытки привязать организации к четко определенным конечным состояниям непродуктивны, бизнес использует непредвиденные возможности по мере их возникновения, кардинально меняясь при этом. История показывает, что глубокие технологии в одно и то же время порождают новые проблемы и средства их разрешения.

Организации объединяют данные, алгоритмы искусственного интеллекта и автоматизированное интегрированное исполнение при минимальном вмешательстве человека, создавая спирали (циклы) алгоритмического обучения со сверхчеловеческой скоростью, и одновременно концентрируются на анализе крупных проблем на больших временных интервалах.

Активное участие бизнеса в решении больших проблем приведет к усилению взаимодействия компаний с государством, в результате государство станет меньше в своих размерах, но сильнее в решении долгосрочных проблем, а бизнес – более ориентированным на удовлетворение запросов общества, что снизит ограничения для его развития.

В появляющемся гибридном, цифро-физическом мире руководители компаний должны позволить машинам делать то, что они способны делать лучше людей, и сосредоточить усилия людей на решении критически важных проблем, которые требуют именно человеческих способностей.

Развертывание широких экосистем повышает мощность алгоритмов искусственного интеллекта благодаря увеличению объема данных, что позволяет быстро разрабатывать новые предложения в ответ на возникающие угрозы и возможности. «Дирижеры» экосистем должны сделать гибкими экосистемные стратегии, обновлять технологии цифровых платформ и усиливать взаимодействие между участниками платформ.

Есть немало свидетельств того, что процесс цифровой трансформации организаций будет длительным, нелинейным (с большими амплитудами колебаний), с высокой неопределенностью конечных результатов и чередой неизбежных кризисных ситуаций. Поэтому приоритет отдается устойчивости развития – способности организаций работать с шоками, которые нельзя предсказать. Нарращивание потенциала устойчивости обеспечивается способностью организаций находить новые решения и инструменты их реализации, генерирующие новые возможности развития с помощью новых технологий. Резко вырастет влияние лидерства на установление приоритетов и ограничений в развитии технологий.

Чтобы усилить потенциал компаний, их лидеры должны выйти за рамки SMART-целей и перейти к FAST-целям, т.е. чаще проводить дискуссии о целях, ставить амбициозные цели, переводить их в конкретные метрики и этапы, сделать их доступными для всеобщего обозрения.

Корпоративные стратегии, опирающиеся на новые технологии, функции и цели, должны поддерживаться экономической политикой государства, стимулирующей устойчивый экономический рост и направленной на создание источников высокой долгосрочной рентабельности национальных производителей в сложной и неопределенной конкурентной среде.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00781.

Список литературы

1. Reeves M., Fæste L., Whitaker K., Hassan F. The Truth About Corporate Transformation // MIT Sloan Management Review. 2018. January 31. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/the-truth-about-corporate-transformation/> (дата обращения: 05.03.2020).

2. Трофимов О.В., Фролов В.Г., Каминченко Д.И., Захаров В.Я., Павлова А.А. Факторы сбалансированного развития сложных экономических систем производственной сферы и сферы услуг в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // Креативная экономика. 2018. № 10. С. 1531–1548.

3. Фролов В.Г., Захаров В.Я., Каминченко Д.И., Павлова А.А. Системные эффекты развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 40–47.

4. Захаров В.Я., Трофимов О.В., Фролов В.Г., Каминченко Д.И., Павлова А.А. Концептуальные основы оценки факторов и системных эффектов сбалансированного развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3 (51). С. 7–23.

5. Bailey A., Reeves M., Whitaker K., Hutchinson R. Winning the '20s: Company of the Future / Boston Consulting Group • BCG Henderson Institute 2019. 4/19. Rev. 6/19. URL: <https://bcghendersoninstitute.com/winning-the-20s-the-organization-of-the-future-dc1e180b3b3> (дата обращения: 05.03.2020).

6. Fuller J., Jacobides M.G., Reeves M. The Myths and Realities of Business Ecosystems // MIT Sloan Management Review. 2019. February 25. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/the-myths-and-realities-of-business-ecosystems/> (дата обращения: 05.03.2020).

7. Pearl J., Mackenzie D. The Book of Why: The New Science of Cause and Effect. Hachette UK, 2018.

8. Kimura R., Reeves M., Whitaker K. The New Logic Competition / Boston Consulting Group 2019. 3/19. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2019/new-logic-of-competition.aspx> (дата обращения: 05.03.2020).

9. Lee Kai-fu. AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2018.

10. Jacobides M.G., Lang N., Louw N., von Szcepaniski K. What Does Successful Digital Ecosystem Look Like? / Boston Consulting Group, June 26, 2019. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2019/what-does-successful-digital-ecosystem-look-like.aspx> (дата обращения: 05.03.2020).

11. Reeves M., Lotan H., Legrand J., Jacobides M.G. How Business Ecosystems Rise (and Often Fall) // MIT Sloan Management Review. 2019. July 30. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/how-business-ecosystems-rise-and-often-fall/> (дата обращения: 05.03.2020).

12. Opportunities and Risks from Cooperation among Companies within the Production Sphere and the Sphere of Services in Russia in the Context of Industry 4.0 // Amazonia Investiga. 2019. V. 20. № 8. P. 596–608.

13. Reeves M., Zeng M., Venjara A. The Self-Tuning Enterprise // Harvard Business Review. June 2015. 93. No. 6. P. 76–83. URL: <https://hbr.org/2015/06/the-self-tuning-enterprise> (дата обращения: 05.03.2020).

14. Reeves M., Fuller J. When SMART Goals Are Not So Smart // MIT Sloan Management Review. 2018. March 21. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/when-smart-goals-are-not-so-smart/> (дата обращения: 05.03.2020).

15. Sull D., Sull C. With Goals, FAST Beats SMART // MIT Sloan Management Review. 2019. June 05. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/with-goals-fast-beats-smart/> (дата обращения: 05.03.2019).
16. Sull D., Kang H., Thompson N., Hu L. Trade-offs in Firm Culture? Nope, You Can Have It All // MIT Sloan School of Management Working Paper. Aug 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3228167 (дата обращения: 05.03.2020).
17. Ситкин С., Миллер Ч., Си К. Парадокс сверхзадачи // Harvard Business Review Россия. 3 мая 2017. URL: <https://hbr-russia.ru/management/upravle-nie-izmeneniyami/a20441> (дата обращения: 05.03.2020).
18. Cerasoli C.P., Nicklin J.M., Ford M.T. Intrinsic Motivation and Extrinsic Incentives Jointly Predict Performance: A 40-Year Meta-Analysis // Psychological Bulletin. February 2014. Vol. 140. No. 4. P. 980–1008. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/3f44/f35d1779ea91896c9f443904aab90c2d9511.pdf?_ga=2.221845855.671413381.1571495323-566923192.1571495323 (дата обращения: 05.03.2020).
19. Pritchard R.D., Harrell M.M., Diaz Granados D., Guzman M.J. The Productivity Measurement and Enhancement System: A Meta-Analysis // Journal of Applied Psychology. June 2008. **93**(3). P. 540–567. URL: https://www.researchgate.net/publication/5396369_The_Productivity_Measurement_and_Enhancement_System_A_Meta-Analysis (дата обращения: 05.03.2020).
20. The Impact of Employee Engagement on Performance. Harvard Business Review Analytics Report. URL: https://talentsnapshot.com/wp-content/uploads/downloads/2017/04/Impact_of_Employee_Engagement_on_Performance.pdf (дата обращения: 05.03.2020).
21. Sull D., Sull C., Yoder J. No One Knows Your Strategy – Not Even Your Top Leaders // MIT Sloan Management Review. 2018. Feb. 12. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/no-one-knows-your-strategy-not-even-your-top-leaders/> (дата обращения: 05.03.2020).

METHODOLOGICAL ASPECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF COMPLEX ECONOMIC SYSTEMS IN INDUSTRY

V.Ya. Zakharov, V.G. Frolov, O.V. Trofimov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article provides an overview of the results of recent studies on trends and methods for the transformation of large industrial enterprises and their associations in the coming decade. It is concluded that organizations, by responding to changes in the business environment, will turn into third-generation learning organizations – self-tuning companies. They are expected to have new key features: learning at different speeds simultaneously at different time intervals; the optimal combination of people and machines in a hybrid digital-physical world; growing wide ecosystems; continuous internal transformation with the goal of resilience development. These functions support each other and are based on deep technologies. It is predicted that organizations will combine data, artificial intelligence algorithms and automated integrated execution with minimal human intervention, creating spirals of algorithmic learning with superhuman speed, and at the same time concentrate on analyzing problems over long time intervals. Company executives will allow machines to do what they can do better than people, and they will focus people's efforts on problems that require human ability to solve. The deployment of ecosystems will increase the power of artificial intelligence algorithms due to the increase in data volume. At the same time, constant updating of strategies and technologies of digital platforms will be required. It is argued that priority should be given to resilience of development: the ability of organizations to deal with shocks that cannot be predicted and to find technologies that generate new opportunities. It is shown that to increase the competitiveness of companies, their leaders should go beyond SMART goals and move to FAST goals, i.e. more often hold discussions about goals, set ambitious goals, translate them into specific metrics and stages, make them accessible for all to see. The corporate strategies of the future should be supported by the industry policy of the state, stimulating sustainable economic growth.

Keywords: business environment, industry, organizations of the future, new technologies, functions and goals, hybrid organizations, ecosystems, resilient development, industry policy, Industry 4.0.

УДК 330.46

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В КОНЦЕПЦИИ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ

© 2020 г.

Л.П. Коган, А.А. Краснов, А.В. Сербер

Коган Лев Петрович, к.ф.-м.н.; доцент кафедры общей физики и теоретической механики
Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета
L_kog@list.ru

Краснов Александр Артемьевич, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры общей физики
и теоретической механики Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета
krasnov1958@yandex.ru

Сербер Александр Волькович, к.ф.-м.н.; научный сотрудник
Научно-исследовательского радиофизического института
при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского
avs65@inbox.ru

*Статья поступила в редакцию 20.02.2020**Статья принята к публикации 25.05.2020*

Представлены исследования информационных обменов при реализации иерархической модели управления экономической системой. Процесс прохождения информации с соответствующей ее обработкой по элементам управления от высшего уровня иерархии управления к низшему и наоборот характеризовали при помощи соответствующих операторов (коэффициентов). В качестве характеристики всей иерархии управления экономической системы, состоящей из N элементов, рассматривали усредненный модуль коэффициента прохождения информации. Полученные аналитические данные позволяют оценить условия, при которых будет наблюдаться потеря управляемости экономической системы (управленческий хаос). Проведено исследование свойств среднего коэффициента прохождения информации как функции от числа N управляющих элементов. Установлено, что с ростом числа управляющих элементов происходит стабилизация информационных потоков при условии, что доля информации, не воспринимаемой этими элементами, убывает обратно пропорционально N .

Ключевые слова: экономическая система, управляющий элемент, иерархическая модель управления, информационный поток.

Введение

Процессу успешного функционирования экономической системы сопутствует ее рост и развитие. Рост происходит в основном за счёт потребления материальных ресурсов, развитие – за счёт усвоения и использования информации. При этом ограничение на рост экономической системы обусловлено ограниченностью материально-технологических ресурсов, используемых в производстве. В свою очередь, ограничение на развитие экономической системы обусловлено способностями субъектов управления воспринимать, обрабатывать и адекватно использовать исходную информацию в обеспечении формирования оптимальных управленческих решений [1–3]. Управленческие решения формируются в результате информационных обменов между элементами различного уровня существующей иерархии управления и содержат информацию по алгоритму конкретных действий при осуществлении деятельности экономической системой. Таким образом, в основе управления и соответственно развития экономической систе-

мы лежат информационные процессы. В связи с этим в исследованиях проблем управления существенное внимание уделяется процессам структурирования и формирования иерархий управления с целью оптимизации информационных процессов [4, 5]. В рамках упомянутых выше исследований определены основные информационные потоки управления экономической системой, а также предельные размеры информационных потоков, при которых экономическая система становится неуправляемой. Однако на настоящий момент в литературе наблюдается дефицит исследований в концепции управления, позволяющих проанализировать и формализовать прохождение информационных управляющих потоков с учетом свойств элементов управления, участвующих в формировании управленческих решений.

Иерархическая модель управления

В настоящее время в концепции управления экономическими системами широко позиционируется иерархическая модель [6–10]. В рам-

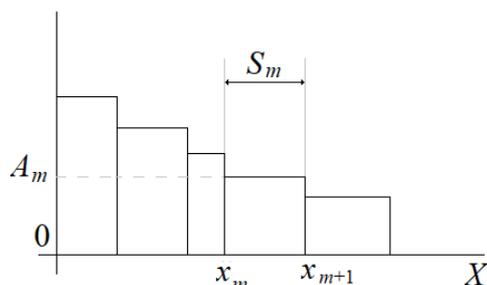

Рис.1. Иерархическая модель управления экономической системой

ках иерархической модели управления экономической системой присутствует вертикальная декомпозиция элементов управления с приоритетом элементов верхнего уровня по отношению к нижележащим. Каждый из элементов соответствующего уровня характеризуется собственным набором выполняемых функций и соответствующим уровнем компетенций. При этом любой элемент системы управления взаимодействует с другими элементами посредством информационных обменов и контролирует поток ресурсов, находящихся в его компетенции. Любой элемент системы управления может оказывать существенное влияние на другие элементы, участвующие во взаимодействии через средства коммуникации. Управленческое решение формируется в результате взаимодействия между элементами различных уровней управления посредством информационных обменов между ними. При этом реализация иерархической модели управления подразумевает наличие обратной положительной связи. Таким образом, топология внутренней организации информационных обменов в процессе функционирования экономической системы характеризуется двумя информационными потоками. Это поток управленческих решений от верхнего уровня управления к нижнему и информационный поток от нижнего уровня к верхнему. В качестве иллюстрации иерархической модели управления экономической системой рассмотрим рис. 1.

На рис. 1 по оси x располагаются управляющие элементы (УЭ), отражающие иерархию управления с понижением уровня полномочий с ростом x . Каждый элемент управления строго занимает свое место в иерархии, определяемое координатами на оси абсцисс, на которой управляющему элементу с номером $m = 1, 2, \dots, N$ ставится в соответствие интервал

$$x \in [x_m, x_m + S_m] \quad (1)$$

Здесь величина S_m определяет характерные размеры элемента управления, зависящие от числа элементарных подструктур, производящих обработку информации во время ее пребы-

вания внутри указанного элемента. При этом значимость элемента управления как такового в целом характеризуется амплитудой A_m . Она определяет его возможности по влиянию на процесс функционирования экономической системы на основе обработки и преобразования поступившей информации, а также приоритетность принимаемых им решений для нижестоящих элементов управления, расположенных далее по оси абсцисс.

Информация, рассматриваемая как продукт взаимодействия подструктур управления конкретного элемента управления, является величиной неаддитивной и носит субъективный характер, поскольку формируется в процессе интеллектуальной деятельности людей. Согласно Дж. Стиглицу, субъективная информация не может быть совершенной, так как зависит от сознательных действий индивидов, их интересов и когнитивных качеств [11]. Таким образом, мы имеем неопределенность. Исходя из этого A_m и S_m (а следовательно, и x_m) могут изменяться случайным образом не только как функции от номера m управляющего элемента, но и во времени. Таким образом, механизм изменения A_m и S_m можем считать стохастическим. Из представленного выше следует, что иерархической модели управления могут сопутствовать случайные процессы, которым мы можем сопоставить функцию $Z(x)$ следующего вида [12]:

$$Z(x) = \left(1 + \sum_{m=1}^N A_m [h(x - x_m) - h(x - x_m - S_m)] \right) \quad (2)$$

Здесь $h(x)$ – единичная функция Хевисайда и $x_{m+1} = x_m + S_m$. На основе данного распределения моделируются многие недетерминированные процессы.

Распространение управленческой информации как волновой процесс

В литературе для описания процессов распространения информации часто применяют математический аппарат, который широко используется для исследований волновых явлений [13, 14]. В нашем случае полагаем, что поток управленческой информации можно описать при помощи волновой функции вида:

$$F(x, t) = \exp(i[Vt - x]) \quad (3)$$

Здесь переменная t – время, а V – скорость распространения информационного сигнала, определяемая как отношение суммы всех значений S_m ко времени однократного прохождения сигнала через полную совокупность управ-

ляющих элементов. Пусть $u(x,t)$ – поток информации от управляющего элемента высшего уровня иерархии управления к низшим, а $v(x,t)$ – поток информации от элемента низшего уровня иерархии управления к высшим. Таким образом, результирующий поток информации мы можем рассматривать как суперпозицию двух волн, распространяющихся навстречу друг другу. Для результирующего потока мы можем записать:

$$U(x) = u_m \exp(-ikx) + v_m \exp(+ikx). \quad (4)$$

Здесь величины u_m и v_m – комплексные амплитуды волн, распространяющихся соответственно вдоль и против оси X (см. рис. 1) и нормированные на амплитуду A , соответствующую исходному потоку информации, генерируемому тем или иным элементом управления. Отметим, что координата x может располагаться не только внутри, но и вне отдельного управляющего элемента.

В процессе прохождения информации по элементам управления происходит ее обработка при обмене данными между различными элементами управления с использованием для передачи, обработки и хранения информации как технических средств, так и людей, являющихся носителями знаний и формирующих семантически значимую информацию. Следует отметить, что результативность деятельности элемента управления во многом будет определяться его способностями по восприятию и обработке переданной ему информации. Исходя из этого, объемы исходной информации, переданные элементу управления, должны быть соизмеримы с его возможностями по ее обработке. Следует отметить, что при прохождении информационной волны по управляющим элементам необходимо учитывать ее возможные переотражения на их границах. Такое частичное отражение потока информации может быть связано со сложностью ее обработки и восприятия теми или иными элементами системы. В результате формируется информационная волна, которая распространяется в противоположную сторону по отношению к направлению распространения исходного информационного сигнала, поступившего на данный элемент управляющей системы. Для описания процессов отражения информационных волн введем операторы \hat{T}_m и \hat{T}'_m , характеризующие процессы прохождения информационных волн сквозь границу $x = x_m$ управляющего элемента соответственно в прямом и в обратном направлении оси X (см. рис. 1). Кроме того, для указанных волн будем рассмат-

ривать также коэффициенты отражения \hat{R}_m и \hat{R}'_m в направлении соответственно против и вдоль относительно оси X , также см. рис. 1. Следует отметить, что при формировании информационных потоков как в направлении оси X , так и в обратном (см. рис. 1) необходимо учитывать следующие временные задержки: 1) $\tau_{m,R}$ – временная задержка, определяемая интервалом времени между достижением прошедшей информационной волной «границной» координаты $x = x_m$ элемента управления и формированием отраженной информационной волны; 2) $\tau_{m,T}$ – временная задержка, равная интервалу времени, необходимому для выполнения m -м элементом управления по формированию проходящей информационной волны. Наличие данных временных задержек в процессе распространения информационных волн по элементам управления мы можем учесть, введя операторные множители: $\hat{\Delta}(\tau_{m,R})$ и $\hat{\Delta}(\tau_{m,T})$.

Следует отметить, что операторы $\hat{\Delta}(\tau_{m,R})$ и $\hat{\Delta}(\tau_{m,T})$ не изменяют амплитуды информационных волн, но обуславливают сдвиг моментов прихода этих волн на соответствующее время задержки. Тогда с учетом временных задержек мы можем для операторов \hat{T}_m и \hat{R}_m записать:

$$\hat{T}_m = T_m \hat{\Delta}(\tau_{m,T}) \text{ и } \hat{R}_m = R_m \hat{\Delta}(\tau_{m,R}). \quad (5)$$

Здесь T_m и R_m – доли информации, соответственно прошедшей и отраженной от границы раздела $x = x_m$ при падении на нее информационной волны слева, см. рис. 1. Аналогичным образом мы можем представить операторы $\hat{T}'_m = T'_m \hat{\Delta}(\tau_{m,T'})$ и $\hat{R}'_m = R'_m \hat{\Delta}(\tau_{m,R'})$, характеризующие соответственно прохождение и отражение информационных потоков для волны, падающей на указанную границу справа.

Как было отмечено ранее, амплитуду A_m и протяженность S_m , отвечающие m -му управляющему элементу, считаем случайными величинами. Отсюда следует стохастичность значений всех вышеуказанных коэффициентов прохождения, отражения и времен задержки. Далее полагаем, что иерархическая система является статистически однородной, то есть отвечающие T_m , R_m , T'_m и R'_m , а также соответствующим временам задержки вероятностные распределения являются одними и теми же для любого УЭ.

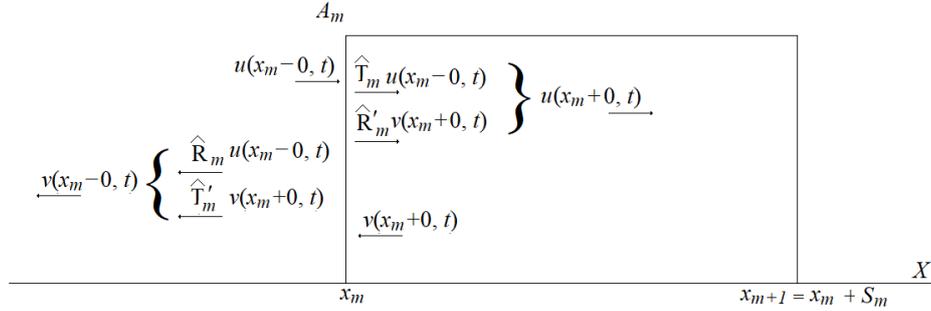

Рис. 2. Информационные потоки в окрестности границы элемента управления с координатой $x = x_m$. Здесь $u(x_m + 0, t)$ – информационный поток, распространяющийся в сторону увеличения координаты x справа от границы управляющего элемента; $u(x_m - 0, t)$ – информационный поток, распространяющийся в сторону увеличения координаты x слева от границы управляющего элемента; $v(x_m - 0, t)$ – информационный поток, распространяющийся в сторону уменьшения координаты x слева от границы управляющего элемента; $v(x_m + 0, t)$ – информационный поток, распространяющийся в сторону уменьшения координаты x справа от границы управляющего элемента

Рассмотрим произвольный элемент управления с порядковым номером m , расположенный в интервале $x \in [x_m, x_m + S_m]$ (см. рис. 1). Структуру информационных потоков в окрестности границы элемента управления с координатой x_m можно проиллюстрировать при помощи рис. 2.

Для результирующих информационных потоков в бесконечно малой окрестности левой границы элемента управления с координатой x_m , с учетом операторов, определяющих процессы прохождения и отражения информационных волн, мы можем записать:

$$u(x_m + 0, t) = \hat{T}_m u(x_m - 0, t) + \hat{R}'_m v(x_m + 0, t), \quad (5.1)$$

$$v(x_m - 0, t) = \hat{R}_m u(x_m - 0, t) + \hat{T}'_m v(x_m + 0, t). \quad (5.2)$$

После несложных преобразований соотношения (5.1) и (5.2) перепишем в виде матрично-го уравнения [15, 16]

$$\begin{bmatrix} u(x_m + 0, t) \\ v(x_m + 0, t) \end{bmatrix} = \hat{\alpha}_m \begin{bmatrix} u(x_m - 0, t) \\ v(x_m - 0, t) \end{bmatrix}. \quad (6)$$

Здесь $\hat{\alpha}_m$ – операторная матрица вида

$$\hat{\alpha}_m = \begin{bmatrix} \alpha_{m,1,1} & \alpha_{m,1,2} \\ \alpha_{m,2,1} & \alpha_{m,2,2} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \hat{T}_m - \hat{R}'_m \hat{R}_m (\hat{T}'_m)^{-1} & \hat{R}'_m (\hat{T}'_m)^{-1} \\ -\hat{R}_m (\hat{T}'_m)^{-1} & (\hat{T}'_m)^{-1} \end{bmatrix}, \quad (7)$$

где обратный оператор $(\hat{T}'_m)^{-1} = \frac{1}{T'_m} \hat{\Delta}(-\tau_{m,T'})$. В

данном случае оператор $\hat{\Delta}(-\tau_{m,T'})$ означает сдвиг на величину $\tau_{m,T'}$ в сторону уменьшения времени.

Рассмотрим пример. Пусть $u(x, t)$ и $v(x, t)$ – значения информационных потоков, распространяющихся соответственно по оси X и против оси X . Далее считаем $x_1 = 0$ и $u(0, 0) = 1$. Пусть вместо всей системы управляющих элементов есть только одна граница при $x = x_m$ (очевидно, в данном случае $v_m(x_m + 0, t) = 0$). Предположим, что в момент времени t в точку $x = x_m$ слева пришел информационный импульс $f(x_m - Vt) = u(x_m - 0, t)$. Он порождает отраженный влево (то есть против оси X) сигнал

$$\begin{aligned} v(x_m - 0, t) &= \hat{R}_m u(x_m - 0, t) = \hat{R}_m f(x_m - Vt) = \\ &= R_m \Delta(\tau_{m,R}) f(x_m + Vt) = R_m f(x_m + V[t + \tau_{m,R}]). \end{aligned} \quad (8)$$

В (8) учтено, что в соответствии с определением оператора отражения \hat{R}_m он отвечает изменению направлению движения информационного потока, что означает изменение знака перед скоростью распространения волны.

Следовательно, согласно (6) и (7) прошедший информационный сигнал может быть записан в виде

$$\begin{aligned} u(x_m + 0, t) &= \left\{ \hat{T}_m - \hat{R}'_m \hat{R}_m (\hat{T}'_m)^{-1} \right\} u(x_m - 0, t) + \\ &+ \hat{R}'_m (\hat{T}'_m)^{-1} v(x_m - 0, t) = \\ &= \left\{ \hat{T}_m - \hat{R}'_m \hat{R}_m (\hat{T}'_m)^{-1} \right\} u(x_m - 0, t) + \\ &+ \hat{R}'_m (\hat{T}'_m)^{-1} u(x_m - 0, t) = \\ &= \hat{T}_m u(x_m - 0, t) = T_m \hat{\Delta}(\tau_{m,T}) f(x_m - Vt) = \\ &= T_m f(x_m - V[t + \tau_{m,T}]). \end{aligned} \quad (9)$$

Как видно на примере проведенных вычислений, все операторы $\hat{T}_m, \hat{R}_m, \hat{T}'_m, \hat{R}'_m$, равно как и обратные к ним, являются коммутативными.

Очевидно, что после пересечения точки x_m начала области УЭ информация передается к другой его границе $x = x_m + S_m$. Этот процесс описывается транспонируемой матрицей \hat{b}_m , удовлетворяющей соотношению

$$\begin{bmatrix} u(x_m + S_m - 0, t) \\ v(x_m + S_m - 0, t) \end{bmatrix} = \hat{b}_m \begin{bmatrix} u(x_m + 0, t) \\ v(x_m + 0, t) \end{bmatrix}. \quad (10)$$

Будем считать, что потери данных при этом не происходит, а время, необходимое на прохождение сигнала внутри данного управляющего элемента между точками x_m и $x_m + S_m$, учитывается введенным выше параметром $\tau_{m,T}$. Это означает, что определенная ранее составляющая $\tau_{m,T}$, отвечающая временной задержке при пересечении информационным сигналом границы $x = x_m$ (в направлении от $x_m - 0$ к $x_m + 0$), теперь будет содержать и слагаемое, равное времени транспортировки сигнала между точками $x_m + 0$ и $x_m + S_m - 0$. Аналогичное условие определим для интервала времени $\tau_{m,T'}$, включая в него время распространения информационного сигнала между точками $x_m + S_m + 0$ и $x_m - 0$. В итоге собственно транспортная матрица \hat{b}_m запишется как $\hat{b}_m = \begin{bmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{bmatrix}$, вследствие чего

$$\hat{b}_m \hat{a}_m = \hat{a}_m \quad (11)$$

и при дальнейших вычислениях \hat{b}_m можем не учитывать.

Из (10) и (11) получаем:

$$\begin{bmatrix} u(x_m + S_m - 0, t) \\ v(x_m + S_m - 0, t) \end{bmatrix} = \hat{a}_m \begin{bmatrix} u(x_m - 0, t) \\ v(x_m - 0, t) \end{bmatrix}. \quad (12)$$

Соотношение (12) позволяет, в частности, вычислить оператор $\hat{T}_{1,N}$ и для коэффициента прохождения сигнала (3) через весь ансамбль управляющих элементов и также оператор $\hat{R}_{1,N}$ для коэффициента отражения волны $\exp(i[Vt - x])$ от указанного полного ансамбля. Это равносильно определению доли прошедшего через всю совокупность управляющих элементов исходного сигнала, а также той части информации, которая не была воспринята управляющей системой и вернулась обратно в управляющий элемент, находящийся на вершине иерархии управления. Оценка величины информации, не воспринятой управляющими

элементами, позволяет качественно характеризовать их возможности по восприятию и обработке информации в процессе обеспечения формирования управленческих решений.

Действительно, пусть ансамбль управляющих элементов содержит N элементов. При этом $v(x_N + S_N + 0, t) = 0$, поскольку справа от границы $x_N + S_N$ последнего элемента иерархической системы нет отраженного сигнала. В таком случае имеет место соотношение

$$\begin{bmatrix} u(x_N + S_N + 0, t) \\ 0 \end{bmatrix} = \hat{A}_{1,N} \begin{bmatrix} u(0, t) \\ v(0, t) \end{bmatrix}, \quad (13)$$

где матрица

$$\hat{A}_{1,N} = \begin{bmatrix} \hat{A}_{1,1}^{(1,N)} & \hat{A}_{1,2}^{(1,N)} \\ \hat{A}_{2,1}^{(1,N)} & \hat{A}_{2,2}^{(1,N)} \end{bmatrix} = \prod_N \hat{a}_n. \quad (14)$$

Ее элементы $\hat{A}_{ij}^{(1,N)}$, $\{i, j\} = 1, 2$, однозначно задаются набором матриц \hat{a}_n в (12).

В виде пояснения к (14) отметим, что согласно (13) и с учетом условия $x_1 = 0$ получаем

$$\begin{aligned} \begin{bmatrix} u(x_1 + S_1 - 0, t) \\ v(x_1 + S_1 - 0, t) \end{bmatrix} &= \hat{a}_1 \begin{bmatrix} u(x_1 - 0, t) \\ v(x_1 - 0, t) \end{bmatrix}, \\ \begin{bmatrix} u(x_2 + S_2 - 0, t) \\ v(x_2 + S_2 - 0, t) \end{bmatrix} &= \hat{a}_2 \begin{bmatrix} u(x_1 + S_1 - 0, t) \\ v(x_1 + S_1 - 0, t) \end{bmatrix} = \\ &= \hat{a}_1 \hat{a}_2 \begin{bmatrix} u(x_1 - 0, t) \\ v(x_1 - 0, t) \end{bmatrix} \end{aligned}$$

и т.д. В итоге приходим к правой части (13) в виде произведения матриц $\hat{a}_N \dots \hat{a}_2 \hat{a}_1$ на вектор-столбец потоков информации при $x = 0$. Из (13) и (14) после элементарных преобразований получаем:

$$\begin{aligned} \hat{T}_{1,N} &= \hat{A}_{1,1}^{(1,N)} - \hat{A}_{1,2}^{(1,N)} [\hat{A}_{2,2}^{(1,N)}]^{-1} \hat{A}_{2,1}^{(1,N)}, \\ \hat{R}_{1,N} &= -[\hat{A}_{2,2}^{(1,N)}]^{-1} \hat{A}_{2,1}^{(1,N)}. \end{aligned} \quad (15)$$

С учетом (15) нетрудно определить значения $u(x_m + 0, t)$ и $v(x_m + 0, t)$ из (6) при $m = 1, 2, \dots, N$, а также величины $u(x_m + S_m + 0, t)$ и $v(x_m + S_m + 0, t)$. Особый интерес представляет значение $u(x_N + S_N + 0, t) = \hat{T}_{1,N} u(0, t) = \hat{T}_{1,N}$, см. (13), абсолютная величина которого определяет долю полезной информации, дошедшую до потребителя после прохождения всей совокупности управляющих элементов. При дальнейших вычислениях полагаем, что для любого управляющего элемента имеют место соотношения

$$T_m + R_m = 1, \quad T'_m + R'_m = 1, \quad (16)$$

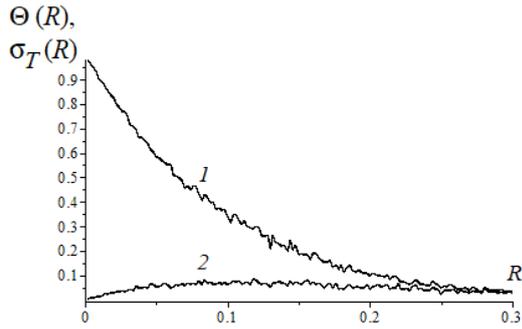

Рис. 3а. Зависимость усредненного модуля коэффициента прохождения $\Theta(R)$ (кривая 1) и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R)$ (кривая 2) в случае равномерного распределения R_m от ширины распределения

$$R = \frac{R_{\max}}{2} \text{ при } N=10 \text{ и } \tau=15$$

выражающие условие сохранения информации в момент пересечения границ соответствующего управляющего элемента.

Анализ иерархии управления экономической системы

В качестве характеристики всей иерархии управления экономической системы, состоящей из N элементов, может выступать усредненный модуль коэффициента прохождения $\Theta(R) = \langle |T_{1,N}| \rangle$. На рис. 3 показана зависимость усредненного модуля коэффициента прохождения $\Theta(R) = \langle |T_{1,N}| \rangle$ (кривая 1) и стандарта флуктуаций $\sigma(R) = \sqrt{\langle |T_{1,N}|^2 \rangle - \Theta^2}$ (кривая 2) для сигнала, принимаемого в точке $x = x_N + S_N + 0$. Здесь $R = \langle R_m \rangle$ есть среднее значение коэффициента отражения информационного потока от границы между соседними элементами управления. При этом считаем, что при всех m вещественным случайным величинам R_m отвечают одинаковые вероятностные распределения, совпадающие с распределениями для R'_m . С учетом (16) это означает выполнение аналогичного условия для ансамблей значений T_m и T'_m . При вычислениях $\Theta(R)$ и $\sigma_T(R)$ реализовано усреднение по 300 независимым реализациям. С учетом (4) операторные множители $\hat{\Delta}(\tau_{m,T})$, $\hat{\Delta}(\tau_{m,T'})$, $\hat{\Delta}(\tau_{m,R})$ и $\hat{\Delta}(\tau_{m,R'})$ при расчетах заданы в виде экспоненциальных коэффициентов $\exp(-i\tau_{m,T})$, $\exp(-i\tau_{m,T'})$, $\exp(-i\tau_{m,R})$ и $\exp(-i\tau_{m,R'})$ соответственно. При этом доля информации, прошедшей от

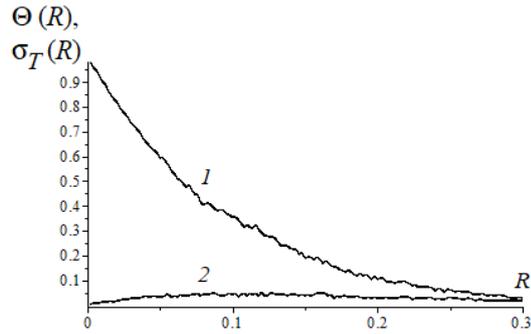

Рис. 3б. Зависимость усредненного модуля коэффициента прохождения $\Theta(R)$ (кривая 1) и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R)$ (кривая 2) при нормальном распределении R_m

верхнего уровня иерархии управления через всю совокупность управляющих элементов, равна $|\hat{T}_{1,N}|$, а часть информации, отраженной назад к верхнему уровню иерархии управления, составляет $|\hat{R}_{1,N}|$. С целью верификации применяемой методики было проверено точное выполнение соотношения $|\hat{T}_{1,N}| + |\hat{R}_{1,N}| = 1$.

На рис. 3 приведены зависимости среднего значения и стандарта флуктуаций для значений коэффициента прохождения информации через управляющую систему, содержащую $N=10$ управляющих элементов.

Результаты расчетов, представленные на рис. 3а, соответствует равномерному распределению случайной величины R_m на интервале $[0, R_{\max}]$; в данном случае координаты по оси абсцисс соответствуют среднему значению $R = \frac{R_{\max}}{2}$. Кроме того, полагаем, что случайные величины $\tau_{m,T}$, $\tau_{m,R}$, $\tau_{m,T'}$ и $\tau_{m,R'}$, где $m=1 \dots N$, определяющие задержку при отражении ($\tau_{m,R}$ и $\tau_{m,R'}$) сигнала от границы $x = x_m$ управляющего элемента номер m , его прохождении сквозь нее ($\tau_{m,T}$ и $\tau_{m,T'}$) и распространении внутри указанного звена иерархической системы, обладают одинаковой плотностью вероятности, отвечающей равномерному распределению на интервале $[0, \tau]$. Расчеты проведены для $\tau=15$.

Рисунок 3б отвечает нормальному распределению значений R_m вида $N(R, R/3)$ со

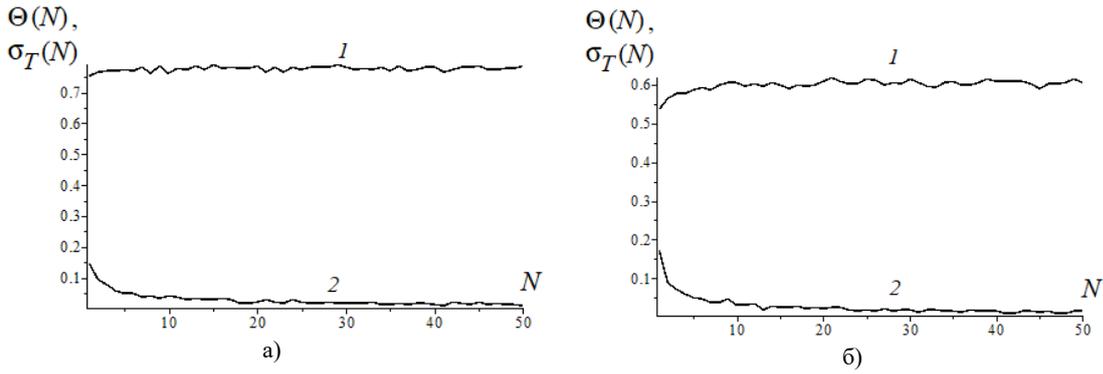

Рис. 4. Зависимость среднего коэффициента прохождения $\Theta(N)$, соответствующего усредненному коэффициенту отражения $R=R/N$, от числа N управляющих элементов при $R=0.5$; а) равномерное распределение коэффициента отражения от отдельного УЭ; б) нормальное распределение коэффициента отражения от отдельного УЭ

средним $R = \langle R_m \rangle$ и стандартом флуктуаций $R/3$. Здесь случайные величины $\tau_{m,T}, \tau_{m,R}, \tau_{m,T'}$ и $\tau_{m,R'}$ также обладают нормальным распределением вида $N(\tau, \tau/3)$, где $\tau = 7.5$. Параметры рис. 3б подобраны с тем, чтобы эффективные интервалы изменения случайных величин R_m и $\tau_{m,T}, \tau_{m,R}, \tau_{m,T'}, \tau_{m,R'}$ были подобны соответствующим промежуткам для условий рис. 3а.

Из анализа рис. 3а и 3б следует, что с увеличением среднего значения коэффициента отражения величина $\Theta(R)$ монотонно убывает (с точностью до пренебрежения мелкомасштабными вариациями). Как при равномерном распределении значений R_m (см. рис. 3а), так и в случае их нормального распределения такое убывание носит характер, близкий к экспоненциальному. Изображенные на рис. 3а и 3б зависимости $\Theta(R)$ мало отличаются друг от друга. Это же справедливо и для $\sigma_T(R)$, но в обоих рассмотренных случаях стандарт флуктуаций при увеличении R квазимоноotonно возрастает (также при исключении из рассмотрения мелкомасштабных флуктуаций). Отметим также, что распределение времени случайной задержки $\tau_{m,T}, \tau_{m,R}, \tau_{m,T'}$ и $\tau_{m,R'}$ сигнала управления слабо влияет на свойства зависимости $\Theta(R)$.

По данным зависимостей, представленных на рис. 3, можно оценить значения R , при которых будет наблюдаться потеря управляемости экономической системы (управленческий хаос). Такая ситуация будет реализовываться, когда величина Θ становится соизмеримой с величиной $\kappa \sigma_T$, где $\kappa = 2 \div 3$. Для обоих рассмотренных распределений такого рода соизмеримость наступает в области $R \geq 0.075 \div 0.1$.

Кривые на рис. 3 определяют зависимость $\Theta(R)$ при заданном числе управляющих элементов в иерархической системе. Вместе с тем представляет интерес изучение вопроса о свойствах среднего коэффициента прохождения Θ как функции от числа N управляющих элементов при условии, что средний модуль коэффициента отражения от одного УЭ также зависит от N . Для определения вида этой функции будем считать, что средний коэффициент отражения от одного управляющего элемента может быть записан в виде

$$R = R/N. \tag{17}$$

На рис. 4 приведены графики среднего коэффициента прохождения $\Theta(N)$, отвечающие зависимости усредненного коэффициента отражения R вида (17) от числа N управляющих элементов. Здесь принято $R = R/N$, где $R = 0.5$. При расчетах, отвечающих рис. 4, усреднение проводится по 300 реализациям. Как и на рис. 3, зависимости 1 и 2 отвечают соответственно среднему значению $\Theta(N)$ и стандарту флуктуаций $\sigma_T(R) = \sqrt{\langle |T_{1,N}|^2 \rangle - \Theta^2}$.

Рисунок 4а отвечает равномерному распределению $U(0, R/N)$ значений R_m на интервале $[0, R/N]$ при всех значениях индекса $m = 1..N$. Распределение значений случайных величин $\tau_{m,T}, \tau_{m,R}, \tau_{m,T'}, \tau_{m,R'}$, $m = 1..N$, принято тем же, что и для рис. 3а.

Рисунок 4б отвечает нормальному распределению значений R_m вида $N[R/N, R/(3N)]$ со средним R/N и стандартом флуктуаций $R/(3N)$. Параметры данного распределения выбраны с тем, чтобы его эффективная ширина была такой же, что и для равномерной плотности вероятности на рис. 4а. Распределение значений случай-

ных величин $\tau_{m,T}, \tau_{m,R}, \tau_{m,T'}$ и $\tau_{m,R'}$, $m=1..N$, принято тем же, что и для рис. 3б.

В отличие от рис. 3, здесь среднее значение коэффициента прохождения Θ , рассматриваемое как функция от общего числа N элементов управления, при равномерном распределении R_m оказывается несколько большим, чем когда ансамбль значений R_m отвечает гауссовой плотности вероятности. При этом зависимости для стандарта флуктуации для обоих рассматриваемых распределений почти совпадают.

Как следует из рис. 4, предлагаемая методика позволяет при увеличении числа УЭ в иерархической системе определить необходимое изменение параметров работы каждого управляющего элемента, при котором количество информации на выходе не уменьшится. И наоборот, в случае сокращения полного числа УЭ, что способно вызвать дополнительную нагрузку на персонал, применение предлагаемого в этой статье подхода позволяет рассчитать максимально возможный средний коэффициент отражения (то есть долю невосприятия УЭ входящего информационного потока), при котором процент дошедшей до потребителя полезной информации не уменьшится.

Заключение

Анализ информационных обменов с позиции волновых процессов в обеспечении управления экономической системой в рамках иерархической модели управления позволяет:

1) характеризовать процессы прохождения информации по элементам иерархии управления при помощи коэффициентов прохождения и отражения;

2) на основе значения среднего коэффициента отражения для отдельного управляющего элемента определить долю управляющей информации, не воспринимаемой этим элементом, что может выступать качественной характеристикой его когнитивных свойств по восприятию и обработке информации в обеспечение формирования управленческих решений;

3) по величине коэффициента отражения определить момент потери управляемости экономической системы;

4) рассчитать изменение коэффициента прохождения информации по элементам иерархии управления экономической системы с учетом стохастического характера поведения коэффициента отражения;

5) рассчитать изменение коэффициента прохождения информации сквозь всю иерархическую систему управления в зависимости от числа составляющих ее элементов управления.

Список литературы

1. Клейнер Г.Б. Роль предприятий в современной экономике // В кн.: Введение в институциональную экономику / Под ред. Д.С. Львова. М.: Изд-во «Экономика», 2005. С. 350.
2. Краснов А.А. Человеческий фактор в управлении экономической системой // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3 (51). С. 24–34.
3. Краснов А.А. Возникновение и особенности квазиустойчивых состояний экономических систем // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 2 (51). С. 15–22.
4. Дзюба С.А. Приложение теории информации к теории фирмы // Теория и методы принятия решений. Новосибирск: Наука, 2009. С. 117–129.
5. Винер Н. Кибернетика. М.: Советское радио, 1968. 728 с.
6. Бурков В.Н., Кондратьев В.В. Механизмы функционирования организационных систем. М.: Наука, 1981. 340 с.
7. Воронин А.А., Губко М.В., Мишин С.П., Новиков Д.А. Математические модели организаций. М.: ЛЕНАНД, 2008. 360 с.
8. Воронин А.А., Мишин С.П. Оптимальные иерархические структуры. М.: ИПУ РАН, 2003. 270 с.
9. Герасимов Б.И., Шубин А.В., Романов А.П. Моделирование организационной структуры промышленного предприятия. Тамбов: ТГТУ, 2005. 86 с.
10. Milward H.B., Provan K.G. Principles for controlling agents: The political economy of network structure // Journal of Public Administration Research and Theory. 1998. Vol. 8. № 2. P. 203–221.
11. Stiglitz J.E., Weiss A. Credit rationing in markets with imperfect information // American Economic Review. 1981. Vol. 71. № 3. P. 393–410.
12. Талей Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Колибри, 2012. 525 с.
13. Гуц А.К., Коробицин В.В., Паутова Л.А., Фролова Ю.В. Математические модели социальных систем. Омск: ОГУ, 2000. 179 с.
14. Шилов Г.Е. Математический анализ (конечномерные линейные пространства). М.: Наука, 1962. 450 с.
15. Ланкастер П. Теория матриц. М.: Наука, 1973. 520 с.
16. Булдырев В.С., Павлов Б.С. Линейная алгебра и функции нескольких переменных. Л.: ЛГУ, 1985. 350 с.
17. Нахушев А.М. Уравнения математической биологии. М.: Высшая школа. 1995. 301 с.
18. Болотнов А.В. Информационные волны и их типы в современном медиадискурсе: к постановке проблемы // Вестник ТПИУ. 2015. № 6 (159). С. 102–110.

**ANALYSIS OF INFORMATION PROCESSES IN THE FORMATION OF MANAGEMENT DECISIONS
IN CONCEPTS OF HIERARCHICAL MODEL OF ECONOMIC SYSTEM MANAGEMENT***L.P. Kogan¹, A.A. Krasnov¹, A.V. Serber²*¹Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering²Institute of Applied Physics RAS, Nizhny Novgorod

The paper presents studies of information exchanges in the implementation of a hierarchical model of economic system management. The process of passing information with its corresponding processing through the control elements from the highest level of the control hierarchy to the lowest and vice versa was characterized using the appropriate operators (coefficients). As a characteristic of the entire management hierarchy of an economic system consisting of N elements, we considered the average module of the information flow coefficient. The obtained analytical data allow us to estimate the conditions under which there will be a loss of manageability of the economic system (managerial chaos). The paper studies the properties of the average coefficient of information transmission as a function of the number of N control elements. It is established that with the growth of the number of control elements, information flows are stabilized, provided that the share of information not perceived by these elements decreases inversely with N .

Keywords: economic system, control element hierarchical management model, information flow.

УДК 519.86

К ВОПРОСУ О ТОЧНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА В ЗАДАЧЕ МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОГО ВЫБОРА И СПОСОБЕ КОМПЕНСАЦИИ ОШИБОК В ИХ ОПРЕДЕЛЕНИИ

© 2020 г.

Д.Н. Лапаев, Ю.М. Максимов, С.Н. Митяков

Лапаев Дмитрий Николаевич; д.э.н.; проф.; заместитель директора по научной работе
Института экономики и управления
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
innov@nntu.ru

Максимов Юрий Михайлович; д.т.н.; проф.; профессор кафедры цифровой экономики
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
kaf-etie@mail.ru

Митяков Сергей Николаевич; д.ф.-м.н.; проф.; директор Института экономики и управления
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
ineu@nntu.ru

*Статья поступила в редакцию 08.04.2020**Статья принята к публикации 29.05.2020*

Во многих случаях получение численных значений векторного критерия сложной системы может быть обеспечено только путем математического исследования модели системы либо ее численного моделирования. Однако известно, что математические модели являются лишь упрощенным (приближенным) описанием реального объекта. Следствием этого становится появление искажений численных значений векторного критерия, что приводит к возникновению ошибок при решении задачи многокритериального выбора. В данной работе предлагается методика коррекции упрощенных моделей. В основу авторской методики положено формирование специальных сигналов коррекции. Параметры этих сигналов определяются в результате процесса идентификации, обеспечивающего сходимость переходных процессов модели и реального объекта.

Ключевые слова: показатели качества, многокритериальный выбор, система критериев, математическое моделирование процесса.

Введение

Как известно, задача многокритериального выбора состоит в нахождении варианта (способа действия) z , который обеспечивает максимизацию (либо минимизацию) системы критериев $f_1(z), f_2(z), \dots, f_n(z)$. При этом все эти функции определены на некотором множестве возможных решений $Z \subset R^S$, и априори предполагается, что они могут быть точно измерены либо вычислены. Даже если рассматривать чисто детерминированную задачу, то такая её постановка всё же содержит неопределённость, которая связана с противоречивостью системы критериев: улучшение процесса по одному критерию неминуемо ухудшает процесс по другому. Возникает, как говорят, неопределённость цели выбора, а сам выбор приобретает характер компромисса. Вопрос в том, где границы этого компромисса. Например, в случае двух критериев компромисс может состоять в удовлетворении критериев в пропорции 50:50, либо 30:70, либо 70:30 и так далее. Решению этой проблемы посвящены многочисленные работы, в том числе основан-

ные на предложении известного итальянского экономиста В. Парето [1–17].

В данной работе мы рассмотрим ещё один механизм возникновения неопределённости цели в задаче многокритериального выбора. Этот механизм связан со способом получения численных значений системы критериев. При этом отметим, что рассматриваемая система критериев может быть получена либо путем прямого измерения, либо в результате моделирования процесса с использованием его математической модели. Однако прямое измерение может быть произведено только в результате натурального эксперимента. Этот путь во многих случаях оказывается проблематичным, так как современные системы характеризуются высокой сложностью и проведение натуральных экспериментов связано с их непозволительно высокой стоимостью, а в ряде случаев (макроэкономика, экология и др.) натурные эксперименты становятся вовсе невозможными либо чересчур рискованными. Таким образом, основным способом получения численных значений системы критериев является математическое моделирование процесса.

При разработке математических моделей какой-либо реальной системы мы всегда вынуждены в большей или меньшей степени упрощать, или, как говорил академик А.А. Андронов [18], идеализировать, свойства рассматриваемой системы. Идеализация объекта исследования неизбежно ведёт к приближенности (приблизительности) описания, отображения действительности. В результате расчётные переходные процессы всегда будут отличаться от реальных переходных процессов в действующей системе. Иногда достаточно качественного совпадения реальных и расчётных процессов. В других ситуациях необходима их количественная близость.

Подытожим вышеизложенное следующим образом. Использование математических моделей всегда ведёт к приближенному описанию действительности, а следовательно, к погрешностям в определении критериев качества функционирования системы. При этом возникает вопрос: насколько точно отображают реальность наши вычисления? Не происходит ли в результате накопления погрешностей и применения известных методик многокритериального выбора выбор ошибочного решения? По сути дела, ответ на этот вопрос лежит в определении возможностей коррекции упрощенной модели таким образом, чтобы её реакции достаточно точно отражали реакции реальной системы. Можно ли это сделать? В данной работе рассматривается ответ на этот вопрос.

Итак, попытаемся математическими методами оценить точность описания упрощенной моделью реального процесса. Попробуем это сделать в классе линейных систем.

Теоретико-методологические подходы

Пусть исследуемый объект описывается линейными уравнениями

$$\begin{aligned} \dot{x}(t) &= Ax(t) + Bu(t) \\ y(t) &= Cx(t), \end{aligned} \quad (1)$$

где $x(t) \in R^N$ – вектор состояния, $u(t) \in R^m$ – вектор управления, $y(t) \in R^l$ – вектор наблюдаемых переменных; A, B, C – постоянные матрицы соответствующих размерностей.

Будем предполагать, что уравнения (1) нам неизвестны. Известно лишь идеализированное, упрощенное описание, выраженное моделью

$$\begin{aligned} \dot{x}_m(t) &= A_m x_m(t) + B_m u(t) \\ y_m(t) &= C_m x_m(t), \end{aligned} \quad (2)$$

где $x_m(t) \in R^{n_1}$, $y_m(t) \in R^l$, $u(t) \in R^m$; A_m, B_m, C_m – постоянные матрицы соответствующих размерностей. При этом будем предполагать, что размерность упрощенной модели меньше (иногда много меньше) размерности реального

объекта ($n_1 < N$), а параметры отличаются от их истинных значений.

Разобьем вектор состояния $x(t)$ на две части: $x(t) = \text{col}(x_1(t), x_2(t))$, где $x_1(t) \in R^{n_1}$ – часть вектора состояния $x(t)$, моделируемая вектором $x_m(t)$, $x_2(t) \in R^{N-n_1}$ – часть вектора состояния $x(t)$, не учитываемая моделью (2) (это немоделируемая, отбрасываемая исследователем часть вектора состояния). Разбиение вектора $x(t)$ на две части естественным образом декомпозирует уравнения (1) на две взаимодействующие подсистемы

$$\begin{aligned} \dot{x}_1(t) &= A_{11}x_1(t) + A_{12}x_2(t) + B_1u(t), \\ \dot{x}_2(t) &= A_{21}x_1(t) + A_{22}x_2(t) + B_2u(t), \\ y(t) &= C_1x_1(t) + C_2x_2(t), \end{aligned} \quad (3)$$

где A_{ij}, B_i, C_i ($i, j = 1, 2$) – блоки матриц A, B, C соответствующих размерностей. Будем полагать, что первая подсистема доминирует в описании реального объекта и моделируется упрощенной моделью (2). Вторая подсистема является структурным возмущением к первой.

Уравнения доминирующей подсистемы могут быть представлены в терминах матриц упрощенной модели следующим образом

$$\begin{aligned} \dot{x}_1(t) &= A_m x_1(t) + B_m u(t) + \varepsilon_x(u, t), \\ y(t) &= C_m x_1(t) + \varepsilon_y(u, t), \end{aligned} \quad (4)$$

где $\varepsilon_x(u, t) = (A_{11} - A_m)x_1(t) + (B_1 - B_m)u(t) + A_{12}x_2(t)$, $\varepsilon_y(u, t) = (C_1 - C_m)x_1(t) + C_2x_2(t)$.

Из уравнений (4) следует, что упрощенная модель может быть скорректирована векторными сигналами $\varepsilon_x(u, t)$ и $\varepsilon_y(u, t)$ таким образом, что описание доминирующей подсистемы становится точным. Эти векторные сигналы мы будем называть сигналами коррекции соответственно по состоянию и по наблюдаемым переменным. Природа этих сигналов связана с наличием параметрических и размерностных (структурных) ошибок упрощенной модели относительно реального объекта.

Уравнение (4) устанавливает взаимосвязь между реальным объектом и его упрощенным описанием. При этом если получить возможность идентифицировать сигналы коррекции по наблюдениям входов-выходов реального объекта и упрощенной модели, то это открывает возможности количественной оценки несоответствия модели и реального объекта.

Перейдём к рассмотрению этой задачи. При этом сделаем следующие предположения:

- наблюдаемые переменные являются линейными комбинациями лишь моделируемых компонент вектора состояний ($\varepsilon_y(u, t) = 0 \forall t \geq 0$);

- наряду с матрицами A_m, B_m, C_m известен весь спектр объекта (1), который является конечным и насчитывает N собственных чисел (мод).

Сделанные предположения позволяют описать сигнал $\varepsilon_x(u, t)$ в виде разложения

$$\varepsilon_x(u, t) = \sum_{i=0}^N \lambda_i g_i(t), \quad (5)$$

где вектор-функции $g_i(t) \in R^m$ определяются свёртками

$$g_i(t) = \int_0^t f_i(t - \tau) u(\tau) d\tau.$$

Здесь $f_i(t) = \exp(p_i t)$, p_i – значение i -моды объекта (1), $g_0(t) = u(t)$ при $\forall t \geq 0$, $\lambda_i \in R^{n \times m}$ – матричные коэффициенты разложения, которые являются неизвестными в силу неизвестности параметрических ошибок и ошибок в размерности упрощенной модели относительно реального объекта.

Разложение (5) сводит задачу определения сигнала коррекции $\varepsilon_x(u, t)$ к задаче параметрической идентификации его матричных коэффициентов. Эта задача может быть решена математически строго [19]. Опуская промежуточные и достаточно громоздкие выкладки, приведём конечный результат этой работы в виде алгоритмов идентификации неизвестных матричных коэффициентов разложения

$$\frac{d\tilde{\lambda}_i}{dx} = \alpha_i R^{-1} C_M M \Delta y(t) g_i^t(t), \quad (6)$$

где $\alpha_i > 0$ – скалярные величины, M и R – положительно определённые матрицы, участвующие в формировании функции Ляпунова, $\Delta y(t) = y(t) - \tilde{y}(t)$ – невязка векторов наблюдаемых переменных модели и реального объекта, $\tilde{\lambda}_i(t)$ – оценка матриц неизвестных параметров. При этом алгоритм (6) обеспечивает выполнение условий

$$\lim_{t \rightarrow \infty} \tilde{\lambda}_i(t) = \lambda_i,$$

означающих сходимость оценок матриц неизвестных параметров к их истинным значениям.

Необходимость вычисления при моделировании процесса идентификации свёрток (6) вносит значительные проблемы. В этой связи возникает необходимость рассмотреть вопрос о реализуемости системы вектор-функций $\{g_1(t), g_2(t) \dots g_N(t)\}$.

Учитывая замкнутость системы функций $f_i(t) = \exp(p_i t)$ относительно операции дифференцирования

$$\dot{f}(t) = Df(t), \quad (7)$$

где D – матрица дифференцирования, можно синтезировать линейную систему, выходом которой является система вектор-функций $\{g_1(t), g_2(t) \dots g_N(t)\}$. Действительно, введём матрицу $\tilde{F}^+ = [F_1^+, F_2^+, \dots, F_N^+] \in R^{(mN) \times m}$, где $F_i^+ = If_i \in R^{m \times m}$. Связь между $\tilde{g}(t) = [g_1(t), g_2(t) \dots g_N(t)]^T$ и \tilde{F}^+ на основании (6) устанавливается следующим образом

$$\tilde{g}(t) = \int_0^t \tilde{F}^+(t - \tau) u(\tau) d\tau. \quad (8)$$

Продифференцируем (8) по времени:

$$\dot{\tilde{g}}(t) = \tilde{F}^+(0) u(t) + \int_0^t \frac{d\tilde{F}^+(\xi)}{d\xi} u(\tau) d\tau, \quad (9)$$

где $\xi = t - \tau$. Так как $\dot{f}(t) = Df(t)$, то и $\tilde{F}^+ = \tilde{D}\tilde{F}^+$, где \tilde{D} – матрица дифференцирования, дополненная соответствующим образом до размерности $(mN) \times (mN)$. Таким образом, приходим к выражению

$$\dot{\tilde{g}}(t) - \tilde{D}\tilde{g}(t) = \tilde{F}^+(0)u(t). \quad (10)$$

Выходом динамической системы (10) является система вектор-функций $\{g_1(t), g_2(t) \dots g_N(t)\}$.

Иллюстрируем теорию, изложенную выше, следующим примером. Пусть реальный объект описывается уравнениями вида

$$\begin{bmatrix} \dot{x}_1 \\ \dot{x}_2 \\ \dot{x}_3 \\ \dot{x}_4 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} -14.7 & -267.38 & 0 & 0 \\ 1.12 & 0 & -1.12 & 0 \\ 0.01 & 7.1 & -0.53 & -7.05 \\ 0 & 0 & 38.46 & 0 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} 267.38 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{bmatrix} u(t), \quad (11)$$

где x_1, x_2, x_3, x_4 – переменные состояния реального объекта. При этом измеряется лишь переменная $x_2(t)$. Это определяет уравнение наблюдения в виде

$$y(t) = [0 \ 1 \ 0 \ 0][x_1 \ x_2 \ x_3 \ x_4]^T. \quad (12)$$

Опишем систему (11) упрощенной моделью

$$\begin{bmatrix} \dot{x}_1 \\ \dot{x}_2 \end{bmatrix}_M = \begin{bmatrix} -14.7 & -267.38 \\ 1.09 & 0 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} x_1 \\ x_2 \end{bmatrix}_M + \begin{bmatrix} 267.38 \\ 0 \end{bmatrix} u(t), \quad (13)$$

$$y(t) = [0 \ 1][x_1 \ x_2]^T.$$

При этом размерность упрощенной модели меньше размерности реального объекта. Имеются и параметрические ошибки, так как динамическая матрица упрощенной модели не совпадает с соответствующим блоком динамической матрицы реального объекта.

Упрощенная модель (13), скорректированная сигналом коррекции, выглядит следующим образом

$$\begin{bmatrix} \dot{\tilde{x}}_1 \\ \dot{\tilde{x}}_2 \end{bmatrix}_M = \begin{bmatrix} -14.7 & -267.38 \\ 1.09 & 0 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} \tilde{x}_1 \\ \tilde{x}_2 \end{bmatrix}_M + \begin{bmatrix} 267.38 \\ 0 \end{bmatrix} u(t) + \begin{bmatrix} \lambda_{11} & \lambda_{12} & \lambda_{13} & \lambda_{14} \\ \lambda_{21} & \lambda_{22} & \lambda_{23} & \lambda_{24} \end{bmatrix} \begin{bmatrix} g_1 \\ g_2 \\ g_3 \\ g_4 \end{bmatrix} \quad (14)$$

$$y_M(t) = [0 \ 1][\tilde{x}_1 \ \tilde{x}_2]^T_M,$$

где λ_i – неизвестные параметры сигнала коррекции.

Здесь опять возникает проблема реализуемости вектор-функции $g(t) = \text{col}\{g_1(t), g_2(t) \dots g_N(t)\}$. Однако в данном случае вектор-функция $g(t)$ может быть легко выражена через вектор-функцию $f(t) = \text{col}[f_1(t), f_2(t), \dots, f_N(t)]$, что также избавляет от прямого вычисления интегралов свёртки или решения дополнительной

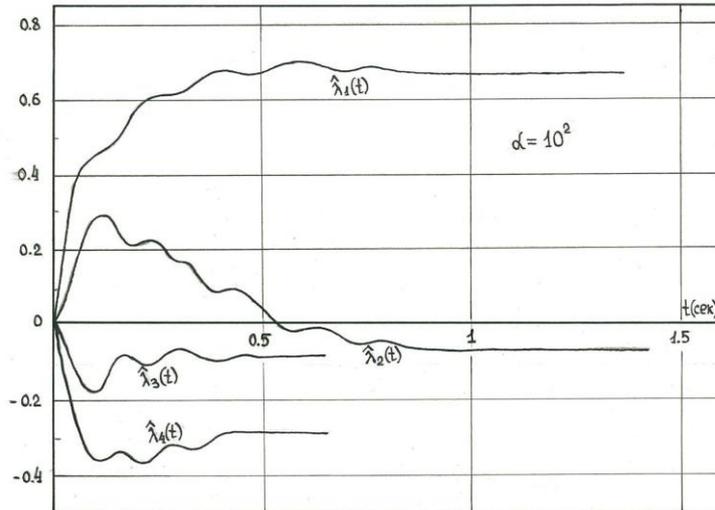

Рис. 1

системы дифференциальных уравнений. Действительно, пусть на вход объекта подаётся единичная ступенька: $u(t) = 1(t)$. В этом случае имеем

$$g(t) = \int_0^t f(t-\tau) d\tau. \quad (15)$$

Учитывая замкнутость вектор-функции $f(t)$ относительно операции дифференцирования, нетрудно получить, что

$$g(t) = D^{-1}(f(t) - f(0)). \quad (16)$$

С учетом (16) сигнал коррекции приобретает вид

$$\varepsilon_x(t) = \lambda g(t) = \lambda D^{-1}(f(t) - f(0)).$$

Покажем, что $\lambda D^{-1}f(0)$ – нулевой вектор. С этой целью рассмотрим уравнения скорректированной упрощенной системы

$$\begin{aligned} \dot{x}_1 &= -14.706 x_1 - 267.38 x_2 + 267.38 + \\ &+ \lambda_{11}^* f_1(t) + \lambda_{12}^* f_2(t) + \lambda_{13}^* f_3(t) + \lambda_{14}^* f_4(t) + \tau_1, \\ \dot{x}_2 &= 1.09 x_1 + \lambda_{21}^* f_1(t) + \lambda_{22}^* f_2(t) + \lambda_{23}^* f_3(t) + \\ &+ \lambda_{24}^* f_4(t) + \tau_2, \end{aligned}$$

где матрица $\lambda^* = \lambda D^{-1}$. При $t \rightarrow \infty$ имеем: $f_i(\infty) = 0$ ($i = 1 \div 4$), $x_1(\infty) = 0$, $x_2(\infty) = 1$, $\dot{x}_1(\infty) = \dot{x}_2(\infty) = 0$. Учитывая последнее, находим, что $\tau_1 = \tau_2 = 0$. Вышеизложенное позволяет описать сигнал коррекции в виде

$$\varepsilon_x(t) = \begin{bmatrix} \lambda_{11}^* & \lambda_{12}^* & \lambda_{13}^* & \lambda_{14}^* \\ \lambda_{21}^* & \lambda_{22}^* & \lambda_{23}^* & \lambda_{24}^* \end{bmatrix} [f_1(t), f_2(t), f_3(t), f_4(t)]^T. \quad (17)$$

В этом случае функции $f_i(t)$ можно определить как $f_1(t) = e^{-0.58t} \cos 16.7t$, $f_2(t) = e^{-0.58t} \sin 16.7t$, $f_3(t) = e^{-7t} \cos 15.6t$, $f_4(t) = e^{-7t} \sin 15.6t$. Отметим, что $f_i(t)$ – это фундаментальная система функций, соответствующая полюсам реальной системы

$$\begin{aligned} p_1 &= -0.58 + j 16.7 & p_2 &= -0.58 - j 16.7 \\ p_3 &= -7 + j 15.6 & p_4 &= -7 + j 15.6 \end{aligned}$$

Откуда может быть известна информация о полюсах реальной системы? Эта информация

может быть получена из анализа частотных характеристик реального объекта, снимаемых в результате специального эксперимента.

Можно ещё более упростить описание сигнала коррекции. Действительно, первые уравнения систем (11) и (13) совпадают, различия появляются лишь во втором уравнении. Это обстоятельство позволяет искать сигнал коррекции в виде

$$\varepsilon_x(t) = \begin{bmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 \\ \lambda_{21}^* & \lambda_{22}^* & \lambda_{23}^* & \lambda_{24}^* \end{bmatrix} [f_1(t), f_2(t), f_3(t), f_4(t)]^T. \quad (18)$$

Введём новые обозначения $\lambda_{21}^* = \lambda_1$, $\lambda_{22}^* = \lambda_2$, $\lambda_{23}^* = \lambda_3$, $\lambda_{24}^* = \lambda_4$. Алгоритмы идентификации неизвестных параметров сигнала коррекции в данном случае приобретают вид

$$\begin{aligned} \dot{\lambda}_1(t) &= -\alpha \Delta y(t) g_1(t) \\ \dot{\lambda}_2(t) &= -\alpha \Delta y(t) g_2(t), \\ \dot{\lambda}_3(t) &= -\alpha \Delta y(t) g_3(t) \\ \dot{\lambda}_4(t) &= -\alpha \Delta y(t) g_4(t) \end{aligned} \quad (19)$$

где $\Delta y(t) = y(t) - y_M(t)$ невязка наблюдаемого сигнала реальной системы и настраиваемой модели.

На рис. 1 приведен процесс идентификации неизвестных параметров сигнала коррекции, разворачивающийся во времени. Из рисунка видно, что спустя некоторый переходный процесс значения оценок λ_i стабилизируются и их установившиеся величины и дают ответ на поставленные вопросы.

Анализ полученных результатов обнаруживает, что параметры λ_1 и λ_2 идентифицируются точно; параметры λ_3 и λ_4 не достигают своих истинных значений.

Этот эффект объясняется тем, что слагаемые в сигнале коррекции, соответствующие этим компонентам, имеют высокие декременты затухания и затухают столь быстро, что процесс

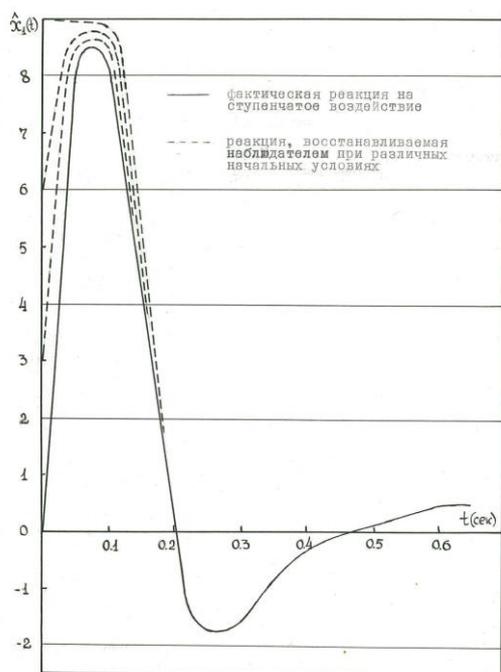

Рис. 2

идентификации ещё не завершен. Поэтому они не вносят существенного вклада в сигнал коррекции и их можно вообще исключить из процесса идентификации.

На рис. 2 приведен переходный процесс реального объекта и скорректированный упрощенной модели. При этом процесс идентификации идёт параллельно реальному процессу. График наглядно показывает достаточно высокую скорость сходимости этих двух процессов.

Итак, мы привели пример, который позволяет оценить точность описания упрощенной моделью реального процесса. Здесь открываются возможности экспериментирования с параметрами и размерностью упрощенной модели, добиваясь минимизации ошибок $\varepsilon_x(u, t)$ и $\varepsilon_y(u, t)$.

Заключение

Обсудим полученные результаты.

1. Использование упрощенных моделей в целях оценки показателей качества реальной системы требует её корректировки для достижения совпадения её реакций на внешнее воздействие с реакциями реальной системы. Процесс такой корректировки иногда называют «обучением» [20]. В нашем случае этот процесс «обучения» организуется с использованием стандартного входного воздействия – единичной ступеньки. Итогом «обучения» является идентификация неизвестных параметров сигнала коррекции. В силу того что матрица неизвестных параметров является постоянной и не зависит от вида входного воздействия, сигнал

коррекции, после подобной настройки, готов к работе в рабочем режиме при произвольном сигнале, подаваемом на вход системы.

2. Приведенная теория базировалась на предположении о том, что размерность реального объекта точно известна. Однако, как это следует из приведенного примера, это требование не является существенным, ибо в разложении сигнала $\varepsilon_x(u, t)$ с достаточной для практических целей точностью можно ограничиться лишь медленно затухающими во времени слагаемыми. Быстро затухающими слагаемыми можно пренебречь.

3. Другим, более обременительным предположением является предположение о наличии информации о полюсах реального объекта. Здесь можно сказать следующее. Если речь идёт о линейных технических системах, то разработка упрощенной модели (2), как правило, сопровождается серией экспериментов с целью получения частотных характеристик объекта в достаточно широком диапазоне частот. При этом параметры упрощенной модели подбираются таким образом, чтобы её частотные характеристики наилучшим образом аппроксимировали частотные характеристики реального объекта в низкочастотной области. Анализ частотных характеристик может служить источником информации о полюсах реальной системы.

В других случаях процесс «обучения» усложняется. Здесь нужны дополнительные исследования по поиску системы функций $f_1(t), f_2(t), \dots, f_N(t)$, которая бы при минимальном N обеспечивала максимально точное описание сигнала коррекции. Эта же ситуация возникает и тогда, когда объект (1) является нелинейным. При этом способ коррекции упрощенной модели, предложенный в данной работе, также может быть использован. Дополнительная априорная информация о типе нелинейности может быть использована при выборе системы $f_1(t), f_2(t), \dots, f_N(t)$.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 30.04.2019).
2. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. 6-е изд., доп. М.: Ин-т нов. экономики, 2004. 1376 с.
3. Лапаев Д.Н. Многокритериальное принятие решений в экономике: Монография. 2-е изд. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2016. 281 с.
4. Лапаева О.Н. Многокритериальная оценка экономического состояния предприятий и отраслей

промышленности и выбор предпочтительных альтернатив: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2015. 145 с.

5. Лапаева О.Н. Многопроекционная сравнительная оценка альтернатив в экономике: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2017. 210 с.

6. Лапаева О.Н. Многопроекционная оценка состояния промышленных экономических систем: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2018. 371 с.

7. Ларичев О.И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных странах: Учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2006. 392 с.

8. Лопатников Л.И. Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lopaticnikov.pro> (дата обращения: 30.04.2019).

9. Моисеев Н.Н. Математические задачи системного анализа. М.: Мир, 1985. 467 с.

10. Ногин В.Д. Принятие решений в многокритериальной среде. Количественный подход. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Физматлит, 2005. 176 с.

11. Парето В. Компендиум по общей социологии: Пер. с итал. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2007. 511 с.

12. Парето В. Трансформация демократии: Пер. с итал. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 154 с.

13. Парето В. Учебник политической экономии: Пер. с франц. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 472 с.

14. Подиновский В.В., Ногин В.Д. Парето-оптимальные решения многокритериальных задач: Монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Физматлит, 2007. 255 с.

15. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2012. 511 с.

16. Ширяев М.В. Обеспечение экономической безопасности опорных технических университетов и их макроокружения: Монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2017. 220 с.

17. Экономико-математический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И. Данилов-Данильян. М.: ИНФРА-М, 2003. 688 с.

18. Андронов А.А., Витт А.А., Хайкин С.Э. Теория колебаний. М.: Наука, 1981. 568 с.

19. Брусин В.А., Максимов Ю.М. Асимптотическое восстановление состояния в условиях неопределённости модели объекта // Автоматика и телемеханика. 1967. № 2. С. 3–12.

20. Цыпкин Я.З. Адаптация и обучение в автоматических системах. М.: Наука, 1968. 399 с.

**ON THE ACCURACY OF DETERMINING THE VALUES OF QUALITY INDICATORS
IN THE PROBLEM OF MULTICRITERIA SELECTION AND THE METHOD OF COMPENSATION
FOR ERRORS IN THEIR DETERMINATION**

D.N. Lapaev, Yu.M. Maksimov, S.N. Mityakov

Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University

In many cases, the numerical values of the vector criterion of a complex system can be obtained only by mathematical study of a system model or its numerical simulation. However, it is known that mathematical models are only a simplified (approximate) description of a real object. As a consequence, the distortions in the numerical values of the vector criterion can result in errors when solving a multicriteria selection problem. In this paper, a technique for the correction of simplified models is presented. The authors' original methodology is based on the formation of special correction signals. The parameters of these signals are determined due to the identification process ensuring the convergence of transients of the model and the real object.

Keywords: quality indicators, multicriteria selection, criteria system, mathematical modeling of the process.

УДК 330.354: 796.034+004.032.26

НЕЙРОСЕТЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО СПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

© 2020 г.

Е.Н. Летягина, В.И. Перова

Летягина Елена Николаевна, к.э.н.; доц.; заведующий кафедрой управления в спорте
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
helenlet@yandex.ru

Перова Валентина Ивановна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры математического моделирования
экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
perova_vi@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 07.04.2020**Статья принята к публикации 29.05.2020*

Проведено нейросетевое моделирование современного состояния детско-юношеского спорта в сельской местности регионов России, характеризующего человеческий капитал, который является одной из основ инновационного развития и обеспечения национальной безопасности государства. Рассмотрены и исследованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации о развитии детско-юношеского спорта в сельской местности страны в интересах увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения, накопления человеческого капитала и обеспечения социально-экономического роста страны. Выполнен кластерный анализ с использованием материализованных в пакете Deductor нейронных сетей – самоорганизующихся карт Кохонена – по 13 показателям за 2018 г., характеризующим деятельность регионов РФ по развитию детско-юношеского спорта в сельской местности. Определены особенности этой деятельности, которые показали неравномерный характер развития детско-юношеского спорта как одной из составляющих процесса формирования человеческого капитала – одного из доминирующих внутренних факторов социально-экономического потенциала России. Различный уровень этой деятельности позволил получить распределение регионов по пяти кластерам. Представлены состав и характеристики каждого кластера. Определены регионы с наивысшими показателями развития данной сферы деятельности. Проведенное исследование с применением нейросетевых технологий позволило оценить развитие детско-юношеского спорта в сельской местности Российской Федерации. Результаты исследования имеют практическую значимость для сравнительного анализа развития детско-юношеского спорта в регионах России и могут быть учтены при стратегическом планировании развития спортивной отрасли в контексте увеличения качества человеческого капитала и обеспечения экономической безопасности регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: человеческий капитал, детско-юношеский спорт, регионы РФ, кластерный анализ, нейронные сети, самоорганизующиеся карты Кохонена, Deductor.

Введение

На современном этапе одной из магистральных задач экономического развития регионов Российской Федерации и обеспечения их национальной, в том числе экономической, безопасности, что показано в работах [1; 2], является привлечение населения к активным занятиям физической культурой и спортом, которые способствуют накоплению человеческого капитала [3–5]. Человеческий капитал – одна из основ инновационного развития экономики той или иной страны – характеризует качество жизни населения.

Следует отметить, что термин «человеческий капитал» и его структура в экономической литературе имеют различное понимание. В настоящее время теория человеческого капитала – это предмет междисциплинарного изуче-

ния. В соответствии с особенностями различных дисциплин существует множество определений понятия человеческого капитала. Это порождает разнообразие подходов при его измерении, оценке, оно не может рассчитывать на статус системного и комплексного. В международной статистике с начала 1990-х гг. широкое применение имеет индикаторный подход. Его существенное преимущество состоит в доступности необходимых данных.

Для количественной оценки качества жизни населения используются различные индексы, среди них самым информативным показал себя индекс человеческого развития (ИЧР), что отмечено в работах [6; 7]. Данный индекс применяется в ежегодных отчетах в рамках Программы развития ООН (ПРООН) в различных странах в целом и в отдельных регионах. ИЧР, являясь интегральным показателем, включает в себя

три основных компонента: индексы дохода, образования и долголетия, которые оценивают развитие человека – стержневого субъекта и ведущего объекта системы национальной безопасности государства. Эти компоненты показывают три фундаментальных качества развития страны: здоровую жизнь, приводящую к долголетию населения; полученный уровень образования; материальный достаток, подобающий человеку [8]. Долголетие населения определяется ожидаемой продолжительностью жизни, которая, в свою очередь, имеет непосредственную связь с уровнем развития физической культуры и спорта в каждом регионе страны. Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [9], одна из важных задач обеспечения достижения национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года заключается в повышении ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет). В Послании Президента РФ Федеральному собранию от 15.01.2020 г. [10] говорится, что «в прошлом году впервые в истории ожидаемая продолжительность жизни в России превысила 73 года – на восемь лет больше, чем в 2000 году. Это результат социальных, экономических изменений в стране, развития массового спорта, продвижения ценностей здорового образа жизни» [10].

В современном мире физическая культура и спорт [11], культивируя здоровый образ жизни граждан, выполняют не только здравоохранительную, но и правоохранительную, образовательную и оборонную функции, что отражено в работах [12–15]. Это способствует росту экономического потенциала государства [16] и усиливает его обороноспособность. В связи с этим более весомым становится значение физической культуры и спорта в укреплении здоровья и воспитании детей, подростков и молодежи с целью повышения продолжительности жизни и ее качества, а также профилактики правонарушений, формируя образ и стиль жизни подрастающего поколения.

Следует отметить, что развитие физической культуры и спорта в регионах РФ характеризуется наличием дисбалансов, которые обусловлены большим разнообразием регионов по уровням обеспеченности инфраструктурой, существованием квалифицированных кадров, инвестициями, совершенствованием технического и инновационного подходов к строительству спортивных сооружений, соразмерностью конкурентных недостатков и преимуществ, а также целым рядом других факторов. Это нашло отра-

жение в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [17] и работе [18].

В целях оптимизации государственной политики в сфере физической культуры и спорта 1 сентября 2014 г. был введен в действие Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс (ВФСК) «Готов к труду и обороне (ГТО)» [19], который сфокусирован на генерирование эффективной системы физического воспитания и укрепление здоровья населения Российской Федерации. Стратегические ориентиры и главные направления развития физической культуры и спорта определены государственной программой Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» [20].

В соответствии с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 15.01.2020 г., в котором значительное внимание уделено долгосрочной политике поддержки семьи, особый интерес вызывает анализ состояния детско-юношеского спорта в регионах России. Очень важно, «какими они <дети> вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни» [10]. Исследование развития детско-юношеского спорта в регионах РФ является многофакторной задачей. В этом случае каждый объект обладает большим набором характеристик. В таких ситуациях весьма высокую отдачу проявляют многомерные статистические методы анализа, представленные в работах [21–23].

В настоящей работе многомерные данные проанализированы с использованием кластерного анализа, который является перспективным средством, дающим новые подходы к исследованию многомерных задач [24–28] и относящимся к технологии интеллектуального анализа данных (Data Mining), рассмотренной в работе [29].

При кластеризации данных происходит разбиение множества объектов на компактные области (кластеры), как показано в работе [30]. Для получения кластерного решения – сегрегации набора объектов на кластеры – необходима реализация следующих условий:

- принадлежность каждого объекта только одному кластеру;
- аналогичность объектов внутри одного кластера;
- значительная несхожесть объектов из разных кластеров.

Среди нейронных сетей отметим нейронные сети, обучаемые без учителя и рассмотренные в работах [8; 28], которые используются для решения задач кластеризации многомерных данных, а также визуализации и снижения их

Таблица 1

Распределение регионов РФ по кластерам в 2018 г.

Кластер	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
Количество регионов	7	3	49	16	6

Количество регионов, %

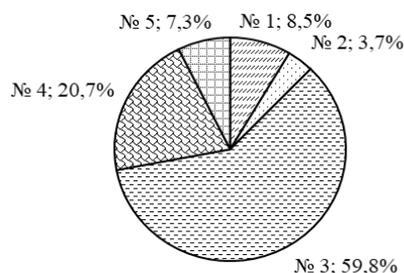

Рис. 1. Размещение регионов по кластерам, %

размерности. Обучение такого класса нейронных сетей осуществляется различными алгоритмами: алгоритмом на основе соревновательного обучения без учителя [28; 31], алгоритмом нейронного газа [32] и др. Данные алгоритмы делают возможной визуализацию нелинейного многомерного входного пространства данных путем проецирования с сохранением топологии в нейроны выходного слоя, которые чаще всего формируют двумерную решетку. Выходной слой нейронов носит название топологической карты. К такому классу нейронных сетей принадлежат самоорганизующиеся карты (СОК) Кохонена, описанные в работах [33–35].

Следует отметить, что для осуществления нейросетевых концепций имеются специализированные программные продукты, которые описаны в работах [36; 37].

Анализ результатов нейросетевого моделирования развития детско-юношеского спорта в сельской местности регионов России

В настоящей работе для проведения исследований взяты данные Федеральной службы государственной статистики [38] по развитию детско-юношеского спорта в сельской местности регионов России. Это обусловлено тем, что одним из целевых показателей государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» [20] (подпрограмма 1 «Развитие физической культуры и массового спорта» (в ред. Постановления Правительства РФ от 29.03.2019 № 372)) является доля сельского населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в общей численности сельского населения Рос-

сийской Федерации в возрасте 3–79 лет. Программой предусмотрено увеличение этого показателя с 26% в 2017 г. до 35% к 2024 г.

В исследование были включены 82 региона РФ за исключением г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и г. Севастополя. В качестве классификационных признаков были использованы следующие показатели за 2018 г. [38]:

- X1 – число организаций по дополнительным общеразвивающим программам для детей в области физической культуры и спорта (ед.);
- X2 – численность учащихся по дополнительным общеразвивающим программам для детей в области физической культуры и спорта (чел.);
- X3 – число детско-юношеских спортивных школ (включая филиалы) (ед.);
- X4 – численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах (чел.);
- X5 – стадионы с трибунами (ед.);
- X6 – плоскостные спортивные сооружения (ед.);
- X7 – спортивные залы (ед.);
- X8 – плавательные бассейны (ед.);
- X9 – численность учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования из федерального бюджета (чел.);
- X10 – численность учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования из бюджета субъекта Российской Федерации (чел.);
- X11 – численность учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования из местного бюджета (чел.);

Таблица 2

Состав кластеров в 2018 г.	
Кластер	Регионы
№ 1	Архангельская область, Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ
№ 2	Московская область, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
№ 3	Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым, Астраханская область, Волгоградская область, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Томская область, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономная область
№ 4	Воронежская область, Ставропольский край, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Пермский край, Нижегородская область, Оренбургская область, Самарская область, Тюменская область, Челябинская область, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия)
№ 5	Краснодарский край, Ростовская область, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Башкортостан, Алтайский край

Таблица 3

Статистика средних значений показателей X1 – X7 по кластерам и общих средних значений показателей по Российской Федерации

Год	Номер кластера	Средние значения						
		X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7
2018	1	49	3400	3	670	0	32	32
	2	51	28775	5	2469	6	237	104
	3	115	7551	10	2900	3	504	231
	4	246	21667	22	11165	11	1092	513
	5	485	59270	62	38272	22	2276	903
	Среднее по РФ	169	14025	16	6995	6	706	317

– X12 – численность учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования по договорам об оказании платных образовательных услуг (чел.);

– X13 – среднедушевые доходы населения (руб.).

Для проведения анализа нами были применены перспективные технологии нейросетевого моделирования – СОК Кохонена, материализованные в аналитическом пакете Deductor.

В результате нейросетевого моделирования 82 региона Российской Федерации распределены по пяти кластерам. Количество регионов РФ в кластерах показано в табл. 1 и на рис. 1.

Из табл. 1 и рис. 1 видно, что наименьшее число регионов вошло в кластер № 2, а наибольшее – в кластер № 3. Состав кластеров в 2018 г. отображен в табл. 2.

В табл. 3 и табл. 4 указаны средние значения исследуемых показателей по кластерам и общие средние показатели по Российской Федерации.

Из табл. 3 и табл. 4 следует:

а) число организаций по дополнительным общеразвивающим программам для детей в об-

ласти физической культуры и спорта (X1), число детско-юношеских спортивных школ (включая филиалы) (X3), численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах (X4), стадионы с трибунами (X5), плоскостные спортивные сооружения (X6), спортивные залы (X7) и численность учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования из бюджета субъекта Российской Федерации (X10) превышают их общие средние значения по России в регионах, вошедших в кластеры № 4 и № 5;

б) количество стадионов с трибунами (X5) находится на уровне общих средних значений по России в регионах кластера № 2;

в) численность учащихся по дополнительным общеразвивающим программам для детей в области физической культуры и спорта (X2), количество плавательных бассейнов (X8) и численность учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования из местного бюджета (X11)

Статистика средних значений показателей X8 – X13 по кластерам и общих средних значений показателей по Российской Федерации

Год	Номер кластера	Средние значения					
		X8	X9	X10	X11	X12	X13
2018	1	2	65	511	3435	14	62665.98
	2	9	16	631	25630	1533	43401.90
	3	5	6	422	5446	79	24726.85
	4	10	45	1716	20455	434	27696.17
	5	24	461	10599	20601	183	27226.65
	Среднее по РФ	7	53	1450	10233	208	29447.29

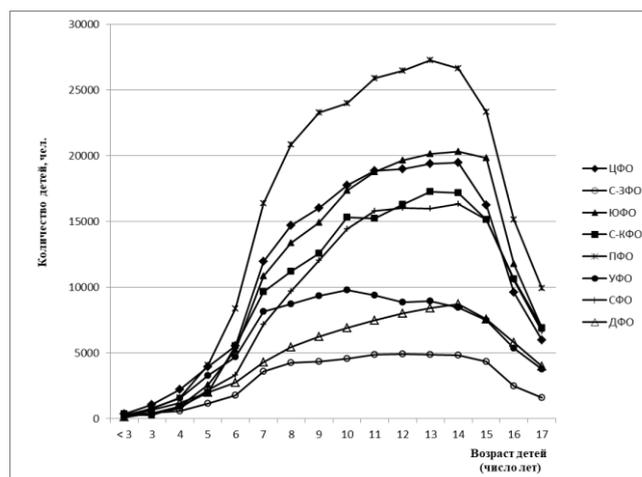

Рис. 2. Возрастной состав учащихся по дополнительным общеразвивающим программам в области физической культуры и спорта по федеральным округам РФ за 2018 г. (сельская местность), чел.

больше средних по РФ значений в регионах кластеров № 2, № 4 и № 5;

г) численность учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования из федерального бюджета (X9) выше средних значений по России в регионах, распределившихся в кластеры № 1 и № 5;

д) численность учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования по договорам об оказании платных образовательных услуг (X12) больше средних значений по России в регионах, вошедших в кластеры № 2 и № 4;

е) среднедушевые доходы населения (X13) превосходят средние значения по РФ в регионах, составивших кластеры № 1 и № 2.

Отметим, что в регионах кластера № 1 наблюдается минимальный показатель численности учащихся по дополнительным предпрофессиональным программам для детей в области физической культуры и спорта за счет финансирования по договорам об оказании платных образовательных услуг. При этом в регионах, составивших этот кластер, имеем макси-

мальное значение показателя среднедушевых доходов населения.

Лидерами по рассматриваемым показателям являются регионы кластера № 5 по максимальным значениям показателей X1 – X10, регионы кластера № 2 по максимальным значениям показателей X11 и X12, а также регионы кластера № 1 по максимальным значениям показателя X13.

В разрезе федеральных округов, согласно [42], возрастной состав учащихся по дополнительным общеразвивающим программам для детей в области физической культуры и спорта, проживающих в сельской местности и имеющих число полных лет по состоянию на 1 января 2019 г., приведен на рис. 2.

Рисунок 2 показывает, что наибольшее количество учащихся, проживающих в сельской местности и занимающихся по дополнительным общеразвивающим программам для детей в области физической культуры и спорта, имеют возраст 10 – 15 лет. Затем после 15-летнего возраста начинается резкое уменьшение количества занимающихся физической культурой и спортом по этим программам в сельской местности всех федеральных округов. Среди федеральных округов максимальное количество детей, занимающихся физической культурой и спортом, прожи-

вайт в сельской местности Приволжского федерального округа, а минимальное – в сельской местности Северо-Западного федерального округа.

Заключение

Проведенное исследование с применением нейросетевого моделирования позволило оценить состояние детско-юношеского спорта в сельской местности регионов Российской Федерации. Фундаментальное отличие метода нейросетевого моделирования от других методов, например, таких как экспертные системы, содержится в том, что нейронные сети – СОК Кохонена – самостоятельно конструируют модель только на основе предъявляемой им информации. Получено, что присутствие существенных различий в размерах кластеров указывает на неравномерный характер развития детско-юношеского спорта в сельской местности страны. Результаты кластеризации данных свидетельствуют о том, что с точки зрения принадлежности регионов РФ к федеральным округам состав кластеров является дифференцированным. Выявлены регионы, являющиеся перспективными в развитии данной сферы деятельности. Это регионы РФ, которые образовали кластер № 5 с наивысшими значениями показателей X1 – X10, кластер № 2 – с наивысшими значениями показателей X11 и X12, регионы кластера № 1 – с наивысшим значением показателя X13.

С точки зрения перспектив развития детско-юношеского спорта в регионах Российской Федерации и обеспечения их конкурентоспособности является важным сближение уровней развития регионов в данном виде деятельности. Этому способствует и федеральный проект «Спорт – норма жизни» [39], как часть национального проекта «Демография» [40].

Представленный в работе метод анализа с применением нейронных сетей и полученные результаты имеют практическую значимость. Они могут быть использованы при сравнительном анализе развития детско-юношеского спорта в регионах России и при стратегическом планировании развития регионов РФ в сфере физической культуры и спорта на последующие периоды. Это повлечет совершенствование обоснованности принятия управленческих решений в сфере физической культуры и спорта на региональном уровне с целью увеличения качества человеческого капитала и повышения экономической безопасности страны, как отмечено в работе [41].

Список литературы

1. Митяков С.Н., Митяков Е.С., Романова Н.А. Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 81–91.
2. Лапаев Д.Н. Многокритериальный анализ состояния экономической безопасности в социальной сфере // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-1 (75-1). С. 798–804.
3. Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. 204 с.
4. Кузнецов Ю.А. Человеческий капитал, производительность труда и экономический рост // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 43 (298). С. 2–14.
5. Грачев С.А., Гундорова М.А., Мошнов В.А. Инвестиции в человеческий капитал. Владимир: ВЛГУ, 2016. 114 с.
6. Ионцев В.А. и др. Введение в демографию: Учебное пособие / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: Изд-во МГУ, ТЭИС, 2003. 636 с.
7. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. 201 с.
8. Перова В.И., Перова Н.А. Нейросетевое моделирование динамики развития физической культуры и спорта в регионах России как фактора социально-экономического роста страны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. Вып. 11. С. 2064–2082.
9. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1195467/> (дата обращения: 22.01.2020).
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 22.01.2020).
11. Beutler I. Sport serving development and peace: Achieving the goals of the United Nations through sport // Sport in Society. 2008. Vol. 11m. № 4. P. 359–369.
12. Горбунов С.А., Дубровский А.В. Роль физической культуры в совершенствовании умственной готовности к обучению и профессиональной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2002. № 12. С. 13–15.
13. Макарьев И.В. Физическая подготовка в системе правоохранительных органов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2017. Т. 2. № 2. С. 50–53.
14. Видулов С.Ф., Хрусталёв Е.Ю. Экономические основы военной безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7. С. 2–9.
15. Садков С.А., Ахмеров И.Ф. Роль физической культуры, спорта, медицины и правоохранительных органов в профилактике асоциальных проявлений, наркомании и преступности среди молодежи // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и

- туризма: Материалы X Международной научно-практической конференции (Уфа, 24–26 марта 2016 г.). Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2016. С. 619–622.
16. Любушин Н.П., Бабичева Н.Э., Королев Д.С. Экономический анализ возможностей технологического развития России (на примере нанотехнологий) // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 9. С. 2–11.
17. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12157560/> (дата обращения: 22.01.2020).
18. Летягина Е.Н., Орлова Е.А. О состоянии и развитии объектов спорта в России и Нижегородской области // Экономика и предпринимательство. 2018. № 9. С. 372–376.
19. О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО): Указ Президента РФ от 24.03.2014 № 172. URL: <http://base.garant.ru/70619520> (дата обращения: 22.01.2020).
20. Государственная программа Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» URL: <https://www.minsport.gov.ru/2019/doc/Gosydarstvennaya-programma.pdf> (дата обращения: 22.01.2020).
21. Дубров А.М., Мхитарян В.С., Трошин Л.И. Многомерные статистические методы: Учебник. М.: Финансы и статистика, 2003. 352 с.
22. Щегинин Е.Ю. О методах оценивания длинной памяти финансовых временных рядов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2010. № 13. С. 39–45.
23. Рыжиков Ю.И. Имитационное моделирование. Теория и технологии. М.: Альтекс-А, 2004. 384 с.
24. Хрусталёв Е.Ю., Шрамко О.Г. Использование метода нейронных сетей для прогнозирования эффективности инвестиционных вложений // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. Вып. 8. С. 1438–1454.
25. Chechkin A.V., Pirogov M.V. Intellectualization of a complex system as a means of maintaining its information system safety // Fundam. Prikl. Mat. 2009. Vol. 15. Iss. 3. P. 225–239; J. Math. Sci. 2010. Vol. 168. Iss. 1. P. 147–156.
26. Горбань А.Н., Россиев Д.А. Нейронные сети на персональном компьютере: Монография. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1996. 276 с.
27. Милов В.Р., Баранов В.Г., Эпштейн А.Ю. и др. Прогнозирование состояния дискретных стохастических систем в условиях неопределенности на основе байесовской методологии // Труды Нижегородского государственного технического универси-
- тета им. Р.Е. Алексеева. Н. Новгород, 2010. № 2 (81). С. 70–76.
28. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. М.: Вильямс, 2006. 1104 с.
29. Технологии анализа данных: Data Mining, Visual Mining, Text Mining, OLAP: Учебное пособие / А.А. Барсегян, М.С. Куприянов, В.В. Степаненко и др. СПб.: БХВ–Петербург, 2007. 384 с.
30. Балабанов А.С., Стронгина Н.Р. Анализ данных в экономических приложениях: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2004. 135 с.
31. Kohonen T. Self-organized formation of topologically correct feature maps // Biological Cybernetics. 1982. Vol. 43. Iss. 1. P. 59–69.
32. Martinetz M., Berkovich S., Schulten K. Neural-gas network for vector quantization and its application to time-series prediction // Trans. Neural Networks. 1993. Vol. 4. P. 558–569.
33. Kohonen T. The self-organizing map // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers. 1990. Vol. 78. № 9. P. 1464–1480.
34. Hajek P., Henriques R., Hajkova V. Visualising components of regional innovation systems using self-organizing maps – evidence from European regions // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 84 (C). P. 197–214.
35. Carboni O.A., Russu P. Assessing regional well-being in Italy: An application of Malmquist–DEA and self-organizing map neural clustering // Social Indicators Research. 2015. Vol. 122. Iss. 3. P. 677–700.
36. Растунков В.С., Петров А.К., Панов В.А. Нейронные сети. Statistica Neural Networks: Методология и технология современного анализа данных. М.: Горячая линия – Телеком, 2008. 392 с.
37. Медведев В.С., Потемкин В.Г. Нейронные сети. MATLAB 6. М.: ДИАЛОГ-МИФИ, 2002. 122 с.
38. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 22.01.2020).
39. Федеральный проект «Спорт – норма жизни». URL: <https://norma.sport/about/> (дата обращения: 22.01.2020).
40. Национальный проект «Демография». URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 22.01.2020).
41. Letiagina E., Perova V., Orlova E. Neural network analysis of the development of physical education and sports in Russia as an economic factor of country security // Proceedings of the 4th International Conference on Innovations in Sports, Tourism and Instructional Science (ICISTIS 2019). Atlantis Press, 2019. № 11. P. 174–179.

**NEURAL NETWORK MODELING OF THE DEVELOPMENT OF CHILDREN'S
AND YOUTH SPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR
IN THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL**

E.N. Letiagina, V.I. Perova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this paper, we have carried out a neural network simulation of the current state of children's and youth sports in rural areas of the Russian regions that characterizes human capital, which is one of the foundations of innovative development

and national security of the state. The data of the Federal state statistics service of the Russian Federation on the development of youth sports in rural areas of the country in the interests of increasing the life expectancy of the population, accumulating human capital and ensuring the socio-economic growth of the country are considered and studied. Cluster analysis was performed using neural networks materialized in the Deductor package – self-organizing Kohonen maps for 13 indicators for 2018 that characterize the activities of the regions of the Russian Federation for the development of children's and youth sports in rural areas. We have determined the features of this activity that show the non-uniform development of youth sport as part of the process of human capital formation, which is one of the dominant internal factors of Russia's socio-economic potential. Depending on different levels of this activity, the country's regions were distributed into five clusters. The composition and characteristics of each cluster are presented. The regions with the highest indicators of development in this field have been identified. The study conducted using neural network technologies allowed us to evaluate the development of children's and youth sports in rural areas of the Russian Federation. The results of the study are of practical importance for comparative analysis of the development of youth sport in the regions of Russia. They can be taken into account in the strategic planning of the development of the sports industry in the context of increasing the quality of human capital and ensuring economic security of Russian regions.

Keywords: human capital, children's and youth sports, regions of the Russian Federation, cluster analysis, neural networks, self-organizing Kohonen maps, Deductor.

УДК 338.4

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗРАБОТКУ НОВЫХ ПРОДУКТОВ И УСЛУГ

© 2020 г.

М.Р. Усманов

Усманов Марат Радикович; к.т.н., МВА; генеральный директор
ООО «ЛУКойл-Нижегородднинефтепроект»
usmanovmr@bk.ru

*Статья поступила в редакцию 09.04.2020**Статья принята к публикации 27.05.2020*

Изменения практик разработки новых продуктов и услуг носят преимущественно инкрементальный характер. Технологические инновации, ставшие возможными благодаря быстрому развитию новых технологий, способны вызвать радикальные изменения в области продакт-менеджмента. На основе методологии Gartner Hype Cycle и анализа зарубежной литературы были отобраны четыре технологии, способные катализировать данные изменения: социальные медиа, 3D-печать, виртуальная и дополненная реальность. Для демонстрации изменений практик была использована модель stage-gate. Содержание изменений получено с помощью анализа зарождающихся практик российских и зарубежных компаний. В результате выявлено, что перечисленные технологии создают условия для высокой вовлеченности потребителей в создание новых продуктов и услуг, делают возможным создание относительно дешевых прототипов с высокой скоростью, позволяют географически удаленным командам эффективно работать над новым продуктом, значительно увеличивают гибкость всего процесса за счет быстрого тестирования гипотез и реализации валидированных знаний непосредственно в продукте и услуге.

Ключевые слова: технологические инновации, разработка новых продуктов, stage-gate, социальные медиа, 3D-печать, виртуальная реальность, дополненная реальность.

Введение

Процесс разработки новых продуктов является одним из самых сложных в компании. В нем задействованы практически все подразделения, а сам организационный механизм предполагает выход за пределы функциональной работы в проектную плоскость. Чем более радикальный продукт разрабатывается, тем более комплексными становятся связи и выше необходимость «распаковки» внутренних границ самого процесса. Дополнительным фактором, усложняющим разработку продукта, является присутствие технологических и рыночных рисков, которые накладывают ограничения на планирование ресурсов. Несмотря на важность данного процесса для конкурентоспособности компании, практики менялись незначительно на протяжении последних лет. Новые технологии постепенно стали применяться компаниями и потенциально могут привести технологические инновации радикального типа в процесс разработки новых продуктов и услуг. В рамках данной работы будет рассмотрен характер данных изменений на примере нескольких технологий, достаточно зрелых, чтобы можно было судить об их эффективности.

Факторы трансформации процесса разработки новых продуктов

В исследованиях выделяют четыре основные группы факторов, которые приводят к изменениям в процессе разработки новых продуктов [1]:

- увеличивающийся уровень конкуренции (все большее количество компаний конкурируют за одних и тех же клиентов);
- быстро меняющаяся рыночная среда;
- быстрое устаревание технологий;
- сокращающийся цикл жизни продукта.

Наряду с уже предложенными факторами можно выделить еще один – стремительное развитие технологий, которые потенциально могут серьезным образом преобразить процесс разработки нового продукта. В лонгитюдном исследовании Ассоциации по разработке и управлению продуктом (PDMA) делается вывод, что природа изменений в практиках разработки новых товаров носит преимущественно эволюционный характер даже в компаниях, которые являются лидерами. Последним существенным изменением стал переход от функционального и последовательного подхода к мультифункциональному с наличием формальных этапов и точек принятия решений [2].

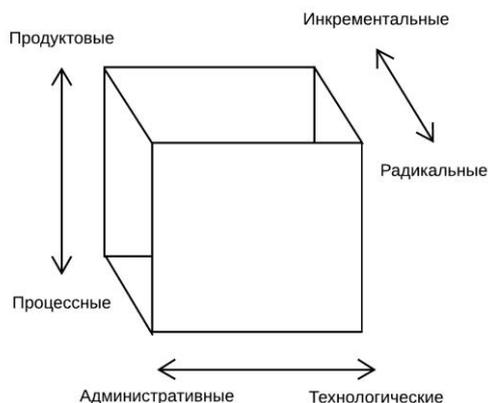

Рис. 1. Измерения инновации [7]

Если современные технологические решения будут внедряться в разработку новых товаров, возможно, изменения начнут приобретать радикальный характер [3]. Уровень конкуренции на рынке значимо влияет на готовность компаний принимать новые инновационные практики [4]. Стремительное развитие технологий оказывает воздействие на все аспекты бизнеса: от бухгалтерии до производства [5]. Не остается в стороне и разработка новых продуктов, где используемые практики видоизменяются под влиянием новых технологий, которые постепенно принимаются профессиональным сообществом. Есть несколько ключевых факторов, которые влияют на скорость принятия новых технологий, но многое зависит от того, к какой категории отнести инновацию. Некоторые исследователи считают, что принятие радикальных инновационных практик негативно коррелирует с размером компании, поскольку крупным компаниям сложно объединить ключевые ресурсы, процессы и стратегии вокруг инновации, малым компаниям, которые изначально более гибкие, это сделать проще [6]. Также малые компании чаще обладают предпринимательской культурой, которая способствует распознаванию радикальных инновационных практик за пределами компании. Здесь стоит отметить, что часть исследователей получили результаты, демонстрирующие, что крупным компаниям легче внедрять радикальные инновации из-за большей доступности ресурсов, которые для этого необходимы.

Инновации имеют многомерную структуру, которая включает в себя ряд континуумов: радикальные – инкрементальные, продуктовые – процессные, административные – технологические (см. рис.1).

Инновации в разработке продуктов и услуг, возникающие под воздействием новых технологий, находятся ближе к континууму технологи-

ческие – административные. Административные инновации выражаются в изменениях, затрагивающих политики, распределение ресурсов и социальную структуру организации [6]. Процессные инновации заключаются в реализации идей, меняющих сами базовые процессы. В рассматриваемом случае меняются базовые процессы разработки новых товаров и услуг. Ряд ученых исследовали корреляцию между характеристиками организации и принятием технологических инноваций. Полученные результаты варьируются в широком диапазоне, поскольку игнорировались другие измерения инновации: радикальные – инкрементальные и процессные – продуктовые. В рамках данной работы предпринимается попытка проследить, каким образом новые технологии приводят к появлению радикальных и инкрементальных технологических инноваций в разработке новых продуктов и услуг.

Методология

Для определения перечня технологий была использована методология Gartner Hype Cycle, которая выделяет несколько этапов в развитии технологии: технологический триггер, пик чрезмерных ожиданий, избавление от иллюзий, преодоление недостатков, плато продуктивности [8]. На основе аналитических материалов компании Gartner и теоретического анализа зарубежной литературы были выявлены четыре технологии, находящиеся на двух последних этапах развития, что демонстрирует их достаточную зрелость для использования в практике разработки новых продуктов [9]. Для систематизации практик разработки новых продуктов в работе используется модель stage-gate, которая разбивает весь процесс на пять стадий, между которыми находятся точки принятия решений [10]. Далее на основе метода кейсов выявлены изменения содержания основных этапов разработки новых продуктов, вызванные использованием технологических инноваций.

Ключевые технологии, трансформирующие процесс создания продуктов

Компания может не использовать какой-либо процесс разработки нового товара, может применять неформальный процесс или формальный процесс, самым распространённым из которых является stage-gate (к ним относятся XF Stage Gate, XF Facilitated Stage Gate, XF 3rd Gen Stage Gate).

На примере классической модели разработки новых продуктов stage-gate, которая более под-

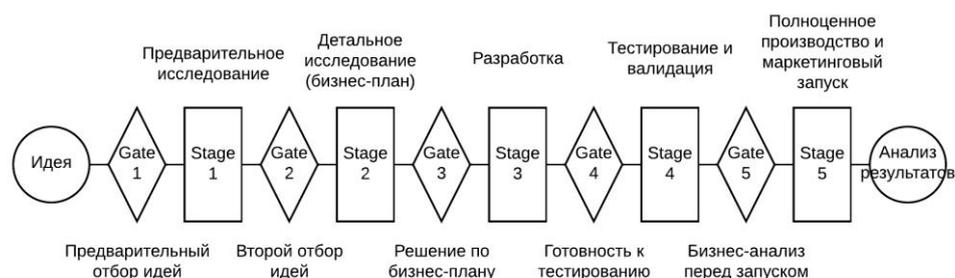

Рис. 2. Классическая модель stage-gate [11]

ходит для материальных продуктов, нежели цифровых, будет продемонстрировано, как отдельные технологии видоизменяют этапы этой модели. Модель разработки продукта stage-gate была предложена Купером в 1990 г. и с тех пор стала одной из самых популярных среди компаний, производящих материальные продукты и услуги [11]. Для цифровых продуктов эта модель также может быть использована, но другие подходы, такие как Scrum и Extreme Programming, имеют в данном контексте больше преимуществ.

Модель stage-gate базируется на предположении, что разработка инновационного продукта – это процесс, который может управляться с помощью классических инструментов менеджмента бизнес-процессов. Весь процесс разделен на так называемые «ворота» (англ. – gate), где принимаются ключевые решения по продукту относительно его дальнейшего движения по процессу, и этапы (англ. – stage), на которых реализуются различные активности по созданию продукта: маркетинговые исследования, анализ технической осуществимости проекта, подготовка бизнес-плана, проектирование, производство, тестирование и т.д. (рис. 2).

К наиболее часто называемым технологиям, которые могут изменить привычную практику разработки новых товаров, относят: социальные медиа; дополненную реальность; виртуальную реальность и 3D-печать. Рассмотрим, каким образом каждая из предложенных технологий может быть использована в процессе разработки продукта.

Относительно других технологий социальные медиа сравнительно давно стали использоваться в разработке новых продуктов: компании собирают информацию от потребителей относительно требуемых улучшений продукта, тестируют новые идеи с помощью постов и реакции на них. Хорошо налаженная коммуникация с потребителями через социальные сети позволяет существенно сократить временные и финансовые затраты на маркетинговые исследования. В зарубежных исследованиях это явление

рассматривается с позиции соучастия потребителя в создании продукта через контент, генерируемый в социальных медиа (англ. – social media content and product co-creation) [12, 13].

Совместное с потребителями создание нового продукта (англ. – co-creation) может быть определено как совместный процесс по разработке нового продукта, в котором потребитель через активное участие вносит свой вклад и определяет различные компоненты ценностного предложения нового продукта. Этот процесс может быть эффективным только при наличии желания у квалифицированных потребителей сотрудничать с компанией и предоставлять обратную связь, а также делиться информацией относительно идей, предложений конкурентов, параметров разрабатываемого продукта. При очевидных преимуществах для компании от такого совместного творчества выгоды для участвующих потребителей не столь явные.

Поэтому главной проблемой по интеграции социальных медиа в процесс разработки новых продуктов является вопрос качественного вовлечения потребителей. Некоторые авторы предложили широкую классификацию выгод, которые потребители могут получить в обмен на вовлеченность в управление продуктами компании: выгода обучения; социальные выгоды; персональные выгоды, которые приводят к повышению статуса потребителя; гедонические выгоды, связанные с получением удовольствия от работы с компанией [12]. Как пример можно назвать ПАО «ЛУКОЙЛ», которое открыло в историческом павильоне № 25 «Нефтяная промышленность» на ВДНХ интерактивный учебно-методический центр, посвященный истории российской нефти и развитию отечественной науки и технологий. Мультимедийная экспозиция, созданная с учетом мирового тренда edutainment (способ экспонирования, работающий на стыке образования и развлечения), – крупнейшая в России на научно-прикладную отраслевую тематику, она знакомит посетителей с полным производственным циклом и продук-

Рис. 3. Пример вовлеченности в продуктовый ассортимент (на основании <https://lukoil.ru/Company/VDNKhoilpavilion>)

Рис. 4. Примеры вовлеченности в производственный процесс (на основании <https://lukoil.ru/Company/VDNKhoilpavilion>)

цией (см. рис. 3) вертикально интегрированной нефтяной компании – от добычи (см. рис. 4а) до переработки и реализации (см. рис. 4б).

Успешная интеграция социальных медиа в процесс разработки нового товара способна сделать весь процесс более клиентоцентричным, поскольку за счет интерактивности и вовлеченности потребителей компания оперативно получает важную рыночную информацию [13]. Помимо прямого вовлечения потребителей в создание продукта, социальные медиа могут быть использованы в качестве источника огромного массива данных, имеющих ценность для принятия решений по новым продуктам [14]. Схематично влияние социальных медиа на процесс разработки новых продуктов представлено на рисунке 5.

3D-печать – это аддитивная технология, которая позволяет получать физический предмет из цифрового файла путем печати на специальном устройстве. Интерес к 3D-печати стремительно растет во многом благодаря преимуществам, которая технология дает в плане скорости создания прототипов, снижения затрат на производство и создания продуктов, которые потребители могут собрать самостоятельно [15].

В процессе разработки нового товара 3D-принтеры позволяют многократно увеличить скорость прототипирования. Исследователи отме-

чают две характеристики, которые положительно отличают 3D-печать от других технологий прототипирования [16]. Первое отличие касается стоимости: текущие цены на 3D-принтеры в несколько раз ниже цен на оборудование для быстрого прототипирования при получении схожих результатов. В настоящее время основными производителями 3D-принтеров, подходящих для печати прототипов, являются: Zcorp (www.zcorp.com), Objet Geometries (www.objet.com), Dimension (www.dimensionprinting.com), Designcraft (www.designcraft.com), Stratasys (www.stratasys.com) и 3D Systems (www.3dsystems.com). Второе отличие заключается в практически бесшовной интеграции с автоматизированной системой проектирования CAD (computer-assisted design). В процессе проектирования продукта работа может быть сохранена в формате STL (industry-standard stereo-lithography) или другом формате, из которого можно сразу же распечатать прототип. Традиционно реакция потребителей на новый продукт оценивается с помощью краткого описания концепции, что не всегда является надежной оценкой, поскольку этот подход в значительной степени задействует воображение потребителей. Напечатанный с помощью 3D-принтера прототип может значительно повысить качество получаемой от потребителей информации и повышает

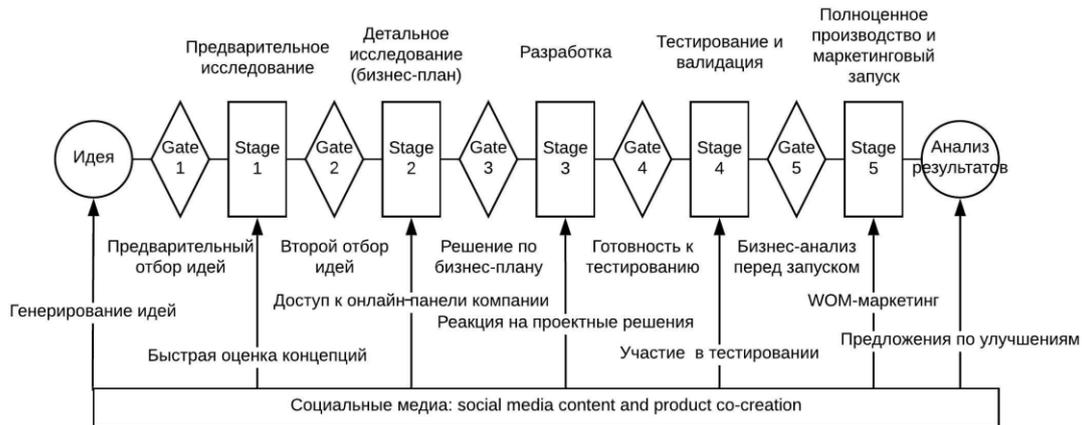

Рис. 5. Влияние социальных медиа на разработку новых продуктов [14]

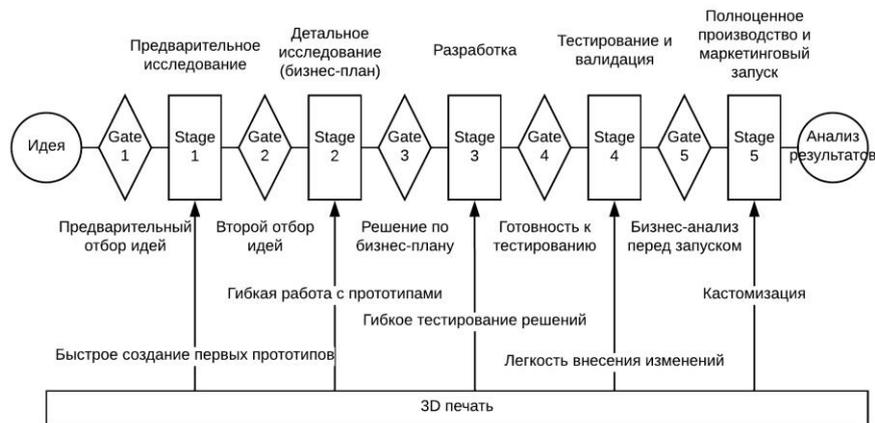

Рис. 6. Влияние 3D-печати на процесс разработки новых продуктов [16]

гибкость исследовательского процесса. Для того чтобы внести изменения в прототип на основании полученной от потребителей информации, нет необходимости проходить длительный процесс, достаточно будет внести изменения в цифровую модель продукта и заново напечатать прототип. Помимо быстрого создания прототипов, 3D-принтеры позволяют производить товары в малом количестве под запросы отдельных сегментов или индивидуально для конкретного потребителя. Без 3D-принтеров массовая кастомизация достигается либо за счет модульной архитектуры продукта, либо за счет отложенной дифференциации. Таким образом, 3D-принтеры открывают возможности стремительного расширения продуктовой линейки без существенных инвестиций (рис. 6).

Следующей технологией, которая также уже сейчас меняет практику разработки новых товаров, является виртуальная и дополненная реальность. В виртуальной реальности окружающий мир полностью воссоздается для наблюдателя, в дополненной реальности виртуальные

объекты накладываются на реальность и наблюдатель видит реальный мир с виртуальными объектами в нем.

Дополненная и виртуальная реальность начинают постепенно внедряться в процесс разработки нового продукта. Более интуитивно понятный механизм взаимодействия с виртуальными объектами позволяет задействовать на ранней стадии преимущества совместного проектирования и вовлечения потребителей, от которых в данном случае не требуется интенсивной подготовки [17]. На рисунке 7 представлена разработка Онга и Шена, в которой дополненная реальность используется для совместного проектирования продукта.

Традиционно для оценки проекта продукта создаются физические макеты, для того чтобы продемонстрировать внешний вид продукта, некоторые макеты создаются с ограниченным функциональным наполнением. Технология быстрого прототипирования часто используется для построения физических макетов будущего продукта. Использование данной технологии

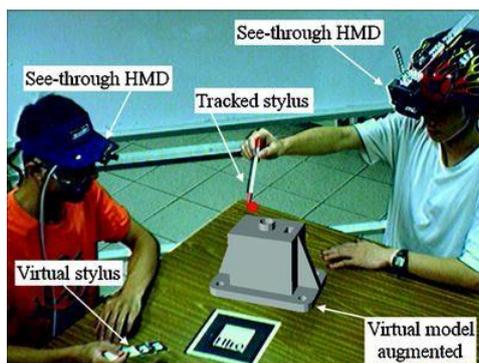

Рис. 7. Совместное проектирование и разработка системы [18]

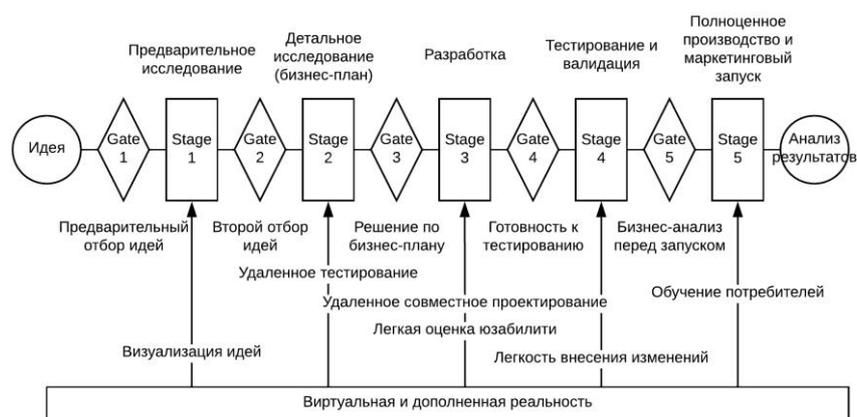

Рис. 8. Влияние виртуальной и дополненной реальности на процесс разработки новых товаров (адаптировано автором на основании [19])

сопряжено с высокими затратами и необходимым временем на изготовление макета. Дополненная и виртуальная реальность могут ускорить и удешевить процесс оценки дизайна и юзабилити нового продукта. Основным ограничением в этом случае становится отсутствие возможности оценки тактильных ощущений и восприятия веса продукта. Парк продемонстрировал, как дополненная реальность может быть использована на этапе оценки дизайна на примере портативного плеера [19]. Предложенная система позволяет быстро собирать из модулей различные варианты продукта и оценивать юзабилити и дизайн в виртуальном пространстве. Автор указывает, что предложенное решение также отлично подходит для презентации товара перед лицом, принимающим решение.

Заключение

Технологические инновации, в основе которых лежат новые технологии, способны радикальным образом менять практику разработки новых товаров и услуг. Уже сейчас мы видим, как разработки ученых и инженеров и эксперименты отдельных компаний эффективно преобразуют процесс управления продуктом. В статье

с помощью модели stage-gate продемонстрированы преимущества и новые практики, которые были невозможны на ранних этапах развития технологий. Социальные медиа, 3D-печать, дополненная и виртуальная реальность позволяют получать быструю реакцию от потребителей без дорогостоящих маркетинговых исследований, вовлекать их в процесс создания ценности, получать прототипы без существенных затрат и в короткое время, проверять гипотезы для построения эффективных бизнес-моделей и создавать условия для эффективной работы распределенных продуктовых команд.

Список литературы

1. Marion T.J., Friar J.H., Simpson T.W. New product development practices and early-stage firms: Two in-depth case studies // *Journal of Product Innovation Management*. 2012. № 4 (29). P. 639–654.
2. Song X.M., Montoya-Weiss M.M. Critical development activities for really new versus incremental products // *Journal of Product Innovation Management*. 1998. № 2 (15). P. 124–135.
3. Boutellier R. et al. Management of dispersed product development teams: the role of information technologies // *R&D Management*. 1998. № 1 (28). P. 13–25.

4. Goel R.K., Rich D.P. On the adoption of new technologies // *Applied Economics*. 1997. № 4 (29). P. 513–518.
5. Doraszelski U. Innovations, improvements, and the optimal adoption of new technologies // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2004. № 7 (28). P. 1461–1480.
6. Dougherty D., Hardy C. Sustained product innovation in large, mature organizations: overcoming innovation-to-organization problems // *Academy of Management Journal*. 1996. № 5 (39). P. 1120–1153.
7. Cooper J.R. A multidimensional approach to the adoption of innovation // *Management Decision*. 1998. № 8 (36). P. 493–502.
8. Dedehayir O., Steinert M. The hype cycle model: A review and future directions // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. **108**. P. 28–41.
9. Adams S. Surfing the Hype Cycle to Infinity and Beyond // *Research-Technology Management*. 2019. № 3 (62). P. 45–51.
10. Cooper R.G. Agile-Stage-Gate hybrids // *Research-Technology Management*. 2016. № 1 (59). P. 21–29.
11. Cooper R.G. Stage-gate systems: A new tool for managing new products // *Business Horizons*. 1990. V. 33. № 3. P. 44–54.
12. Lorenzo-Romero C., Constantinides E., Brünink L.A. Co-creation: Customer integration in social media based product and service development // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. **148**. P. 383–396.
13. Rathore A.K., Ilavarasan P.V., Dwivedi Y.K. Social media content and product co-creation: an emerging paradigm // *Journal of Enterprise Information Management*. 2016. № 1 (29). P. 7–18.
14. Moe W.W., Schweidel D.A. Online Product opinions: incidence, evaluation, and evolution // *Marketing Science*. 2012. № 3 (31). P. 372–386.
15. Kurman M., Lipson H. Fabricated. The new world of 3D printing [Цифровая книга]. John Wiley and Sons Limited, 2013.
16. Berman B. 3-D printing: The new industrial revolution // *Business Horizons*. 2012. № 2 (55). P. 155–162.
17. Ong S.K., Zhang J., Shen Y., Nee A.Y.C. Augmented reality in product development and manufacturing // *Handbook of Augmented Reality*. NY: Springer, 2011. P. 651–669.
18. Ong S.K., Shen Y. A mixed reality environment for collaborative product design and development // *CIRP Annals – Manufacturing Technology*. 2009. № 1 (58). P. 139–142.
19. Jun Tag Park. Augmented reality based re-formable mock-up for design evaluation // *Proceedings of The 2008 International Symposium on Ubiquitous Virtual Reality / IEEE Computer Soc. Washington, DC, 2008*. P. 17–20.

THE IMPACT OF NEW TECHNOLOGIES ON NEW PRODUCT DEVELOPMENT PRACTICES

M.R. Usmanov

LUKOIL – Nizhegorodniinefteproekt

Changes in new product development practices have been mainly incremental in nature. Technological innovations enabled by rapid development of technologies can lead to radical changes in product management. Based on Gartner Hype Cycle methodology and analysis of literature, four technologies that can encourage those changes were selected: social media, 3D printing, virtual reality, and augmented reality. Stage-gate served as a reference model to demonstrate changes in product development practices. The content of transformation was revealed in our case study of Russian and foreign companies' new practices. As a result, it was found that the above mentioned technologies create conditions for high consumer involvement in the creation of new products and services, make it possible to create relatively cheap prototypes with high speed, allow geographically remote teams to work effectively on new products, significantly increase the flexibility of the entire process through rapid testing of hypotheses and the implementation of validated knowledge directly in products and services.

Keywords: technological innovations, new product development, stage-gate, social media, 3D-printing, virtual reality, augmented reality.

УДК 330.46

АНАЛИТИЧЕСКИЕ И ЧИСЛЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БОЛЬНИЦЫ С УЧЁТОМ ОШИБОК РЕЗУЛЬТАТОВ НАБЛЮДЕНИЙ

© 2020 г.

М.А. Федоткин, Е.В. Пройдакова, А.Н. Эделева

Федоткин Михаил Андреевич; д.ф.-м.н.; проф.; профессор кафедры программной инженерии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
fma5@rambler.ru

Пройдакова Екатерина Вадимовна; к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры программной инженерии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
rev_1@mail.ru

Эделева Анна Николаевна, к.м.н.; главный врач
Городской клинической больницы № 34 Советского района г. Нижнего Новгорода
annikedd@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 03.04.2020**Статья принята к публикации 18.05.2020*

Процесс функционирования медицинского учреждения представляется в виде управляющей кибернетической системы, что дало возможность получить выборочные значения показателей его работы для семейства отчетных периодов при различных ошибках в измерениях. На примере фактических значений основных показателей с 2007 по 2015 год для конкретного медицинского учреждения предложена и апробирована методология вычисления по этим показателям дополнительной статистики любого конечного объема. Такого рода статистика позволяет подробно изучить качество и динамику функционирования медицинского учреждения, в частности провести анализ изменения статей финансовых затрат по отчетным годам с учётом ошибок результатов наблюдений.

Ключевые слова: управляющая система, кибернетический подход, математическая модель, функционирование медицинского учреждения, фактические затраты, основные показатели, точность измерений, закон Гаусса, выборочные значения.

Введение

За последние пятьдесят лет в нашей стране и мире наблюдается значительный рост числа престарелых граждан. В связи с этим проводятся мероприятия, направленные на повышение качества и доступности медицинской помощи данной категории лиц [1–16]. В связи с ограничением финансирования требуется дополнительное исследование финансовых затрат в каждом многопрофильном и специализированном медицинском учреждении [11–13, 16]. Существенной трудностью такого рода исследований является то, что медицинское учреждение в каждом отчетном году имеет в наличии единственное измерение как финансовых затрат, так и основных показателей эффективности работы. Более того, указанные измерения могут содержать случайные ошибки. Разработка аналитических и инструментальных методов оценки эффективности функционирования медицинского учреждения в таких сложных условиях является важной проблемой. В первую очередь необходимо решить задачу анализа динамики статей финансовых затрат лечебных учрежде-

ний по отчетным годам с учётом ошибок результатов наблюдений.

Данная статья является непосредственным продолжением работы [17], в которой предлагается синтез математической модели функционирования конкретного медицинского учреждения в виде управляющей кибернетической системы. Кибернетический подход позволяет по единственному измерению основных показателей результатов работы отдельного медицинского учреждения в течение каждого отчетного года получить дополнительную статистику любого конечного объема. В настоящей работе, с использованием дополнительной статистики о значениях этих показателей, подробно изучены качество и динамика функционирования медицинского учреждения. Напомним обозначения и результаты из [17].

Медицинская сеть региона, как правило, составлена из некоторого количества n типовых медицинских учреждений (больниц) M_1, M_2, \dots, M_n . Администрация медицинского регионального подразделения и администрация медицинского учреждения $M_j, j \in J = \{1, 2, \dots, n\}$, в течение отчетного года $t \in T = \{1, 2, \dots, k\}$ может вы-

бирать так называемое нормативное управление $u=u(t) \in R$. Управление $u=u(t)$ для больницы M_j представляет собой некоторое воздействие, которое существенно влияет на основные параметры и показатели ее функционирования. Управление $u=u(t)$ для учреждения M_j в отчетном году t определяет: а) число $x_j^{(u)}(t)$ используемых коек; б) стоимость $A_{i,j}^{(u)}(t)$ затрат статьи с номером $i \in I = \{1, 2, \dots, m\}$; в) количество $Q_j^{(u)}(t)$ пролеченных больных; д) количество $G_j^{(u)}(t)$ умерших больных; е) число $L_j^{(u)}(t)$ койко-дней; ф) подмножество $I_0 = \{i_1, i_2, \dots, i_s\}$ номеров $i_1 < i_2 < \dots < i_s = m$ укрупненных статей затрат; г) подмножество $I_1 = \{a_1, a_2, \dots, a_l\}$ номеров $a_1 < a_2 < \dots < a_l$ вспомогательных или зависимых статей затрат; з) подмножество $(I \setminus I_0) \setminus I_1$ номеров $b_1 < b_2 < \dots < b_{m-s-l}$ независимых статей затрат. Финансирование укрупненных или зависимых статей затрат, как правило, выражается через финансирование некоторых независимых статей с номерами из подмножества $(I \setminus I_0) \setminus I_1$. Укрупненные статьи важны при изучении структуры затрат каждого из типовых медицинских учреждений, так как именно они при выбранном управлении $u=u(t)$ определяют суммарный объём $A_{m,j}^{(u)}(t) = A_j^{(u)}(t)$ финансирования расходов по всем статьям затрат M_j в отчетном году t . По итогам функционирования медицинского учреждения M_j в году t и при использовании $x_j^{(u)}(t)$ коек измеряются фактические значения для статей затрат $A_{1,j}^{(u)}(t), A_{2,j}^{(u)}(t), \dots, A_{m,j}^{(u)}(t)$ и для основных показателей $Q_j^{(u)}(t), G_j^{(u)}(t), L_j^{(u)}(t)$.

Выбор нормативного управления $u=u(t)$ существенно влияет на результаты работы медицинского учреждения M_j . Данный выбор осуществляется с некоторой ошибкой. Более того, любое измерение фактических значений статей затрат $A_{1,j}^{(u)}(t), A_{2,j}^{(u)}(t), \dots, A_{m,j}^{(u)}(t)$ и значений основных показателей $Q_j^{(u)}(t), G_j^{(u)}(t), L_j^{(u)}(t)$ также осуществляется с ошибкой. У типового медицинского учреждения при назначенном управлении $u=u(t)$ в данном отчетном году t нет возможности проводить повторные измерения фактических значений статей затрат и значений основных показателей. Таким образом, возникает одно измерение для значений статей затрат $A_{1,j}^{(u)}(t), A_{2,j}^{(u)}(t), \dots, A_{m,j}^{(u)}(t)$ и значений основных показателей $Q_j^{(u)}(t), G_j^{(u)}(t), L_j^{(u)}(t)$. В работе [17] при некоторой заданной точности $0 < \varepsilon = \varepsilon(t) < 1$ впервые предложен простой метод многократной генерации реализаций фактического измерения для статей затрат и основных показателей. Реализация $\omega \in \{\omega_1, \omega_2, \dots\}$ позволяет вычислить с заданной точностью $\varepsilon = \varepsilon(t)$ значения статей затрат $A_{i,j}^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)$, значения

$Q_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)$ количества пролеченных больных, значения $G_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)$ количества умерших и значения $L_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)$ числа койко-дней, при управлении $u=u(t)$ для медицинского учреждения M_j за каждый отчетный год t . В [17] показывается, что величины вида $A_{i,j}^{(u; \varepsilon)}(\omega; t), Q_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t), G_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)$ и $L_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)$ распределены по закону Гаусса. При этом математическое ожидание $M(A_{i,j}^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)) = A_{i,j}^{(u)}(t)$ и дисперсия $D(A_{i,j}^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)) = (\varepsilon A_{i,j}^{(u)}(t)/3)^2$, математическое ожидание $M(Q_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)) = Q_j^{(u)}(t)$ и дисперсия $D(Q_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)) = (\varepsilon Q_j^{(u)}(t)/3)^2$, математическое ожидание $M(G_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)) = G_j^{(u)}(t)$ и дисперсия $D(G_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)) = (\varepsilon G_j^{(u)}(t)/3)^2$ и, наконец, среднее значение $M(L_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)) = L_j^{(u)}(t)$ и дисперсия $D(L_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)) = (\varepsilon L_j^{(u)}(t)/3)^2$.

В качестве обоснования и иллюстрации этого метода в [17] приводятся различные реальные примеры вычисления выборочных значений случайных величин $A_{i,j}^{(u; \varepsilon)}(\omega; t), Q_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t), G_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)$ и $L_j^{(u; \varepsilon)}(\omega; t)$ для сети медицинских учреждений г. Нижнего Новгорода. В работах [17, 18] для указанной сети, в состав которой вошли больницы № 34, № 24, № 14, № 11, № 37 Нижнего Новгорода соответственно с номерами 1, 2, 3, 4, 5, перечислены наименования всех возможных реальных статей затрат, а множества имеют следующий вид $J = \{1, 2, 3, 4, 5\}$, $I = \{1, 2, \dots, 25\}$, $I_0 = \{1, 5, 16, 17, 25\}$, $I_1 = \{8, 12, 19\}$, $(I \setminus I_0) \setminus I_1 = \{2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22, 23, 24\}$ и $n=5, m=25, s=5, l=3$. Здесь следующие номера соответствуют укрупненным статьям: 1, 5, 16, 17, 25. Например, финансирование по первой статье складывается из финансирований по статьям затрат с номерами 2, 3, 4. Финансирование статьи номер пять находится суммированием статей затрат под номерами 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14 и 15. Финансирование статьи 17 вычисляется суммированием статей затрат под номерами 18, 20, 21, 22, 23, 24. Величина $A_{25,j}^{(u)}(t) = A_j^{(u)}(t)$ финансирования статьи 25 находится суммированием финансирований укрупненных статей затрат под номерами 1, 5, 16, 17. Отдельно стоит отметить, что статья номер 16 тоже считается укрупненной, несмотря на то что она не определяется суммированием других независимых статей. Вспомогательные статьи затрат приведены в [17, 18] под номерами 8, 12, 19. Финансирование статьи 8 находится как сумма по статьям затрат с номерами 9, 10, 11. Статья 12 определяется суммированием статей затрат номер 13 и 14. Финансирование статьи 19 задается как сумма статей затрат 20, 21, 22, 23, 24.

Таблица 1

Расходы по укрупненным статьям больницы № 34

Наименование статьи	Фактическое финансирование в рублях по отчетным годам t				
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$	$t = 4$	$t = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда, $A_{1,1}^{(u)}(t)$	2487053.30	3628468.14	4374527.20	4891924.67	5894888.91
Приобретение услуг, всего, $A_{5,1}^{(u)}(t)$	4227077.71	8590033.87	2657016.26	2066512.90	1933331.28
Прочие расходы, $A_{16,1}^{(u)}(t)$	182895.86	252175.70	257833.75	160447.51	195596.21
Поступление нефинансовых активов, $A_{17,1}^{(u)}(t)$	1690260.50	2539718.22	1442320.45	2529490.92	3101002.26
Суммарная затрата, $A_{25,1}^{(u)}(t)$	8587287.37	15010395.93	8731697.66	9648376.00	11124818.66

Продолжение таблицы 1

Наименование статьи	Фактическое финансирование в рублях по отчетным годам t			
	$t = 6$	$t = 7$	$t = 8$	$t = 9$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда, $A_{1,1}^{(u)}(t)$	6332691.46	6990608.03	4075744.82	6014776.57
Приобретение услуг, всего, $A_{5,1}^{(u)}(t)$	1604479.65	2008816.96	1978280.29	1761009.64
Прочие расходы, $A_{16,1}^{(u)}(t)$	297275.12	442257.00	91992.36	92000.00
Поступление нефинансовых активов, $A_{17,1}^{(u)}(t)$	2002941.07	2912906.96	2550379.48	3312185.09
Суммарная затрата, $A_{25,1}^{(u)}(t)$	10237387.30	12354588.95	8696396.95	11179971.30

1. Вычисление и анализ выборочных значений показателей многопрофильного медицинского учреждения при малых ошибках в измерениях

В монографии [18] приведены числовые данные фактических финансовых расходов по всем статьям затрат и основных показатели пяти многопрофильных медицинских учреждений Нижнего Новгорода с 2007 по 2015 год. Отчетным годам присвоим соответственно номера 1, 2, ..., 9. Итак, в этой конкретной задаче множество $T = \{1, 2, \dots, 9\}$ и параметр $k = 9$. Напомним, что при любом $t = 1, 2, \dots, 9$ нормативное управление $u = u(t)$ определяет следующее количество коек для каждой из пяти больниц: $x_1^{(u)}(t) = x_2^{(u)}(t) = x_3^{(u)}(t) = x_4^{(u)}(t) = 50$, $x_5^{(u)}(t) = 25$. В этом исследовании ради простоты будем рассматривать работу только одного медицинского учреждения № 34 под первым номером при сгенерированных или выборочных экспериментальных данных. Для получения и качественного исследования сгенерированных финансовых расходов по укрупненным статьям и основных показателей первого медицинского учреждения ($j=1$) в дальнейшем из работы [18] были использованы фактические величины $A_{i,1}^{(u)}(t)$, $Q_1^{(u)}(t)$, $G_1^{(u)}(t)$, $L_1^{(u)}(t)$, $i \in \{1, 5, 16, 17, 25\}$, $t=1, 2, \dots, 9$. В табл. 1 представлены фактические расходы по укрупненным статьям затрат по каждому от-

четному году в случае первого медицинского учреждения.

В табл. 2 приведём фактические измерения основных показателей $Q_1^{(u)}(t)$, $G_1^{(u)}(t)$, $L_1^{(u)}(t)$ по каждому отчетному году медицинского учреждения под первым номером. Далее с использованием табл. 1, 2 и описанного в [17] алгоритма на основе нормального закона получим выборочные значения следующих случайных показателей $A_{1,1}^{(u;\varepsilon)}(\omega;t)$, $A_{5,1}^{(u;\varepsilon)}(\omega;t)$, $A_{16,1}^{(u;\varepsilon)}(\omega;t)$, $A_{17,1}^{(u;\varepsilon)}(\omega;t)$, $A_{25,1}^{(u;\varepsilon)}(\omega;t)$, $Q_1^{(u;\varepsilon)}(\omega;t)$, $G_1^{(u;\varepsilon)}(\omega;t)$, $L_1^{(u;\varepsilon)}(\omega;t)$ при $\varepsilon \in \{0.01; 0,1\}$, $\omega \in \{\omega_1, \omega_2, \omega_3\}$ и $t = 1, 2, \dots, 9$. Здесь полагаем для каждого значения ε по три реализации нормального закона, которые обозначим символами $\omega_1, \omega_2, \omega_3$.

В табл. 3–5 при $\varepsilon=0.01$ и при реализациях $\omega_1, \omega_2, \omega_3$ нормального закона приведены выборочные значения по укрупненным статьям и выборочные значения по основным показателям для больницы № 34 с 2007 по 2015 год.

Изучим изменения так называемых качественных показателей эффективности деятельности больницы, к которым можно отнести динамику финансовых расходов по каждой из укрупненных статей затрат 1, 5, 16, 17 и 25.

Используя информацию табл. 3–5 о выборочных значениях показателей больницы № 34, можно отобразить качественное изменение по отчетным годам финансовых расходов каждой из укрупненных статей затрат.

Таблица 2

Фактические значения основных показателей больницы № 34

Наименования показателей	Значения показателей по отчетным годам t				
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$	$t = 4$	$t = 5$
Количество пролеченных, $Q_1^{(w)}(t)$	170	194	395	606	604
Количество умерших, $G_1^{(w)}(t)$	39	14	18	40	20
Количество койко-дней, $L_1^{(w)}(t)$	15912	18088	18250	17001	16912

Продолжение таблицы 2

Наименования показателей	Значения показателей по отчетным годам t			
	$t = 6$	$t = 7$	$t = 8$	$t = 9$
Количество пролеченных, $Q_1^{(w)}(t)$	614	606	604	543
Количество умерших, $G_1^{(w)}(t)$	13	20	10	8
Количество койко-дней, $L_1^{(w)}(t)$	17279	17118	17090	15146

Таблица 3

Выборочные значения показателей больницы № 34 при $\varepsilon = 0.01$

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_1				
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$	$t = 4$	$t = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	2497760.49	3644089.32	4393360.29	4912985.24	5920267.42
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	4245276.00	8627015.44	2668455.17	2075409.58	1941654.60
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	183683.26	253261.36	258943.77	161138.26	196438.29
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	1697537.36	2550652.14	1448529.89	2540380.81	3114352.61
Суммарный объем затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	8624257.11	15075018.25	8769289.11	9689913.90	11172712.91
Число пролеченных, $Q_1^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	171	195	397	609	607
Количество умерших, $G_1^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	39	14	18	40	20
Количество койко-дней, $L_1^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	15981	18166	18329	17074	16985

Продолжение таблицы 3

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_1			
	$t = 6$	$t = 7$	$t = 8$	$t = 9$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	6359954.78	7020703.79	4093291.60	6040671.21
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	1611387.21	2017465.26	1986797.13	1768591.09
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	298554.94	444160.99	92388.40	92396.08
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	2011564.07	2925447.52	2561359.30	3326444.61
Суммарный объем затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	10281461.00	12407777.57	8733836.43	11228102.99
Количество пролеченных, $Q_1^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	617	609	607	545
Количество умерших, $G_1^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	13	20	10	8
Количество койко-дней, $L_1^{(u;0,01)}(\omega_1; t)$	17353	17192	17164	15211

Таблица 4

Выборочные значения показателей больницы № 34 при $\varepsilon = 0.01$

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_2				
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$	$t = 4$	$t = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	2475840.85	3612109.81	4354805.39	4869870.27	5868312.81
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	4208020.65	8551307.18	2645037.56	2057196.37	1924615.19
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	182071.31	251038.81	256671.35	159724.16	194714.40
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	1682640.25	2528268.34	1435818.00	2518087.14	3087021.92
Суммарный объем затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	8548573.06	14942724.13	8692332.30	9604877.94	11074664.32
Количество пролеченных, $Q_1^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	169	193	393	603	601
Количество умерших, $G_1^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	39	14	18	40	20
Количество койко-дней, $L_1^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	15840	18006	18168	16924	16836

Продолжение таблицы 4

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_2			
	$t = 6$	$t = 7$	$t = 8$	$t = 9$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	6304141.61	6959092.07	4057370.02	5987659.98
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	1597246.13	1999760.55	1969361.55	1753070.43
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	295934.91	440263.16	91577.63	91585.23
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	1993911.15	2899774.62	2538881.53	3297252.67
Суммарный объем затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	10191233.79	12298890.40	8657190.74	11129568.32
Количество пролеченных, $Q_1^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	611	603	601	541
Количество умерших, $G_1^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	13	20	10	8
Количество койко-дней, $L_1^{(u; 0,01)}(\omega_2; t)$	17201	17041	17013	15078

Таблица 5

Выборочные значения показателей больницы № 34 при $\varepsilon = 0.01$

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_3				
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$	$t = 4$	$t = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	2486391.13	3627502.08	4373362.50	4890622.22	5893319.42
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	4225952.27	8587746.82	2656308.84	2065962.69	1932816.54
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	182847.16	252108.56	257765.10	160404.79	195544.13
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	1689810.48	2539042.03	1441936.44	2528817.46	3100176.63
Суммарный объем затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	8585001.05	15006399.48	8729372.89	9645807.16	11121856.73
Количество пролеченных, $Q_1^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	170	194	395	606	604
Количество умерших, $G_1^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	39	14	18	40	20
Количество койко-дней, $L_1^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	15908	18083	18245	16996	16907

Продолжение таблицы 5

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_3			
	$t = 6$	$t = 7$	$t = 8$	$t = 9$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	6331005.41	6988746.81	4074659.67	6013175.16
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	1604052.47	2008282.12	1977753.58	1760540.78
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	297195.97	442139.25	91967.87	91975.51
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	2002407.80	2912131.41	2549700.45	3311303.24
Суммарный объём затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	10234661.65	12351299.60	8694081.58	11176994.69
Количество пролеченных, $Q_1^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	614	606	604	543
Количество умерших, $G_1^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	13	20	10	8
Количество койко-дней, $L_1^{(u; 0,01)}(\omega_3; t)$	17274	17113	17085	15142

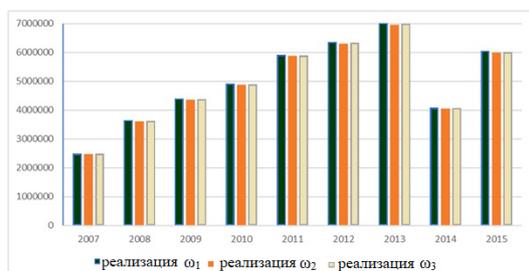

Рис. 1. Динамика расходов по статье «Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда» при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона

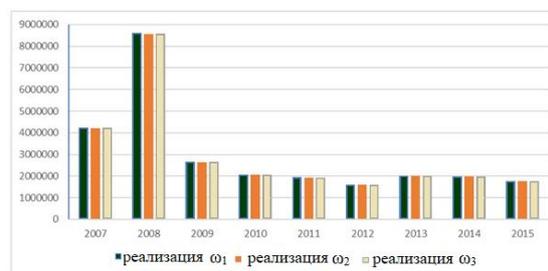

Рис. 2. Динамика финансовых расходов по статье «Приобретение услуг, всего» при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона

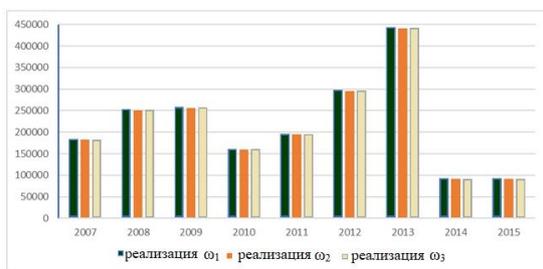

Рис. 3. Динамика финансовых расходов по статье «Прочие расходы» при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона

Рис. 4. Динамика финансовых расходов по статье «Поступление нефинансовых активов» при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона

Из рис. 1 следует, что с 2007 по 2013 год наблюдается постепенный рост выборочных значений финансирования этой укрупнённой статьи финансовых затрат. В 2014 году по этой статье имеем резкое уменьшение финансирования, а затем снова рост.

На рис. 2, 3 и 4 изображены качественные изменения во времени выборочных значений финансовых расходов больницы № 34 Нижнего Новгорода с 2007 по 2015 год по укрупнённым статьям «Приобретение услуг, всего», «Прочие расходы» и «Поступление нефинансовых активов» соответственно.

Из рис. 2 видно, что в 2008 году произошло резкое увеличение финансирования по статье «Приобретение услуг, всего» и затем наблюдается значительное его уменьшение в последующие годы с незначительными колебаниями. Рисунок 3 демонстрирует колебательную динамику фактических финансовых расходов по статье «Прочие расходы». При этом в 2013 году произошло значимое увеличение выборочного значения финансирования по этой статье, а в 2014 году – серьёзный спад. Но при этом длительность динамики качественного роста финансирования превышает длительность дина-

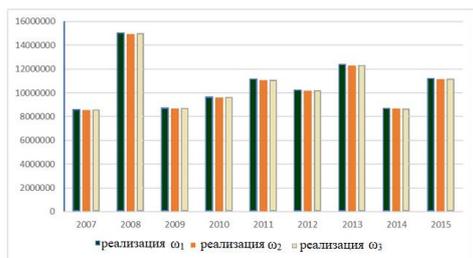

Рис. 5. Динамика финансовых расходов по статье «Суммарный объём затрат» при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона

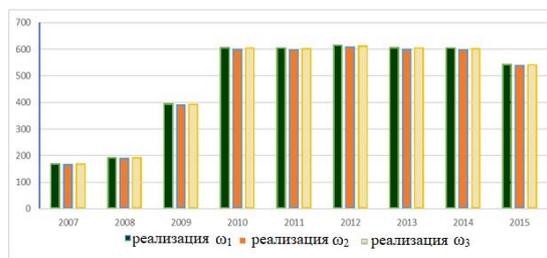

Рис. 6. Динамика показателя «Количество пролеченных человек» при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона

Рис. 7. Динамика показателя «Количество умерших человек» при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона

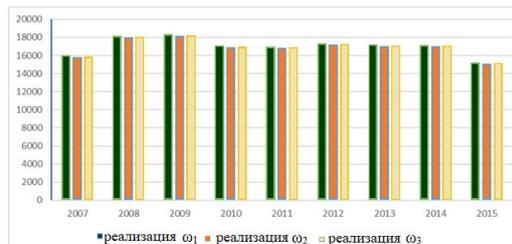

Рис. 8. Динамика показателя «Количество койко-дней» при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона

мики качественного уменьшения финансирования. Из рис. 4 непосредственно следует, что динамика выборочных значений расходов по статье «Поступление нефинансовых активов» качественно имеет почти синусоидальный характер и имеет тенденцию к постепенному увеличению финансирования.

На рис. 5 представлена динамика выборочных значений финансовых расходов по укрупнённой статье «Суммарный объём затрат» больницы № 34 Нижнего Новгорода с 2007 по 2015 год при $\varepsilon = 0.01$ и различных реализациях нормального закона.

Из табл. 3 – 5 и рис. 5 следует, что в 2008 году произошло резкое увеличение выборочного значения финансирования по статье «Суммарный объём затрат», а в 2014 году – спад. В остальные годы выборочные значения финансирования по этой статье практически оставались постоянными с небольшими колебаниями.

В табл. 3 – 5 при $\varepsilon = 0.01$ и реализациях $\omega_1, \omega_2, \omega_3$ нормального закона приведены выборочные значения для основных показателей больницы № 34 с 2007 по 2015 год. Используя эту информацию, изучим динамику выборочных значений основных показателей $Q_1^{(u; 0,01)}(\omega; t), G_1^{(u; 0,01)}(\omega; t)$ и $L_1^{(u; 0,01)}(\omega; t)$ при $\omega = \omega_1, \omega_2, \omega_3$ и $t = 1, 2, \dots, 9$. На рис. 6 – 8 приведены графики изменения основных показателей по больнице № 34 с 2007 по 2015 год. Анализируя информацию в указанных таблицах и рис. 6–8, можно оценить деятельность больницы № 34 Нижнего

Новгорода по этим основным и естественным показателям. Например, в 2010 году было зафиксировано максимальное число как пролеченных больных, так и умерших людей. Напротив, можно заметить, что в 2007 году наблюдалось минимальное число пролеченных больных и почти максимальное число умерших. В 2012 году наблюдалось максимальное число пролеченных больных и почти минимальное число умерших. Стоит отдельно отметить, что сгенерированные значения показателя «Количество умерших человек» в 2007 отчётном году совпадают по каждой из трёх различных реализаций. Это свойство имеет место по всем остальным годам с 2008 по 2015. Выборочные значения показателя «Количество койко-дней» почти не зависят от ω и t . Аналогичным образом, используя экспериментальные данные других медицинских учреждений, можно оценить эффективность их работы.

Если фактические измерения показателей работы больницы осуществляются с незначительной ошибкой, то из анализа численных результатов выборочных значений можно сделать следующие выводы: 1) в структуре затрат большая часть – около 47% – отводится под оплату труда и начисления на выплаты по этой оплате; 2) приблизительно 28% занимает статья «Приобретение услуг, всего»; 3) около 23% от всех денежных средств занимает статья «Поступление нефинансовых активов»; 4) объём финансирования по статье «Прочие расходы» значительно уступает каждому из объёмов по

Таблица 6

Выборочные значения показателей больницы № 34 при $\varepsilon = 0.1$

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_1				
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$	$t = 4$	$t = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	2334109.62	3405332.09	4105511.55	4591091.17	5532377.19
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	3967129.60	8061781.68	2493620.55	1939430.74	1814439.26
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	171648.51	236667.92	241978.02	150580.64	183567.84
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	1586316.35	2383535.87	1353623.60	2373937.50	2910303.22
Суммарный объем затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	8059204.08	14087317.55	8194733.72	9055040.06	10440687.50
Количество пролеченных человек, $Q_1^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	160	182	371	569	567
Количество умерших человек, $G_1^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	37	13	17	38	19
Количество койко-дней, $L_1^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	14933	16976	17128	15956	15872

Продолжение таблицы 6

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_1			
	$t = 6$	$t = 7$	$t = 8$	$t = 9$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	5943256.66	6560714.03	3825103.07	5644892.24
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	1505810.67	1885282.88	1856624.09	1652714.70
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	278993.91	415059.99	86335.20	86342.37
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	1879768.33	2733775.01	2393541.50	3108499.16
Суммарный объем затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	9607829.57	11594831.91	8161603.86	10492448.48
Количество пролеченных человек, $Q_1^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	576	569	567	510
Количество умерших человек, $G_1^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	12	19	9	8
Количество койко-дней, $L_1^{(u; 0,1)}(\omega_1; t)$	16216	16065	16039	14215

остальным укрупненным статьям и составляет в структуре затрат около 2%; 5) динамика выборочных значений заметно зависит от показателя функционирования медицинского учреждения и мало зависит от реализаций нормального закона. Эти выводы полностью совпадают со структурой и динамикой фактических измерений показателей больницы № 34 Нижнего Новгорода за период с 2007 по 2015 год из работы [18].

2. Вычисление и анализ выборочных значений показателей многопрофильного медицинского учреждения при значительных ошибках в измерениях

Далее рассмотрим влияние заметных ошибок в реальных измерениях на сгенерированные по нормальному закону значения показателей эф-

фективности деятельности медицинского учреждения. В табл. 6–8 приведены экспериментальные данные полученные при значении $\varepsilon = 0.1$, включающие в себя значения величин $A_{i,1}^{(u; 0,1)}(\omega; t)$, $i \in \{1, 5, 16, 17, 25\}$, $\omega \in \{\omega_1, \omega_2, \omega_3\}$ и $t = 1, 2, \dots, 9$, по укрупненным статьям и значения величин $Q_1^{(u; 0,1)}(\omega; t)$, $G_1^{(u; 0,1)}(\omega; t)$ и $L_1^{(u; 0,1)}(\omega; t)$ по больнице № 34 с 2007 по 2015 год.

В табл. 6 приведены экспериментальные данные, полученные при значении $\varepsilon = 0.1$ и реализации нормального закона ω_1 . В табл. 7 приведены экспериментальные данные, полученные при значении $\varepsilon = 0.1$ и реализации нормального закона ω_2 . В табл. 8 приведены экспериментальные данные, полученные при значении $\varepsilon = 0.1$ и реализации нормального закона ω_3 . По табл. 6–8 при $\omega \in \{\omega_1, \omega_2, \omega_3\}$, $t = 1, 2, \dots, 9$ и

Таблица 7

Выборочные значения показателей больницы № 34 при $\epsilon = 0.1$

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_2				
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$	$t = 4$	$t = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	2631922.05	3839823.34	4629339.71	5176875.14	6238261.20
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	4473301.41	9090396.07	2811785.21	2186885.52	2045946.19
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	193549.39	266864.72	272852.35	169793.44	206989.52
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	1788716.74	2687654.66	1526334.40	2676831.62	3281633.02
Суммарный объём затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	9087489.59	15884738.79	9240311.66	10210385.72	11772829.93
Количество пролеченных человек, $Q_1^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	180	205	418	641	639
Количество умерших человек, $G_1^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	41	15	19	42	21
Количество койко-дней, $L_1^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	16839	19142	19313	17991	17897

Продолжение таблицы 7

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_2			
	$t = 6$	$t = 7$	$t = 8$	$t = 9$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	6701565.38	7397805.03	4313153.51	6365132.21
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u; 0,1)}(t)$	1697939.23	2125828.85	2093513.44	1863586.96
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	314591.14	468018.10	97350.84	97358.92
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	2119610.69	3082581.32	2698936.93	3505117.07
Суммарный объём затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	10833706.44	13074233.30	9202954.71	11831195.16
Количество пролеченных человек, $Q_1^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	650	641	639	575
Количество умерших человек, $G_1^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	14	21	11	8
Количество койко-дней, $L_1^{(u; 0,1)}(\omega_2; t)$	18285	18115	18085	16028

$\epsilon=0.1$ для величин $A_{i,1}^{(u; 0,1)}(\omega;t)$, $i \in \{1, 5, 16, 17, 25\}$, $Q_1^{(u; 0,1)}(\omega;t)$, $G_1^{(u; 0,1)}(\omega;t)$ и $L_1^{(u; 0,1)}(\omega;t)$ легко построить графики, аналогичные представленным на рис. 1 – 8.

Изучая графики для соответствующих показателей при $\epsilon=0.1$ и $\epsilon=0.01$, можно для случая при значительных ошибках в реальных измерениях сделать замечания, которые полностью совпадают с выводами из последнего абзаца первого раздела этой работы. Для объяснения этого замечательного факта отобразим на рис. 9 динамику финансовых расходов по статье «Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда» при $\epsilon = 0.1$ и различных реализациях нормального закона.

Сравнивая график рис. 3, 4 из монографии [18] и графики рис. 1 и рис. 9 данного исследования, можно относительно динамики расходов отметить, что качественное изменение каждой из величин $A_{1,1}^{(u)}(t)$, $A_{1,1}^{(u; 0,01)}(\omega;t)$, $A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega;t)$

по отчётным годам полностью сохраняется. Максимальное значение каждой из величин $A_{1,1}^{(u)}(t)$, $A_{1,1}^{(u; 0,01)}(\omega;t)$ и $A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega;t)$ приблизительно равно 6990608, 7020703 и 7397805 соответственно. Значит, с увеличением ошибок фактических измерений имеем увеличение выборочных значений финансовых расходов по статье «Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда». Более того, с увеличением ошибок измерений выборочные значения показателей существенно зависят от реализаций нормального закона. Например, из таблиц 6 – 8 для величины $A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega;t)$, соответствующей статье «Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда», имеем следующее соотношение: $A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega_1; 5)=5532377.19 < A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega_3; 5) = 5923135.44 < A_{1,1}^{(u; 0,1)}(\omega_2; 5)=6238261.20$.

Для сравнения – при малых ошибках в реальных измерениях зависимость от реализации нормального закона практически не прослеживается.

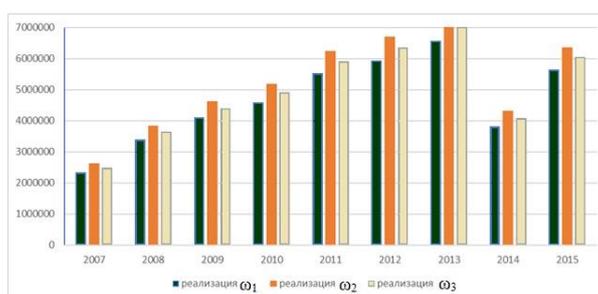
Таблица 8

Выборочные значения показателей больницы № 34 при $\epsilon = 0.1$

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_3				
	$t = 1$	$t = 2$	$t = 3$	$t = 4$	$t = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	2498970.51	3645854.67	4395488.62	4915365.30	5923135.44
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u;0,1)}(t)$	4247332.59	8631194.73	2669747.88	2076415.00	1942595.22
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	183772.24	253384.05	259069.21	161216.33	196533.45
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	1698359.72	2551887.79	1449231.62	2541611.48	3115861.33
Суммарный объём затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	8628435.07	15082321.23	8773537.33	9694608.11	11178125.44
Количество пролеченных человек, $Q_1^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	171	195	397	609	607
Количество умерших человек, $G_1^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	39	14	18	40	20
Количество койко-дней, $L_1^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	15988	18175	18337	17082	16993

Продолжение таблицы 8

Наименования	Сгенерированные значения по годам t при реализации ω_3			
	$t = 6$	$t = 7$	$t = 8$	$t = 9$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда (руб.), $A_{1,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	6363035.81	7024104.92	4095274.56	6043597.57
Приобретение услуг, всего (руб.), $A_{5,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	1612167.83	2018442.61	1987759.61	1769447.87
Прочие расходы (руб.), $A_{16,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	298699.57	444376.16	92433.16	92440.84
Поступление нефинансовых активов (руб.), $A_{17,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	2012538.56	2926864.73	2562600.13	3328056.08
Суммарный объём затрат (руб.), $A_{25,1}^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	10286441.78	12413788.42	8738067.47	11233542.36
Количество пролеченных человек, $Q_1^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	617	609	607	546
Количество умерших человек, $G_1^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	13	20	10	8
Количество койко-дней, $L_1^{(u;0,1)}(\omega_3; t)$	17362	17200	17172	15219

Рис. 9. Динамика расходов по статье «Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда» при $\epsilon = 0.1$ и различных реализациях нормального закона

Непосредственно из рис. 1 получаем, что $A_{1,1}^{(u;0,01)}(\omega_1; 5) \approx A_{1,1}^{(u;0,01)}(\omega_2; 5) \approx A_{1,1}^{(u;0,01)}(\omega_3; 5)$.

Заключение

Предложенный в работе [17] кибернетический подход позволяет на основе только одного измерения о работе медицинского учреждения

получать выборочную статистику неограниченного объёма для статей финансовых затрат, числа пролеченных больных, числа умерших больных и для количества койко-дней. В настоящем исследовании предложен метод использования такого рода статистики для аналитического и численного анализа функционирования медицинского учреждения. При различных зна-

чениях точности измерений реальных показателей работы больницы решена задача динамики по отчётным годам для статей финансовых затрат, числа пролеченных больных, числа умерших больных и для количества койко-дней. Эффективность предложенного метода демонстрируется на сравнении динамики фактических и выборочных показателей функционирования лечебного медицинского учреждения № 34 в период с 2007 по 2015 год. Полученные результаты дают возможность сделать вывод о влиянии ошибок фактических измерений на оценку работы медицинского учреждения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-413-520005).

Список литературы

1. Карюхин Э.В. Старение населения: демографические показатели // Клиническая геронтология. 2000. № 1. С. 56–61.
2. Вялков А.И. О необходимости внедрения новых экономических моделей в здравоохранении // Экономика здравоохранения. 2001. № 1. С. 5–11.
3. Молевич Е.Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования 2001. № 4. С. 61–68.
4. Бадаев Ф.И., Васильцова Л.И. Экономические проблемы муниципальной многопрофильной больницы // Экономика здравоохранения. 2002. № 11 (68). С. 14–17.
5. Лебедев Н.В., Ролдугин Г.Н. Оптимизация распределения материальных ресурсов на уровне многопрофильного ЛПУ // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. 2006. № 5 (2). С. 384–385.
6. Грачёва А.С. О комплексном подходе к оказанию медицинской и социальной помощи пожилым людям // Вестник Росздравнадзора. 2011. № 1. С. 4–11.
7. Степкина Ю.А. Анализ моделей и способов финансирования здравоохранения и их развития в современных условиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 6 (1). С. 135–144.
8. Артемин В.А. Состояние гериатрической помощи населению Нижегородской области в 2011 г. // Гериатрическая помощь населению Нижегородской области. Информационно-методические материалы. 2012. С. 3–23.
9. Галимов И.А., Уразаева Л.Ю. Математическая оценка взаимовлияния уровней безработицы различных возрастных групп с учётом старения населения // Вестник НГГУ. 2013. № 1. С. 14–19.
10. Кумратова А.М., Попова Е.В., Биджиев А.З. Экономико-математическое моделирование риска в задачах управления ресурсами здравоохранения. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2014. 168 с.
11. Сенченко И.К. Причины обращаемости лиц пожилого и старческого возраста в амбулаторно-поликлинические учреждения // Саратовский государственный медицинский университет. Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. № 3. С. 618.
12. Свиридова Т., Орлова Т. Сравнительный анализ моделей здравоохранения в мире // Врач. 2012. № 4. С. 112–115.
13. Позднякова М.А., Семисынов С.О. Постарение населения и актуальные проблемы последипломной подготовки среднего медицинского персонала в системе гериатрической помощи. Н. Новгород: Изд-во «Дятловы Горы», 2011. 188 с.
14. Соколов Е.В., Самойлов Д.И. Экономико-математическая модель управления финансовым результатом работы структурных подразделений и поликлиники в целом // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. № 2 (8). С. 22–32.
15. Соколов Е.В. Система эффективного управления бюджетными поликлиниками Москвы и инструменты роста экономики России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 1 (10). С. 55–64.
16. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 704 с.
17. Федоткин М.А., Пройдакова Е.В., Эделева А.Н. Математические и инструментальные методы построения модели экономики функционирования больницы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 54–64.
18. Федоткин М.А. Нетрадиционные проблемы математического моделирования экспериментов. М.: Физматлит, 2018. 424 с.

ANALYTICAL AND NUMERICAL METHODS FOR ANALYSIS OF HOSPITAL FUNCTIONING TAKING INTO ACCOUNT ERRORS OF OBSERVATION RESULTS

M.A. Fedotkin¹, E.V. Proydakova¹, A.N. Edeleva²

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

²Nizhny Novgorod State Budgetary Healthcare Institution «City clinical hospital № 34 of the Sovetsky district of Nizhny Novgorod»

In this article, the functioning of a medical institution is represented in the form of a controlling cybernetic system. This made it possible to obtain sample values of the performance indicators of a medical institution for a family of reporting periods with various measurement errors. Based on the example of actual values of the main indicators from 2007 to 2015, a methodology for calculating additional statistics of any final volume for these indicators is proposed and tested for a particular medical institution. Such statistics allows us to study in detail the quality and dynamics of the functioning of a medical institution, in particular, to analyze the dynamics of items of financial costs for the reporting years, taking into account errors in the results of observations.

Keywords: control system, cybernetic approach, mathematical model, functioning of a medical institution, actual costs, key indicators, measurement accuracy, Gauss law, sample values.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.35

РОДИТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО ОБ УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ В ШКОЛЕ: ТИПОЛОГИЯ И СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ

© 2020 г.

Н.В. Шаброва, Е.А. Шуклина, М.В. Певная

Шаброва Нина Васильевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
n.v.shabrova@urfu.ru

Шуклина Елена Анатольевна, д.соц.н.; профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
e.a.shuklina@urfu.ru

Певная Мария Владимировна, д.соц.н.; заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
m.v.pevnaya@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2019

Статья принята к публикации 15.05.2020

Реформирование системы школьного образования должно осуществляться в неразрывной связи с потребностями и интересами образовательных общностей. Родители как одна из таких общностей в последние годы все активнее вовлекаются в решение проблем школьного образования. Удовлетворенность родителей различными аспектами обучения их детей может выступить показателем эффективности образовательной политики.

Представлена попытка изучения отношения родителей к условиям образовательной деятельности их детей. Эмпирической базой работы выступили результаты онлайн-анкетирования родителей детей-школьников г. Екатеринбурга ($n=7281$ чел.). С помощью двухэтапного кластерного анализа по критерию удовлетворенности условиями образовательной деятельности их детей в школе была сформирована эмпирическая типология родителей. Выделено два кластера родителей: «скорее позитивно» (61.9%) и «скорее негативно» (38.1%) оценивающих условия обучения детей в школе. Корреляционный анализ позволил выявить отсутствие принципиальных различий в социально-демографических характеристиках кластеров родителей и оценке ими ключевой проблемы школьного образования (снижение мотивации учебной деятельности). Кластер «недовольных» родителей не удовлетворен практически всеми аспектами обучения их детей, но основной является проблема «человеческих отношений» в школе. Различаются кластеры родителей в оценке того, чего им не хватает для реализации эффективной помощи школе и своему ребенку в ней. «Недовольным» родителям недостаточно информации о жизни школы, юридических/экономических и др. знаний, необходимых для реализации гражданской активности. Представители «позитивно настроенных» родителей в качестве препятствия осуществления помощи школе видят только недостаток времени и личной активности.

Полученная типология родителей может и должна стать основой для разработки стратегий в работе с родительским сообществом органов управления различных уровней. Дифференцированный диалог управленцев в системе образования с родителями разных типов не только позволит решить текущие проблемы, но и будет способствовать развитию школьного образования.

Ключевые слова: родительское сообщество, типология родителей, удовлетворенность условиями образовательной деятельности, стратегии работы с родителями.

Введение

Обсуждая проблемы школьного образования в России, исследователи традиционно обращаются к изучению условий образовательной деятельности школьников. На каждом этапе реформирования системы образования эта про-

блема вновь обретает свою актуальность. Это является ответом на запрос общества о соотношении потребности в современном и качественном школьном образовании с возможностью ее реализации в конкретных социально-экономических и социокультурных условиях. Родители как важный фактор эффективной образователь-

ной деятельности школьников наиболее чувствительны к изменениям, происходящим в системе образования. В последнее десятилетие родительское сообщество, особенно в крупных российских городах, начинает проявлять все большую активность и заинтересованность в ситуации, складывающейся в школьном образовании. По данным последних исследований, родители становятся более организованными и ориентированными на решение реальных проблем школы, где учатся их дети, постепенно превращаясь в значимый фактор формирования гражданского общества в России [1, 2].

Традиционно исследователи выделяют несколько моделей участия родителей в образовании [3, 4]. Отмечая их эволюцию, констатируют, что во второй половине XX века произошел переход от доминанты школьного образования [5] к модели расширения возможностей родительского сообщества [6] в воспитании и образовании ребенка. Они указывают на необходимость новой трактовки понятия вовлеченности [7–9], показывают, что реформа образования должна идти по пути формирования диалога семьи и школы, отношений, выстроенных на принципах партнерства и равноправия [10, 11].

В связи с этим в рамках нашего исследования поставлена задача выявления отношения родителей к условиям образовательной деятельности их детей, наиболее актуальных проблем, которые требуют не только особого внимания со стороны органов управления образованием, но и деятельного участия родительского сообщества.

Материалы и методы

Статья основана на материалах исследовательского проекта научного коллектива Уральского федерального университета «Родители и школа: взаимодействие в системе образования города» (2019 г.), осуществленного при поддержке департамента образования г. Екатеринбурга. С помощью онлайн-анкетирования опрошены родители детей, обучающихся в г. Екатеринбурге. Объем выборки 7281 чел., выборка квотная, квоты заданы по районам города и типам школ. Полученные на большой выборке количественные данные дали возможность для решения научной задачи применить такие статистические методы, как кластерный и корреляционный анализ, позволившие выявить типологию родительского сообщества и описать ее базовые характеристики.

С помощью двухэтапного кластерного анализа на основе широкого спектра показателей была сформирована эмпирическая типология родителей по критерию удовлетворенности условиями образовательной деятельности их детей в школе.

Показатели отношения родительского сообщества российского мегаполиса к условиям обучения детей в школе были представлены несколькими блоками, характеризующими:

- организацию образовательного процесса («качество преподавания», «организация учебного процесса», «расписание занятий ребенка»);
- организацию культурно-образовательной среды ребенка в школе («условия для общекультурного развития ребенка», «организация внеучебных мероприятий», «наличие возможностей получать различные виды дополнительного образования в школе», «возможность посещать факультативы по интересующим ребенка предметам»);
- характер социально-педагогического взаимодействия «учитель – ученик – родитель» («психологическая атмосфера в школе», «отношения учителей и учеников», «характер коммуникаций родителей с администрацией школы»);
- уровень методической и технической оснащенности образовательного процесса («уровень обеспечения учебной литературой», «техническое оснащение классов (аудио-, видеооборудованием и др.)», «возможность работы на компьютере, использования ресурсов Интернета»);
- качество питания и санитарно-гигиенических условий в школе («качество питания», «санитарно-гигиеническое состояние классов, столовой, туалетов»).

Отношение родительского сообщества к условиям образовательной деятельности их ребенка измерялось по пятибалльной шкале (табл. 1).

На основе системы показателей выявлено два кластера родителей, «скорее позитивно» и «скорее негативно» оценивающих условия обучения детей в школе. Кластеры не одинаковы по своему объему. Первый кластер «позитивно настроенных» родителей практически в два раза больше (61.9%) второго – «негативно настроенных» (38.1%).

В дальнейшем применение корреляционного анализа дало возможность выявить особенности представителей этих двух групп родителей и наметить основные направления работы с ними образовательного менеджмента.

Результаты исследования

Использование корреляционного анализа позволило увидеть, что принципиального различия в социально-демографических характеристиках двух кластеров родителей нет, если не считать, что кластер «недовольных» родителей больше дифференцирован по уровню дохода: в нем более явно представлены группы как хорошо обеспеченных семей, так и семей с низким уровнем дохода. Это свидетельствует о том, что

Таблица 1

**Отношение родительского сообщества к условиям обучения их ребенка в школе
(по пятибалльной шкале, где 5 – абсолютно удовлетворен, 1 – абсолютно не удовлетворен)**

Удовлетворенность родителей следующими сторонами образовательной деятельности ребенка	Средние значения		
	В целом по массиву	1-й кластер	2-й кластер
Уровнем обеспечения учебной литературы	3.61	4.19	2.65
Качеством преподавания	3.50	4.10	2.51
Организацией учебного процесса	3.48	4.10	2.47
Отношениями учителей и учеников	3.47	4.07	2.50
Расписанием занятий Вашего ребенка	3.45	4.05	2.48
Техническим оснащением классов (аудио-, видеооборудованием и др.)	3.44	4.09	2.39
Санитарно-гигиеническим состоянием классов	3.39	4.06	2.30
Характером коммуникаций с администрацией школы	3.33	3.98	2.27
Психологической атмосферой в школе	3.29	3.93	2.24
Санитарно-гигиеническим состоянием школьной столовой	3.25	3.89	2.20
Условиями для общекультурного развития ребенка	3.20	3.85	2.14
Организацией внеучебных мероприятий	3.15	3.81	2.01
Возможностью работы на компьютере, использования ресурсов Интернета	3.13	3.76	2.11
Качеством питания	2.95	3.52	2.01
Наличием возможностей получать различные виды дополнительного образования в школе	2.88	3.49	1.88
Возможностью посещать факультативы по интересующим ребенка предметам	2.83	3.43	1.81
Санитарно-гигиеническим состоянием туалетов	2.83	3.42	1.87

характер претензий этих подгрупп родителей может быть основан на принципиально различной мотивации, связанной с экономическим статусом родителей.

Обе группы родителей солидаризируются в оценке одного из значимых не только российских, но и мировых трендов в школьном образовании – снижения мотивации учебной деятельности школьников. Более половины всех респондентов считают необходимым разработку специальных механизмов повышения уровня образовательной мотивации учеников, развитие интересных форм внеучебной работы (табл. 2).

Существенные различия между кластерами родителей проявляются в оценке наиболее актуальных проблем российской школы. Кластер «недовольных» родителей предъявляет серьезные требования ко всем сторонам образовательного процесса школьников: к качеству образования и уровню подготовки учащихся; организации образовательного процесса; уровню профессиональной компетенции педагогов; созданным в школе условиям для эффективного диалога педагогов, учащихся, родителей. Этими характеристиками школьного образования не удовлетворены от 42.8% до 56.8% респондентов. Каждый третий считает необходимым снижение уровня бюрократизации и коррумпированности в системе школьного образования (табл. 2).

Полученные данные свидетельствуют о явной неоднородности представлений родителей о путях дальнейшего развития школьного обра-

зования и конкретных практиках управления образовательным процессом. Этот факт должен быть учтен представителями образовательного менеджмента при разработке образовательной политики разного уровня, которая становится невозможной без активного участия родительского сообщества как на стадии ее формирования, так и в процессе реализации.

В целом нами был зафиксирован высокий уровень готовности родителей к участию в жизни школы, работе по ее благоустройству (87.4%), организации культурно-образовательной среды (культурных мероприятий, дополнительного образования) – 60.6%; развитию внутришкольной коммуникации между родителями, педагогами, учащимися (56.3%); в оказании спонсорской помощи (56.4%).

Для понимания существующих барьеров в реализации социального участия родителей в образовательной политике мы выяснили, что препятствует им в оказании помощи школе (табл. 3).

Полученные данные выявили значимые различия между кластерами родительского сообщества. Кластер «недовольных» родителей испытывает явные ограничения в доступе к информации о жизни школы (44.7%). Для них характерен кризис доверия к учителям, опасения, что их критическое отношение к ситуации в школьном образовании и различные формы активности могут повредить ребенку (38.6%). У них больше, чем у представителей первого

Таблица 2

Родители о том, что необходимо изменить в школьном образовании для повышения его эффективности
(% от числа ответивших)

Варианты ответа	1-й кластер	2-й кластер	В целом по массиву
Разработать механизмы повышения уровня образовательной мотивации учеников	56.6	56.3	56.5
Развить интересные формы внеучебной работы	50.2	53.1	51.4
Повысить уровень школьной подготовки учащихся¹	40.9	51.9	45.1
Организовать работу с учениками по выбору будущей профессии	43.0	44.9	43.8
Повысить уровень профессионализма педагогов²	34.4	56.8	43.0
Повысить уровень материально-технической³ оснащённости школы	38.0	44.5	40.5
Создать условия для диалога педагогов, учащихся, родителей ⁴	34.2	42.8	37.5
Понизить уровень бюрократизации образовательной деятельности ⁵	28.6	33.5	30.5
Повысить уровень организации образовательного процесса⁶	23.9	37.1	29.0
Уменьшить уровень коррумпированности в системе образования⁷	22.9	33.6	27.0
Снизить барьеры зачисления в желаемую школу	22.6	25.2	23.6
Ограничить внедрение дистанционных технологий обучения	14.6	16.6	15.4
Всего	409.9	469.3	443.2

¹ Pearson Chi-Square = Value 116,769^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,122.

² Pearson Chi-Square = Value 137,955^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,229.

³ Pearson Chi-Square = Value 75,172^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,216.

⁴ Pearson Chi-Square = Value 59,872^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,210.

⁵ Pearson Chi-Square = Value 39,171^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,149.

⁶ Pearson Chi-Square = Value 35,482^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,117.

⁷ Pearson Chi-Square = Value 135,482^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,217.

Таблица 3

Родители о том, чего не хватает им для реализации эффективной помощи школе и своему ребенку в ней
(% от числа ответивших)

Родителям не хватает...	1-й кластер	2-й кластер	В целом по массиву
Информации о том, что происходит в школе¹	33.6	44.7	37.9
Уверенности в том, что эта деятельность не повредит вашему ребенку²	28.5	38.6	32.4
Понимания того, как решать конкретные проблемы	28.6	28.5	28.6
Понимания того, какие общественные структуры и организации могут Вам в этом помочь	20.6	20.6	20.6
Личностных качеств (активности, коммуникабельности и т.д.)³	17.9	13.5	16.3
Юридических/экономических и др. знаний⁴	14.5	19.0	16.3
Практических навыков взаимодействия с управленческими структурами	15.9	16.4	16.2
Поддержки учительского коллектива⁵	7.8	16.2	11.0
Поддержки родительского сообщества⁶	7.7	9.4	8.4
Времени⁷	4.9	3.5	4.4
Всего	180.0	210.4	192.1

¹ Pearson Chi-Square = Value 36,181^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,221.

² Pearson Chi-Square = Value 35,282^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,218.

³ Pearson Chi-Square = Value 25,482^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,117.

⁴ Pearson Chi-Square = Value 27,131^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,123.

⁵ Pearson Chi-Square = Value 41,5182^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,179.

⁶ Pearson Chi-Square = Value 31,411^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,122.

⁷ Pearson Chi-Square = Value 15,982^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,111.

кластера, проявляется потребность в юридических/экономических и др. знаниях, необходимых для реализации гражданской активности. В большей степени они нуждаются в поддержке учительского коллектива и родительского сообщества.

Представители первого кластера, «позитивно настроенных» родителей, в качестве препятствия осуществления помощи школе видят только недостаток времени и личной активности. Вместе с тем необходимо специально изучить, как изменились бы их практики участия,

если для этого были бы созданы специальные стимулы, осуществлялось целенаправленное управление участием родителей не только в жизни школы, но и реализации образовательной политики в целом.

Выводы

Полученные результаты исследования дают возможность не только увидеть различия в потребностях, целях и интересах разных сегментов родительского сообщества, но и сделать вывод о формировании социального заказа на общественное участие родителей в решении проблем школьного образования, определении путей его развития. Родительское сообщество социально адаптировано, обладает высоким образовательным цензом и уровнем культуры, активно, инициативно, социально ответственно, детоцентрично – дети являются одной из важнейших жизненных ценностей. Для понимания того, какой вклад могут внести родители в развитие школьного образования, необходимо проанализировать существующую управленческую практику на уровне школы, муниципального образования с целью понять, насколько она ориентирована на управление социальным участием родителей, в чем является неэффективной и какие возможности упускает [12].

Важно понимать, что критический потенциал кластера «недовольных» родителей должен быть реализован в различных формах точно так же, как и невыявленный потенциал социального участия «позитивно ориентированных» родителей. При наличии управленческой воли, создании необходимых условий активность родительского сообщества позитивно скажется на развитии всего образовательного пространства города. Родители мегаполиса, обладающего разнообразными информационными и технологическими ресурсами, потенциалом науки и культуры, должны стать значимым фактором развития школьного образования.

Работа выполнена при поддержке Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета (конкурс 2019 года «Проведение научных исследований отдельными научными группами»), про-

ект «Родители и школа: взаимодействие в системе образования города».

Список литературы

1. Shabrova N.V. Involvement of parents and their children in the social activity practices in the megalopolis // Materials of 12th International Conference of Education, Research and Innovation. November 11th-13th, 2019. Seville, Spain. (CD-ROM). P. 1601–1608.
2. Школьное образование: задачи, приоритеты, потребности // Результаты опроса ВЦИОМ родителей школьников. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9874> (дата обращения: 20.11.2019).
3. Epstein J.L., Salinas K.C. Partnering with families and communities // Education Leadership. 2004. Vol. 61. № 8. P. 12–18. URL: http://www.ascd.org/el200405_epstein.pdf. (дата обращения: 17.07.2019).
4. Гошин М.Е., Мерцалова Т.А. Типы родительского участия в образовании, социально-экономический статус семьи и результаты обучения // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2018. № 3. С. 68–90.
5. Mannan G., Blackwell J. Business involvement in the schools: how and where do parents fit into the process // Education. 1992. Vol. 113. № 2. P. 286–293.
6. Shepard R., Rose H. The power of parents: an empowerment model for increasing parental involvement // Education. 1995. Vol. 115. № 3. P. 373–377.
7. Vincent C., Tomlinson S. Home-school relationships: the swarming of disciplinary mechanisms // British Educational Research Journal. 1997. Vol. 23. № 3. P. 361–377.
8. Auerbach S. From moral supporters to struggling advocates: reconceptualizing parent roles in education through the experience of working-class families of color // Urban Education. 2007. Vol. 42. № 3. P. 250–283.
9. Galindo R., Medina C. Cultural Appropriation, Performance, and Agency in Mexicana Parent Involvement // Journal of Latinos in Education. 2009. Vol. 8. № 4. P. 312–331.
10. Пинский А.А. Общественное участие в управлении школой: на пути к школьным управляющим советам // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2004. № 2. С. 12–45.
11. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т.7. № 3. С. 1–11.
12. Петрухина О.А. Родительское сообщество как форма современного социального партнерства семьи и образовательной организации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 2 (32). С. 99–104.

PARENT COMMUNITY ABOUT THE CONDITIONS OF CHILDREN'S EDUCATION IN SCHOOL: TYPOLOGY AND MANAGEMENT STRATEGIES

N.V. Shabrova, E.A. Shuklina, M.V. Pevnaya

Ural Federal University

The reform of the school system should be carried out in close connection with the needs and interests of educational communities. Parents as one of such communities in recent years are increasingly involved in solving the problems of school

education. Parents' satisfaction with various aspects of their children's education can serve as an indicator of the effective educational policy.

The article presents an attempt to study the attitude of parents to the conditions of educational activity of their children. The empirical basis of the paper is provided by the results of the mass survey of the Yekaterinburg schoolchildren's parents (2019, $n = 7281$).

Using a two-stage cluster analysis on the criterion of parents' satisfaction with the conditions of educational activity of their children at school, an empirical typology of parents was formed. Two clusters of parents were identified: those assessing the conditions of children's education in school «rather positively» (61.9%) and «rather negatively» (38.1%).

The correlation analysis revealed the absence of fundamental differences in the socio-demographic characteristics of parents and their assessment of the key problem of school education (decrease in motivation of educational activities). The cluster of «dissatisfied» parents is dissatisfied with almost all aspects of their children's education, but the main problem is the «human relations» in school. There are different clusters of «positive» and «negative» parents in assessing what they lack to implement effective assistance to the school and their child in it. «Dissatisfied» parents do not have enough information about the life of the school, legal/economic and other knowledge necessary for implementing civic activity. Representatives of «positive» parents see only a lack of time and personal activity as an obstacle to the implementation of assistance to the school.

It is concluded that the resulting typology of parents can and should be the basis for the development of strategies in working with the parent community of different levels of government. A differentiated dialogue between education managers and parents of different types will not only solve current problems but will also contribute to the development of school education.

Keywords: parental community, typology of parents, satisfaction with the conditions of educational activities, strategies for working with parents.

УДК 316

**АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ КЕЙС-МЕНЕДЖЕРА В ПОМОЩИ СЕМЬЯМ:
ЛИТОВСКИЙ КОНТЕКСТ**

© 2020 г.

Л. Гаршве, Н. Повилайтиене

Гаршве Лина, PhD, доц.; заведующая кафедрой социальной работы
Шауляйского государственного колледжа, Шауляй, Литва
Повилайтиене Неринга, PhD; доцент кафедры социальной работы
Шауляйского государственного колледжа, Шауляй, Литва

*Статья поступила в редакцию 15.11.2019**Статья принята к публикации 19.05.2020*

Кейс-менеджмент практикуется в Соединенных Штатах Америки с начала XX века, однако в Литве он осуществляется только с 1 июля 2018 г. с целью оказания помощи семьям, в которых ребенок страдает от недостаточного ухода и отсутствия заботы. Несмотря на то что кейс-менеджмент был введен в Литве совсем недавно, уже встают вопросы, что это за процесс и в какой области работает, каковы должностные функции кейс-менеджеров. Цель статьи – раскрыть реализацию функции кейс-менеджера в контексте помощи семьям.

Проблемные вопросы исследования. Как осуществляется процесс кейс-менеджмента в социальной работе с семьями? Какие функции в процессе кейс-менеджмента выполняют кейс-менеджер и социальный работник? Каковы различия или сходства между функциями, выполняемыми кейс-менеджером и социальным работником?

Объект исследования. Функции социального работника в процессе оказания помощи семьям.

Цель исследования. Проанализировать функции социального работника в процессе оказания помощи семье.

Принципы интерпретации и анализа данных. Данные исследования были собраны с использованием метода структурированного интервью. Выбранный подход к качественному исследованию позволяет выявить все функции кейс-менеджера, построенные на анализе отношений кейс-менеджеров. Воссоздание опыта с применением анализа данных, полученных в ходе интервью, было интерпретировано с использованием сравнительного контент-анализа, суть которого заключается в распределении и кодировании данных по категориям. Позже были определены категории и проведен поиск их взаимосвязи. Всего в исследовании участвовали семь кейс-менеджеров ($N=7$). Исследуемые лица были отобраны из нескольких учреждений, и была предпринята попытка выяснить, какие функции выполняли кейс-менеджеры в своей деятельности с семьями. Информанты отбирались в соответствии с характером работы, т.е. те, кто работал с семьями, сталкивающимися с факторами риска.

Результаты и выводы исследования. Кейс-менеджеры сотрудничают с медицинскими, юридическими, образовательными и неправительственными организациями и другими учреждениями, которые могут оказывать помощь, предоставляя социальные услуги клиентам. Сотрудничая с ними, они стремятся к тому, чтобы семья, испытывающая проблемы, получала все необходимые ей услуги. Как семейный посредник и представитель, кейс-менеджер связывается с другими профессионалами, которые дают свои предложения и рекомендации, которые могут помочь семье. Важную роль играет также оценка потребностей в семейной помощи, которая включает в себя наблюдение за семьей, заполнение оценочных анкет и исследование семейного окружения. Руководители проектов проводят оценку помощи семьям, наблюдая за семьей и общаясь с ней, а также устанавливая цели плана помощи. Данные исследований показывают, что информанты чаще всего стремятся к тому, чтобы семья была самостоятельной и отказалась от иждивенчества. Для достижения этих целей на совещании по кейс-менеджменту составляется план помощи. Обсуждается также, какие другие специалисты или лица, оказывающие помощь, должны быть дополнительно вовлечены в процесс кейс-менеджмента. В случае выявления второго уровня угрозы кейс-менеджеры организуют встречи по конкретному случаю, составляют план помощи, рассматривают рекомендации мобильной команды, стремящейся помочь семьям решить их проблемы. Кейс-менеджмент завершается, когда семья меняет место жительства, семейные проблемы устраняются, ребенок становится взрослым или помощь не помогла.

Проанализировав данные, можно констатировать, что характер работы действительно изменился со временем, когда в роли кейс-менеджеров выступали социальные работники. Одним из наиболее часто упоминаемых моментов является обилие документов и увеличение числа семей. Из-за заполнения возросшего количества документов у кейс-менеджеров стало меньше времени на само общение, что, по мнению респондентов, является одним из недостатков этой работы.

Опрошенные отметили, что прежний характер работы был намного проще, было меньше документов и больше времени для общения с семьями, посещения их на дому, наблюдения за тем, как они выполняют свои обязанности. В этом случае менеджер получает всю информацию о семье и о том, что в ней происходит, от социального работника и других специалистов, которые работают с семьей. Информация, полученная от других лиц, может быть недостаточной качественно или количественно.

Introduction

It was started to practice case management in the United States of America in the early 19th century-late 20th century alongside with the rise of the movement for deinstitutionalisation of persons with mental and intellectual disabilities, and up until now, has remained one of the most common social work methods (NASW Standards for Social Work Case Management, 2013). In social work, this means management, coordination or “administration” of one person’s or family’s case, situation. Although case management is widely known in foreign countries, in Lithuania, case management as a profession started to be practiced only from July 1, 2018, when the modified law on the rights of the child (The Law on the Fundamentals of the Protection of the Child’s Rights of the Republic of Lithuania, 2017) entered into force. This law introduced amendments aimed at ensuring a safe environment for the child. However, case managers together with mobile teams and social workers perform the case management process in the families where the child experienced or is likely to experience any kind of violence. Case managers also perform case management with various client groups, but they are currently associated with families experiencing social risk, whose children are kept in temporary custody. Statistics state that since July 1, 2018, when the new The Law on the Fundamentals of the Protection of the Child’s Rights entered into force, during August, 274 children were taken from the unsafe environment and 139 children were taken to whom the second level of threat was established (Child Rights Protection and Adoption Service, 2018). Statistics show that children encounter various types of violence: psychological, physical, sexual. This law aims to reduce child violence cases and also help families which have problems, such as absence of essential social skills and child neglect.

Using communication and available resources, the case manager evaluates the client’s advantages and possibilities, his/her possible choices and required services. Afterwards, the case manager plans, coordinates services provision, seeks quality and effective results. He/she seeks that all who are related to a concrete case are involved in the assistance process and that intended results are achieved (Štaras, Vedlūga, 2012). Case management is a collaborative process where through communication and available resources the case manager, focusing on meeting the client’s individual needs, evaluates his/her possibilities, possible choices, and seeks quality and cost-effective results (Štaras, Čepuraitė, Kudukytė-Gasperė, 2013). The case manager seeks to empower the client to independently manage his/her life. Considerable atten-

tion is paid to the case manager who works with the family, because he has a lot of responsibility for the whole implementation of the assistance process. He coordinates other professionals in order to help the family with its problems. The case manager must also monitor how each specialist performs his/her functions, write down all these observations in the assistance plan, and organize case management meetings, in which he/she communicates with the family and professionals (The Description of Case Management Procedure, 2018).

This method is also based on the individual attitude to the client. The case manager is responsible for providing clients with information about all existing services and their nature and ensuring availability of these services. The case manager also helps to decide what services best correspond to the client’s needs and ensures that these services improve the client’s quality of life (Raipa, Čepuraitė, 2017). Essential case management features are: services are available 24 hours per day; the service may take as long as the client needs; work takes place in the team called mobile. The mobile team is a group of specialists of the State Child Rights Protection and Adoption Service under the Ministry of Social Security and Labour, which urgently provides and organizes individual or group medical, psychological, social, legal assistance to the child and the family that occurred in the crisis (Germanavičius, Čiurinskas, 2002). This team is formed when the message about the real danger to the child’s life and safety in his/her living environment is received. In this case, the child can be taken from the family and given to a temporary guardian. These teams are very important in case management work with the families at risk. They provide counselling and other assistance, carry out the evaluation of family strengths and needs for intensive assistance as well as security and risk in the family, help family members to create and maintain safe environment for child’s growth and development by adjusting family members’ behaviour. These teams keep in touch and collaborate with case managers, help them to organize further work with the family (Description of the Procedure for Organizing Work of the Mobile Team, 2018).

Although case management was introduced in Lithuania recently, already now questions arise what kind of process it is and in what area case managers work, what their job functions are.

Problem questions of the research: How is the case management process in social work carried out working with families? What functions in the case management process are carried out by the case manager and social worker? What are the differences or similarities between the functions performed by the case manager and the social worker?

The research object: social work case manager's functions in the family assistance process.

The research aim: to analyze the social work case manager's functions in the a family assistance process.

Principles of data interpretation and analysis. The research data were collected employing the structured interview method. The selected qualitative research approach enables to reveal the whole of the case manager's functions, constructed on the basis of the analysis of case managers' attitude. The reconstruction of experience, applying the analysis of data obtained during the interviews, was interpreted using the comparative content analysis, the essence of which is data distribution and coding by categories. Later the categories were defined and their interrelationship was searched for. The qualitative research is a systematic study of the situation, event, case, individual or group in the natural environment in order to understand the investigated phenomena and provide the interpretive, holistic explanation arising from the situation analysis (Žukauskienė, 2008). The qualitative research helps to more comprehensively understand the investigated persons' experience and establish contact with the subject. In total, the research involved seven case managers (N=7). The research sample was drawn up based on simple, purposive sampling. The target group was selected from several institutions and it was sought to find out what functions case managers performed in their activities with families. Informants were chosen according to the nature of work; i.e., case managers working with families experiencing risk factors.

Analysis of research results

Conducting the research, it was analyzed what factors affected parents' inappropriate behaviour with the child. Case managers indicated that they most often encountered **lack of parents' social skills** because "<...> parents were not able to raise their children correctly, regularly ... (I2)", often lacked "<...> parenting skills <...>"(I6), their "<...> family model brought from their families <...>"(I1) was inappropriate because "<...> they themselves grew in what families ... >"(I3). Parents use impermissible *child-rearing practices*, "<...> which parents choose because all people are different <...>" (I1), like their *social status* too: "<...> living standards, education, values, environment, parents' employment <...>"(I1). Considerable influence is made by disharmonious family **relationships** ("<...> bad relationships with the spouse, cohabitant, divorce <...>" (I4)) and "<...> unwillingness to allocate time for one's child (children) <...>" (I5). Case managers often encounter

parents who have **dependencies** "<...> it's alcohol consumption <...>" (I3), **mental illness** "<...> mothers with mental disorders, where simply the illness affects behaviour with the child <...>"(I3). According to Ivanauskienė (2008), there is a growing number of families who lack proper relationship between family members or between the family and the environment. Disharmonious families are negligent of children's upbringing and education. Often the family occurs in crisis situations or encounters social risk factors, which violate the balance of family relationships and disturb the successful functioning of the family (Ivanauskienė, 2012). Risk factors can be distributed into several levels: individual (child-centred), family's and community's. Case management focuses namely on the child; therefore, the child's health, life, and the appropriate environment for life and development are prioritised. In the families experiencing risk factors, the most often distinguished problems are alcohol and psychoactive substance dependence, lack of social skills, social status, and violence (Dobelniece et al., 2015). Authors and informants point out the same factors, which indicates that these are the most common problems in families at risk.

Another issue is related to the case manager's functions: the basis of this study. One of the case manager's functions is collaboration with other institutions (see Table 1), which can provide and provide assistance, delivering social services to clients. By collaborating, case managers seek that the family that has problems gets all services it needs. Case manager as a family mediator and representative contacts other professionals who can provide their proposals and recommendations that can help the family. Social work case managers can collaborate with a wide range of organizations, both non-governmental and governmental.

Categories **state institutions and non-governmental institutions** and sub-categories *health care institutions, legal institutions, educational institutions and non-governmental organizations* explaining the categories indicate the organizations with which case managers have to collaborate most often. Kašalynienė and Zamalienė (2012) state that collaboration between social work professionals and organisations providing services is important, seeking clients' change, particularly if the problems are severe, can arise for various reasons and require a holistic approach to the client's situation and complex assistance. The quality of the social service, which is the concept of quality of social services as collaboration, is the aspect of great importance. The principle of collaboration in social services provision is one of the fundamental principles of activity. Collaboration with other institutions enables more purposive organization of

Table 1

Collaboration with specialists of other institutions

Category	Subcategory	Proving statement	Number of statements
State institutions	Health care institutions	"... namely with psychiatrists, mental health centres <...>" (11), "<...> psychiatrists, in this sense, here family's <...>" (13), "<...> with doctors ..." (14)	9
	Legal institutions	"<...> departments of child's rights <...>" (11), "<...> probation service ..." (11), "... police, probation service <...>" (12), "<...> child's rights, police <...>" (14), "<...> crisis centres ..." (16)	9
	Educational institutions	"<...> these are kindergartens, schools ..." (12), "<...> educational institutions <...>" (14), "<...> upbringing, educational institutions <...>" (16), "<...> pedagogical-psychological service <...>" (13),	10
Non-governmental institutions	Non-governmental institutions	"<...> communal family homes <...>" (11), "<...> with various non-governmental organizations <...>" (12), "<...> NGOs (non-governmental organizations) that provide services necessary for the family according to individual needs <...>" (15)	5

Table 2

Criteria for assessment of family assistance needs

Category	Subcategory	Proving statement	Number of statements
Assessment of the family assistance need	Observation of the family	"<...> it is necessary to get familiar with the family, work with that family, talk <...>" (11), "<...> we go to the family, find out the situation, communicate ..." (13), "<...> going to their homes, communicating with all family members ..." (15)	4
	Filled in assessment forms	"<...> special tables are published, in the appendix to the description of the procedure <...>" (12), "<...> evaluates family needs according to the prescribed form ..." (14), "<...> forms for assessment of social risk factors for every family are completed..." (16)	6
	Investigation of the family environment	"<...> We also communicate with other institutions (as required), for example: with the school, hospital, and the like ..." (15), "<...> Collect all information about the family from institutions <...>" (17)	3

services provision and more effective use of available resources (Gudžinskienė, Gečienė, 2018). According to Padgett (2017), and although social work can be carried out on an individual basis, seeking better results for the client's benefit, it is better to request the assistance from other professionals who can provide more knowledge and opinions about the existing problem and the appropriate way of assistance. The obtained data enable us to state that both authors and informants point out that collaboration in the case management process is a very important part of work. Collaboration helps to look for the best conditions that will help the family to solve its problems.

Another issue is also related to the case manager's functions. One of such functions is the assessment of the family assistance need (see Table 2). The given question aims to find out how case managers assess family assistance needs.

The category *assessment of the assistance need* and sub-categories *observation of the family, filled*

in assessment forms, investigation of the family environment, explaining the category, indicate that informants perform the function of assessment of assistance need. Informants usually point out that family assistance assessment is carried out observing the family and communicating with it: "<...> it's necessary to get familiar with the family, work with that family, talk <...>" (11), "<...> going to their homes, communicating with all family members <...>" (15), "<...> we go to the family, find out the situation, we communicate..." (13). According to Kavaliauskienė (2014), observing families that have problems, it can be noticed that often children in such families have insufficient knowledge of hygiene skills: how to properly brush teeth, take care for their hair, wash and comb it. Often children who grow in such families do not have the most necessary household, social skills, which is essential for their appropriate development. The Description of the Case Management Procedure (2018) describes the criteria to be used

Table 3

Goals of the family assistance plan			
Category	Subcategory	Proving statement	Number of statements
The goal of the family assistance plan	Promotion of the family independence	"<...> so that she could already function independently without any help, it means without us <...>" (11)	9
	Development of social skills	"<...> basically development of social skills <...>" (11)	6
	Requirement for abandoning dependence	"<...> to concretely seek something, let's say father's or mother's soberness, or even both parents' <...>" (11), "<...> parents' alcohol consumption <...>" (13), "<...> to stop using alcohol, treat oneself from alcoholism, visit narcologists, psychiatrists, and self-help groups <...>" (12), "<...> strive for the person's (parents') soberness <...>" (14), "<...> Some need to be hospitalized to treat their dependencies <...>" (15), "<...> to stop using alcohol <...>" (16), "<...> abandonment of alcohol <...>" (17)	7
	Caring for children's education	"...because of school absenteeism..." (13), "<...> seek adequate child behaviour during the lessons <...>" (14)	4

by the case manager for family assessment. Having assessed all the factors that may be noticed in the family, the case manager identifies the level of risk that can be attributed to the observed family. Informants also pointed out that, assessing the family, they had to communicate with other institutions in order to collect as much information about the family as possible: "<...> We also communicate with other institutions (as required), for example: with the school, hospital and the like <...>" (15), "<...> Collect all information about the family from institutions <...>" (17). This suggests that informants have to evaluate not only problems prevailing in the family but also the ones which the family encounters in its environment. To sum up, we can state that informants identify the need for assistance according to the requirements given to them, which the family can either meet or not.

Before giving the informants the question about drawing up the assistance plan, first it is necessary to find out what goals the case manager sets, making the assistance plan (see Table 3).

The category *the goal of the assistance plan* and subcategories *promotion of the family independence, development of social skills, requirement for abandoning dependence, caring for children's education*, explaining the category, indicate the goals that the case manager sets drawing up the assistance plan. The data show that the informants mostly seek that the family is independent and abandons dependencies. According to the Description of Case Management Procedure (2018), drawing up the assistance plan, the goal must be very specific and describe the problem that is present in the family. In this case both the description of the procedure and the informants themselves point out

their goals in a very concrete way "to seek, say, father's or mother's soberness, or even both parents' <...>", "<...> parents' alcohol consumption <...>" or "<...> basically the development of social skills <...>". Informants also pointed out that the goals of the assistance plan depended on the problems existing in the family. Case managers pointed out that the main goals they set were dependence abandonment, development of social skills and promotion of the family independence.

Another issue is related to making the assistance plan (see Table 4). Making the assistance plan is one of the case manager's functions. It is important to find out how informants make the assistance plan.

Case managers very concretely indicated how they made the assistance plan. According to the Description of Case Management Procedure (2018), it is stated that the assistance plan is made during the case management meeting. Informants point out that to draw up the assistance plan, they collect information: "<...> we collect information <...>" (11). Specialists' recommendations are also important, and this was indicated by all informants: "<...> all the professionals speak with each other <...>" (11), "<...> various specialists are invited and together we decide how to help the family <...>" (12), "<...> we decide with child rights specialists, together with those gathered <...>" (13), "<...> the assistance plan is made during the case management meeting, discussing the family situation, the family problem areas <...>" (15). It is stated in the Description of Case Management Procedure (2018) that during the meeting, specialists present available information about the child and his/her parents, the situation in the family, and family members can also express their opinion about

Table 4

Making the family assistance plan			
Category	Subcategory	Proving statement	Number of statements
Making the family assistance plan	Collection of information	"<...> we collect information <...>" (11), "<...> having collected available information about the family <...>" (16)	4
	Specialists' recommendations	"<...> we decide with child rights specialists, together with those gathered <...>" (13) "<...> all professionals speak with each other ..." (11) "<...> various professionals are invited and together we decide how to help the family <...>" (12), "<...>together with the social worker <...>"(12), "<...>The assistance plan is made during the case management meeting, discussing the family situation, the family problem areas<...>"(15)	7
	Family participation	"<...> when we speak with the family, then it is already possible to make the assistance plan <...>" (11), "... the family is necessarily involved, it is introduced to this plan <...>" (12), "<...> after listening to the family's proposals and opinion <...>" (17)	3

the assistance plan. During the meeting when the case is analysed for the first time, the goals, objectives, ways, measures of child and family assistance are discussed and the assistance plan is drawn up. In the case analysis meeting, it is also discussed what other specialists or persons providing assistance need to be additionally involved in the case management process. The family may also apply for provision of the desirable specialist's assistance: "<...> after listening to the family's proposals and opinion <...>" (17). The family must submit this request to the case manager. We can state that informants follow the requirements laid out in the procedure description, which is very professional and responsible.

The question "What functions do you perform if the second level of threat to the child's safety is identified to the child?" was formulated to find out what functions the case manager performs (see Table 5). According to the Law on the Fundamentals of the Protection of the Child's Rights of the Republic of Lithuania (1996, consolidated version from 01.07.2018), the second level of threat to the child is identified when the State Child Rights Protection and Adoption Service or its authorized territorial division identifies danger to the child's safety, health or life, which is related to risk factors for the child's functioning and social environment and risk factors related to the child's parents or his other representatives according to the law and to their relationships with the child. In this case, the child rights representative identifies the level; however, it is not clear what case manager's activity follows this identification, what is tried to find out regarding this issue.

The data obtained help to see what the case manager's functions are when the second level of threat is identified for the child's life, health and safety. The obtained data show that case managers organize case management meetings, draw up assistance plans, take into account the recommendations of the mobile team to help families to solve their problems.

The distinguished category **case manager's functions at the second level of threat** shows that case managers both perform case management themselves and together with other organizations try to achieve the best possible results through collaboration. According to Varžinskienė and Rudzevičiūtė (2009), working in the team of different specialists, the main features are collaboration, mutual assistance, balance of homogeneity and versatility. The teams have defined, unifying goals. In this case, the goals are to help the family which experiences risk factors. Subcategories *organization of the meeting* and *drawing up the assistance plan* are one of the case manager's functions; therefore, this is reflected in informants' responses: "<...> After the mobile team finishes work, on the following day, we organize the case management meeting <...>" (15), "<...> when the mobile team finishes intensive work with the family, the case management meeting is held <...>" (16), "<...> the case manager collects information about the family and assesses family needs <...>" (17), "<...> we draw up a family assistance plan <...>" (15). Thus, the case manager's functions after determining the second level of threat are related to the organization of the meeting and drawing up the assistance plan. Two informants also indicated that one of the functions

Table 5

Case manager's functions, having identified the second level of threat			
Category	Subcategory	Proving statement	Number of statements
Case manager's functions at the second level of threat	Organization of the meeting	"<...> we organize case management sessions <...>" (11), "<...> during the meeting, we have to inform about the mobile team proposals <...>" (13), "<...> Only on the 15 th day we start working; i.e., we organize the case management meeting <...>" (14), "<...> After the mobile team finishes work, on the following day, we organize the case management meeting <...>" (15), "<...> when the mobile team finishes intensive work with the family, the case management meeting is held <...>" (16)	11
	Drawing up the assistance plan	"<...> we make our assistance plan <...>" (12), "<...> we draw up a family assistance plan <...>" (15), "<...> the case manager collects information about the family and assesses family needs <...>" (17)	6
	Mobile team participation	"<...> we're waiting for the recommendations of the mobile team <...>" (12), "<...> during the meeting, we have to inform about the mobile team's proposals <...>" (13)	7

Table 6

Completion of the case management process			
Category	Subcategory	Proving statement	Number of statements
Completion of the case management process	Change of the place of residence	"<...> when the family leaves our municipality <...>" (13), "... when the family changes its place of residence <...>" (17)	6
	Elimination of family problems	"<...> when the family is capable of solving the problems itself <...>" (15), "... when the family fulfils all the obligations <...>" (17)	7
	Assistance did not help	"<...> the court has established permanent custody for children and parental authority is limited for an indefinite period <...>" (13), "<...> assistance foreseen in the assistance plan and provided didn't help the parents to change their behaviour with the child <...>" (14)	6
	The child's adulthood	"<...> is also completed when the child reaches the age of 18 <...>" (14), "<...> when children reach 18 years of age <...>" (17)	2

is collaboration with the mobile team. It can be concluded that seeking the best results for the benefit of the family, the case manager uses all resources that can provide assistance for the family and one of such resources is collaboration with the mobile team.

Informants were given the question "When can you complete the case management process?". The data are presented in Table 6.

After analyzing the data, the category **completion of case management** and the sub-categories *change of the place of residence*, *elimination of family problems*, *assistance did not help*, *the child's adulthood*, explaining the category, were distinguished. After analyzing the obtained data, we can conclude that the case management process is completed by 4 stages, which are indicated by informants. One of such ways is the change of the

place of residence, because then this family no longer belongs to the existing municipality; therefore, the services are no longer provided for it at that place: "... when the family changes its place of residence <...>" (17). Another way that is indicated is when the family is able to function self-sufficiently. In such case, the family no longer needs services because the problems that the family was experiencing have disappeared: "... when the family fulfils all the obligations <...>" (17), "<...> when the family is capable of solving the problems itself <...>" (15). Another stage is if services for the family did not help. In such case, the child is under permanent custody, the court limits parents' power for the indefinite period, and the case management process is completed: "<...> the court has established permanent custody for children and parental authority is limited for an indefinite pe-

Table 7

Differences in the case manager’s and social worker’s activities

Category	Subcategory	Proving statement	Number of statements
Workload	Large number of families	“<...> Two social workers are appointed for me, so there are about 30 families <...>” (11), “<...> I personally now work with 28 families, there are fewer visits to the families <...>”(13)	2
	The amount of documentation	“<...> document filling is very important <...>” (11), “<...> we at papers <...>” (12), “<...> such more paperwork <...>” (12), “... the case manager works more with documents, organizes family assistance <...>” (17)	6
Job specificity	Organization of meetings	“<...> leading of meetings, organization <...>” (11), “<...> now we are more organizing meetings <...>” (12), “... The case manager organizes case analysis meetings <...>” (14)	11
	Collaboration with other institutions	“<...> works more with institutions, collaborates, coordinates services providers, looks for new ways of assistance from other services <...>”(15)	3
Link with the family	Communication with the family	“<...> communication usually is just superficial <...>”(13)	2
	Direct family assistance	“<...> in the former job, we were more seeking change in the family, all the time directly, without any intermediaries, and to work with that case <...>” (11), “<...> The social worker has more contact with the family <...>” (17)	4

riod <...>” (13). Informants indicated that case management can also be completed when the child reaches the age of 18 and becomes adult: “<...>is also completed when the child reaches the age of 18 <...>” (14). In such case, he/she can already independently take care of himself/herself if, of course, he/she does not have any disabilities / disorders that would require constant custody or care.

The last question was aimed at finding out what differences case managers distinguished in their activities compared with the social worker’s activities, because earlier case managers worked as social workers, but as the case manager’s position emerged, the nature of their work changed. These data are presented in Table 7.

The received data are grouped into categories **workload, job specificity and link with the family** and sub-categories explaining them: *large number of families, the amount of documentation, organization of meetings, collaboration with other institutions, communication with the family, direct family assistance.*

Informants state that the nature of their work has really changed. One of the most visible changes is the increase in the number of families per case manager, as the case manager coordinates the social worker’s activities: two social workers who have up to 15 families are appointed for him. Besides, the majority of informants state that their

work is more related to document filling and organization of meetings. One of the informants states that a lot of time is spent for filling in the documents, therefore, little time is allocated for the communication itself: “<...> There is very much paperwork, instead you could allocate more time to help the family, and that meeting, communication usually is just superficial <...>”(13). Besides, most informants point out that they imagined the work itself differently “<...> when I came to this job I hoped I could help the family more <...>” (11), “<...> That job, let’s say, I imagined a little differently <...>” (13). One of the informants mentioned that working as a social worker, they sought change in the family individually without any intermediaries, while in this case, as case managers, they coordinate provided assistance, monitor its effectiveness and results: “<...>in the former job, we were more seeking change in the family, all the time directly, without any intermediaries, and to work with that case <...>” (11). Informants also state that the nature of their work is more related to collaboration with other institutions: “<...>works more with institutions, collaborates, coordinates service providers, looks for new ways of assistance from other services <...>”(15). According to Voreviečienė and Butkevičienė (2017), collaboration between non-governmental and state institutions in the field of family welfare policy is to be sought

and promoted, encourages opportunities for more objective formation and implementation of family-friendly policy and making favourable decisions.

Summarizing the obtained data, it can be concluded that work really changed since the time when informants were social workers. One of the mostly mentioned things is the abundance of documents and the increase in the number of families. As a result of filling in the increased amount of documents, case managers have less time for communication itself, which in the opinion of informants, is one of the drawbacks of this work. Informants point out that the nature of the previous job was much simpler, there were fewer documents to be filled, there was enough time for communication with families, visiting them at home, and observing how they fulfilled their obligations. In this case, the case manager gets all family information and what happens in them from the social worker and other professionals who work with the family. Information received from others may be insufficient, sometimes of inadequate quality.

Conclusions

1. The research results revealed that in their work, case managers performed the collaborative function. It includes not only collaboration with the family but also with other professionals who can provide more knowledge about the services required. Applying case management, in the family assistance process, case managers perform the assessment of the assistance need. In this case, the family is assessed and observed to find out what needs are not satisfied, what skills need to be developed, why the family cannot function independently.

2. During the research, it was noticed that the case manager's most important function was drawing up and implementation of the assistance plan. The assistance plan is drawn up during the case meeting together with other participating professionals, who provide their recommendations, and the case manager writes these recommendations in the assistance plan, which he has to implement together with family members, social worker.

3. The research revealed the relation between the case manager's and the social worker's functions. It was found out that the case manager had previously worked as a social worker, but with the emergence of case management with the family the case manager's position was distinguished. Case managers work with a larger number of families, fill a larger amount of documentation, social workers have less of them. Assistance is provided through intermediaries, the direct link with the family disappears, as due to larger workload at the institution the case manager can spend considerably less time communicating with

the family, going to the family's home. The case manager's work is more focused on preparation and conducting meetings.

Список литературы

1. Dobelniece S., Millere J., Salmāne-Kulikovska I. (2015). Situation analysis of social risk families with children in Latvia. *Economic science for rural development*. 40: 141-150. Jelgava.
2. Germanavičius A., Čiurinskas D. (2002). *Atvejų vadyba – kas tai?* Sveikata.
3. Gudžinskienė V., Gečienė J. (2018). Socialinės globos paslaugas teikiančių įstaigų vadovų požiūris į teikiamų paslaugų kokybę. *Socialinis darbas*, 16 (2), 165-189.
4. Ivanauskienė V. (2008). Socialinio darbo su šeima teoriniai ir praktiniai aspektai. *Socialinis darbas. Patirtis ir metodai*. 2 (2): 77-86. Kaunas.
5. Ivanauskienė V. (2012). Tapimas socialinės rizikos šeima: moters patirtis. *Socialinis darbas. Patirtis ir metodai*. 10 (2): 83-97. Kaunas.
6. Lietuvos Respublikos socialinės apsaugos ir darbo ministro įsakymas dėl atvejo vadybos tvarkos aprašo patvirtinimo. Lietuvos Respublikos socialinės apsaugos ir darbo ministerija. 2018-03-29. Nr. A1-141. Žiūrėta 2018-11-05 internete: < <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lit/TAD/11e612d5345711e884a38848fe3ec9e2?jfwid=-g0zrz3f0x> >.
7. Lietuvos Respublikos socialinės apsaugos ir darbo ministro įsakymas dėl mobiliųjų komandų sudarymo, specialistų atrankos ir jų darbo tvarkos aprašo patvirtinimo. Lietuvos Respublikos socialinės apsaugos ir darbo ministerija. 2018 m. birželio 27 d. Nr. A1-334. Žiūrėta 2018-11-05 internete: <<https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lit/TAD/4539c5507bd311e89188e16a6495e98c?jfwid=-g0zrzdyoy>>.
8. Lietuvos Respublikos vaiko teisių apsaugos pagrindų įstatymas. Lietuvos Respublikos Seimas. 2017-09-28. Nr. I-1234. Žiūrėta 2018-11-19 internete: < <https://www.e-tar.lt/portal/lit/legalAct/5a6c9100adc011e79d87b6f526384a70> >. Vilnius.
9. Padgett K., D. (2017). *Qualitative methods in social work research*. New York University.
10. Raipa A., Čepuraitė D. (2017). *Atvejo vadybos modelio taikymas asmens sveikatos priežiūros įstaigoje moderniauoju valdymo kontekste*. Žiūrėta 2018-10-05 internete: <<https://www3.mruni.eu/ojs/public-policy-and-administration/article/view/4565/4263>>.
11. Standards of Practice for Case Management, Revised. (2013). Žiūrėta 2018-10-15 internete: < <http://www.cmsa.org/portals/0/pdf/memberonly/StandardsOfPractice.pdf> >
12. Štaras K., Čepuraitė D., Gasperė-Kudukytė R. (2013). Ambulatorinėje asmens sveikatos priežiūros įstaigoje dirbančių sveikatos priežiūros specialistų darbo laiko paskirstymo tyrimas. *Sveikatos politika ir valdymas*. 1(5): 167-187. Vilnius.
13. Štaras K., Vedlūga T. (2012). Atvejo vadybininko modelio analizė sveikatos sistemos kontekste. *Sveikatos politika ir valdymas: mokslo darbai*. 1(4): 116-126.
14. Varžinskienė L., Rudzevičiūtė J. (2009). Medikų požiūris į socialinio darbuotojo vaidmenį reabilitacijos specialistų komandoje. *Socialinis darbas: patirtis ir metodai*. 4(2): 67-88. Kaunas.

**THE ANALYSIS OF THE CASE MANAGER FUNCTIONS
IN THE LITHUANIAN CONTEXT OF FAMILY ASSISTANCE**

Lina Garšvė, Neringa Povilaitienė

Šiauliai State College, Lithuania

Case management has been practiced in the United States of America since the early 20th century; however, in Lithuania it has only been implemented since July 1, 2018, aiming to help families in which the child has suffered from inadequate care. The article aims to reveal the implementation of the case manager's functions in the context of family assistance. The research identified that in their work, case managers perform functions of collaboration, assessment of assistance needs, drawing up and implementing the assistance plan. By analyzing the results of the research, the relation between the case manager's and the social worker's functions was revealed: case managers work with a larger number of families, a larger amount of documentation, while social workers have less of them; assistance is provided through intermediaries, the direct link with the family disappears because, due to larger workload at the institution, the case manager can spend considerably less time communicating with the family when going to the family's home; the case manager's work is more focused on preparation and conducting meetings.

Keywords: case management, case manager, mobile team, social work.

УДК 316.752

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ МОЛОДЕЖЬЮ СТАРШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

© 2020 г.

З.К. Селиванова

Селиванова Зухра Кадимовна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры философии, политологии, социологии Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»
zoi75@bk.ru

Статья поступила в редакцию 30.11.2019

Статья принята к публикации 28.05.2020

На основе данных серии социологических исследований городской молодежи старшего подросткового возраста (14–18 лет), проводившихся автором в 1993–2018 гг. в городах Республики Башкортостан, исследуется характер организации досуга и предпочтений в его проведении. Анализ выявил возникновение новых трендов, качественно отличающихся от трендов до 2013 г.: у молодежи данного возраста теперь все больше доминирует развлекательный и культурно-потребительский способы проведения свободного времени. Это разрушает созидательные традиционные ценностно-смысловые формы, способствует снижению общего культурного уровня, примитивизации способов общения, изменению речевых оборотов и появлению специфического языкового сленга. Постепенно изменяется характер развлечений и направленность предпочтений, смещаясь от просмотра телевизора и видео в сферу блуждания в Интернете, общения в социальных сетях, участия в различных компьютерных играх. Для рациональной организации свободного времени подростков необходимы направленные усилия общества и государства. Выработка соответствующих стратегий должна основываться на фундаментальных и прикладных исследованиях культурно-досуговой деятельности молодежи и мониторинге потребностей и предпочтений молодого поколения.

Ключевые слова: ценностные ориентации, молодежь старшего подросткового возраста, досуг, свободное время, способы проведения, предпочтения.

Актуальность проблемы

Свободное время – это значительная и существенная часть жизни человека. Его можно использовать для конструктивного развития личности, духовного роста, саморазвития и самореализации в разных аспектах, в том числе реализации творческого потенциала, его можно использовать и для социального воспитания, и в политических или в антисоциальных целях, а также бездумно и бесцельно. Под влиянием досуговых предпочтений, в условиях проведения свободного времени тем или иным способом и формируется личность молодого человека старшего подросткового возраста. При этом рекомендации, вырабатываемые научным сообществом, способны помочь рационально организовать досуговое, свободное время и отдых – помочь как самой личности, так и государству. Не будем забывать и о том, что хорошая организация свободного времени и культурного отдыха способствуют повышению социальной активности молодежи.

В современную эпоху из-за вторжения огромного количества технических устройств, сложных технических систем изменяются многие аспекты жизнедеятельности общества, в

связи с чем непрерывно меняются потребности, интересы, предпочтения молодых людей, изменяются и усложняются структура, характер и формы организации досуга. При этом прикладных социологических исследований современного состояния проблемы проводится очень немного, и их явно недостаточно для формирования целостной системы оценки. В этой связи исследование проблем досуга старших подростков и предпочтений в выборе рода занятий в свободное время в современную эпоху очень актуально, как для педагогического сообщества, так и для государственных структур, организующих досуг молодежи и реализующих государственную молодежную политику.

Объект исследования – городская молодежь старшего подросткового возраста (14–18 лет) Республики Башкортостан.

Предмет исследования – характер организации досуга и предпочтений в проведении свободного времени городскими старшими подростками.

Цель исследования – изучение предпочтений в проведении свободного времени и реального характера и форм проведения свободного времени современной городской молодежью старшего подросткового возраста.

Анализ научной литературы по проблеме

Исследованием досугового и свободного времени различных категорий населения, в том числе и молодежи, занимались многие специалисты, как зарубежные, так и отечественные (см. обзор: [1, с. 1531]). В научной литературе существует многообразие интерпретаций терминов «досуг» и «свободное время» и нет четкого разделения этих терминов. Автором используется понятие «свободное время» и за основу принят структурно-функциональный подход, трактующий свободное время как комплекс, включающий в себя семейный отдых, туризм, отдых на природе, культурный отдых (кино, театр, посещение музеев, выставочных залов), чтение книг, общение в социальных сетях и Интернете, прием гостей и хождение в гости, физическое развитие, посещение развлекательных объектов и мероприятий, пассивный отдых.

В настоящее время элементов структуры и функций стало больше, изменились и прежние, но сам подход представляется наиболее эффективным.

Структура и содержание проблемы досуга

Свободное время старших подростков детерминировано множеством факторов, как внешними (культура, ценности и ценностные ориентации; ближайшее окружение; воздействие СМИ, Интернета и других агентов социализации), так и внутренними (ценностные ориентации, мотивы, убеждения, установки, интересы, потребности, в соответствии с которыми происходит выбор рода занятий, предпочтение тех или иных форм и способов проведения свободного времени, степень активной деятельности). В частности, как показывают и наши исследования, важную роль играют общение подростков, дружба, микроколлективы сверстников, и поэтому можно согласиться с тем, что в качестве фактора, определяющего характер проведения свободного времени, выступают также «субкультурные предпочтения, наличие в ближайшем окружении референтов, насыщенность социокультурной среды» [2, с. 37].

При исследовании свободного времени молодежи важно учитывать три момента.

Первый – организация свободного времени молодежи старшего подросткового возраста включает в себя несколько составляющих – это время, организованное: а) учебными заведениями, культурными и спортивными учреждениями; б) молодежными, политическими, общественными и волонтерскими организациями;

в) религиозными организациями; г) неформальными молодежными сообществами, включая сетевые формы организации; д) развлекательными учреждениями различной направленности (для проведения свободного времени в виде отдыха, туристических поездок, особенно игр и т.д.); е) деструктивными сообществами, включая криминальные группировки; также существуют неорганизованные индивидуальные практики с различными модификациями.

Второй момент, вытекающий из первого, заключается в том, что результат проведения свободного времени может быть: а) развивающим интеллектуально, духовно, физически; б) развлекательным; в) утилитарным по отношению к личности (организация ее досуга для достижения других целей – политических, общественных), г) разрушающим, деконструктивным, деструктивным для личности. Для исследования содержательной части досуга, соглашаясь с Е.Ю. Шеховцовой, досуг учащейся молодежи целесообразно описывать с помощью нескольких моделей: познавательной, творческой, развлекательной, коммуникативной, пассивной и смешанной [3, с. 237].

Третий момент – способ проведения свободного времени оказывает влияние на такие функции организма человека и его личности, как восстановительная, компенсаторная, познавательная, функция саморазвития личности, функция реализации в творчестве, социализирующая, коммуникативная. Реализация вышеперечисленных функций имеет первостепенное значение при создании условий, нужных для развития и саморазвития личности. Этот аспект требует специального анализа и применения при разработке программ организации досуга.

Описание методики и результатов исследования

Анализируются результаты серии социологических исследований, проведенных автором в течение длительного времени в 1993–2018 гг. в городах Республики Башкортостан методом анкетирования по методике повторных исследований с соблюдением единых процедур, однотипной анкеты и квотной-гнездовой выборки, обеспечивающей репрезентативность 95–97%. Опросы проводились в средних школах, училищах, колледжах, техникумах.

Выборочная совокупность в 1993 г. составила 936 человек; в 1995 г. – 400 чел.; в 1997 г. – 455 чел.; в 1999 г. – 860 чел.; в 2010 г. – 893 чел.; в 2014 г. – 991 чел.; в 2018 г. – 501 чел.

Таблица 1

**Динамика рейтинга желательных предпочтений способов проведения
свободного времени юношами (% от числа опрошенных)***

№	Вариант ответа	Год						
		1993	1995	1997	1999	2010	2014	2018
Наиболее предпочитаемые способы проведения свободного времени								
1	Заниматься спортом, танцами	43	59	45	47	42	47	41
2	Отдыхать в компании друзей (плюс со своими ребятами; с 1997 г.)	49	49	50	60	41	47	34
3	Поездить по свету	28	40	59	60	51	43	34
4	Заниматься своим увлечением, хобби	0	17	19	14	22	24	30
5	Чтение интересных книг	24	17	18	15	14	14	30
Менее предпочитаемые способы проведения свободного времени								
6	Слушать музыку (с 1997 г.)	0	0	34	47	27	34	29
7	Играть в многопользовательские онлайн-игры через Интернет (с 2010 г.)	0	0	0	0	16	16	27
8	Заняться коммерцией, открыть свое дело	12	13	27	32	32	25	26
9	Учеба, овладение науками, искусством (плюс иностранными языками; с 1997 г.), получение профессии	6	11	14	11	17	9	24
10	Общаться в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники» и т.п.; с 2010 г.)	0	0	0	0	16	18	15
11	Рыбалка, лес, туризм (плюс отдых за городом; с 1997 г.)	40	54	45	48	33	39	14
12	С родными, родителями или со своей семьей	11	18	15	11	16	21	12
Наименее предпочитаемые способы проведения свободного времени								
13	Смотреть кино, видео (с 2010 г. DVD)	26	15	27	35	18	10	10
14	Почаще бывать в кафе, барах, ресторанах	6	9	6	15	15	10	10
15	Приобщаться к высокому искусству, музыке, живописи (плюс ходить в театры, на концерты, выставки и т.д.; с 1997 г.)	1	2	4	4	10	8	10
16	Ничего не делать (с 1997 г.)	0	0	0,5	3	2	3	10
17	Играть в однопользовательские игры без подключения к сети Интернет (с 2010 г.)	0	0	0	0	8	5	9
18	Танцы, дискотеки (плюс ходить в клубы, на open-эйры; с 2010 г.)	21	21	20	26	16	7	8
19	Ухаживать за огородом (плюс отдыхать на даче; с 1997 г.)	6	6	6	7	5	8	6
20	Свой вариант ответа	2	3	0	0,2	2	4	4

* Рейтинг выстроен по результатам 2018 года. В скобках указаны дополнения к формулировке вариантов ответов, введенных в разные годы.

Основные результаты

Предварительные замечания. В связи с гендерными различиями в проведении свободного времени отдельно анализируются ответы юношей и девушек. Различия по национальности отсутствуют (находятся в пределах статистической ошибки).

Проанализируем отдельно два исследованных аспекта – желательное времяпровождение (то, что подростки предпочли бы при наличии возможности) и реальное времяпровождение.

Анализ динамики рейтинга желательных предпочтений способов проведения свободного времени юношами. Рейтинги в таблицах выстроены по полученным данным 2018 г.

Проанализируем динамику рейтинга желательных предпочтений способов проведения свободного времени юношами (табл. 1). Все 20 вариантов ответов (респонденты могли вы-

брать до 5 вариантов) разделим на три группы: наиболее предпочитаемые юношами способы проведения свободного времени (30% выборов и выше); менее предпочитаемые (от 10 до 30%) и наименее предпочитаемые (меньше 10%).

В течение всего периода исследований у юношей к группе наиболее предпочитаемых способов проведения свободного времени относятся такие варианты ответов, набирающие в 2018 г. 30% и более: «заниматься спортом, танцами», «отдыхать в компании друзей», «поездить по свету», «заниматься своим увлечением, хобби», «чтение интересных книг». Причем три варианта («заниматься спортом, танцами», «отдыхать в компании друзей», «поездить по свету») с 1993 г. устойчиво занимают первые места в рейтинге предпочтений, хотя процент выборов колеблется в пределах 10–20%.

Вариант ответа «слушать музыку», набирая в разные годы от 27 до 34% выборов, переходит из одной группы в другую и в 2018 г. перешел в

Таблица 2

Динамика рейтинга способов проведения свободного времени юношами
(% от числа опрошенных)*

Вариант ответа		Год				
		1997	1999	2010	2014	2018
1	Слушаю музыку	64	70	59	61	60
2	Играю в многопользовательские онлайн-игры через Интернет	0	0	27	35	47
3	Отдыхаю в компании друзей, с ребятами	60	66	56	60	45
4	Занимаюсь спортом, танцами	47	50	52	50	43
5	Общаюсь в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники» и т.п.)	0	0	38	49	39
6	Занимаюсь своим увлечением, хобби	19	18	27	29	38
7	Читаю интересные книги	30	25	17	18	28
8	Дополнительная учеба (овладение науками, иностранными языками и т.д.)	0	0	14	11	24
9	Смотрю ТВ, кино, видео, DVD	65	70	43	26	22
10	Играю в однопользовательские игры без подключения к сети Интернет	0	0	19	13	20
11	Провожу время с родными, родителями или со своей семьей	25	21	23	21	15
12	Ничего не делаю	3	3	3	6	10
13	Рыбалка, лес, туризм, отдых за городом	47	43	31	28	8
14	Хожу в кафе, бары, рестораны	2	10	12	6	8
15	Хожу в театры, на концерты, выставки и т.д.	2	2	2	3	5
16	Свободного времени практически нет	4	4	6	4	5
17	Свой вариант ответа	3	4	4	6	5
18	Ухаживаю за огородом, отдыхаю на даче	15	16	5	17	4
19	Хожу на танцы, дискотеки, в клубы	22	27	13	3	4

* Рейтинг выстроен по результатам 2018 года.

группу менее предпочитаемых способов проведения свободного времени. Желание «заняться коммерцией, открыть свое дело» находится в этой же группе, набирая и снижая процент выборов. Желание учиться, овладевать науками и искусством с годами неизменно растет и по сравнению с 1993 г. выросло в 4 раза; желание общаться в социальных сетях с 2010 г. по сей день остается примерно на одном и том же уровне. Желание играть в многопользовательские онлайн-игры через Интернет по сравнению с 2010 г. выросло на 11%. В этой группе резко выделяется вариант ответа «рыбалка, лес, туризм, отдых за городом», так как по сравнению с 1993 г. процент выборов этого варианта снизился почти в 3 раза.

Более детально можно увидеть в табл. 1, какие варианты ответов вошли в группу наименее предпочитаемых юношами способов проведения свободного времени. Лишь акцентируем внимание на следующем: у юношей желания смотреть кино, видео и ходить на танцы, дискотеки с годами уменьшаются (в 2.6 раза), при этом растут (по сравнению с 1993 г. почти в 10 раз) желания приобщиться к высокому искусству, музыке, живописи и ничего не делать.

Анализ динамики рейтинга способов проведения свободного времени юношами в реально-

сти. Проанализируем, как на самом деле проводят свое свободное время старшие подростки мужского пола (см. табл. 2).

Юноши предпочитают в первую очередь заниматься спортом, танцами и отдыхать в компании друзей, а в реальности слушают музыку (обратим внимание, что в рейтинге предпочтений этот вариант находится на шестом месте); играют в многопользовательские онлайн-игры через Интернет (с годами играющих становится все больше, в 2018 г. таковых стало на 12% больше по сравнению с 2014 г.). Это два первых места в рейтинге способов проведения свободного времени. Далее – отдых в компании друзей, с ребятами (отдыхающих стало меньше на 15%) и занятия спортом, танцами (стали заниматься меньше). Зато стали больше заниматься своим увлечением, хобби – на 9% по сравнению с 2014 г. – и дополнительной учебой (на 13% больше занимающихся иностранными языками и науками). С годами все больше становится процент юношей, играющих через Интернет и без подключения к нему, поэтому в 2018 г. снизился процент выбирающих следующие варианты ответов: «смотрю ТВ, кино, видео, DVD» (по сравнению с 1997 г. стало меньше в 3 раза выборов этого ответа); «рыбалка, лес, туризм, отдых за городом» (меньше почти в 6 раз); «провожу время с родными, родителями или со сво-

ей семьей» (меньше в 1.6 раза); «ухаживаю за огородом, отдыхаю на даче» (меньше в 3.8 раза); «хожу на танцы, дискотеки, в клубы» (меньше в 5.5 раза).

Отдельно выделим чтение юношами интересных книг: в течение всего периода исследований процент желающих читать и читающих юношей в реальности снижался. При этом в 2018 г. по сравнению с 1997 г. процент желающих читать становится больше почти в два раза, а процент читающих, хотя и вырос, но по сравнению с 1997 г. ниже на 2%.

В силу вышеописанного анализа полученных многолетних результатов трудно согласиться с некоторыми авторами, утверждающими, что у подрастающего поколения упал интерес к чтению, посещению выставок, музеев, спектаклей, занятию художественно-прикладными и техническими видами творчества.

Итак, подростки мужского пола предпочитают спортивный, активный, коммуникативный, познавательный способы проведения свободного времени (желают заниматься спортом, танцами; отдыхать в компании друзей; поехать по свету; заниматься своим увлечением, хобби и читать интересные книги). В реальной жизни юноши слушают музыку; играют в компьютерные игры; отдыхают в компании друзей, с ребятами; занимаются спортом; общаются в социальных сетях, то есть выбирают развлекательный и активный способы проведения свободного времени.

Анализ динамики рейтинга желательных предпочтений способов проведения свободного времени девушками. Теперь рассмотрим динамику рейтинга желательных предпочтений способов проведения свободного времени девушками (табл. 3). Так же, как и у юношей, все 20 вариантов ответов разделены на три вышеназванные группы. В течение 25-летнего периода исследований у девушек к группе наиболее предпочитаемых способов проведения свободного времени относятся следующие варианты ответов: «поехать по свету», «заниматься спортом, танцами», «отдыхать в компании друзей», «дополнительная учеба», «заниматься своим увлечением, хобби».

В отличие от предпочтений юношей у девушек в рейтинге на первом месте расположился вариант ответа «поехать по свету» (у юношей – желание заниматься спортом, танцами; и в силу гендерных предпочтений эти варианты ответов поменялись местами), и большее количество девушек-респондентов хотели бы поехать по свету (у юношей выбор этого ответа составляет от 28 до 60%, у девушек – от 56 до 75%). На втором месте рейтинга располагается ответ «за-

ниматься спортом, танцами» (количество желающих по сравнению с 1993 г. выросло более чем в три раза), далее – ответ «отдыхать в компании друзей» (количество желающих по сравнению с 1993 г., испытывая колебания, уменьшилось более чем в 1.5 раза). Так же, как и у юношей, у девушек растет желание учиться, овладевать науками и искусством (по сравнению с 1993 г. также выросло почти в 4 раза) и желание заниматься своим увлечением, хобби (тоже выросло в 2 раза).

Девушки, как и юноши, желают приобщаться к высокому искусству, музыке, живописи (плюс ходить в театры, на концерты, выставки), процент предпочтений этого ответа с годами растет, и в 2018 г. у девушек в рейтинге предпочтений этот вариант ответа находится на 7-м месте, у юношей – на 15-м месте. Процент девушек так же, как и юношей, желающих почаще бывать в кафе, барах, ресторанах, растет. Процент девушек, желающих заняться коммерцией, открыть свое дело, также растет, а процент юношей с таким предпочтением испытывает колебания. В 2018 г. у девушек вариант ответа «слушать музыку», набирая в разные годы от 15 до 39% выборов, остается в группе наименее предпочитаемых способов проведения свободного времени. В отличие от юношей у девушек желание общаться в социальных сетях с 2010 г. снижается, и процент девушек, желающих играть в многопользовательские онлайн-игры через Интернет, по сравнению с юношами ниже в 9 раз.

Анализ динамики рейтинга способов проведения свободного времени девушками в реальности. Теперь проанализируем, как же на самом деле проводят свое свободное время старшие подростки женского пола сравнительно с подростками мужского пола (см. табл. 4).

Девушки хотели бы поехать по свету, заниматься спортом, танцами и отдыхать в компании друзей, в реальности слушают музыку (в течение 25 лет слушающих музыку более 60% – 1-е место в рейтинге, а в рейтинге предпочтений 2018 г. этот вариант находится на 10-м месте). В реальной жизни, если юноши играют в различные компьютерные игры (в 2018 г. играющих юношей в 9 раз больше, чем играющих девушек, и с годами игроков становится все больше), то в 1.4 раза больше девушек общаются в социальных сетях. Прослушивание музыки и общение в социальных сетях – это два первых места в рейтинге способов проведения свободного времени девушками. Далее – отдых в компании друзей, хотя количество отдыхающих девушек стало меньше на 22%.

Таблица 3

Динамика рейтинга желательных предпочтений способов проведения свободного времени девушками
(% от числа опрошенных)*

№	Вариант ответа	Год						
		1993	1995	1997	1999	2010	2014	2018
Наиболее предпочтительные способы проведения свободного времени								
1	Поездить по свету	56	56	74	75	70	70	62
2	Заниматься спортом, танцами	14	28	18	18	38	47	46
3	Отдыхать в компании друзей (плюс со своими ребятами; с 1997 г.)	61	69	57	67	37	45	39
4	Учеба, овладение науками, искусством, (плюс иностранными языками; с 1997 г.), получение профессии	9	20	26	19	26	24	35
5	Заниматься своим увлечением, хобби (с 1997 г.)	0	0	15	16	21	23	32
Менее предпочтительные способы проведения свободного времени								
6	Читать интересные книги	39	31	22	21	17	31	30
7	Приобщаться к высокому искусству, музыке, живописи (плюс ходить в театры, на концерты, выставки и т.д.; с 1997 г.)	6	4	15	15	22	28	29
8	Заняться коммерцией, открыть свое дело	8	9	34	31	26	19	24
9	Почаще бывать в кафе, барах, ресторанах	8	12	17	20	18	15	21
10	Слушать музыку (с 1997 г.)	0	0	28	39	15	21	20
11	С родными, родителями или со своей семьей	24	27	18	15	21	27	19
12	Рыбалка, лес, туризм (плюс отдых за городом; с 1997 г.)	25	30	25	23	23	26	17
Наименее предпочтительные способы проведения свободного времени								
13	Танцы, дискотеки (плюс ходить в клубы, на опен-эйры; с 2010 г.)	38	30	31	43	20	9	8
14	Смотреть кино, видео (плюс DVD; с 2010 г.)	21	13	10	15	9	6	5
15	Общаться в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники» и т.п.; с 2010 г.)	0	0	0	0	13	11	4
16	Ухаживать за огородом (плюс отдыхать на даче; с 1997 г.)	9	7	10	6	5	8	4
17	Играть в однопользовательские игры без подключения к сети Интернет (с 2010 г.)	0	0	0	0	1	1	3
18	Ничего не делать (с 1997 г.)	0	0	1	1	0	1	3
19	Играть в многопользовательские онлайн-игры через Интернет (с 2010 г.)	0	0	0	0	2	1	3
20	Свой вариант ответа	1	0	2	2	2	1	3

* Рейтинг выстроен по результатам 2018 года.

На 4-м месте у девушек вариант ответа «проведу время с родными, родителями» (у юношей этот ответ на 11-м месте, к тому же девушки почти в 3 раза чаще проводят свободное время с родителями и родными). Более трети девушек-респондентов (35%, с годами этот процент увеличивается) занимаются своим увлечением, хобби и дополнительной учебой. С годами процент девушек и юношей, читающих интересные книги, колеблясь, остается на уровне 30%.

Еще раз акцентируем внимание на том, что процент старших подростков, смотрящих ТВ, кино, видео, с годами уменьшился почти в 3 раза (примерно одинаково и у девушек, и у юношей). Далее в рейтинге располагаются варианты ответов, набирающие меньше 15%. У девушек, как и у юношей, растет процент выбравших варианты ответов «хожу в театры, на концерты, выставки» (причем девушки ходят чаще почти в 3 раза), «ничего не делаю», но при

этом девушки более заняты, чем юноши, и чаще выбирают ответ «свободного времени практически нет».

Старшие подростки стали меньше ухаживать за огородом, отдыхать на даче (девушки меньше в 4.4 раза и юноши – 3.8 раза), а также ходить на танцы, дискотеки, в клубы (девушки меньше в 13 раз и юноши – 5.5 раза).

Итак, подростки женского пола предпочитают отдавать познавательному, спортивному, активному, коммуникативному способам проведения свободного времени: поехать по свету; заниматься спортом, танцами; отдыхать в компании друзей; дополнительная учеба, овладение науками, искусством; заниматься своим увлечением, хобби. А в реальной жизни реализуют способы такие, как развлекательный, домашний, коммуникативный, компенсаторный (слушают музыку; общаются в социальных сетях; отдыхают в компании друзей, с ребятами; проводят

Таблица 4

Динамика рейтинга способов проведения свободного времени девушками
(% от числа опрошенных)*

Вариант ответа		Год				
		1997	1999	2010	2014	2018
1	Слушаю музыку	67	78	66	60	66
2	Общаюсь в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники» и т.п.)	0	0	52	65	55
3	Отдыхаю в компании друзей, с ребятами	68	65	64	61	46
4	Провожу время с родными, родителями или со своей семьей	25	41	43	42	40
5	Занимаюсь своим увлечением, хобби	19	18	28	32	35
6	Дополнительная учеба (овладение науками, иностранными языками и т.д.)	0	0	24	24	35
7	Занимаюсь спортом, танцами	11	17	32	37	33
8	Читаю интересные книги	44	37	28	39	31
9	Смотрю ТВ, кино, видео	62	64	43	27	24
10	Хожу в театры, на концерты, выставки и т.д.	1	4	5	5	14
11	Хожу в кафе, бары, рестораны	4	10	11	8	13
12	Свободного времени практически нет	6	7	10	10	11
13	Ничего не делаю	3	8	3	5	9
14	Рыбалка, лес, туризм, отдых за городом	20	10	11	8	7
15	Играю в однопользовательские игры без подключения к сети Интернет	0	0	3	3	6
16	Играю в многопользовательские онлайн-игры через Интернет	0	0	4	4	5
17	Ухаживаю за огородом, отдыхаю на даче	22	17	4	12	5
18	Свой вариант ответа	6	5	4	3	4
19	Хожу на танцы, дискотеки, в клубы, на опен-эйры	40	41	11	4	3

*Рейтинг выстроен по результатам 2018 года.

время с родными, родителями; занимаются своим увлечением, хобби).

В 1997 г. четверть опрошенных и юношей, и девушек проводили время вместе с родителями и родными, а в 2018 г. количество таких юношей уменьшилось до 15%, количество же девушек, наоборот, выросло до 40%.

Анализ динамики рейтинга способов совместного семейного времяпровождения. Проанализируем, чем же занимаются подростки в совместном семейном времяпровождении (табл. 5). Отметим, что отсутствуют отличия в рейтингах выбора вариантов ответов совместного семейного времяпровождения у старших подростков городов Башкортостана и крупного мегаполиса Москва. На первых позициях рейтинга следующие ответы, набравшие в 2018 году более 30%: «делаем домашние дела»; «поездки к родственникам, в деревню»; «смотрим кино, телевизор, видео». У подростков Башкортостана и московских подростков практически одинаковый процент выборов, за исключением вариантов ответов, связанных с условиями проживания в том или ином городе, – это «театры, цирк, культурные мероприятия» (московские старшеклассники в 4 раза чаще духовно обогащаются в силу огромного разнообразия возможностей посещения культурных учрежде-

ний); на 4% больше московских респондентов играют с родителями в домашние игры, вместе читают книги, занимаются спортом и в 1.8 раза больше осуществляют поездки в другие города, на курорты. Также на 8–10% меньше московских подростков вместе с родителями осуществляют поездки к родственникам, в деревню или на дачу, еще подростки-москвичи в 2 раза меньше ругаются с родителями.

Проанализировав динамику способов совместного семейного времяпровождения, можно сказать, что практически все варианты ответов имеют направленность в сторону снижения процента выборов. При этом увеличился по сравнению с 1997 г. выбор вариантов ответа: «театры, цирк, культурные мероприятия» – в 8 раз; «поездки в другие города, на курорты» – в 2 раза; «никак, каждый занимается своими делами» – в 1.2 раза.

Результаты наших исследований во многом совпадают с результатами исследований молодежи разных возрастных групп, проведенных И.С. Бочарниковой в пяти регионах (Мурманской, Оренбургской и Астраханской областях, Республике Бурятия, Москве). В частности, этим автором отмечается, что среди респондентов в свободное время более половины «сидят в Интернете», более 40% смотрят телевизор, треть слушает музыку. Примечательно и то, что большая

Таблица 5

Динамика способов совместного семейного времяпровождения
(% от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Год				
	1997	1999	2010	2014	2018
Делаем домашние дела	47	39	45	43	39
Поездки к родственникам, в деревню	45	39	36	37	39
Смотрим кино, телевизор, видео	55	46	42	32	36
Совершаем прогулки в лес, за город, на рыбалку, в походы	26	29	29	34	27
Ходим в гости (или они приходят)	20	30	30	26	27
Ходим на огород, дачу	58	43	23	38	22
Поездки в другие города, на курорты	10	13	20	20	21
Никак, каждый занимается своими делами	15	15	12	14	18
Театры, цирк, культурные мероприятия	2	4	4	6	16
Играем в домашние игры, читаем книги, занимаемся спортом	8	6	5	4	10
Когда вместе, то чаще всего ругаемся	8	6	7	6	5
Свой вариант ответа	2	2	2	1	5
Время вместе не проводим	0.4	2	2	2	3

*Рейтинг выстроен по результатам 2018 года.

часть молодежи в целом удовлетворена организацией услуг в сфере досуга [4, с. 20]. Хотя вряд ли можно согласиться с тем, что проведение времени в сети Интернет всегда можно отнести к пассивному времяпровождению, так как некоторые формы этого времяпровождения (компьютерные игры, общение в социальных сетях и другие) необходимо рассматривать как активные, в том числе как социально и политически активные.

Таким образом, результаты, полученные нами и другими исследователями, кроме всего прочего, позволяют утверждать следующее: в настоящее время наблюдается тенденция значительного совпадения желаемого и реального в характере проведения свободного времени молодежи, включая и доминирующий компонент развлекательного времяпровождения, часто неконструктивного. Это позволяет аргументированно утверждать, что таковы сформировавшиеся в последние годы системы ценностно-смысловых предпочтений в сфере проведения свободного времени у значительной молодежи (особенно старших подростков). Они в значительной мере отличаются от традиционных и несут в себе неконструктивный для личности и общества потенциал.

Выводы

В настоящее время большая часть подростков проводит свободное время в индивидуальной форме: прослушивание музыки; «зависание» в Интернете, включая общение в социальных сетях; участие в различных компьютерных играх с подключением и без подключения к Интернету; чтение книг; просмотр кино, видео, телевизора. То есть в современную эпоху появилась своеобразная мода на способы прове-

дения свободного времени, что связано с современной техникой и новыми технологиями. В 1993 г. это был просмотр телевизора, кино, видео, теперь наблюдается снижение предыдущего способа и из-за стремительного вторжения Интернета в повседневную жизнь людей. Старшие подростки отдают предпочтение компьютерным играм, прослушиванию музыки, просмотру различной информации, общению в социальных сетях, используя Интернет. Интернет и информационные технологии изменили не только способы проведения свободного времени, но и его качество и мотивацию молодых людей. Анализ выявил возникновение новых трендов, качественно отличающихся от трендов до 2013 г. В настоящее время у молодежи старшего подросткового возраста начинают доминировать развлекательный и культурно-потребительский способы проведения свободного времени, все более замещая традиционные и конструктивные для российской культуры способы проведения свободного времени, проявлявшиеся ранее [1, с. 1537; 5, с. 131]. Это усугубляет общее снижение уровня культуры, способствует примитивизации способов общения, изменению речевых оборотов и появлению специфического языкового сленга.

Результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что сложившиеся в последние десятилетия в России социальные, демографические, культурные и информационные обстоятельства начали трансформировать общий ценностно-смысловой контур подростков старшего возраста. На его трансформацию, без сомнения, повлияли и пропаганда развлекательного образа жизни, развитие туристического бизнеса, отсутствие социальных условий и перспектив для самореализации личности молодого человека в

созидательной сфере. Это ведет к разрушению основ традиционной системы ценностей и ценностных ориентаций и может стать основой крупной культурной катастрофы. Поскольку понятно, что традиционные ценности способствовали формированию личности человека морального типа с различием добра и зла («что такое хорошо, что такое плохо», по В.В. Маяковскому), глубокого и поверхностного, созидательного и деструктивного и так далее. В настоящее время трансформация традиции происходит именно в ценностно-смысловой сфере, стирая эти различия и искажая соотношения. Это ведет не только к утрате личностью конструктивных социальных ориентиров (особенно у некоторой части молодежи, имеющих состоятельных родителей, к доминированию у них развлекательного и праздного образа жизни), но и к распространению бесперспективности, безысходности, одновременно иждивенческих и антитрадиционных настроений среди молодежи всех слоев населения.

Как видим, сама молодежь этого возраста не вполне способна рационально организовать свое свободное, внеучебное время, использовать его конструктивно для созидательных целей. Для рациональной организации свободного времени подростков необходимы направленные усилия государства и общества. В этой связи взрослое население и соответствующие государственные структуры должны вновь активнее помогать молодежи организовывать свой досуг, вырабатывая для этого соответствующие стратегии и программы. Для этого научному сообществу необходимо постоянно напоминать государственным органам ту научную истину, что досуг – это не просто свободное время или время на восстановление организма, а важный компонент культуры, оказывающий влияние на формирование личности подростка и характер его будущей самореализации во взрослой жизни.

Выработка соответствующих стратегий должна основываться на фундаментальных и прикладных исследованиях культурно-досуго-

вой деятельности молодежи и мониторинге потребностей и предпочтений молодого поколения. В настоящее время нет скоординированной государственной политики в области организации свободного и досугового времени молодежи, поэтому необходимо разработать новую систему регулирования и управления досуговым временем молодежи в соответствии с различными потребностями и интересами самих молодых людей и потребностями российского общества с целью формирования личности молодых людей, их культуры, системы ценностей, мировоззрения и нравственного облика, а также помочь молодежи в выборе дальнейшего жизненного пути и подготовке к взрослой жизни, в том числе на основе рационального использования свободного времени, в конструктивном использовании свободного времени, не допуская, в том числе, утилитарного использования подростков деконструктивными политическими структурами и безответственными личностями.

Список литературы

1. Селиванова З.К. Досуг старших городских подростков: научная диагностика и задачи в сфере государственной политики // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1531–1538.
2. Уразов А.Г., Ефремов Д.А. Досуговая деятельность студентов вуза: опыт социально-педагогического анализа // Известия ВГПУ. 2017. № 3 (276). С. 36–39.
3. Шеховцова Е.Ю. Культурно-досуговая деятельность учащейся молодежи: уровни, стадии, модели // Вестник ТГУ. 2007. № 9 (53). С. 235–238.
4. Бочарникова И.С. Досуговые предпочтения современной российской молодежи: сравнительный социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1 (119). С. 18–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosugovye-predpochteniya-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi-sravnitelnyu-sotsiologicheskiiy-analiz/viewe> (дата обращения: 30.10.2019).
5. Селиванова З.К. Ценностный мир российских подростков: формирование, динамика, управление (социологический аспект). М.: Изд-во МЭИ, 2013. 200 с.

ON THE ISSUE OF SPENDING LEISURE TIME BY TEENAGERS

Z.K. Selivanova

National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Based on the data of a series of sociological studies of urban teenagers (14-18 years), conducted by the author from 1993 to 2018 in the cities of the Republic of Bashkortostan, the nature of leisure and leisure preferences is investigated. The analysis revealed the emergence of new trends, qualitatively different from the trends before 2013: young people of this age are now increasingly dominated by entertainment and cultural and consumer ways of spending free time. This destroys the traditional creative values and concepts, contributes to the reduction of the general cultural level, the primitivization of ways of communication, the change of speech patterns and the emergence of specific language slang. The nature of entertainment and the direction of preferences is changing gradually, shifting from watching TV and video to

Internet surfing, social networking, participation in various computer games. To organize teenagers' free time in a rational manner, concerted efforts of society and the state are required. The development of appropriate strategies should be based on fundamental and applied research of cultural and leisure activities of young people and monitoring the needs and preferences of the younger generation.

Keywords: value orientations, teenagers, leisure, free time, ways of spending, preferences.

УДК 316.61

АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК РЕПУТАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ПГНИУ)

© 2020 г.

Е.В. Базуева, А.А. Сюзья

Базуева Елена Валерьевна, к.э.н.; доцент кафедры мировой и региональной экономики,
экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета
bazueva.l@mail.ru

Сюзья Арина Андреевна, магистр социальной работы
Пермского государственного национального исследовательского университета
shampanskij@list.ru

*Статья поступила в редакцию 23.09.2019**Статья принята к публикации 25.05.2020*

В условиях перманентного повышения конкуренции на рынке образовательных услуг актуализируются вопросы эффективного управления всеми активами вуза, в том числе нематериальными, к которым относится репутационный капитал. В статье уделено внимание одному из факторов репутационного капитала вуза – социальной активности студентов. Процесс активизации студенческой молодежи повышает конкурентоспособность таких выпускников на рынке труда и влияет на имидж вуза на рынке образовательных услуг и в обществе в целом. На основе эмпирических исследований авторами выявлены барьеры в реализации социальной активности студенческой молодежи и определены возможные направления активизации участия студентов в социально значимой деятельности. Предложен алгоритм, обеспечивающий системное взаимодействие компонентов внутренней системы вуза в вопросах повышения уровня социальной активности студентов, а также взаимодействия внутренней и внешней систем в целях увеличения репутационного капитала ПГНИУ. На основе методов, широко применяемых специалистами по социальной работе, в том числе по социальной работе с молодежью, определены направления повышения уровня социальной активности студенческой молодежи в деятельности объединенного совета обучающихся. Представляется, что предложенная модель взаимодействия внутренней и внешней среды ПГНИУ позволит повысить уровень репутационного капитала вуза, а значит, может стать одним из его конкурентных преимуществ на рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: репутационный капитал вуза, социальная активность студентов, социально значимая деятельность, конкурентоспособность, нематериальный актив, третья роль университета, рынок образовательных услуг, объединенный совет обучающихся, студенческое самоуправление.

Введение

В условиях современной экономики все чаще стало уделяться внимание различным нематериальным факторам конкурентоспособности бизнеса. Среди них важное место занимает деловая репутация. В последние годы данные проблемы актуализируются и для вузов, которые в условиях перманентного повышения уровня конкуренции на рынке образовательных услуг должны обращать внимание на эффективное управление всеми своими активами, и в том числе нематериальными. Одним из таких активов является репутационный капитал, поскольку, как отмечается во многих исследованиях, наличие четкого образа на конкурентном рынке является одним из важных факторов в привлечении потенциальных студентов [1; 2]. Сущностные характеристики репутационного капитала как нематериального актива [3; 4] не только влияют на уровень конкурентоспособно-

сти вуза [5], но и могут обеспечить устойчивое положение вуза на региональном, федеральном, международном уровне, перманентный приток инвестиций, выполнение спектра различных задач, поставленных перед вузом.

В качестве факторов, влияющих на формирование репутационного капитала вуза, как правило, выделяют: качество образовательных услуг; отношения университета с различными контрагентами; репутацию руководства и профессорско-преподавательского состава вуза; социальную ответственность вуза; материально-техническую базу и финансовые показатели деятельности; достижения университета [5]; восприятие и отношение к вузу студентов как потребителей образовательных услуг [2; 6]. При этом на роли студентов как активных субъектов, участвующих в формировании репутационного капитала вуза, внимания не акцентировалось.

Представляется, что, исходя из сущностных характеристик социальной активности [7; 8],

процесс активизации студенческой молодежи, с одной стороны, будет обеспечивать большую конкурентоспособность таких выпускников на рынке труда, поскольку мотивация к достижениям и высокий уровень самосознания являются одними из современных требований работодателей к качеству человеческого капитала сотрудников (т.н. *soft skills*)¹. С другой стороны, активное участие студентов в жизни вуза, в научной и внеучебной работе, спортивных, культурных и других социально значимых мероприятиях разного уровня будет создавать положительный имидж вуза на рынке образовательных услуг и в обществе в целом. Как следствие, это, безусловно, будет наращивать репутационный капитал вуза.

Исходя из вышесказанного, целью данной статьи является определение направлений повышения эффективности управления репутационным капиталом посредством активизации участия студенческой молодежи в социально значимой деятельности на примере одного из российских вузов – Пермского государственного национального исследовательского университета (далее – ПГНИУ).

Логика статьи предполагает последовательное рассмотрение следующих вопросов: 1) оценка текущего уровня репутационного капитала ПГНИУ на основе анализа результатов количественных измерений; 2) анализ уровня социальной активности студентов как фактора репутационного капитала вуза; 3) определение направления повышения эффективности управления уровнем активности студентов ПГНИУ.

Репутационный капитал вуза: результаты количественных измерений

Начнем с раскрытия первого из обозначенных в статье аспектов.

Количественно оценить размер репутационного капитала вуза можно на основе результатов различных рейтингов, которые отражают текущий статус учебного заведения, уровень конкурентоспособности вуза не только на региональном, но и федеральном уровне [9], поскольку характеризуют достижения вуза по основным направлениям его деятельности, обеспечивают узнаваемость вуза, оказывают воздействие на уровень престижа и доверия к вузу со стороны целевых аудиторий.

В настоящее время существует большое количество международных и национальных рейтингов, значимость которых перманентно повышается как для оценки эффективности функционирования отдельного учебного заведения, так и для системы высшего профессио-

нального образования в целом. Заметим, что в России составление рейтингов инициируется как государственными органами, так и средствами массовой информации [10].

Рассмотрим некоторые данные о месте Пермского государственного национального исследовательского университета в различных рейтингах.

Динамика показателей ПГНИУ, по данным рейтинга RAEX («Эксперт РА»), который прошел международный аудит IREG Observatory, неустойчивая. Так, если в 2012 г. ПГНИУ занимал в рейтинге 76-е место [11], в 2015 г. – 91-е, в 2016 г. – 86-е, то в 2018 и 2019 г. ПГНИУ не вошел в топ-100 университетов России [12]. При составлении рейтинга учитывались следующие критерии: условия для получения качественного образования; уровень востребованности выпускников; научно-исследовательская деятельность вуза.

В Национальном рейтинге университетов Международной информационной группы «Интерфакс» по критерию «Образование» ПГНИУ за 2015–2019 гг. поднялся с 24-го на 9-е место [13]. В 2019 г. в категории «Образование» ПГНИУ обогнал НИУ ВШЭ, ПНИПУ, ИТМО, КФУ, МГТУ им. Баумана и многие другие, войдя в топ-10 лучших вузов России [14]. Эксперты оценивали спектр образовательных программ по подготовке кадров высокой квалификации, долю преподавателей с учеными степенями, уровень организации практик, эффективность работы со школами. По параметру «Бренд университета» ПГНИУ также укрепил позиции, переместившись за 2015–2019 гг. с 70-го места на 48-е место в 2019 г. [13]. В данном случае оценивались такие параметры, как эффективность коммуникаций, присутствие вуза в СМИ, восприятие исследований университета русскоязычным и зарубежным академическими сообществами.

В начале 2016 г. аналитический центр ИД «ЕвроМедиа» подготовил рейтинг лучших вузов Приволжского федерального округа по образовательной деятельности. В топ-50 Пермский государственный национальный исследовательский университет занял 9-е место, получив 66.46 балла. Из пермских вузов, кроме ПГНИУ, в рейтинг вошли педагогический и политехнический университеты, заняв 21-е и 26-е места соответственно. Методика по сбору и подсчету результатов рейтинга разработана Министерством образования и науки РФ [15].

При этом стоит отметить, что на сайте ПГНИУ размещается информация только о показателях и рейтингах, которые имеют положительную динамику и, следовательно, в перспективе могут повысить репутационный капитал вуза.

Отдельного внимания заслуживают рейтинги по уровню зарплат выпускников вузов, работающих в различных сферах экономики. Данный рейтинг представлен проектом «Superjob для студентов». Динамика рейтинга ПГНИУ по данному показателю за 2015–2019 гг. была негативной. Так, в рейтинге вузов России по уровню зарплат молодых специалистов, занятых в сфере экономики и финансов, ПГНИУ за анализируемый период ухудшил свои позиции на 2 пункта и в 2019 г. занял 13-е место [16]. По уровню зарплат ИТ-специалистов ПГНИУ в 2015 г. был одним из лидеров среди российских вузов и занимал третье место, тогда как в 2019 г. – только 11-е [17]. По уровню средней заработной платы выпускника юридического факультета ПГНИУ за 2015–2019 гг. ухудшил свои позиции на 4 пункта и с шестой позиции рейтинга лучших вузов России переместился в 2019 г. на 10-е место [18]. Безусловно, на наш взгляд, на позиции ПГНИУ в данном рейтинге оказало влияние ухудшение общей экономической конъюнктуры, когда в целом в экономике наблюдается снижение реальных доходов населения и рост безработицы.

Уровень показателей, учитываемых в приведенных рейтингах, напрямую зависит от того, какую позицию занимает студенческое сообщество. На наш взгляд, повышая уровень социальной активности обучающихся, вуз тем самым повышает уровень своей конкурентоспособности и, как следствие, репутационный капитал.

Активность студенческой молодежи как фактор развития вуза

В условиях современной экономики к современному вузу предъявляется достаточно много требований по подготовке обучающихся, соответствию реализуемой деятельности запросам общества, результатам и качеству предоставления образовательных услуг. Согласно требованиям Болонского процесса, к которому присоединилась Россия, социальная активность является одной из ключевых компетенций личности, которая должна формироваться институтами высшего профессионального образования [19, с. 57]. Так, в государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования третьего поколения в качестве требований к основным образовательным программам подготовки в группе универсальных компетенций выделена подгруппа социально-личностных компетенций [20]. Это могут быть компетенции социального взаимодействия, самоорганизации и самоуправления, системно-деятельного характера, а также социальная ак-

тивность. Вуз обязан сформировать свою социокультурную среду, создать условия, необходимые для всестороннего развития личности каждого студента, способствовать развитию социально-воспитательного компонента учебного процесса, включая развитие студенческого самоуправления, участие студентов в работе общественных организаций, спортивных и творческих клубов, научных студенческих обществ.

Социальная активность студенческой молодежи может быть использована при реализации так называемой «третьей роли» университета. Действия в рамках «третьей роли», или третьей миссии, связаны с генерированием, использованием, практическим применением, получением выгоды от знаний и других ресурсов университетов (помещения, техника) за пределами академической среды [21]. «Третья роль» состоит из нескольких компонентов – это и результаты исследовательской деятельности (человеческие ресурсы, интеллектуальная собственность, коммерциализация результатов научных исследований, различные контракты), компоненты, в большей степени ориентированные на потребности местного сообщества, и участие в социальной (общественной) жизни (участие в процессе принятия решений, вовлеченность в социально-культурную жизнь, результаты трансфера знаний в общество) [22]. Наше внимание привлекает вторая группа компонентов, так как силами социально активной студенческой молодежи организуются общественно-культурные мероприятия, направленные как на вуз, так и на город, регион или страну в целом; их достижения транслируются в средствах массовой информации, повышая уровень репутации вуза.

Исходя из вышесказанного, наличие в том или ином вузе социально активных студентов влечет за собой повышение его репутационного капитала. Посмотрим далее, насколько эффективно используется социальная активность студентов в качестве фактора повышения репутационного капитала в ПГНИУ. С этой целью нами было проведено в 2016 г. два эмпирических исследования.

Целью первого исследования было выявление характеристик социальной активности студенческой молодежи, а также возможностей и барьеров на пути ее формирования. Объем выборки составил 86 человек, из них 44 девушки и 42 молодых человека в возрасте от 18 до 25 лет, являющихся студентами дневного отделения ПГНИУ. Второе исследование предполагало опрос экспертов – сотрудников ПГНИУ, которые имеют опыт непосредственной работы со студенческой молодежью: заместители деканов по внеучебной работе, лидеры университетских

объединений, начальники управлений. Нами было опрошено 6 сотрудников ПГНИУ.

Не останавливаясь подробно на результатах каждого из проведенных нами исследований, сопоставим наиболее значимые из них.

Однозначно можно сказать, что в ПГНИУ есть социально активные студенты, которые реализуют свою активность в социально значимой деятельности, внеучебной и научной работе. При этом студенты понимают социальную активность более широко, тогда как эксперты в своих оценках ближе к теоретическому определению социальной активности, данному нами ранее. По нашему мнению, важно в дальнейшем заниматься этим вопросом и прийти к более четкому пониманию, как самими студентами, так и администрацией, преподавателями, кто такой социально активный студент, так как от этого зависит система поощрений и ответственности внутри вуза.

Социальная активность является значимым видом деятельности для обучающихся и для вуза в целом. Во-первых, как отмечают эксперты, это необходимо для самореализации обучающихся, поскольку поможет им во время учебы и при дальнейшем трудоустройстве, для приобретения общекультурных компетенций, важных в современном обществе; социальная активность студентов помогает в реализации собственных задач вуза, связанных с внеучебной работой; социально активные во время обучения в вузе студенты становятся его лучшими выпускниками; социальная активность влияет на имидж вуза, это показатель того, что в университете идет активная жизнь; социальная активность студентов связана напрямую с третьей ролью университета, которая реализуется, в том числе, через спортивные, культурные и другие мероприятия. Во-вторых, большая часть опрошенных обучающихся (67.4%) предлагают свои варианты изменений в системе научной и внеучебной работы в ПГНИУ, которые стимулировали бы проявление их активности в вузе, то есть не остаются равнодушными к этому вопросу, заинтересованы в повышении ее уровня. Немаловажным является, что 52.3% респондентов считают себя социально активными, 47.7% респондентов причисляют себя к разного рода студенческим объединениям и организациям, а 91.9% участвуют в проводимых в университете мероприятиях.

Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем сделать вывод, что активность студентов в социально значимой деятельности, ее результаты, учитываемые как на локальном уровне, так и в международных и федеральных рейтингах, являются значимым ресурсом

университета. Однако нам представляется, что эти ресурсы могут быть использованы более эффективно. Для этого необходимо преодолеть выявленные нами барьеры в реализации социальной активности студенческой молодежи: отсутствие свободного времени (82.6% опрошенных), нехватка энергии, сил, нежелание прилагать усилия (37.2% респондентов), отсутствие необходимых личностных качеств, чтобы проявлять активность в занятиях внеучебной деятельностью (23.3% респондентов), отсутствие денег, материальных ресурсов (22.1% респондентов), низкий уровень информированности о внеучебной и научной деятельности (9% респондентов). Судя по результатам исследований, повысить уровень социальной активности студентов можно, используя различные методы стимулирования, новые механизмы информирования студентов о возможностях реализации их социальной активности. На наш взгляд и с учетом мнения экспертов, повышением степени активности обучающихся должна заниматься администрация вуза совместно со студентами.

Направления повышения эффективности управления уровнем активности студентов ПГНИУ

Как показали результаты нашего исследования, в ПГНИУ большим авторитетом среди студенческой молодежи пользуется профсоюзная студенческая организация Пермского государственного университета (ПСО ПГУ)². Организация осуществляет юридическую, материальную, психологическую помощь своим членам, ведет спортивно-оздоровительную работу со студентами, занимается организацией отдыха и досуга студентов, вопросами улучшения жилищно-бытовых условий в общежитиях. ПСО ПГУ участвует в повышении уровня социальной активности членов профсоюза с помощью именных стипендий, выплачиваемых отдельным членам, активно занимающимся профсоюзной работой и социально значимыми делами, участвующим в общественной жизни. Профсоюз предоставляет возможность участия в различных студенческих семинарах, конференциях, симпозиумах регионального, всероссийского и международного уровня.

ПСО ПГУ возложила на себя роль органа студенческого самоуправления. На наш взгляд, данная организация не может быть представительным органом студентов и органом студенческого самоуправления по двум причинам:

1) целью организации, согласно положению, является защита социально-экономических прав и интересов своих членов в соответствии с

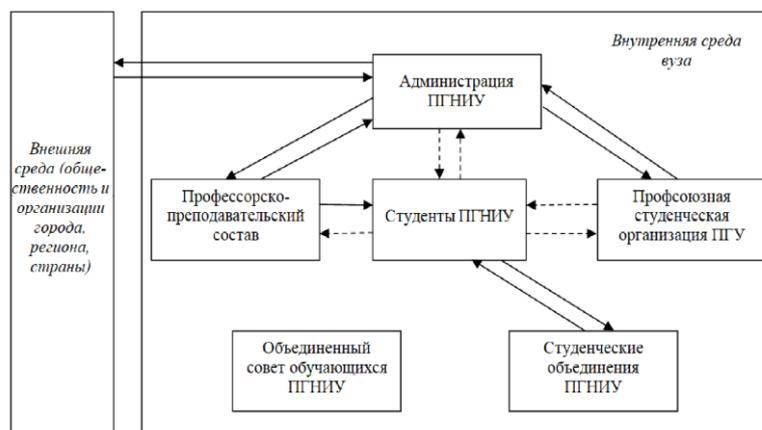

Рис. 1. Действующая модель взаимодействия субъектов при формировании социальной активности студентов ПГНИУ

уставом профсоюза работников народного образования и науки РФ, что не имеет прямого отношения к управлению вузом;

2) ПСО ПГУ основана на членстве, значит, не представляет интересы всех обучающихся в ПГНИУ.

В 2014 г. в ПГНИУ был создан другой орган студенческого самоуправления – совет обучающихся. Однако из-за низкого уровня заинтересованности администрации вуза в его деятельности и отсутствия организационно-административных условий он приостановил свою активную деятельность сразу после принятия положения, основанного на методических рекомендациях Минобрнауки РФ. Как и в «Рекомендациях», цель совета обучающихся ПГНИУ – формирование гражданской культуры, активной гражданской позиции обучающихся, содействие развитию их самостоятельности, способности к самоорганизации и саморазвитию, формирование у обучающихся умений и навыков самоуправления, подготовка их к компетентному и ответственному участию в жизни общества. В совет входят по одному представителю от обучающихся каждого факультета и по одному представителю от объединений, которые ведут активную работу в вузе.

Действующая модель взаимодействия между субъектами, участвующими в формировании социальной активности студентов в ПГНИУ, как показывает рис. 1, несбалансирована.

Первый уровень управления вузом представлен администрацией ПГНИУ, которая непосредственно взаимодействует с внешней средой, профессорско-преподавательским составом, студентами ПГНИУ и профсоюзной студенческой организацией ПГНИУ. При этом связь между администрацией и студентами отмечена как нестабильная, слабая (пунктирными стрелками): студенты ПГНИУ практически не обращаются к администрации вуза по вопросам решения своих проблем, не проявляют инициативы в вы-

страивании отношений с администрацией; взаимодействие носит скорее формальный характер. Связь студентов с профессорско-преподавательским составом тоже является нестабильной: в контексте социальной активности преподаватели несистемно проявляют себя в сотрудничестве со студентами. Студенты ПГНИУ непосредственно сотрудничают с профсоюзной студенческой организацией, которая представляет их интересы перед администрацией вуза, однако не всех студентов, а членов организации. Различные студенческие объединения ПГНИУ имеют непосредственную связь только с самими студентами – участниками этих объединений, а также их деятельность направлена на всё студенчество с целью повышения уровня их социальной активности. Отдельно стоит объединенный совет обучающихся ПГНИУ. Как мы уже упоминали, данный орган в университете носит номинальный характер, и его потенциал в вопросе повышения степени активности студентов в социально значимой деятельности не используется. Однако, как показал наш анализ российского и зарубежного опыта [23; 24], а также инсайдерский опыт активного участия одного из авторов статьи в социально значимой деятельности вуза, наиболее эффективной формой формирования социальной активности студентов, которая объединяет в себе способы и методы влияния как на образовательную среду, так и на внутреннюю мотивацию студента, является студенческое самоуправление в высшем учебном заведении. Причем, на наш взгляд, наиболее эффективными формами организации студенческого самоуправления в вузе являются студенческий совет или объединенный совет обучающихся. Заметим, что такие советы обучающихся, начиная с 2014–2015 гг., стали появляться в вузах по всей России: в Москве, Санкт-Петербурге, Пензе, Самаре, Кемерово, Тюмени, Волгограде, Петрозаводске, Новосибирске, Омске³.

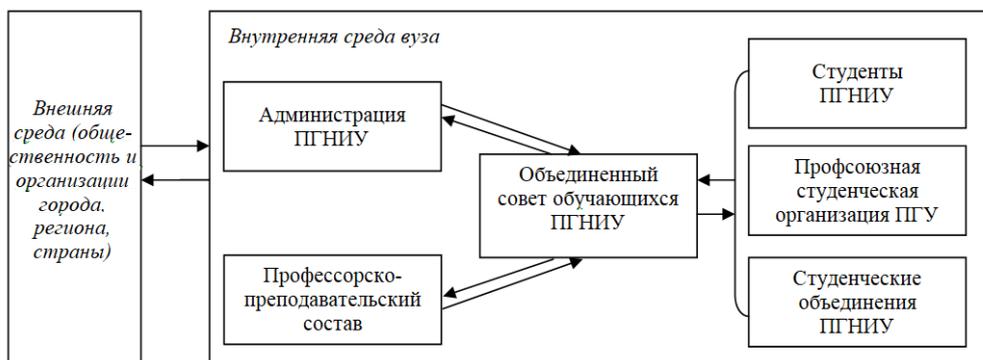

Рис. 2. Авторская модель взаимодействия субъектов системы в вопросе повышения уровня социальной активности студентов ПГНИУ

В рамках данной работы мы предлагаем новую систему взаимодействия компонентов внутренней системы вуза в вопросах повышения уровня социальной активности студентов ПГНИУ, а также взаимодействия внутренней и внешней систем в целях увеличения репутационного капитала ПГНИУ (рис. 2).

Представляется, что потенциал совета обучающихся, исходя из его структуры, полномочий, взаимодействия с органами управления образовательной организации на основе принципов сотрудничества и автономии, будет гораздо выше, чем у профсоюзной студенческой организации.

Согласно данной схеме, объединенный совет обучающихся становится связующим звеном в выстраивании крепких, стабильных связей между студентами, организациями и объединениями ПГНИУ с администрацией вуза, а также с профессорско-преподавательским составом. Именно это предполагается и в «Рекомендациях» Министерства образования и науки и уже осуществляется в вузах других регионов России. В контексте повышения уровня социальной активности студенты ПГНИУ, ПСО ПГУ и студенческие объединения являются неразрывными, тесно сотрудничающими элементами, мнение которых должно учитываться при управлении вузом и во взаимодействии с внешней средой. Только таким образом объединенный совет обучающихся может эффективно выполнять свои полномочия. При этом принципами работы совета должны быть автономия и сотрудничество, что позволит студенческому сообществу более эффективно решать существующие проблемы с позиции «на равных» и учитывать мнения студентов по различным насущным вопросам.

На наш взгляд, для повышения своего репутационного капитала вуз должен быть представлен во внешней среде не только его администрацией, но и другими субъектами системы вуза. В мероприятиях, направленных на повышение репутационного капитала, должны участвовать все элементы внутренней среды вуза

в соответствии со стратегией университета, задачами его «третьей роли», а также в интересах повышения уровня его конкурентоспособности.

Обладая определенным набором полномочий, какие методы может использовать объединенный совет обучающихся, чтобы влиять на повышение социальной активности студентов? Рассмотрим этот вопрос, исходя из полномочий совета (табл.).

Эффективность реализации указанных в таблице направлений повышения уровня социальной активности студентов зависит от системных действий всех субъектов, участвующих в ее формировании. В этой связи, на наш взгляд, необходимо обеспечить реализацию следующих мер.

1. Проводить систематическую работу по развитию персонала ПГНИУ: преподаватели и сотрудники университета должны быть заинтересованы в повышении уровня своей собственной социальной активности, а также социальной активности обучающихся. Сегодня в «Нормах времени для расчета объема работы, выполняемой профессорско-преподавательским составом» у каждого преподавателя может учитываться организация и проведение внеучебных мероприятий со студентами, а также профориентационная работа в общеобразовательных школах [27]. Однако, с одной стороны, преподаватели не заинтересованы в данном виде работ, с другой стороны, руководство вуза не контролирует выполнения данного показателя.

2. Использовать новые эффективные технологии работы с информацией, использовать новые методы, в том числе наиболее близкие студентам⁴, для увеличения информированности студентов о возможностях реализации их социальной активности.

3. Внедрить новые методы стимулирования, как материальные, так и нематериальные, для повышения заинтересованности и вовлеченности студентов в социально значимую деятельность вуза⁵.

При успешной реализации новой модели взаимодействия субъектов внутренней среды

Таблица

**Возможности повышения уровня социальной активности студенческой молодежи
в деятельности объединенного совета обучающихся**

№ п/п	Барьер	Полномочия совета	Методы
1	Отсутствие денег, материальных средств	Выражать мнение при определении размеров государственных академических стипендий обучающимся, размера и порядка оказания материальной поддержки обучающимся, размера платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги в общежитии; участвовать в разработке и реализации системы поощрений обучающихся за достижения в разных сферах учебной и внеучебной деятельности	Организационные: участие в работе стипендиальной комиссии университета, в комиссии по вопросам общежитий; распорядительные: составление и внесение собственных предложений по реорганизации системы поощрений
2	Отсутствие свободного времени; нехватка сил, энергии	Готовить и вносить предложения в органы управления образовательной организации по его оптимизации с учетом научных и профессиональных интересов обучающихся, корректировке расписания учебных занятий, графика проведения зачётов, экзаменов, организации производственной практики, организации быта и отдыха обучающихся	– Организационные: выступления с предложениями на ученых советах факультетов; вовлечение в деятельность
3	Нежелание прилагать усилия; отсутствие необходимых связей; отсутствие необходимых личностных качеств	Участвовать в разработке и реализации системы поощрений обучающихся за достижения в разных сферах учебной и внеучебной деятельности, в том числе принимающих активное участие в деятельности совета обучающихся и общественной жизни образовательной организации; информировать обучающихся о деятельности образовательной организации доступными средствами	Информирование: реализация проектов, направленных на знакомство с деятельностью студенческих объединений; активное вовлечение в деятельность студенческих объединений; стимулирование и мотивирование; обучение и развитие внутреннего потенциала

появятся возможности по снятию ограничений, снижающих уровень социальной активности студентов, а значит, можно будет говорить об активизации участия студентов в социально значимой деятельности, что в перспективе приведет к наращиванию репутационного капитала вуза через совместное скоординированное взаимодействие с внешней средой.

Заключение

В условиях современной экономики репутационный капитал вуза становится значимым нематериальным активом, способным обеспечить устойчивое положение вуза на региональном, федеральном, международном уровне, влияющее на его конкурентоспособность. Одним из факторов репутационного капитала вуза является уровень социальной активности студентов, поскольку чем выше включенность студентов, их активность в социально значимых проектах, мероприятиях, тем выше репутационный капитал вуза. Подчеркнем, что необходимость управления уровнем социальной активности студентов продиктована и государствен-

ными образовательными стандартами, и международными тенденциями, и деятельностью в рамках «третьей роли» университета.

По результатам проведенных нами исследований установлено, что позиции ПГНИУ в различных рейтингах российских вузов имеют неустойчивую и в большинстве случаев негативную динамику. В работе предложен ряд рекомендаций, направленных на повышение уровня репутационного капитала ПГНИУ посредством активизации студенческой молодежи как одного из элементов его репутационного капитала. Представляется, что предложенная модель взаимодействия внутренней и внешней среды ПГНИУ позволит повысить уровень репутационного капитала вуза, а значит, может стать одним из его конкурентных преимуществ на рынке образовательных услуг.

Примечания

1. Напомним, что к этим требованиям также относятся компетенции, связанные со способностью к самообразованию, умению обучаться, возможностью работать в команде, высоким уровнем эмпатии и

адаптивности к изменениям, конструктивной реакцией на критику.

2. Данная организация известна 64% респондентов.

3. В качестве примеров успешной реализации студенческого самоуправления советами обучающихся можно привести Астраханский государственный университет, Университет ИТМО в Санкт-Петербурге [25; 26].

4. По результатам нашего исследования, студенты в качестве наиболее удобного способа получения информации о возможностях реализации социальной активности отметили новостную рассылку.

5. По результатам нашего исследования, студенты предлагают стимулировать активность повышенными стипендиями, в том числе для студентов, которые учатся на коммерческой основе. Материальным стимулом, по мнению студентов, также могут быть предоставление грантов и оплата командировочных расходов, связанных с участием в конференциях, конкурсах.

Список литературы

1. Goch A.K., Whippie T.W., Bryan G.A. Student trust and its antecedents in higher education // *Journal of Higher Education*. 2001. **72**. P. 322–340.
2. Sung M., Y. Sung-Un. Toward the model of university image the influence of brand personality external prestige and reputation // *Journal of Public Relations Research*. 2008. **20:4**. P. 357–376.
3. Репутация как важнейший нематериальный актив. URL: [tps://studme.org/1529052711319/medzhment/reputatsiya_kak_vazhneyshiy_nematerialnyy_aktiv](https://studme.org/1529052711319/medzhment/reputatsiya_kak_vazhneyshiy_nematerialnyy_aktiv) (дата обращения: 15.09.2019).
4. Приказ Минфина России от 27.12.2007 № 153н (ред. от 16.05.2016) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Учет нематериальных активов" (ПБУ 14/2007)» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2008 № 10975) // Программа информационной поддержки российской науки и образования «Консультант-плюс: Высшая школа»: Учебное пособие. 2016. 13 с.
5. Юдина Т.А. О компонентах и формах репутационного капитала вуза // *Журнал исследований по управлению*. 2018. Т. 4. № 10. С. 1–4.
6. Nguyen N., LeBlanc G. Image and reputation of higher education institution in students' retention decisions // *International Journal of Education Management*. 2001. **15**. P. 303–311.
7. Коган В.З. Понятие «активность личности» как категория социальной психологии // *Некоторые проблемы личности*. М.: Мысль, 1971. С. 69–82.
8. Турбина Т.А. Культурно-досуговая деятельность как средство развития социальной активности современных подростков: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007. 163 с.
9. Резник С.Д., Юдина Т.А., Камбург В.Г. Рейтинг высшего учебного заведения как метод оценки его репутации // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2012. Вып. 28. С. 488–493.
10. Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. Анализ влияния рейтингов вузов на мотивацию абитуриентов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. Вып. 6-1. С. 27–34.
11. Рейтинг вузов России рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА») в 2012 г. URL: <https://expert.ru/ratings/top-100-rossijskih-vuzov-ot-ra-ekspert/> (дата обращения: 19.09.2019).
12. Рейтинг вузов России рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА») в 2019 г. URL: https://raex-гг.com/education/universities/top-100-universities_of_russia (дата обращения: 19.09.2019).
13. Результаты рейтинга Международной информационной группы «Интерфакс»: ПГНИУ. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/university/39/?page=ratings&ratingnationalyear=2019> (дата обращения: 19.09.2019).
14. ПГНИУ улучшил свои позиции в национальном рейтинге вузов. URL: <http://www.psu.ru/news/pgniu-uluchshil-svoi-pozitsii-v-natsionalnom-rejtinge-vuzov> (дата обращения: 19.09.2019).
15. ПГНИУ вошел в десятку лучших вузов Поволжья. URL: <https://100.psu.ru/pgniu-voshel-v-desyatku-luchshih-vuzov-povolzhya/> (дата обращения: 19.09.2019).
16. Рейтинг экономических вузов России 2019. URL: <https://students.superjob.ru/reiting-vuzov/ekonomicheskie/> (дата обращения: 19.09.2019).
17. Рейтинг технических вузов России 2019. URL: <https://students.superjob.ru/reiting-vuzov/it/> (дата обращения: 19.09.2019).
18. Рейтинг юридических вузов России 2019. URL: <https://students.superjob.ru/reiting-vuzov/juridicheskie/> (дата обращения: 19.09.2019).
19. Санникова С.В., Письменный Е.В. Ключевые компетенции личности в контексте Болонского процесса // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2009. Вып. 24 (157). С. 57–62.
20. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавриата. URL: минобрнауки.рф/документы/924 (дата обращения: 12.06.2016).
21. Molas-Gallart J., Salter A., Pater P. et al. Measuring third stream activities – Final report to the Russell Group of Universities. Brighton, UK: University of Sussex, SPRU, 2002.
22. Marhl M., Pausist A. Third mission indicators for new ranking methodologies // *Evaluation in Higher Education*. June 2011. **5:1**. P. 43–64.
23. Гурьева О.В. Студенческое самоуправление как способ формирования личности в университетах Европы // *Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития: Материалы научно-практической конференции с международным участием*. Смоленск: СГИИ, 2013. С. 234–237.
24. Исаев И.Ф., Акиншина И.Б. Содержание студенческого самоуправления в вузовской образовательной системе Германии // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Педагогика и психология*. 2010. № 2 (82). С. 112–115.

25. Отчеты о деятельности ОСО АГУ. Астраханский государственный университет. URL: <http://asu.edu.ru/studentam/6047-otchety-o-deiatelnosti-oso-agu.html> (дата обращения: 10.06.2016).

26. Достижения. Университет ИТМО, Совет обучающихся. URL: <http://student.ifmo.ru/achievements/> (дата обращения: 10.06.2016).

27. Нормы времени для расчета объема работы, выполняемой профессорско-преподавательским составом. Утверждены Приказом ректора от 30.06.2014 г. № 585/2 «Об утверждении Норм времени». URL: http://www.psu.ru/files/docs/normativnaya_baza/base_nd/normy_vremeni_2014_Final.pdf (дата обращения: 13.06.2016).

**ACTIVITY OF STUDENTS IN SOCIALLY SIGNIFICANT
ACTIVITIES AS A UNIVERSITY'S REPUTATION CAPITAL
(CASE STUDY OF THE PERM STATE UNIVERSITY)**

E. V. Bazueva, A. A. Syukya

Perm State University

In the conditions of permanent increase of competition in the educational services market, the issues of effective management of all assets of the University, including immaterial assets, which include reputation capital, are actualized. The article focuses on one of the factors of reputation capital of the University – social activity of students. The process of activation of student youth increases the competitiveness of such graduates in the labor market and affects the image of the University in the market of educational services and in society as a whole. On the basis of empirical research, the authors identified barriers in the implementation of students' social activity and possible ways to enhance the participation of students in socially significant activities. The proposed algorithm provides a systematic interaction of components of the internal system of the University in raising the level of students' social activity, as well as the interaction between internal and external systems in order to increase the reputational capital of the Perm State University. Based on the methods widely used by specialists in social work, including social work with youth, we have determined the directions for increasing the level of students' social activity to be implemented by the Joint Council of Students. The proposed model of interaction between the internal and external environment of the Perm State University is expected to increase the level of reputation capital of the University, and thus can become one of its competitive advantages in the educational services market.

Keywords: reputation capital of the University, students' social activity, socially significant activity, competitiveness, immaterial asset, University's third role, educational services market, Joint Council of Students, student self-government.

УДК 316

ПРАРОДИТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

© 2020 г.

А.Л. Янак

Янак Алина Леонидовна, к.соц.н.; ассистент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alinayanak91@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 26.12.2019**Статья принята к публикации 18.05.2020*

Разрабатывается понятие прародительского потенциала как составляющей семейной ресурсности на основе концепции активного старения и ресурсного подхода. Выявляются ключевые компоненты и свойства прародительского потенциала, среди которых активное долголетие, реконструирование социализационного опыта и социетальных практик, семейная востребованность, прародительская ресурсность. Подчеркивается, что современные внутрисемейные межпоколенные отношения вариативны и могут быть как эффективными, успешными, так и факультативными, невостребованными. По результатам пилотного исследования, проведенного методом глубинных интервью с потенциальными прародителями – женщинами и мужчинами, в возрасте от 44 до 62 лет, имеющими детей, находящимися в фертильном возрасте и/или стабильных семейных отношениях ($n=7$), выделены некоторые факторы активизации прародительского потенциала на макро- (старение населения, соответствие семейного статуса возрастным стереотипам и представлениям либо преодоление возрастных ограничений, гендерный аспект прародительства, коммерциализация заботы бабушек), мезо- (совместное проживание в рамках расширенной семьи, отсутствие или неполнота родительского звена в семьях младших поколений, линия родства прародителей, бедность детей, прекращение трудовой активности прародителей и, напротив, интенсивная занятость родителей) и микроуровнях (потребность во внуках, приверженность традиционным семейным ценностям, бегство от одиночества).

Ключевые слова: прародительство, прародительский потенциал, родительский потенциал, межпоколенные отношения, внуки, семейная ресурсность.

Введение

Согласно Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 г., одними из приоритетных направлений развития российской семьи являются повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, включая «укрепление семейной идентичности и сплоченности, сохранение и поддержание взаимосвязи и преемственности между поколениями в семье», «развитие форм поддержки программ межпоколенческих отношений для людей пожилого возраста и их вовлечение в волонтерскую деятельность с детьми» [1].

В Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. так же акцентируется внимание на «укреплении института семьи, возрождении и сохранении духовно-нравственных традиций семейных отношений», «увеличении продолжительности активной жизни», «внедрении специальных программ для населения старших возрастных групп» [2].

Трансформация современной семьи обусловила плюрализм ее форм, подвижность ее границ, относительное разделение брачной и роди-

тельской сфер, высокую разводимость, малодетность, эгалитаризацию и многие другие как позитивные, так и негативные тенденции. В качестве фигурантов исследовательской повестки дня сегодня выступают различные семейные подсистемы: супружеская, детско-родительская, сиблинговая, межпоколенная. Ослабление межпоколенных связей на фоне нуклеаризации семьи, расширения каналов образования, профориентации и сертификации знаний и навыков, пенсионной реформы, продолжения профессиональной занятости после достижения пенсионного возраста и в целом формирования новой парадигмы старения, с одной стороны, и объективное понимание важности поддержания внутрисемейной межпоколенной преемственности и солидарности, с другой, актуализируют концептуализацию и обуславливают научную новизну и практическую значимость изучения прародительского потенциала.

Теоретико-методологическая база исследования

Межпоколенный аспект развития общества и семьи сегодня представлен в трудах, посвященных формированию и последствиям новой па-

радигмы старения [3–4], возрастным стереотипам и эйджизму [5–7], качеству жизни и социальному самочувствию старшего поколения, внутрисемейным межпоколенным отношениям и особенностям жизнедеятельности пожилой семьи [8, 9]. Категория прародительской ресурсности раскрыта в отечественных исследованиях фрагментарно и недостаточно, а прародительский потенциал пока вовсе не выступал специальным объектом научных изысканий.

Теоретико-методологическую основу осмысления прародительского потенциала составили концепция активного старения [10, 11] и ресурсный подход [12, 13].

Структурными компонентами концепции активного старения/долголетия являются [11]:

- 1) участие пожилых в общественной жизни;
- 2) поддержание высокого уровня физического, психического и социального здоровья пожилых;
- 3) безопасность пожилых.

1) Детерминанты участия пожилых людей в общественной жизни:

– продолжение трудовой занятости после достижения пенсионного возраста. Подчеркивается, что сегодня она представляет собой естественную материальную, ценностно-смысловую, волевою, социальную и витальную потребность [14];

– мотивация возрастных работников к преодолению девальвации и совершенствованию профессиональных компетенций, сохранению статуса «высококвалифицированных специалистов» [14];

– политическая активность пожилых людей, которая заключается в их включенности в политическую повестку дня в качестве, с одной стороны, объектов, с другой – субъектов политики государства. В первом случае речь идет о государственном обеспечении доступности соответствующей инфраструктуры, в том числе рынка труда, механизмов согласования профессиональных и семейных обязанностей, что называется, «смолоду», создании систем обучения и переподготовки работников предпенсионного и пенсионного возрастов, адаптации производственной среды к возможностям и потребностям разных поколений, антидискриминационной политике, гибких правилах выхода на пенсию [10], совершенствовании систем социальной защиты и социального обеспечения в отношении лиц пожилого возраста. Во втором – имеется в виду учет гражданских инициатив пожилых людей, их участие в развитии и деятельности территориального общественного самоуправления (ТОС);

– «серебряное» волонтерство, основанное, главным образом, на ресурсе времени (согласно

результатам исследований П.А. Амбарово́й и Г.Е. Зборовского), которым в большей степени располагают люди, вышедшие на пенсию [5].

2) Детерминанты поддержания высокого уровня физического, психического и социального здоровья людей пожилого возраста:

– политика в сфере здоровьесбережения и активного долголетия, которая направлена на создание условий и мотивацию для ведения здорового образа жизни путем предупреждения негативных факторов, привлечения к занятиям физкультурой, туризмом и спортом; снижение уровня заболеваемости, улучшение качества жизни больных, страдающих хроническими заболеваниями, и инвалидов; создание комплексной системы профилактики рисков, ранней диагностики; улучшение материально-технического и кадрового обеспечения учреждений здравоохранения; повышение доступности высокотехнологичной медицинской помощи и реабилитации; поддержку общественных инициатив, направленных на укрепление здоровья населения [2].

Всемирная организация здравоохранения выделяет два основных фактора риска в отношении распространения неинфекционных заболеваний: питание и физическая активность. В связи с этим в 2004 г. была разработана Глобальная стратегия по питанию, физической активности и здоровью, содержащая рекомендации и уровни необходимой физической активности для разных возрастных групп [15];

– субъективное стремление зрелых людей поддерживать тело и здоровье в «функциональном» и «социальном» состоянии, в том числе посредством различных технологий омоложения [5; 14].

3) Детерминанты безопасности пожилых людей [10]:

– обеспечение безопасных условий труда с учетом возрастных аспектов;

– совершенствование государственной политики в отношении пожилых людей, включая системы их социального обслуживания, социальной защиты, профилактики болезней, жилищное, транспортное и пенсионное обеспечение.

Минимизация социальной эксклюзии и повышение личностной ресурсности пожилых в меньшей степени связывается с их интеграцией в семейное взаимодействие и применением их прародительского потенциала. Одним из параметров Индекса активного старения является «забота о детях и внуках», а именно учет людей от 55 лет и старше, осуществляющих поддержку младшего внутрисемейного поколения хотя бы 1 раз в неделю [16]. Однако в программных документах Европейской экономической ко-

миссии ООН акцент скорее делается на возможной зависимости старшего поколения от заботы младших членов семьи [10, с. 9].

Г. Беккер анализирует место пожилых в социальной и семейной структурах общества через экономическую солидарность и социальную ответственность поколений. В частности, государственное пенсионное обеспечение и медицинская помощь интерпретируются через налоговый «общественный договор» между трудоспособным населением и пожилыми, а имущественное и статусное наследование – средство воспроизводства определенного уровня благосостояния семьи и инвестирования в детей. Кроме того, отмечается, что современные расширенные семьи сохраняют присущие традиционным многопоколенным семьям способность к самострахованию, передаче определенного культурного уровня, контролю и ответственности за поведение и репутацию членов семьи в публичном пространстве [12, с. 247, 418–419]. Обуславливаются понятия «межпоколенные трансферты» и «семейный альтруизм», означающие добровольное перераспределение благ внутри семьи, которые «могут не менять совокупный доход средней семьи с детьми, но тем не менее оказывать большое влияние на ее поведение и организацию» [12, с. 433]. При этом расширенные семьи нередко демонстрируют так называемый «абсолютный альтруизм» [17].

Согласно концепции З.Х. Саралиевой, «ресурсность семьи – совокупность потенциалов для формирования и удовлетворения потребностей семьи» [13, с. 194–195]. Отдельной категорией ресурсов являются «родственные связи и поддержка», которые, как правило, представлены горизонтальными (межсиблинговыми) и вертикальными (межпоколенными) родственными связями.

По определению Е.В. Каргаполовой, понятие «потенциал» присущи такие свойства, как целостность, интегративность, стратегичность, обуславливающие преэминентность, ресурсность, развитие на основе внутренних и внешних факторов [18].

В понимании О.Н. Безруковой, родительский потенциал представляет собой совокупность врожденных и формирующихся, реальных и латентных, перспективных ресурсов личности, социальной группы и общности, обуславливающих готовность, обеспечивающих возможности и способность к рождению, заботе и воспитанию детей, то есть реализации родительской роли [19, с. 86]. Одними из ключевых составляющих родительского потенциала в контексте изучения прародительства являются:

– готовность к родительству и родительская самоидентификация;

– адаптационные резервы личности, способность развиваться в меняющихся социокультурных условиях, вариативности моделей современной семьи;

– вовлеченность в воспитание детей;

– воспроизводство прародительских воспитательных траекторий [20].

Прародительский потенциал нельзя рассматривать в отрыве от родительского. Прародительство – это некий статусный контрпереход, то есть не самостоятельно инициированный, а отражающий мотивацию деторождения младшего поколения в контексте фертильности (способности иметь детей), потребности в деторождении (когда и сколько иметь детей) и интергенетического интервала (временной промежуток между последовательными рождениями) [21].

Бабушка и дедушка могут интерпретироваться как особый тип социальных практик «продолженного» родительства [22], тем более в случаях, когда они являются активными субъектами экстренной, периодической, регулярной или перманентной (особенно в расширенных, многопоколенных семьях) внутрисемейной неформальной взаимопомощи [8, с. 59]: участие в финансовом и хозяйственно-бытовом обеспечении, сопровождение внуков в образовательные, медицинские учреждения, спортивные секции, организация и проведение совместного досуга, эмпатическо-ценностное, мотивационно-волевое общение, передача жизненного опыта младшему поколению. В концепции идеалов заботы, представленной и интерпретированной Ж.В. Черновой, модель ухода и заботы о ребенке/детях при участии бабушек и других родственников называется «расширенное материнство» [23].

Нередко прародители играют роль «спасателей», хранителей и стабилизаторов семьи [8]. Испытывая витальную потребность в прародительской самоактуализации, вовлеченные бабушки и дедушки стремятся проецировать свои жизненные сценарии и устремления на внуков, получают возможность ревалюации профессиональных и семейных траекторий, быть востребованными. Их родительская функция трансформируется за счет символического переноса объекта социализации и ухода с сыновей/дочерей на внуков, хотя в этом проявляется забота и о первых. Кроме того, существуют феномены позднего, в том числе пожилого родительства [24], в процессе которого прародительство и родительство могут осуществляться одновременно.

Межпоколенные отношения как одна из семейных структур, а прародительская диада как подсистема «семейных деятелей», согласно теории социального действия П. Штомпки [25, с. 268], могут рассматриваться как потенциальные возможности, раскрывающиеся и реализующиеся в действии. Таким образом, прародительский потенциал – интегральный показатель личностной и семейной ресурсности, включающий такие параметры, как прародительские мотивация и ценности, потребность во внуках, межпоколенная преемственность, которые выражаются в готовности реализовывать воспитательные, экономические, психологические, бытовые и иные функции в отношении внуков [22].

Можно выделить следующие свойства прародительского потенциала:

- активное долголетие, которое обеспечивает инвестиции в прародительский авторитет и капитал;

- реконструирование родительства, социализационного опыта, социетальных практик;

- реализация воспитательных функций (в том числе регулирование семейно-брачных отношений детей и внуков), семейная востребованность;

- прародительская ресурсность.

Современные практики межпоколенных отношений весьма разнообразны. Прародители могут играть как деятельную, так и факультативную роль в функционировании семей детей и внуков, поскольку нуклеарные семьи, по данным Микрореписи населения 2015 г., составляют 69,4% семейных ячеек с детьми моложе 18 лет [26]. Тогда они могут выступать акторами односторонней ситуативной помощи детям/внукам и неистраченным, невостребованным семейным ресурсом. По результатам опроса, проведенного ВЦИОМ и приуроченного к Международному дню пожилых людей в 2019 г., лишь 18% взрослых россиян постоянно помогают своим пожилым родственникам, а еще 30% делают это время от времени [27]. Возникает дискурс покинутой или самоустранившейся [9] пожилой семьи или одинокопроживающих граждан, которые при возникновении / интенсификации социальных рисков (ухудшение здоровья, оформление инвалидности, малообеспеченность) автоматически переводятся в категорию нуждающихся в социально-медицинской, социально-экономической, социально-бытовой и других видах помощи. Способные к самообслуживанию и ведению активного образа жизни продолжают полную или частичную профессиональную занятость, пополняют ряды так называемых «серебряных волонтеров». Сегодня заметно участие зрелых и пожилых людей в дея-

тельности территориального общественного самоуправления (ТОС), различных общественных и благотворительных организаций. Так, социальная интеграция заменяет интеграцию семейную, хотя именно семейная эксклюзия может считаться первичным фактором социального неравенства зрелого и пожилого населения.

Результаты исследования

В 2019 г. было проведено авторское пилотное исследование: глубинные интервью с потенциальными прародителями – женщинами и мужчинами, в возрасте от 44 до 62 лет, имеющими детей, находящихся в фертильном возрасте и/или стабильных семейных отношениях (зарегистрированном браке и сожительстве), $n=7$. Цель исследования – выявить ресурсные возможности и характеристики социальной и психологической депривации потенциальных прародителей в связи с отсутствием внуков. Анализ материалов интервью и исследований по теме позволил определить следующий спектр факторов активизации прародительского потенциала:

- на микроуровне:

- личная заинтересованность, опосредованная привязанностью к детям:

Конечно, я очень люблю дочь, а ее дочь буду любить еще больше! [смеется] Все взаимосвязано... (Ж., 54 года, мать дочери, 27 лет);

- потребность во внуках:

...Мне есть, что дать и передать будущим внукам, чему-то научить их. Чем дальше, тем больше хочется уделять внимание близким, заботиться о ком-то... действительно, хочется понянуть <внуков>, испытать еще раз рождение маленьких детей. Некоторые говорят даже, что внуков любят еще больше, чем детей (Ж., 59 лет, мать двоих дочерей, 27 и 35 лет);

- устойчивые традиционные семейные ценности (приверженность к семейному образу жизни, служению семейным идеалам):

Я хочу, чтобы у моих детей была полноценная семья, а полноценная семья подразумевает рождение детей. ...Это тяжело – остаться без детей (Ж., 59 лет, мать двоих дочерей, 27 и 35 лет);

- стратегия преодоления одиночества:

А в отношении дочки маленькой – это решение было такое, что дети растут, а мы с супругой рано поженились (мне 19, ей 18 было), поэтому не хотели в 45–48 лет оставаться одни. Мы всю жизнь жили для детей, поэтому если не дети, то внуки, а посмотрев на наших старших, которые (один уже в прошлом году женился) занимаются магистратурами, свои-

ми делами... (М., 46 лет, отец троих сыновей и дочери, 26 лет, 23 года, 16 лет и 6 лет).

В зависимости от критериев, одиночество может классифицироваться на субъективное и социальное; когнитивное, эмоциональное и поведенческое; временное, ситуативное и хроническое [28]. Особым типом одиночества может считаться семейное одиночество, как номинальное (ощущение и боязнь быть непонятым, невостребованным, отсутствие поддержки и эмоционального общения, дистанцированность), так и фактическое (отсутствие или потеря супруга/ детей/ других близких родственников), радикальным проявлением которого может стать социальное сиротство – детей или пожилых членов семьи. Последнее – пока малоизученный феномен;

- на мезоуровне:

- совместное проживание (расширенная семья).

По данным Микрореписи-2015, расширенные домохозяйства составляют 25.5% от общего числа домохозяйств, состоящих из двух и более человек, из них 69.6% – домохозяйства с детьми моложе 18 лет [26]. Однако при обследовании используются такие категории, как «домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары / из двух и более супружеских пар/ матери или отца с детьми и одного из родителей матери (отца) (или без него)/ родственников (или без них) и не родственников (или без них)», которые затрудняют интерпретацию данных, с точки зрения межпоколенной представленности;

- неполнота семьи (помощь прародителей в осуществлении фактического ухода за детьми в монородительских семьях).

По данным Микрореписи-2015, 29.6% неполных семей являются расширенными. Отсюда следует разделять понятия «монородительство» («самостоятельное» родительство) и «монородительская семья» (семья, состоящая из матери/ отца, детей и прародителей/ других родственников), поскольку родственники, как правило, не просто делят кров, а могут полностью восполнять функции отсутствующего родителя;

- отсутствие родительского звена (прародители осуществляют опекунство над внуками).

В соответствии со ст. 10 ФЗ от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», прародители, наряду с совершеннолетними братьями и сестрами, имеют преимущественное право опеки над детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей [29];

- линия родства прародителей: по данным еще одного пилотного исследования, проведенного с участием автора, а именно анкетирова-

ния студентов «Межпоколенные отношения в современной семье: дедушки, бабушки и внуки» ($n=100$), внуки примерно на 20% чаще общаются и видятся с прародителями по материнской линии, нежели по отцовской. Это также объясняется тем, что в 22% случаев (против 7%) внуки проживают совместно с родителями и бабушкой по материнской линии и широким распространением материнских монородительских семей (по данным Росстата 2015 г., их доля составила 27.4% от общего числа семейных ячеек с детьми моложе 18 лет [26]). 32% респондентов нашего опроса отметили, что выросли в неполной семье без уточнения пола единственного родителя;

- бедность семьи (чем ниже доходы детей, тем выше вероятность совместного проживания с родителями) [30];

- достижение пенсионного возраста и сокращение или прекращение трудовой деятельности (ресурс времени):

У меня, конечно, есть внучка, то есть, это внучка моей супруги второй, а своих-то нет... Это же не моя кровь. Тем более я уже давно на пенсии (вышел раньше по вредности), подрабатываю, конечно, но график 1/3, время девать некуда... (М., 62 года, отец двоих дочерей, 28 и 36 лет);

- публичная активность (обучение/ трудовая занятость) родителей и одновременно отсутствие возможности привлечения внешних институтов заботы о детях (например, оплата услуг няни);

- на макроуровне:

- старение населения и увеличение средней продолжительности жизни: в этих условиях семьи могут быть представлены тремя, четырьмя, а иногда и более поколениями. Соответственно, вертикаль заботы может осуществляться как в восходящем направлении «прародитель – родитель», «прародитель – внук», так и обратном, нисходящем – «родитель – прародитель», «внук – прародитель». Это может существенно влиять на качество формирования, реализации прародительского потенциала. Предположим, что чем больше поколений представлено в семье, тем выше разрыв привязанностей и взаимных интенций между самыми старшими ((пра)прабабушками и (пра)прадедушками) и самыми младшими (правнуки). При этом вспомогательная активность промежуточных звеньев (бабушки и дедушки) частично перераспределяется в пользу нуждающихся старших. Хотя данная гипотеза требует дальнейшей эмпирической проверки;

- возраст: с одной стороны, приведение в соответствие семейного статуса с возрастными

стереотипами и нормативными представлениями, с другой – напротив, стремление к преодолению возрастных ограничений. Чем старше информанты, тем интенсивнее они ощущают потребность в прародительстве и демонстрируют желание «успеть» понянчить внуков:

Мне уже почти 60 лет, ...пока я в силах, я могла бы помочь, но просто время уходит. ...И насколько у меня тоже хватит здоровья и сил, и материальной помощи. Сложно сказать... То есть, время работает против меня (Ж., 59 лет, мать двоих дочерей, 27 и 35 лет);

Уже такой возраст, когда надо иметь внуков. По крайней мере, почти у всех моих друзей и знакомых ровесников есть и не по одному внуку, у некоторых уже и в школу ходят... (Ж., 53 года, мать сына, 29 лет);

Внуки – вторая молодость! От них энергии-то сколько! (Ж., 54 года, мать дочери, 27 лет).

В зависимости от возраста внуков уровень прародительской мотивации и сферы их вовлеченности в заботу о внуках могут различаться, однако это требует дальнейшей исследовательской проработки;

– гендерная принадлежность прародителя: по результатам исследований, именно от женщины (бабушки) зависит структура взаимосвязей с детьми, как при полном прародительском ядре, так и, тем более, при отсутствии дедушек в условиях феминизации старости [31]. Бабушки способствуют сближению и психологизации отношений, больше занимаются с внуками, даже нередко уходят из сферы профессиональной занятости, готовы терпеть финансовые трудности и мириться с недостатком времени на себя и выполнение других обязанностей ради помощи в их воспитании [32]:

Я просто вспоминаю себя молодой мамой, часто дети находились с бабушками. Моя мама очень помогала с детьми. Если она баловала их, то я – в меньшей степени. С годами я становлюсь все больше похожей на нее: сентиментальнее, добрее. ...Поэтому тоже буду баловать. ...И из своего детства я помню именно бабушку... Она все свое тепло и душу отдавала мне. Можно сказать, была второй мамой. ...Мы с ней много читали, она просила меня пересказывать, тренировать и вычищать разговорную речь, чтобы, например, не было слов-паразитов. Много рассказывала о жизни, о премудростях разных, о природе, о религии. Я помню, что однажды задала ей вопрос: «Бабуль, что такое Бог?» Она мне ответила, что Бог – это совесть. Она всегда призывала жить по совести, быть порядочным человеком. Это очень мощный стимул для меня, я всю жизнь помню ее слова и всегда старалась следовать

этим принципам (Ж., 59 лет, мать двоих дочерей, 27 и 35 лет);

Да, мы стараемся работать как дольше, но если потребуется... Например, когда моя приятельница родила, ее мать ушла с завода на пенсию, не доработав даже до 46 лет. Помогала растить внуку, а дед (отец, в смысле) продолжал работать (Ж., 54 года, мать дочери, 27 лет);

– коммерциализация труда бабушек. Результаты исследований показывают, что привлечение прародителей к присмотру за внуками – одна из устойчивых стратегий матерей по возвращению на рынок труда после отпуска по уходу за ребенком и совмещению семьи и работы. Поскольку современные бабушки и дедушки стремятся или вынуждены как можно дольше продолжать профессиональную активность, востребованными оказываются няни. Альтернативным, вероятно, менее финансово обременительным, но более надежным вариантом является оплата труда бабушек в форме ежемесячного «фиксированного» оклада или дополнительной материальной помощи, «прибавки к пенсии», которые призваны заменить заработную плату [32]. Однако восходящие материальные трансферты внутри семьи (помощь, оказываемая прародителям), а также критерии оплаты домашнего труда пока тоже остаются малоизученными.

Заключение

Прародительский потенциал в целом отражает мотивационный аспект и ресурсные возможности старшего поколения в семье и развития межпоколенного внутрисемейного взаимодействия. В условиях вариативности семейных практик неоднозначной может быть и характеристика потенциального участия бабушек и дедушек в жизни детей и внуков. Очевидно, невостребованность прародительской ресурсности может быть губительной для жизнедеятельности как старших / пожилых членов семьи, так и младших. Для первых это один из факторов депривации и усиления социальной эксклюзии, для вторых – лишение возможности дополнительного развития и усвоения уникального социализационного опыта.

Как известно, благополучие, ресурсность, здоровье, целостность семьи являются, с одной стороны, показателями ее успешности, с другой – фактически пунктами политической повестки дня нашего государства, заинтересованного в количественном и качественном воспроизводстве населения. Важнейшими характеристиками последнего являются родительский и прародительский потенциал в совокупности как часть демографического потенциала страны. Учитывая нега-

тивные проявления и последствия трансформации современного родительства (высокий уровень разводимости, распространенность монородительских семей, социальное сиротство, недостаточная реализация родителями репродуктивной, воспитательной, материальной и психологической функций), особую важность приобретают конструирование, трансляция и воспроизводство позитивных родительских практик, возможных лишь в единстве родительского и прародительского потенциалов.

Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00889 «Старикам везде у нас почет?» Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения: 12.04.2019).
2. Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (дата обращения: 12.04.2019).
3. Судьин С.А., Исакова И.А. Новая парадигма старения по-русски // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 3 (128). С. 83–90.
4. Стрижицкая О.Ю. Геротрансцендентность: психологическое содержание и теоретические модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. № 3. С. 71–76.
5. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Волонтеры «серебряного возраста»: регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 35–47.
6. Колпина Л.В., Городова Т.В. Геронтологический эйджизм: причины возникновения и проблемы преодоления // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (17). С. 3871–3874.
7. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8 (292). С. 49–55.
8. Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56–71.
9. Елютина М.Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социологические исследования. 2010. № 11 (319). С. 83–92.
10. Программная справка ЕЭК ООН №13 по вопросам старения, июнь 2012 г. // Сайт Европейской экономической комиссии ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/pau/age/Policy_briefs/ECE-WG.1-17-RU.pdf. (дата обращения: 03.11.2019).
11. Григорьева И.А. Инвестирование в пожилых как часть политики активного старения // Социальное обслуживание семей и детей: Научно-методический сборник. 2019. № 17. С. 13–20.
12. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М.: Изд-во «ГУ ВШЭ», 2003. 672 с.
13. Саралиева З.Х. Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2002. № 1. С. 192–200.
14. Григорьева И.А., Биккулов А.С., Цинченко Г.М. Старение, межпоколенные взаимодействия и занятость людей пожилого возраста // Управленческое консультирование. 2014. № 12 (72). С. 101–110.
15. Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/dietphysicalactivity/publications/9789241599979/ru/> (дата обращения: 03.11.2019).
16. Индекс активного старения // Сайт Европейской экономической комиссии ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unecce.org/stat/platform/display/AAI/Active+Ageing+Index+Home>. (дата обращения: 03.11.2019).
17. Загребина А.В. Исследования добровольных межпоколенческих трансфертов и современная социологическая теория // Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О.Б. Божкова. М., 2011. С. 158–164.
18. Каргаполова Е.В. Категория «потенциал региона»: специфика проблемного поля // Научный потенциал регионов на службу модернизации. 2013. № 1 (4). С. 144–154.
19. Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 85–97.
20. Янак А.Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 124–131.
21. Leopold T., Skopek J. The demography of grandparenthood: an international profile // Social Forces. 2015. Vol. 94 (2). P. 801–832.
22. Янак А.Л. Прародительский потенциал как составляющая семейной ресурсности // Здоровье как ресурс: V. 2.0 / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 856–858.
23. Чернова Ж.В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318.
24. Амбарова П.А. Родятся дети, и жизнь повторяется сначала... Пожилое родительство как стратегия «преодоления возраста» // Вестник Нижегород-

ского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 127–134.

25. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

26. Итоги Микропереписи населения 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 11.09.2019).

27. День пожилого человека // Данные опросов ВЦИОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9927> (дата обращения: 12.11.2019).

28. Романова Н.П. Градация одиночества в контексте современных исследований // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 153–160.

29. ФЗ от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 10.11.2019).

30. Миронова А. Межпоколенные трансферты внутри семейных групп // Демоскоп Weekly. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0521/tema01.php> (дата обращения: 11.09.2019).

31. Елютина М.Э., Болотов Г.И. Освоение повседневности на пенсии: гендерный аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Политология. Социология. 2017. Т. 17. № 4. С. 383–386.

32. Курамшев А.В., Кутявина Е.Е., Судьин С.А. Бабушка в системе внутрисемейных отношений: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 70–79.

33. Исупова О.Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185–194.

GRANDPARENTHOOD POTENTIAL IN A MODERN RUSSIAN FAMILY: PROBLEM STATEMENT

A.L. Yanak

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Based on the concept of active aging and resource approach, we study the grandparenthood potential as a component of family resources. The key components and properties of the grandparenthood potential are identified, including active aging, reconstruction of socialization experience and societal practices, family relevance, grandparenthood resources. Modern intergenerational family relations are varied and may be both effective and successful or optional and unclaimed. Based on the results of pilot interviews with potential grandparents – women and men, aged 44 to 62 years old, having fertile children in stable family relationships ($n = 7$), we describe activation factors of grandparenthood potential at the macro- (population aging, concordance between marital status and age stereotypes, overcoming age restrictions, the commercialization of grandmothers' caring), meso- (cohabitation, grandchildren's orphanhood or lone parenthood in families of younger generation, termination of the grandparents' labor activity and intensive employment of parents) and micro-levels (need for grandchildren, traditional family values, escape from loneliness).

Keywords: grandparenthood, grandparenthood potential, parenthood potential, intergenerational relations, grandchildren, family resources.

УДК 316

МНОГОДЕТНЫЕ СЕМЬИ, ДОМОХОЗЯЙСТВА И СЕМЕЙНЫЕ ЯЧЕЙКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ

© 2020 г.

З.Е. Дорофеева

Дорофеева Злата Евгеньевна; научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
и Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва
zdorofeeva@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 26.11.2019**Статья принята к публикации 18.05.2020*

Анализируются понятия многодетной семьи, многодетного домохозяйства и многодетной семейной ячейки, используемые в законодательстве, статистике и социологии. На основе данных Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 г. и данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) выделяются группы многодетных домохозяйств и многодетных семейных ячеек, оценивается их численность, подробно описывается методика отбора вышеобозначенных групп, технические сложности и особенности при работе с данными. Автор ставит вопрос о возможности использования данных категорий как сопоставимых. Для ответа на этот вопрос делается попытка выявления статистически значимых различий по ключевым показателям, таким как доходы, расходы (в том числе их составляющие), жилищные условия, наличие товаров длительного пользования, субъективное благополучие.

Ключевые слова: многодетные семьи; многодетные домохозяйства; многодетные семейные ячейки.

Введение

Принято считать, что семьи с тремя и более детьми являются многодетными. Однако в российском законодательстве есть ряд нюансов относительно данной категории населения. Согласно Национальному стандарту РФ, многодетной признается «семья, имеющая трех и более детей, признанная в установленном порядке многодетной в соответствии с порогом многодетности, установленным органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [1]. То есть регионам дано право самостоятельно определять «категории семей, которые относятся к многодетным и нуждаются в дополнительной социальной поддержке, с учетом национальных и культурных особенностей в социально-экономическом и демографическом развитии региона» [2]. Основными критериями являются: количество и возраст детей, обстоятельства появления детей в семье (рождение, усыновление, установление опеки и т.п.), совместное проживание родителей и детей, регистрация брака между родителями, наличие или отсутствие гражданства РФ. Так, например, в Москве семья считается многодетной «до достижения младшим из них возраста 16 лет, а обучающимся в образовательном учреждении, реализующем общеобразовательные программы, – 18 лет» [3]. А в Подмосковье все трое и более детей должны быть в возрасте до 18 лет

или до 23 лет «при условии, что совершеннолетние дети обучаются в образовательных организациях всех типов по очной форме обучения» [4]. До недавнего времени в Ингушетии, являющейся лидером среди регионов по количеству детей в семье, многодетной признавалась семья, имеющая не менее пяти детей, а в Республике Марий Эл – не менее четырех¹.

В то же время в социологии понятие многодетной семьи может ограничиваться наличием трех несовершеннолетних детей в домохозяйстве [5] или трех несовершеннолетних в семейной ячейке. Таким образом, «в России сосуществуют журналистские и научные обозначения различных семейных структур, а юридическая трактовка не совпадает с социологической» [6].

Целью данной работы является рассмотрение таких понятий, как многодетная семья, многодетное домохозяйство и многодетная семейная ячейка. Попробуем прояснить, являются ли эти понятия синонимичными, в чем их различия и стоит ли анализировать их как сопоставимые группы.

Анализ числа многодетных по данным переписи населения

Учет числа многодетных семей в рамках Всероссийской переписи населения не позволяет, с законодательной точки зрения, выделить данную социальную группу, однако дает доста-

Таблица 1

Распределение домохозяйств и семейных ячеек по числу детей до 18 лет, %

	Перепись 2002 [10]		Перепись 2010 [11]	
	Домохозяйства	Семейные ячейки	Домохозяйства	Семейные ячейки
С одним ребенком	65.2	67.7	65.5	67.5
С двумя детьми	28.2	26.9	27.5	26.7
С тремя и более детьми	6.6	5.4	7.0	5.8

точно полную картину о ней, ее численности и составе. При этом при работе с данными переписи следует учитывать ряд особенностей. В первую очередь отметим, что с 2002 г. единицей наблюдения Всероссийской переписи, как это принято в международной статистике, является не семья, а домохозяйство [7]. Во-вторых, важно разделять понятия «домохозяйство» и «семейная ячейка». *Домохозяйство* – это группа людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, то есть полностью или частично объединяющих свои средства [8]. В то время как *семейная ячейка* – это супружеская пара с детьми или супружеская пара без детей, или мать с детьми, или отец с детьми [8]. Одно домохозяйство может содержать несколько семейных ячеек, в том числе с детьми. Тогда остается открытым вопрос: считать ли многодетными домохозяйства с тремя и более детьми, относящимися к разным семейным ячейкам? Например, у женщины две дочери, одна из которых несовершеннолетняя, а у второй двое детей и нет мужа. Они ведут совместное хозяйство. С одной стороны, обе женщины однозначно не многодетные, с другой – в семье трое несовершеннолетних и высокая иждивенческая нагрузка, а следовательно, они, скорее всего, имеют те же проблемы, что и многодетные (подробнее о структуре домохозяйств см. [9, с. 251–266]). Решение в каждом отдельном случае остается за исследователем, который должен исходить из целей и задач своей работы. Стоит все же отметить, что, судя по переписи, в целом таких «спорных» для анализа семей не так много, и распределение домохозяйств и семейных ячеек по числу детей относительно сопоставимо (табл. 1).

При анализе доходов и расходов исследователями традиционно в качестве единицы выбирается домохозяйство, в то время как при назначении пособий многодетным семьям государство оценивает уровень жизни семейной ячейки. Такое разночтение не является противоречием, поскольку государство не в силах оценить внутри-семейные трансферты денежных средств, а следовательно, может исходить только из поддающихся количественной оценке данных. В свою очередь исследователи могут владеть этой информацией и учитывать ее при анализе.

Технические особенности выделения групп многодетных

Для написания данной работы использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)², которые, к сожалению, не содержат информации об имеющемся у семьи статусе многодетной. Однако сами данные позволяют выделить вышеобозначенную группу. В представленной работе показано несколько подходов к определению многодетных и техническое описание отбора соответствующих домохозяйств в данных RLMS-HSE, включающих семейный (уровень домохозяйства) и индивидуальный уровень, а также подробную информацию о родственных связях внутри домохозяйства.

Отбор домохозяйств с тремя несовершеннолетними детьми

Наличие 3 детей у респондента, о чем свидетельствуют индивидуальные данные, естественно, автоматически не причисляет его к многодетным (так как они могут быть разного возраста, проживать отдельно, например с бывшими супругами). Недостаточным основанием является и наличие трёх детей в данных семейного уровня. Необходимым условием является определение возрастных границ для детей, следовательно, требуется работа с файлом семейного уровня, а именно карточкой домохозяйства. В первую очередь требуется рассчитать возраст для каждого члена семьи, используя данные о дате рождения и дате проведения интервью. Затем для каждого домохозяйства определяется количество детей в возрасте до 18 лет. И, наконец, домохозяйства со значением не менее 3 в переменной «Количество детей в семье» маркируются как «Многодетные».

Отбор домохозяйств с тремя несовершеннолетними детьми внутри одной семейной ячейки

Отбор многодетных семей в базе данных RLMS-HSE с учетом семейных ячеек является нетривиальной задачей даже для опытного пользователя. Для ее реализации необходимо

Таблица 2

Число и доля домохозяйств с тремя и более детьми (RLMS-HSE, 2017)

	Полная выборка			Репрезентативная выборка		
	Число д/х	% от общего числа д/х	% от числа д/х с детьми	Число д/х	% от общего числа д/х	% от числа д/х с детьми
Д/х с 3 и более детьми до 18 лет	273	3.9	9.9	153	3.0	9.9
Д/х с 3 и более детьми до 18 лет, в т.ч. семьи с детьми, уехавшими учиться	313	4.4	11.4	183	3.8	11.8
Д/х с 3 и более детьми до 18 лет внутри семейной ячейки	227	3.2	8.2	124	2.6	8.0
Д/х с 3 и более детьми до 18 лет внутри семейной ячейки, в т.ч. семьи с детьми, уехавшими учиться	231	3.2	8.4	128	2.6	8.2

присвоить каждому наблюдению индивидуального уровня номера всех членов домохозяйства с указанием родственной связи. Для удобства решения данной задачи карточку домохозяйства, представленную в семейном файле, необходимо трансформировать в индивидуальный файл, где единицей наблюдения станет не домохозяйство, а индивид.

В данном случае среди всех возможных значений переменной «Кем N-й член семьи приходится (N-1)-му члену семьи?» нас интересуют исключительно значения 04 – сын/дочь и 05 – неродной сын/неродная дочь, однако, используя данный алгоритм, можно создать индивидуальный файл с полным набором родственных связей. В этом же файле необходимо сохранить дату рождения (или возраст) для каждого ребенка. Далее следует посчитать количество переменных с возрастом детей меньше 18 для каждого наблюдения. И, наконец, отобрать наблюдения, в которых значения данной переменной будет равно трем или более. Отобранные наблюдения индивидуального уровня агрегируются в семейный файл, который содержит список номеров многодетных домохозяйств с тремя несовершеннолетними внутри семейной ячейки. Эти номера используются в качестве меток при присоединении к общему семейному файлу.

Важно отметить, что в данную подвыборку включаются не только домохозяйства, состоящие исключительно из семейной ячейки с тремя и более детьми, но и так называемые расширенные домохозяйства, то есть семейные ячейки с тремя и более детьми и другие родственники/неродственники.

В процессе работы было принято решение несколько увеличить подвыборку, добавив к

ним домохозяйства, имеющие трех и более детей, один или несколько из которых в момент опроса были старше 18 лет, но при этом учились очно, не имели работы и проживали в опрашиваемом домохозяйстве. А также случаи, в которых один или несколько детей из домохозяйства в момент опроса учились и проживали в другом населенном пункте. Такие семьи включались в анализ в том случае, если они оказывали материальную помощь своим детям, не являющимися в момент опроса членами домохозяйства. В этих двух уточняющих подвыборках возрастные рамки учащихся детей были расширены до 23 лет. Такое решение объясняется тем, что родители учащихся детей продолжают нести иждивенческую нагрузку на семью, тем самым оставаясь по сути многодетной семьей. Законодательно такой подход к определению многодетности закреплен лишь в 29 российских регионах.

Технически данное решение реализовывалось следующим образом: в файле индивидуального уровня для каждого наблюдения была создана переменная «Студент», принимающая значение «1» при соблюдении нескольких условий – попадание возраста в границы 18–23, наличие информации о текущей учебе на очном отделении и отсутствие работы. В остальных случаях переменная имела значения «0». Далее индивидуальный файл агрегировался по семье с суммарным подсчетом созданной переменной и объединялся с данными семейного уровня. В данном файле была создана временная переменная, содержащая информацию о количестве членов семьи, уехавших на учебу. В случае наличия не менее одного ребенка, уехавшего учиться, из не менее трех имеющихся в семье детей, а также наличия информации об оказа-

Таблица 3

Число домохозяйств с тремя и более детьми в 2014 – 2017 гг. (RLMS-HSE)

	2014	2015	2016	2017
Д/х с 3 и более детьми до 18 лет, в т.ч. семьи с детьми, уехавшими учиться	243	258	292	313
Д/х с 3 и более детьми до 18 лет внутри семейной ячейки, в т.ч. семьи с детьми, уехавшими учиться	143	180	212	231
Всего домохозяйств	6762	6872	7073	7189
Среди них домохозяйств с детьми	2667	2735	2743	2755

нии помощи ребенку семьей домохозяйство относилось к числу многодетных. В табл. 2 приведены данные репрезентативной и полной выборок³.

Стоит отметить, что расширение подвыборки за счет уехавших учиться не принесло значительного увеличения числа многодетных домохозяйств, однако дальнейший анализ проводился с их учетом.

Сравнение выделенных групп многодетных

Была выдвинута гипотеза о наличии сходных социально-экономических характеристик у группы многодетных, выделенных по критерию наличия детей подходящего возраста, и группы многодетных с учетом семейных ячеек. Проверка данной гипотезы осуществлена на основе статистического сравнения социально-экономических показателей выделенных групп.

Для увеличения объема подвыборок было принято решение проводить дальнейшее исследование на материале четырех волн РМЭЗ (2014–2017), охватывающих относительно стабильный период в экономике после экономического кризиса 2014 г. В эти годы наблюдалось заметное ослабление рубля и общее снижение доходов населения. С 2017 г. экономисты отмечают начало восстановительного роста экономики. В то же время критических перепадов в экономике отмечено не было, что позволяет нам рассматривать данные этого периода как сопоставимые.

Аналогичный отбор многодетных домохозяйств был сделан для трех предыдущих волн обследования. Их число колебалось в диапазоне от 243 до 313. Подвыборки за 4 года были «склеены» в одну, что позволило смоделировать экспериментальную группу многодетных домохозяйств. При неоднократном попадании домохозяйства в объединенную группу учитывалось его последнее участие в исследовании. Таким образом, размер объединенной группы составил 448 домохозяйств. Для достижения сопоставимости данных все показатели доходов и расходов домохозяйств были приведены к ценам 2017 г. с помощью дефлятора, рассчитанного на основе данных Росстата.

Таким образом, в сравнительном анализе участвовали подвыборки многодетных домохозяйств и семейных ячеек, включающих не менее 3 детей⁴. В качестве ключевых индикаторов для сравнения подвыборок в первую очередь были выбраны показатели доходов, расходов, а также составляющие последних. В данной работе намеренно не проводится смысловой анализ уровня доходов и расходов, включающий оценку самих значений показателей, сравниваются только средние значения двух групп с целью выявления статистических различий, которые позволили бы в дальнейшем рассматривать эти группы как различные, требующие независимого анализа, или, напротив, как практически идентичные, позволяющие работать с ними как с единым целым.

Проведенный сравнительный анализ средних значений показал, что показатели доходов и расходов, в том числе составляющие последних, сопоставимы для многодетных семей и многодетных семейных ячеек. Нулевая гипотеза принимается. Это дает нам право утверждать, что в генеральной совокупности средние значения доходов и расходов многодетных семей и семейных ячеек на продукты питания и непродовольственные товары не отличаются ($P < 0.05$).

Помимо доходов и расходов рассматриваемых групп были проанализированы иные показатели, в том числе жилищные условия и возраст имеющейся в домохозяйстве техники. Анализ также показал отсутствие статистических различий по данному ряду показателей. Так, многодетные семьи в среднем занимают 71.2 кв. м общей площади и 50.2 кв. м жилой, семейные ячейки – 69.5 кв. м и 47.6 кв. м соответственно. Обе группы в среднем проживают в 3-комнатных квартирах/домах.

Анализ показателей владения товарами длительного пользования тоже дает основание сделать вывод об отсутствии статистически значимых различий⁵ рассматриваемых групп: имеют стиральную машину-автомат 90.1% многодетных домохозяйств и 90.6% семейных ячеек, посудомоечную машину – 9.9% и 8.6% соответственно, микроволновую печь – 27.3% и 28.1%, телевизор – 96.7% и 96.1%, компьютер – 90.2% и 89.8%, автомобиль⁶ – 63.4% и 60.9%.

Таблица 4

**Подушевые расходы многодетных домохозяйств и семейных ячеек (RLMS-HSE),
в рублях 2017 года**

	Многодетные семьи	Семейные ячейки
<i>Общие доходы</i>	12545	12220
<i>Расходы на продукты питания</i>	4031	4064
Молочные продукты	388	403
Мясо, птица, рыба	900	935
Картофель	52	59
Хлеб	345	364
Овощи, фрукты	315	307
Прочие продукты питания	758	779
Питание в столовых, кафе и т.п.	667	552
Продукты домашнего изготовления	536	566
Алкоголь	72	69
<i>Расходы на непродовольственные товары</i>	8514	8157
Одежда	1170	1169
Табачные изделия	220	211
Топливо	556	504
Товары длительного пользования	1063	1084
Услуги и отдых	2013	1611
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам	2338	2426
Оплата жилья	733	740
Различные товары (мыло, игрушки и т.п.)	287	294
Сбережения	136	117

Возраст техники также не имеет статистически значимых различий: например, холодильник в многодетных домохозяйствах в среднем 8 лет, в многодетных семейных ячейках 7 лет, стиральной машине 6 лет в обеих группах, автомобилю 7 и 6 лет, соответственно.

Для построения следующих показателей данные индивидуального уровня были агрегированы по домохозяйствам с расчетом средних значений по ряду индикаторов, отражающих социальное самочувствие, в том числе удовлетворенность жизнью, субъективный социальный статус, а также самоопределение нахождения на лестнице материального благополучия, власти и уважения. Как и в случае с экономическими показателями, рассмотренными выше, в задачи исследования не входил анализ самих субъективных оценок и индикаторов социального самочувствия, в данной работе интерес представляет лишь сравнение показателей для двух групп многодетных. В ходе анализа выяснилось, что обе группы практически одинаково оценивают свое материальное благополучие (4-я ступень из 10), обе группы ставят себя на те же ступени на лестнице власти (4-я ступень из 10) и уважения (6-я ступень из 10), имеют равный уровень удовлетворенности жизнью («И да, и нет») и удовлетворенность материальным положением («Не очень удовлетворены»).

Выводы

Законодательство активно оперирует понятием «семья», которая, с точки зрения аналитика, чаще всего представляет собой семейную ячейку. В то же время при анализе экономического положения чаще выступает домохозяйство как экономическая единица. Проведенный анализ сравнения двух подвыборок многодетных домохозяйств и многодетных семейных ячеек не выявил статистически значимых различий ни по одному из ключевых показателей, которые традиционно используются в анализе. Учитывая отсутствие в данных специального показателя, маркирующего многодетные семьи (например, с позиции законодательства), а также техническую сложность отбора многодетных ячеек, что к тому же значительно сокращает число наблюдений, позволим себе сделать вывод, что домохозяйства с тремя и более детьми (в том числе составные, т.е. из нескольких семейных ячеек) могут быть включены в анализ именно в качестве многодетных семей, если это не противоречит задачам исследования.

В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Примечания

1. Такое разное определение многодетности было отчасти связано с неравномерным террито-

риальным распределением данной социальной группы.

2. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН [10].

3. Расчеты были произведены на данных 26-й волны RLMS-HSE.

4. Далее в статье эти группы будут именоваться «Многолетние домохозяйства» и «Многолетние семейные ячейки» соответственно.

5. Асимптотическая значимость критерия χ^2 более 0.05.

6. Учитывались отечественные и иностранные автомобили.

Список литературы

- ГОСТ Р 52495-2005. Социальное обслуживание населения. Термины и определения (с Изменением № 1). Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Термины и определения».
- Указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многолетних семей» (с изменениями и дополнениями).
- Закон г. Москвы от 23.11.2005 № 60 (ред. от 28.12.2016) «О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве».
- Закон Московской области от 12.01.2006 № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области».
- Воронин Г.Л. Многолетние семьи в России: уровень социально-экономического благосостояния // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). Вып. 6 [Электронный ресурс]: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. М. Козырева. Электрон. текст. дан. (объем 3.34 Мб). М.: Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики, 2016. С. 164–181. URL: https://www.hse.ru/data/2016/07/28/1118935935/Vestnik%20RLMS-HSE_2016.pdf (дата обращения: 05.10.2019).
- Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.
- Население России 2003–2004. Одиннадцатый – двенадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 2006.
- Методологические пояснения к Всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/methodology.pdf (дата обращения: 01.11.2019).
- Прокофьева Л.М. Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. 640 с.
- Данные Всероссийской переписи населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 12.11.2019).
- Данные Всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.11.2019).

MULTI-CHILD FAMILIES, HOUSEHOLDS AND FAMILY UNITS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF CONCEPTS

Z.Ye. Dorofeeva

National Research University Higher School of Economics,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article analyzes concepts of a multi-child family, a multi-child household and a multi-child family unit which are used in law, statistics and sociology. Based on the data of the All-Russian Census of Population of 2002 and 2010 and the data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), groups of multi-child households and multi-child family units are identified, and their numbers are estimated, the methodology of the selection of the above groups, technical difficulties and features when working with data are described in detail. The author raises the question of the possibility of using these categories as comparable. To answer this question, an attempt is made to identify statistically significant differences in key indicators, such as income, expenses (including their components), housing conditions, availability of durables, subjective well-being.

Keywords: multi-child families, multi-child households, multi-child family units.

УДК 316.334.2

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2020 г.

Н.Н. Патокина

Патокина Наталья Николаевна, ассистент кафедры социологии проектной деятельности
и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
spagr@fsn.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 01.12.2019
Статья принята к публикации 29.05.2020*

Анализируется процесс формирования российской социально ориентированной конкурентной политики, выделяются его основные этапы и дальнейшее направление развития. Реформа экономических и социальных отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сформировала первоначальные условия для становления нового типа конкурентных отношений. Происходило существенное изменение взглядов на конкуренцию как на среду формирования адекватной рыночной экономике институциональной структуры общества, развития новых институтов – конкуренции, ограничения монопольного положения, ставшее предпосылкой включения конкуренции в состав конституционно защищаемых ценностей с принятием Конституции 1993 г. Впервые с понятием «конкуренция» связывается значимость свободного, регулируемого законодательством соперничества в экономике как фактора социального развития. Анализ ключевого закона о защите конкуренции, принятого в 2006 г., показывает, что конкуренция как социально-экономическое отношение, проявляющееся и развивающееся в пространствах экономического и социального действия, нуждалась в дальнейшем развитии нормативно-законодательного регулирования. Принятие Указа Президента РФ от 21.12.2017 № 618 стало новым этапом формирования российской социально ориентированной конкурентной политики, усилившим необходимость единого подхода к измерению результатов реализации государственной политики по развитию конкуренции в субъектах РФ, интерпретации мониторируемых показателей и к направлениям совершенствования и развития на этой основе соответствующих управленческих механизмов, подходов и практик.

Ключевые слова: конкуренция, социально ориентированная конкурентная политика, мониторинг.

Ценностное значение конкуренции в рыночной экономике

Экономика представляет собой системное решение проблемы по материальному обеспечению возможностей для существования и развития социума (социумов) и решению совокупности задач, с этим связанных. Экономика как пространство для реализации материальных потребностей и интересов открывает определенные возможности для развития личности. Экономическая деятельность в значительной степени обуславливает процессы социальной организации. Характер, направленность, специфика, динамика этих процессов в различных странах различны; объективное рассмотрение сложившихся экономических систем приводит к закономерному заключению о том, что особенности экономической организации в самой существенной степени обусловлены нематериальными социальными факторами социальной организации и социального устройства обществ. В частности, У. Хэтчер, не одинокий в своем восприятии данного вопроса, утверждает, что моральные ценности, доминирующие в об-

ществе, первичны по отношению к типу и характеру отношений в соответствующей ему экономике [1]. Отмечая стремление капитализма к росту потребления, исследователь противопоставляет конкуренцию и сотрудничество. Тем не менее используемый им аналитический подход в последнее время успешно заменяется появлением нового сценария, в рамках которого эти фундаментальные отношения сосуществуют не конфликтно, а взаимодополнительно по отношению друг к другу. Современные процессы интеграции, создания и стремительного развития глобальных платформ для взаимодействия и кооперации, приход к активным социальным и экономическим практикам новых когорт и акторов, в значительной степени свободных от социокультурных стереотипов и поведенческих сценариев, относящихся к периоду конфронтаций и внепереговорных способов разрешения противоречий, сформировали предпосылки и условия для более сбалансированного соотношения приоритетов цены в материальном смысле и ценностей в этическом при построении механизмов управления в экономике.

Конкуренция – один из важнейших механизмов такой балансировки, одна из фундаментальных основ современного экономического строя. Процессы глобализации и «цифровизации» сообщают отношениям конкуренции все более выраженное значение системообразующего фактора социального развития общества. Право частной собственности выступает одним из системообразующих элементов социально-экономического строя, именуемого демократией. Вместе с тем степень свободы в обращении с ней, а значит, и свобода договора так же, как и иные сущностные формы свободы – конкуренции вне зависимости от действий и выборов монополистов, закрепляемые в основном законе, образуют правовой, ценностный, понятийный фундамент ее рыночного воплощения [2; 3]. При этом экзистенциальный выбор акторов-участников конкурентных отношений признается и, по существу, определяется как необходимый и существенный в конструировании национальной социально-экономической системы.

Целью работы является анализ процесса трансформации конкурентной политики в РФ, определения отношения конкуренции в законодательстве от абстрактно-экономического до социально определенного, проблем ее развития как социально-экономического явления на современном этапе.

Протоконкурентные нормы и механизмы в законодательстве социалистического периода

Формирование конкурентных отношений и легитимизирующего их законодательства в России связано с состоянием и динамикой характера экономических отношений. Особенностью этого процесса является отсутствие предшествующих практик, которые могли бы составить основу формирования современных конкурентных механизмов, и, соответственно, определенная «внеисторичность».

Нормы Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. несли в себе и принципиальную новизну, но и системные противоречия в оценке и роли конкурентных отношений в экономической жизни социума, находя свое воплощение в положениях об экономической системе главного закона государства.

Откликом на перемены, подспудно пришедшие в социалистическую конституцию, стало новое понимание базисной роли социалистической собственности в социалистической экономической системе. Социалистическая система по умолчанию не допускала возможности разрывания частных инициатив. В условиях

отсутствия института частной собственности борьба между собственниками в экономическом пространстве никаким образом не была допускаема, а монопольное устройство территориально-отраслевых экономических конструкций манифестировалось в качестве безусловной ценности [4]. Одновременно Конституции включали нормы, поощряющие нововведения, творчество в работе, использование хозяйственного расчета, инструментов экономического анализа и управления, таких как прибыль, себестоимость, иных рычагов и стимулов в экономике. Некоторые авторы рассматривают в качестве аналога конкуренции в советские годы институт социалистического соревнования [5, с. 4]. Действительно, социалистическое соревнование было направлено на достижение материальных целей. При этом прогресс оценивался преимущественно количественно как степень достижения намеченных показателей, его процесс представлял собой соперничество за досрочное достижение натурального, не денежного результата, превышающего извне назначенный показатель. Вместе с тем мотивация участников этого соперничества оставалась большей частью нематериальной, ценностной и при этом не индивидуальной, а надгрупповой. Ее источником были: патриотизм, любовь к Родине, предприятию, коллективу, стремление подтвердить и повысить статус в референтных группах. Достижения тоже вознаграждались преимущественно нематериально: почетные звания, награды, знаки отличия, благодарности лишь дополнялись малосущественными премиями и доплатами. Таким образом, и в социалистическом обществе осознавалась ценность и значимость лучшего и уникального как источника достижения требуемых и необходимых результатов, при этом и как основа практических механизмов регулирования и управления в экономике. Особенность советского периода в данном отношении состояла в том, что экономическая конкуренция существовала в архаичной форме на уровне индивидуальных акторов, но при этом приводилась в движение на ценностном уровне посредством механизма внеэкономической мотивации и закрепила в социокультурных контекстах элементы опередившего свое время и лишь сегодня ставшего актуальным социального механизма своего развития.

Перестройка и новое осознание конкуренции

Реформа экономических и социальных отношений на рубеже предпоследнего и последнего десятилетий прошлого века вызвала к жизни значимый прогресс во взглядах на конкурен-

цию как целостное явление, обладающее проекциями как в экономику, так и в сферу правового регулирования, а вслед за этим и как на среду формирования адекватной рыночной экономике институциональной структуры общества.

«Соревнование», в его уже традиционном для советского общественного устройства восприятии, утратило роль и значение понятия-константы, единственного понятия, означающего стремление к лучшему, оптимальному, эффективному; в оборот вводится термин «конкуренция». Понимание этого явления раскрывается современными этим переменам работами, в которых так называемый социалистический рынок рассматривался и обсуждался как «объективная экономическая и социальная реальность» [6, с. 340]. В свою очередь, кооперации отводилась роль «двигателя перестройки», при этом основы этого, казалось бы, нового и продиктованного временем подхода выводились, тем не менее, из канонических ленинских текстов, в частности, обильных ссылок на статью «О кооперации», а социализм при этом описывался как общество с рынком, валютой, товарным производством, в конечном счете – с демократией и конкуренцией. Закономерно, что новый взгляд обрел институциональную форму в законодательном поле: Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» впервые ввел термин «конкуренция» в правовое пространство [4]. Отметим, что семантическая подстройка и адаптация терминологии и правоустанавливающих текстов представляли собой естественный отклик на изменение внешних реалий: отдаление эпохи Второй мировой войны и развитие международной конкуренции СССР на внешних рынках и на полях уже политических противостояний.

Становление таких новых механизмов, как ограничение монополизма в интересах конкуренции, нашло свое воплощение в изменениях [7], внесенных в 1990 г. в Конституцию РСФСР 1978 г., согласно которым государство принимало на себя функции по ограничению монополизма и пресечению злоупотреблений в экономической деятельности.

В 1991 г. увидели свет еще два частных по отношению к конституционному праву законодательных акта: Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и Закон СССР от 10 июля 1991 г. № 2326-1 «Об ограничении монополистической деятельности в СССР». Необходимо отметить, что указанные законы, постулируя совершенную конкуренцию, не отвечали на вопрос о видах конкуренции, которые государство в реальности

признает и поощряет, возможно, потому, что в отсутствие собственных научно осознанных практик в сфере конкурентных отношений законодатель, по необходимости, вынужден был опереться на идеализированную модель, удобную для формирования экономических проекций конкурентных отношений, но мало общего имеющую с реальным движением товарных рынков даже и в странах с давней рыночной традицией в экономике. Можно констатировать, что на данном этапе безусловно верное понимание роли и значения конкуренции как источника и обязательного условия развития демократического общества отсутствовало, как и четкое понимание экономических и, тем более, социальных механизмов, воплощающих конкуренцию как принцип практики социума, встающего на путь установления нового экономического устройства. Несомненно, еще менее осознавалась неразрывная связь способных к устойчивому существованию и воспроизводству и, в конечном счете, удовлетворяющих конечным ожиданиям граждан конкурентных практик с историческими и социокультурными контекстами их формирования и воплощения.

В связи с этим представляется закономерной базисная идея этого закона, который положил начало дальнейшему прогрессу в антимонопольном законодательстве, состоящему в признании необходимости в России формирования экономики, основанной на рыночных принципах и развитии конкурентных отношений. В качестве пути достижения успеха в этом отношении устанавливалось существенное ограничение монополизма, значимость которого объективно была чрезвычайной в силу природы социалистической экономической конструкции, основывавшейся на государственной монополии на средства производства [8, с. 9–10]. Иными словами, осознанное частью общества на ценностном уровне необходимое было упрощено и сведено до канонизированного и привычного большинству отрицания прошлого, которому при этом был сопоставлен освоенный в продолжение советского периода управленческий механизм борьбы и преодоления. Вместе с тем невероятная динамика перемен в постсоветском российском обществе, выразившаяся, в частности, в принятии и стремительном освоении решающей частью социума новой реальности, привела к необходимости нового шага в развитии законодательства о конкуренции.

Принятая в 1993 г. Конституция (статьи 8, 34) устанавливает необходимость поддержки конкуренции, закрепляя ее в составе гарантируемых ценностей, подлежащих защите. В правоприменительной практике на этом этапе конку-

рентия по-прежнему рассматривается как явление экономическое и как процесс, осуществление которого может привести к ожидаемым результатам экономической деятельности. Однако с этим понятием впервые связывается значимость свободного, регулируемого законодательством соперничества в экономике как фактора социального развития.

От специального регулирования к проконкурентному праву

Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [9], который действует и сегодня, развивает конституционный принцип свободы конкуренции и детализирует конституционный запрет на деятельность, направленную на монополизацию и представляющую собой недобросовестное поведение в экономике, детализируя и уточняя позицию законодателя в отношении явлений, которые «сдерживают развитие экономики». В этом акте, как и во всех современных ему и последующих профильных нормативных актах, прослеживается ориентация не только на защиту, но уже и на поддержку конкуренции. Однако закон о защите конкуренции, являясь и сегодня базовым, остается «процессным», ориентированным на пресечение антиконкурентных практик и удержание в правовом поле экономического поведения, несущего угрозы и риски для конкуренции как цивилизованного, то есть в контексте имманентно признаваемых прав и свобод, экономического соперничества. Самостоятельным и важным прогрессом, достигнутым принятием данного закона, стало признание конкуренции отношением, то есть комплексным отношением, а значит, *de facto*, не чисто экономическим, а и социальным тоже. Этот законодательный акт, являясь знаковым и очень значимым этапом в профильном законодательстве, по-прежнему не содержит конкретных норм, способных породить качественно новые для рыночной экономики практики, отражающие и закрепляющие восприятие конкуренции как социально-экономического отношения, проявляющегося и развивающегося в пространствах экономического и социального действия.

Закон о защите конкуренции за время своего действия подвергался значительному числу изменений, вводимых в соответствующие контексты правоприменения блоками поправок и самостоятельных нормативных, правовых актов, за которыми закрепилось название «антимонопольных пакетов». Принятие каждого из законов, включаемых в соответствующий «пакет», связывается с определенными, утверждаемыми

государственными органами программами, планами необходимых перемен в доминирующих практиках поведения и регулирования в экономике, носит юридико-технический характер и закрепляет в законодательном поле позитивные практики регулирования в конкретных областях (закупки, предоставление услуг монополиями и естественными монополиями, государственное участие в экономике и деятельности хозяйствующих субъектов и т.д.). При этом в качестве индикаторов позитивности рассматривается соответствие тенденциям, демонстрируемым соответствующим международным опытом, а также и универсальные количественные показатели, характеризующие динамику численности экономических акторов, действующих на тех или иных товарных рынках, экономическую концентрацию и уровень конфликтности обязательных к исполнению норм и требований и фактически демонстрируемых участниками рынка поведенческих предпочтений.

На современном этапе источники конкурентного права образуют обширный, динамично развивающийся нормативно-правовой массив. Положения современной редакции системы актов о защите конкуренции по большей части «запретительные», базовым принципом остается запрет лицам, занимающим доминирующее положение на рынке, сдерживать конкуренцию в каких-либо формах (запрет устанавливать и поддерживать монопольно высокую или монопольно низкую цену на товары, изымать товары из обращения, навязывать контрагенту условия договора, запрет на соглашения или согласованные действия, ограничивающие конкуренцию, и т.п.).

Отметим, что с момента принятия закона о защите конкуренции законодательство значительно изменилось. Изменения свидетельствуют об углублении представлений законодателя о предмете регулирования, обновляющемся характере нюансов, которые не были очевидны при создании нового законодательства; вошли и закрепились в практике важные институты, обеспечивающие продвижение конкуренции в практику как системного отношения (торги и т.п.). Тем не менее действующая редакция закона содержит минимум мер, которые можно отнести к стимулирующим, направленным на развитие конкурентных отношений (механизм предоставления государственных преференций, порядок проведения торгов), тоже не содержит механизмов вовлечения населения в процессы конкуренции.

От нормативного регулирования к социальному управлению

Несомненно, началом нового этапа в развитии конкурентных отношений, в преодолении

монополизации отдельных рынков и становлении конкурентной среды стало утверждение первого в истории России документа стратегического значения в отношении развития конкуренции как приоритетного направления, а именно Указа Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (далее – Указ), которым, в частности, утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 гг. (далее – Национальный план) [10].

Указ определил в качестве приоритета в деятельности всей системы властных органов и механизмов в Российской Федерации, равно и органов местного самоуправления, содействие развитию конкуренции в Российской Федерации как инструмента и двигателя развития российской экономики, обеспечивающего поступательное движение в развитии конкуренции и ограничении монополистических проявлений.

С вступлением в силу Указа и последующей необходимой проработкой и созданием во исполнение актов различных уровней процесс формирования социально ориентированной проконкурентной политики получил новый импульс ценностных ориентиров, целеполагания и соответствующий ему новый вектор развития. Из системного толкования положений Указа и утвержденного в соответствии с ним Национального плана следует, что повышение удовлетворенности потребителей, развитие диалога между населением, бизнесом и властью, разработка и реализация совместных решений, расширение перечня социально значимых рынков, увязки его с предусмотренными Стандартом развития конкуренции в субъектах Российской Федерации (далее – Стандарт) [11] конкретными условиями их функционирования необходимо в целях укрепления национальной экономики, дальнейшего развития конкуренции и недопущения монополистической деятельности. Принципиально новым является помещение во главу угла в компактную группу установленных Указом стратегических целей удовлетворенности потребителя, так же как и определенная им вторичность, обеспечивающая роль экономических показателей. Указом определена безусловная необходимость измеримости результатов деятельности по реализации государственной политики по развитию конкуренции. Впервые императивно, а не рекомендательно, как это предусмотрено Стандартом развития конкуренции, поставлена задача социального мониторинга в интересах управления и стимулирования процессов развития конкуренции.

Помимо этого, Национальным планом развития конкуренции, утвержденным Указом, предусмотрено введение в систему управления крайне важного для развития конкуренции механизма – утверждения планов развития конкуренции в конкретных отраслях экономики с установлением ими перечней соответствующих ключевых показателей. В соответствии с этим Распоряжением от 16 августа 2018 г. № 1697-р Правительство РФ утвердило План мер и действий, направленных на развитие конкуренции в отраслях российской экономики [12]. В качестве инструмента обеспечения соответствия целей по развитию конкуренции и фактически достигаемых результатов Национальным планом определен механизм общественного контроля.

Единственным апробированным механизмом реализации положений Указа и Национального плана, позволяющим проводить эффективную, с измеримыми результатами политику по развитию конкуренции, является Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации. Стандартом определена необходимость мониторинга состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг субъекта Российской Федерации, который открывает возможность измерения результатов соответствующих проконкурентных политик и воплощающих их действий. Вместе с тем этим документом не устанавливается требование научности, единства методических подходов и единства механизма организации мониторинга. Формируемая культура мониторинга достигаемых в отношении развития конкуренции результатов не нашла своего воплощения в устойчивых практиках, результаты которых представляли бы ценность для процесса управления развитием конкуренции. Успешность такого рода проекта на территории Нижегородской и Оренбургской областей, рекомендация ФАС России по использованию соответствующего опыта на всей территории РФ не привели, до настоящего времени, к изменению данной ситуации.

Заключение

Положения Указа, а также накопленный опыт внедрения Стандарта представляют основание для констатации еще более насущной необходимости единого подхода к измерению результатов реализации государственной политики по развитию конкуренции в субъектах РФ, интерпретации мониторируемых показателей и механизмов корректировки на этой основе соответствующих управленческих практик и подходов, суть которого видится в следующем.

Мониторинг состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг субъекта Российской Федерации, который предусматривает и мониторирует удовлетворенности потребителей повышением качества товаров, работ и услуг на товарных рынках субъекта РФ и состоянием ценовой конкуренции (далее – Мониторинг), должен ежегодно организовываться уполномоченным органом субъекта Федерации и, в соответствии со Стандартом, в части структуры должен предусматривать группировку потребителей товаров, работ и услуг согласно их социальным статусам (учащиеся, пенсионеры и др.).

Согласно духу и логике построения и целеполагания Стандарта развития конкуренции, деятельность всех участников процесса содействия развитию конкуренции на товарных рынках в пределах регионов необходимо основывать на динамичной обратной связи со всеми заинтересованными сторонами, обеспечении пригодности получаемой информации для формирования на ее основе действий по совершенствованию ситуации и разработке мероприятий, необходимых для включения в «дорожные карты» субъектов РФ по развитию конкуренции, она должна быть открытой и предусматривать и обеспечивать доступность информации о системе мер, процедур и решений, направляемых на развитие проконкурентной среды и отношений. Таким образом, принятием указанных документов в целом завершена трансформация национального законодательства в направлении создания правового пространства для построения социально ориентированной конкурентной политики и закономерным образом актуализируется проблема формирования реализующих его подходов и социальных практик.

В связи с этим самостоятельное значение и ценность в рамках и в процессе мониторингования приобретает сбор сведений об удовлетворенности конечных потребителей качеством товаров, работ и услуг, относящихся к определенным периодам и промежуткам времени, в том числе данных о жалобах с их стороны в надзорные органы по данной проблематике и динамике их количества в сопоставлении с предыдущими периодами; не меньшее значение приобретает и сбор данных о восприятии и динамике оценки потребителями состояния конкуренции между продавцами товаров, работ и услуг в субъекте Российской Федерации посредством ценообразования.

Поскольку воплощаемые подходы и реализуемые региональные практики и техники проведения Мониторинга остаются многообразными, что не позволяет в необходимой полноте

достичь целей, поставленных Указом Президента от 21.12.2017 г. № 618, остается нерешенной задача реализации накапливаемого опыта как основы для проектирования целостного механизма измерения результатов политики по развитию конкуренции и по проектированию практических мер по ее развитию. Требование Указа о необходимости повышения удовлетворенности потребителя, в том числе за счет развития конкуренции, остается, в определенном отношении, «спящей» нормой. Организация Мониторинга, обращенного к потребителю, отвечающего требованиям объективности, научности, целостности, организационного и методического единства, адаптивности применительно к региональным и локальным особенностям и условиям, помещению его результатов в центр выработки управленческих решений и управленческих действий как таковых в отношении социального и экономического развития представляет собой задачу практического воплощения новой национальной политики в сфере развития конкуренции, актуальность которой в современных условиях возрастает.

Список литературы

1. Хэтчер У. Экономика и моральные ценности // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 41–48.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря № 22-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108767/ (дата обращения: 01.12.2019).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1570-О-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02112011-n-1570-o-o-po/> (дата обращения: 29.11.2019).
4. Габов А.В., Никитина Е.Е., Синецкая С.А. и др. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: Монография / Отв. ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2016. 384 с.
5. Сухоруков А.С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
6. Яковлев А.Н. Реализм – земля перестройки: Избранные выступления и статьи. М.: Политиздат, 1990.
7. Закон РСФСР от 15 декабря 1990 г. № 423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.11.2019).
8. Баринов Н.А., Козлова М.Ю. Антимонопольное законодательство РФ (вопросы теории и практики). Волгоград, 2001.
9. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О защите конкуренции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 28.11.2019).

10. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции: Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 // Собрание законодательства РФ. 25.12.2017. № 52 (Часть I). Ст. 8111. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285796/ (дата обращения: 28.11.2019).

11. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2019 № 768-р «Об утверждении стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.04.2019. № 17. Ст. 2145. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323102/ (дата обращения: 28.11.2019).

12. Распоряжение Правительства РФ от 16.08.2018 № 1697-р (ред. от 29.05.2019) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018 – 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 03.09.2018. № 36. Ст. 5655. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305510/ (дата обращения: 28.11.2019).

13. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 28.11.2019).

14. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости

ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 29.11.2019).

15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.11.2019).

16. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 18.04.1991. № 16. Ст. 499. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51/ (дата обращения: 29.11.2019).

17. Закон СССР от 10.07.1991 № 2326-1 «Об ограничении монополистической деятельности в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 31. Ст. 885. URL: <https://base.garant.ru/6334819/> (дата обращения: 29.11.2019).

18. Рыженков А.Я. Право и монополии в современной России: Монография. Юстициформ, 2017. 208 с.

19. Варламова А.Н. Развитие конкуренции как цель конкурентного права и пути ее достижения // Юрист. 2018. № 11. С. 11–18.

20. Хабриева Т.Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 5–15.

SHAPING RUSSIA'S SOCIALLY ORIENTED COMPETITION POLICY

N.N. Patokina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the process of shaping Russia's socially oriented competition policy and its main stages and presents an analysis of its further development directions. The initial conditions for the formation of a new competitive relationship type have been determined by the reform of economic and social relations in the late 1980s – early 1990s. It is important to note that during this period significant changes occurred in the views on competition as an environment that was required to form an institutional structure of society adequate to the market economy, to develop new institutions, including competition and restriction of monopoly, which resulted in the inclusion of competition in the constitutionally protected values when the new Constitution was adopted in 1993. For the first time, the notion of competition was associated with the importance of free and legally regulated competition in the economy as a factor of social development. The analysis of the key Federal Law «On Protection of Competition» adopted in 2006 has shown that competition as a socioeconomic relationship in the spaces of economic and social action required further development of the legal regulatory framework. The adoption of Decree of the President of the Russian Federation No. 618, dated December 21, 2017, has become a new stage of the Russian socially oriented competition policy formation, emphasizing the necessity of a unified approach to measuring the results of the state policy implementation of the competition development in the constituent entities of the Russian Federation, to interpreting of the indicators being monitored and to improving and developing on this basis of the relevant management mechanisms, approaches and practices.

Keywords: competition, socially-oriented competition policy, monitoring.

УДК 316

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

© 2020 г.

А.А. Бухнер

Бухнер Алевтина Алексеевна, заместитель директора Малой академии государственного управления, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и правового обеспечения государственной службы Самарского университета государственного управления «Международный институт рынка»
alevtina007@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 19.12.2019**Статья принята к публикации 15.05.2020*

Статья посвящена вопросу формирования имиджа государственных и муниципальных служащих на современном этапе развития общества, а также характеру взаимодействия органов государственной и местной власти с гражданами. Актуализирована проблема дефиниции имиджа в целом и имиджа государственных и муниципальных служащих в частности. При помощи метода анкетного опроса проведено исследование, цель которого – выявление особенностей формирования имиджа государственных и муниципальных служащих по мнению студенческой молодёжи г.о. Самара. По результатам исследования выделены особенности при формировании имиджа государственных и муниципальных служащих (качества, которыми должен обладать служащий, оценка профессиональных компетенций, существующего состояния имиджа служащих, отличия имиджа государственного служащего от имиджа муниципального служащего, по мнению опрошенной группы молодёжи). По мнению респондентов отмечена необходимость позитивного освещения деятельности государственных и муниципальных служащих в СМИ и на интернет-площадках. Как одна из важных характеристик выделена необходимость в умении служащих общаться с гражданами, а также в более тесном взаимодействии с гражданами и демонстрации профессионализма в процессе осуществления деятельности.

Ключевые слова: имидж, анкетный опрос, государственный служащий, муниципальный служащий, студенческая молодёжь.

Введение

В современном мире важную роль при построении и развитии межличностных и общественных отношений играет имидж. Характер данных отношений определяется степенью положительности того или иного имиджа. Причём необходимо обратить внимание на то, что имидж может быть как «одушевленный», так и «неодушевленный». То есть мы говорим как об имидже организации/института/продукта в целом, так и об имидже конкретного человека.

Что касается появления дефиниции «имидж», то впервые данный термин стали применять на Западе в 1950-х гг. XX века применительно к рекламной практике. Уже в 1960-х термин «имидж» активно используют в продажах (в предпринимательской деятельности) более осознанно, в сочетании с психологическими практиками воздействия данного феномена на потребителя. Некоторое время спустя технологии формирования имиджа прочно вошли в политическую и общественную жизнь как основной инструмент public relations [1].

Говоря об отечественных практиках работы с таким феноменом, как имидж, важно отметить, что в России данное понятие стало фигурировать в научной и практической деятельности сравнительно недавно. Впервые понятие имиджа было употреблено в работе О. Феофанова «США: реклама и общество», где автор рассматривал влияние рекламы на сознание индивида и общества в целом [2].

В рамках данной работы представляется важным рассмотреть имидж государственных и муниципальных служащих в представлении отдельной группы общества. Первые социологические исследования по вопросу формирования имиджа государственных и муниципальных служащих в России были проведены в 1994 году. В рамках данных исследований были выявлены составляющие образа государственных служащих, отношение к деятельности государственных и муниципальных служащих в целом. Проведенные в 90-х гг. XX века отечественные исследования представляли собой особую значимость в переходный и достаточно сложный социально-экономический период для нашей страны [3].

На данный момент Россия так же находится на достаточно сложном с социально-экономической и политической точки зрения этапе своего развития. В условиях построения гражданского общества со стороны государства важно обращать внимание на то, как выстраиваются отношения между гражданами и органами государственной и муниципальной власти.

Если органы государственной и местной власти не располагают к себе население, то взаимодействие между ними посредством прямых и обратных связей будет неэффективным или совсем безрезультатным. Так как работа системы государственной и местной власти является результатом функционирования всего государства, очень важно, чтобы органы государственной и местной власти работали используя максимум возможностей при минимуме затрат. Но этого нельзя достичь, если население не будет доверять представителям государственной власти. Поэтому очень важно сформировать положительный образ служащего. Следовательно, имидж органов государственной и местной власти влияет на функционирование всего государства, а положительный имидж способствует повышению эффективности работы не только служащих, но и государства в целом.

В рамках данного исследования представляется важным изучить особенности формирования имиджа государственных и муниципальных служащих в глазах молодёжи – особой, на наш взгляд, группы. При этом нужно учитывать, что молодёжь социально не однородна: это учащаяся и работающая молодёжь, сельская и городская, выходцы из различных социальных слоев. Разные категории молодёжи существенно отличаются друг от друга по своим интересам и потребностям, уровню образования и интеллекта, материальному положению, стилю и образу жизни. Особой социальной группой является студенческая молодёжь. Именно в период обучения в вузе идет не только овладение профессиональными навыками, но и становление социальной мировоззренческой зрелости, интенсивный процесс формирования политического сознания. Мнение студенческой молодёжи важно для нас, так как данная категория молодёжи наиболее мобильна, активно формирует реальность посредством интернет-контента, общения с социальными группами. Студенческая молодёжь – это важнейший ресурс страны, который в скором времени станет опорой и её действующей силой [4].

Таким образом, цель данного исследования – выявить особенности формирования имиджа государственных и муниципальных служащих по мнению студенческой молодёжи г.о. Самара.

Задачи данного исследования:

- 1) выявить, посредством каких источников респонденты формируют мнение о государственных и муниципальных служащих;
- 2) определить качества государственного служащего, которыми должен обладать государственный и муниципальный служащий, по мнению опрашиваемой студенческой молодёжи;
- 3) выявить особенности желаемого образа государственного и муниципального служащего, по мнению опрашиваемых;
- 4) определить различия между имиджем государственных и муниципальных служащих.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение автора о том, что имидж государственного служащего не отличается от имиджа муниципального служащего, по мнению респондентов; образ государственного и муниципального служащего в представлении студенческой молодёжи формируется посредством таких платформ, как СМИ и Интернет; в образе государственного и муниципального служащего студенческая молодёжь хочет видеть черты лидера, умение общаться с гражданами и прессой, профессионализм, соответствие компетенциям; для студенческой молодёжи важны личные характеристики государственных и муниципальных служащих.

Методы исследования

По данным социологического опроса Института социологии РАН 2018 г., респонденты выделили такие качества, присущие государственным служащим, как равнодушие к людям, продажность и безразличие к интересам страны. Вполне можно предположить, что подобные качества были выделены посредством определённых стереотипов, возникших за долгое время в сознании общества. Однако именно подобные ответы отражают в целом ситуацию, возникшую между гражданами и органами государственной власти, а именно – состояние напряжённости. Данное положение дел может привести к необратимым последствиям. На наш взгляд, существует необходимость в проведении мониторинговых исследований по выявлению состояния имиджа, образа государственного служащего «в глазах» граждан для дальнейшего их применения в работе органов государственной и муниципальной власти.

Важно отметить, что ситуация недоверительного отношения к представителям властных структур отмечается не только в условиях российской действительности. По мнению К. Демке, стереотипы восприятия государственных служащих характерны для всех стран Европейского союза [5].

Что касается дефиниции «имидж», то в рамках данной работы мы будем использовать трактовку В.М. Шепеля. По мнению вышеупомянутого автора, «имидж – это некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта, содержит в себе значительный объём эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определённому социальному поведению» [6, с. 58].

Анализ социологических исследований последних 5 лет показал, что значение имиджа государственного служащего с каждым годом растёт. Граждане хотят видеть в государственных служащих опору, человека, который сможет не только профессионально подойти к решению их проблем, но и взять под контроль их обращения. Исходя из обратной связи населения и государственных структур формируется позитивный имидж служащего [7].

Определим с помощью исследования, какие факторы формируют имидж государственного служащего. Исследование проводилось посредством количественного метода – анкетного опроса. Выборкой исследования выступали 300 человек. Объектом данного опроса являлась студенческая молодёжь городского округа Самара. Возраст опрошенных варьировался от 18 до 22 лет (1–4-е курсы).

Изучение формирования имиджа государственных и муниципальных служащих происходило при помощи вопросов, касающихся определения имиджа представителей государственной и муниципальной власти, отношения респондентов к личным качествам и профессиональным навыкам государственных и муниципальных служащих.

Также в ходе исследования проводилась оценка посредством чего, по мнению респондентов, формируется имидж государственного и служащего и отношение к представителям органов власти в целом. Критериями оценки формирования имиджа государственного и муниципального служащего послужили:

1. Источники, из которых студенческая молодёжь получает информацию о государственных и муниципальных служащих, оценка получаемой информации.

2. Оценка отношения государственных служащих к населению, по мнению респондентов.

3. Оценка, по мнению респондентов, существующего состояния имиджа государственного служащего.

4. Оценка компетентности государственных служащих в рамках своей деятельности, по мнению респондентов.

5. Определение качеств государственного служащего, которыми он должен обладать, по мнению респондентов.

6. Перспективы изменения имиджа государственных служащих в положительную сторону, по мнению респондентов.

Результаты исследования

По результатам проведённого нами социологического исследования были выявлены следующие данные.

Большинство опрошенных (78%) получают информацию о деятельности органов государственной и муниципальной власти из таких источников, как СМИ и Интернет.

Однако при ответе на вопрос: «Достаточно ли СМИ и Интернет освещают деятельность государственных и муниципальных служащих?» – большинство респондентов дали ответ «скорее нет, чем да» – (34%) и «нет» – (29%). Возможно, это говорит о том, что в настоящее время информация в некоторых источниках освещена не в полной мере, либо некорректна или вообще является недостоверной. Важно отметить, что в результате «непрозрачности» деятельности государственных и муниципальных служащих происходит искажённое формирование имиджа представителей власти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большая часть респондентов получает недостаточный объём информации о деятельности служащих. Являясь первым источником по разглашению информации, СМИ и Интернет в своем роде оказывают влияние на формирование в сознании людей их первого впечатления о служащем. Насколько качественно и правдиво они преподносят эту информацию, в дальнейшем повлияет на то, каким будет имидж государственного и муниципального служащего в глазах общественности: положительным или отрицательным. Поскольку многие респонденты из всех источников всё же выбирают СМИ и сеть Интернет, необходимо транслировать более объёмную и качественную информацию о деятельности государственных служащих. Стоит не забывать, что прозрачность деятельности служащих является также основным компонентом при формировании имиджа в глазах общества. Соответственно нужно, учитывая интересы жителей, преподносить качественную информацию через СМИ и Интернет. Особенно важно распространять информацию о деятельности местных администраций и, в частности, самих муниципальных служащих.

Также студентам был задан вопрос, существуют ли принципиальные отличия в образе

государственного служащего и муниципально-го. При ответе на данный вопрос большинство (87%) опрошенных ответили, что таких отличий не наблюдается. Данное распределение ответов может говорить о том, что студенческая молодёжь не различает деятельность государственных и муниципальных служащих, а это значит, что образ государственных и муниципальных служащих в глазах опрашиваемой молодёжи един.

Что касается качеств, которыми должен обладать государственный и муниципальный служащий, то респондентам было предложено проанализировать предложенные варианты ответа по степени важности, где 1 – самое важное качество, которым должен обладать государственный и муниципальный служащий, и 9 – менее важное качество. Ответы были распределены следующим образом:

- на 1-м месте (19%) – честность;
- на 2-м месте (18%) – образованность;
- на 3-м месте (13%) – воспитанность;
- на 4-м месте (12%) – пунктуальность;
- на 5-м месте (11%) – вежливость;
- на 6-м месте (8%) – умение выступать на публике;
- на 7-м месте (7%) – патриотизм;
- на 8-м месте (6%) – прямолинейность в высказываниях;
- на 9-м месте (5%) – красноречивость.

Таким образом, важные качества, которыми должен обладать государственный и муниципальный служащий, по мнению респондентов, касаются образованности и этики. Можно предположить, что при формировании имиджа государственного и муниципального служащего важно обращать внимание на демонстрацию таких качеств, как честность, этика, образование, так как именно эти качества вошли в тройку наиболее важных, по мнению респондентов.

Далее респондентам было предложено выделить из предложенного списка 3 наиболее важных фактора, определяющих отношение к государственному или муниципальному служащему. При ответе на данный вопрос студенческой молодёжью были выделены такие факторы:

- профессионализм (43%);
- оценка гражданами деятельности муниципальных служащих (42%);
- личностные характеристики муниципального служащего (41%).

Ключевыми факторами создания позитивной модели имиджа государственного и муниципального служащего являются не только качества, которыми он должен обладать, но и характеристики, которые смогут повлиять на формирование оценки имиджа государственного и

муниципального служащего. Такими характеристиками, по мнению респондентов являются:

- умение общаться и вести себя в обществе (83%);
- иметь навыки общения с прессой (68%);
- индивидуальный стиль принятия решений (65%).

Для объективной оценки результатов следующих вопросов нам необходимо было выяснить, обращались ли когда-либо респонденты к государственным и муниципальным служащим для решения конкретных проблем. Всего 32% опрошенной студенческой молодёжи обращались за помощью к государственным и/или муниципальным служащим, и 18% опрошенных ответили, что их знакомые/родственники обращались за помощью к служащим.

При обращении к государственным и муниципальным служащим гражданам необходимо получить полную информацию по своему вопросу, а также конкретный, удовлетворяющий их потребность результат. Поэтому респондентам был задан вопрос о наличии соответствующих компетенций у государственных и муниципальных служащих, к которым они обращались. Важно отметить, что 56% респондентов отметили, что у тех служащих, к которым они обращались, скорее отсутствуют необходимые компетенции. Только 22% ответивших отметили соответствие компетенций того служащего, к которому они обращались за помощью. Таким образом, можно сделать вывод, что при общении с государственными и муниципальными служащими респонденты не были удовлетворены в полной мере решением вопроса, с которым они обратились.

Предыдущий вывод так же подтверждает следующий вопрос. Всего 30% ответивших оценивают работу государственных и муниципальных служащих «скорее положительно» и столько же (30%) – «отрицательно».

Однако важно отметить, что при всех минусах, которые были отмечены респондентами, большинство (78%) респондентов считают, что существует возможность изменения имиджа государственных и муниципальных служащих в более позитивную сторону.

Выводы

Цель проведённого нами исследования достигнута: выявлены особенности формирования имиджа государственных и муниципальных служащих по мнению студенческой молодёжи г.о. Самара.

Отметим, что также проведенное нами исследование показало: у опрошенной нами сту-

денческой молодёжи есть чёткая позиция по вопросу того, каким должен быть имидж государственного и муниципального служащего. Проанализировав результаты исследования, выделим особенности формирования имиджа государственных и муниципальных служащих по мнению студенческой молодёжи г.о. Самара.

1. Основными площадками, на платформе которых происходит формирование имиджа государственных и муниципальных служащих, являются СМИ и Интернет. Представляется важным отметить, что на данный момент, по мнению студенческой молодёжи, на данных площадках недостаточно информации о деятельности служащих.

2. Одним из важных факторов при формировании имиджа служащего является набор качеств, которыми служащий должен обладать. По мнению респондентов, государственный и муниципальный служащий должен быть: честным, образованным, воспитанным.

3. При решении вопросов населения служащим необходимо проявлять компетентность в поставленных задачах, что также существенно влияет на формирование имиджа.

4. При формировании имиджа государственного и муниципального служащего необходимо уделять особое внимание проявлению таких личных характеристик, как умение вести себя в обществе, иметь навыки общения с прессой, принимать решения в индивидуальном стиле.

5. При формировании имиджа государственного и муниципального служащего также важно обращать внимание на проявление профессионализма и на оценку его действий гражданами.

Также важно отметить, что студенческая молодёжь не видит отличий между образом госу-

дарственного служащего и образом муниципального служащего. Обе категории служащих должны обращать внимание на единый список факторов, формирующих их имидж.

На наш взгляд, позитивный имидж государственных и муниципальных служащих – залог построения гражданского общества, при котором высок уровень доверия и взаимодействия между обществом и властью.

Список литературы

1. Новикова Т.Б. К вопросу имиджа образовательного учреждения // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 6. С. 114–118.
2. Феофанов О.А. США: реклама и общество: Монография. М.: Изд-во «Мысль», Главная редакция социально-экономической литературы, 1974. 262 с.
3. Орлова В.Н. Позитивный имидж государственных гражданских служащих как основа развития управленческой культуры // Управленческое консультирование. 2016. № 7. С. 14–18.
4. Бухнер А.А. Особенности политической культуры студенческой молодёжи г.о. Самара // Аспирантский вестник Поволжья. 2013. № 7-8. С. 18–21.
5. Мирошниченко О.Н., Михайлова М.В. Формирование позитивного образа государственного гражданского служащего: отечественный и зарубежный опыт // Вестник ЧГУ. 2013. № 4. С. 147–155.
6. Шепель В.М. Имиджелогия: Учебное пособие. М.: Народное образование, 2002. 341 с.
7. Акимова Е.Ю. Проблема имиджа государственных служащих в современном обществе // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. С. 235–240. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-imidzha-gosudarstvennyh-sluzhaschih-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 16.12.2019).
8. Турчинов А.И. Концепция публичной и государственной службы Российской Федерации // Государственная служба России: проблемы становления и развития: Материалы методол. семинара. М., 2001. С. 8–20.

PECULIARITIES OF SHAPING THE STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEE'S IMAGE AS PERCEIVED BY STUDENTS

A.A. Bukhner

Samara Public Administration University
«International Market Institute», Samara

The article considers the image of state and municipal employees at the present stage of society's development, as well as the nature of interaction between state and local authorities with citizens. The problem of defining the image in general and the image of state and municipal officials in particular is examined. The research was carried out by means of the questionnaire survey method, the purpose of which was to reveal the peculiarities of forming the image of state and municipal employees, as perceived by Samara students. According to the results of the study, features were identified in the formation of the image of state and municipal employees (the qualities that an employee should have, assessment of professional competencies, the current state of the employee's image, differences between the image of a public servant and the image of a municipal employee, in the opinion of the group of young people surveyed). According to the respondents, the need for positive coverage of the activities of state and municipal employees in the media and Internet sites was noted in the process of forming the employee's image. The need for the employees' ability to communicate with citizens, to maintain closer interaction with citizens and to demonstrate professionalism in the course of their activities were highlighted as one of the important characteristics.

Keywords: image, questionnaire-based survey, public servant, municipal employee, students.

УДК 316.453

ОЦЕНКА УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2020 г.

Е.Е. Ушенков

Ушенков Евгений Евгеньевич, аспирант кафедры социологии и управления персоналом
Ивановского государственного университета
ushenkov.evgenij@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 19.12.2019**Статья принята к публикации 19.05.2020*

Представлены результаты авторского социологического исследования «Инновационный потенциал молодежи Ивановского региона», проведенного в сентябре–октябре 2018 года. Проводится статистический анализ количественных данных, затрагивающих ценностные ориентации и качества, наиболее присущие современной молодежи. Через изучение качеств инновационной личности современной молодежи делается вывод о степени овладения молодым поколением Ивановской области «навыками XXI века», а также об уровне сформированности у нее инновационного потенциала.

Итоги исследования свидетельствуют, что молодежь региона достаточно неравномерно вовлечена в процесс развития инновационного общества. Наибольший интерес к нему проявляют школьники, в то время как представители молодежи более старшего возраста обеспокоены чаще повседневными заботами, для нее характерен средний уровень заинтересованности в инновационной деятельности. Среди качеств инновационной личности, присущих современной молодежи, преобладают качества, отвечающие за информационную обеспеченность личности и характеризующие ее поведение в современном обществе. Полученные результаты показывают, что молодежь Ивановского региона имеет определенный инновационный потенциал: разделяет ценности инновационного общества, обладает качествами инновационной личности и определенными установками на образовательную и профессиональную инновационную деятельность. Все это свидетельствует о том, что ивановская молодежь в целом готова к реализации своего инновационного потенциала, однако чтобы запустить данный процесс, необходимы определенные условия, изучение которых должно быть одной из задач исследований, посвященных данной проблематике.

Ключевые слова: молодежь, инновации, инновационное общество, инновационное развитие, инновационная личность, инновационный потенциал, «навыки XXI века».

Введение

В настоящее время Россия находится на этапе инновационного развития, под которым в данной работе автором будет пониматься изменение всех сфер жизни общества на основе развития научно-технической мысли и ее реализации в современных условиях в различных программах и проектах. Одним из результатов этого будет выступать развитие инновационной культуры общества и рост инновационного потенциала членов социума [1, с. 210]. Переход к инновационному развитию, по словам основателя и президента Всемирного экономического форума (ВЭФ) М.К. Шваба, можно назвать «Четвертой промышленной революцией», характеризующейся сочетанием технологий, которые стирают границы между физической, цифровой и биологической сферами [2].

Вектор инновационного развития России определяет подписанный в мае 2018 г. указ президента страны «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3] – цели и за-

дачи, которые необходимо решить для прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации (РФ). Реакцией на данный указ стала разработка правительством РФ целого ряда программ, затрагивающих развитие различных сфер жизни российского общества [4].

Одним из ресурсов развития нашей страны в данном направлении, по мнению правительства РФ, может выступать молодежь [5, с. 8].

При изучении инновационного развития общества и участия в нем молодых людей достаточно важное место занимает рассмотрение инновационного потенциала молодежи. Инновационный потенциал можно представить как набор определенных ресурсов, перевод которых в активную стадию использования, при определенном стечении обстоятельств, вызывает поведение и деятельность, которые в качестве своей цели предполагают изменение сложившихся социальных норм, а также правил поведения, установленных в конкретном обществе [6]. Поскольку Россия является самой большой по площади страной и разные регионы находятся

на разном уровне социально-экономического развития, учет регионального аспекта видится автору важным условием изучения инновационного потенциала молодежи.

Рассмотрение определенной группы общества как социального ресурса приводит нас к ресурсному подходу, который в последнее десятилетие приобретает все большую актуальность [7, с. 46–49].

Данный подход позволяет рассматривать социальную группу как ресурс социальных изменений. При этом социальные изменения связываются с изменениями структуры общества. Под такими изменениями зачастую понимается не только взаиморасположение и взаимосвязь социальных статусов, но и характеристики социального взаимодействия и связей, нормативных и идеально-ценностных позиций [8, с. 227]. Ресурсный подход приобретает популярность в настоящее время и в силу его ориентированности на социализацию молодых людей в современных условиях [9].

Результаты исследования

При изучении инновационного потенциала молодежи Ивановского региона автор работы в первую очередь руководствовался принципами и идеями ресурсного подхода, а также частично опирался на модель «ЗРЕ», разработанную Ю.Р. Вишневым [10, 7].

С этой целью в сентябре–октябре 2018 г. было проведено социологическое исследование, объектом выступили старшеклассники, студенты и представители работающей молодежи Ивановского региона. Общий объем выборочной совокупности составил 1516 человек, пропорционально распределенных по муниципальным образованиям Ивановской области согласно весу того или иного муниципального образования в общей численности населения региона. Основные котируемые признаки – район проживания, пол и возраст опрашиваемых. Вид деятельности выступал в качестве дополнительного кватного признака. Ошибка выборки не превысила 5% при заданном уровне значимости в 95%.

По итогам обработки результатов исследования можно сказать, что для подавляющего большинства представителей молодежи (71%) первостепенную важность имеют семья и ее благополучие. Вторым по важности для молодых людей является здоровье (64%). Третье место заняло материальное благополучие – его отметили чуть более 1/2 опрошенных. Данные ценности имеют первостепенную значимость для всех социально-демографических групп респондентов, приняв-

ших участие в исследовании. Различия в структуре ценностей по отдельным группам молодых людей начинают проявляться с переходом к менее значимым, по мнению участников исследования, ценностям (табл. 1).

В топ-5 наиболее значимых ценностей также вошли: профессиональное развитие (40%) и самореализация (31%). Исходя из приведенной структуры ценностей, творчество, ответственность, карьера не вошли даже в десятку главных ценностей для современной молодежи, хотя для инновационной личности данные ценности имеют немаловажное значение.

В исследовании также рассматривались инновационные качества, присущие молодым людям. В первую очередь современная молодежь, по мнению участников опроса, в наибольшей степени склонна к риску (54%) и заинтересована в новом (48%) (табл. 2). В топ-3 инновационных качеств, присущих молодежи, также вошла информированность (45%). Однако респонденты исследования полагают, что для молодых людей в меньшей степени свойственны следующие важные качества инновационной личности: компетентность, планирование, работоспособность, ответственность, рефлексивность и пр. (данные качества заняли с 10-го по 16-е место в списке).

Одной из составляющих инновационного потенциала молодежи являются различного рода потребности. В списке потребностей молодых людей региона на первом месте стоят потребности материального характера (62%). Второе место заняли профессиональные потребности (45%), а третье – образовательные (41%). В итоге, молодежи области присущи определенные потребности, связанные с развитием инновационного потенциала. Более того, они находятся практически на первом месте в рейтинге потребностей участников исследования.

Что касается образовательных и профессиональных установок молодежи Ивановского региона, то их отдельное рассмотрение было предусмотрено на этапе разработки инструментария исследования. Анализ результатов показал, что более 80% участников исследования заинтересованы в получении дополнительного образования. Однако лишь 9% молодежи в настоящий момент получают какое-либо образование. Большая часть молодых людей (43%) планируют получить дополнительное образование в будущем. Около 1/3 участников исследования хотели бы сейчас получать дополнительное образование, однако, в силу различных обстоятельств, в настоящий момент не имеют таковой возможности.

Таблица 1

**Наиболее важные для молодежи ценности
(в целом по региону и в различных социально-демографических группах), %**

Ценности	Ранг	В целом	Мужчины	Женщины	Жители городских округов	Жители муниципальных районов	14–17 лет	18–24 года	25–30 лет
Семья	1	71	69	74	71	73	49	69	82
Здоровье	2	64	62	66	63	66	40	58	78
Материальное благополучие	3	53	56	51	53	55	35	52	61
Профессиональное развитие	4	40	43	37	40	39	28	39	45
Самореализация и развитие	5	31	32	31	33	28	37	39	24
Стабильность	6-7	27	31	23	28	26	15	20	37
Общение с друзьями	6-7	26	22	29	26	24	35	26	22
Свобода и независимость	8-9	21	22	21	21	23	31	25	15
Справедливость	8-9	19	18	20	18	22	18	22	18
Любовь и романтика	10-12	17	14	20	16	18	17	22	13
Творчество и увлечения	10-12	16	17	16	16	16	23	15	15
Ответственность	10-12	14	13	16	15	13	15	13	15
Гуманизм	13-16	10	10	10	11	9	9	15	7
Милосердие	13-16	10	9	10	9	10	12	10	9
Карьера	13-16	10	9	10	9	10	18	9	6
Нормы морали	13-16	9	10	9	9	9	11	6	11
Индивидуальность	17	7	5	8	7	6	15	11	1
Власть	18-19	3	4	2	3	2	6	1	3
Признание и популярность	18-19	2	3	2	2	3	7	2	1

При рассмотрении профессиональных установок было выявлено, что более половины респондентов (58%) работают или планируют работать по специальности. При этом абсолютную уверенность в этом выражают чуть больше 1/3 опрошенных.

Отдельно в исследовании изучались установки молодежи Ивановской области на занятие инновационной деятельностью (как образовательной, так и профессиональной). По итогам опроса, около половины опрошенных молодых людей хотели бы принять участие в инновационной деятельности (рис. 1). Не видят себя в ней чуть менее 1/3 молодежи региона.

Отметим, что инновационность по-разному проявляется в разных группах молодежи. Больше всего «инноваторов» среди школьников (56%), в то время как с возрастом желание заниматься инновационной деятельностью снижается, однако все равно находится на достаточно высоком уровне (49% молодежи в возрасте 18–24 года и 48% среди молодых людей старше 25 лет). Отсюда возникает необходимость определения

причин такого снижения, а также возможных способов повышения заинтересованности молодых людей более старшего возраста в инновационной деятельности. Деятельность в инновационной сфере в наибольшей степени привлекательна для мужчин, чем для женщин.

О степени сформированности инновационного потенциала может косвенно свидетельствовать наличие у молодежи «навыков будущего», основными акторами формирования которых выступают образовательные учреждения [11]. К навыкам будущего можно отнести определенные способности личности, которые помогают ей реализовывать себя в современных условиях, а также будут способствовать этому в ближайшей перспективе [11]: концентрация и управление вниманием, цифровая грамотность, творчество и креативность, способность к самообразованию [12].

Ограниченность различного рода ресурсов при проведении социологического исследования не позволила в полной мере охватить все «навыки будущего», поэтому назовем только некоторые из них:

Таблица 2

Качества инновационной личности, в наибольшей степени присущие современной молодежи (n = 1516), %

Качества инновационной личности	Ранг	В целом	Мужчины	Женщины	14–17 лет	18–24 года	25–30 лет
Склонность к риску	1	54	48	61	45	51	60
Проявление интереса к новому	2	48	48	49	43	51	49
Информированность	3-5	45	44	45	37	40	51
Адаптируемость	3-5	44	44	44	38	43	47
Креативность	3-5	43	38	49	40	40	47
Коммуникативность	6-7	38	34	43	43	43	33
Способность к самореализации	6-7	37	34	41	29	45	35
Мотивированность	8	24	26	23	24	26	23
Толерантность	9	18	19	16	23	22	12
Самообразованность	10-11	15	15	15	20	18	11
Образованность	10-11	13	11	16	20	16	9
Рефлексивность	12	11	10	13	12	11	12
Ответственность	13-14	8	9	8	16	11	4
Работоспособность	13-14	8	7	9	13	13	3
Склонность к планированию	15	4	4	5	8	6	2
Компетентность	16	1	1	1	2	2	0

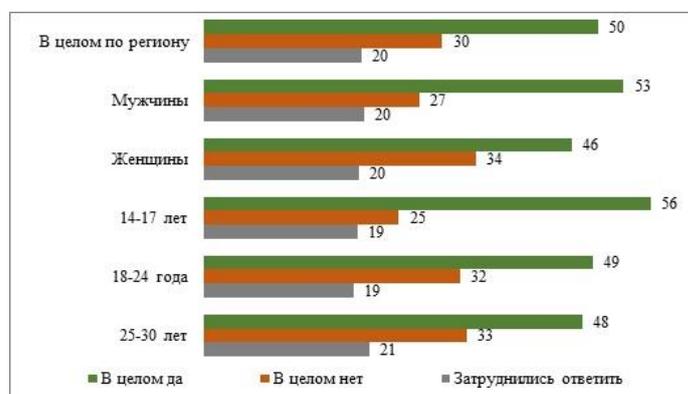

Рис. 1. Желание современной молодежи заниматься инновационной деятельностью (n=1516), %

– креативное мышление в 43% случаев присуще молодежи;
 – коммуникабельность – в 38% случаев;
 – способность к самообразованию характерна для 15% молодых людей;
 – способность к саморефлексии присуща 11,4% молодежи (табл. 2).

Как видим, молодежь Ивановской области в наибольшей степени обладает таким «навыком будущего», как креативное мышление. При этом ряд наиболее важных навыков (саморефлексия, самообразование) не являются характерными для молодых людей.

Выводы

Проанализированные итоги исследования инновационного потенциала молодежи позволяют сделать следующие выводы.

1. Молодежь региона неравномерно вовлечена в процесс развития инновационного общества. Можно сказать, что заинтересованность

молодых людей в инновационной деятельности по-разному проявляется у различных групп молодежи. Наибольший интерес к нему проявляют школьники, в то время как представители молодежи более старшего возраста чаще обеспокоены повседневными заботами, однако интерес к инновационной деятельности они также проявляют достаточно высокий.

Такие результаты свидетельствуют о необходимости достаточно гибкой молодежной региональной политики в области инновационного развития, которая будет согласована на всех уровнях и в которую будут вовлечены представители широких кругов молодежи, образовательные учреждения, институты гражданского общества и представители бизнеса. Также они указывают на необходимость выяснения причин более низкой, по сравнению со школьниками, заинтересованности работающей молодежи в инновационных проектах и условий для ее привлечения к их реализации, а также в целом повышения информированности всех групп молодежи о подобных проектах.

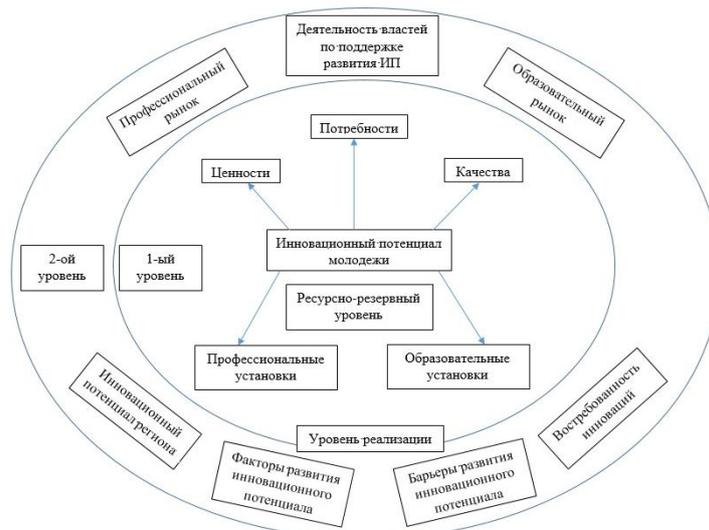

Рис. 2. Двухуровневая модель изучения формирования инновационного потенциала молодежи

2. Молодежь региона обладает инновационным качествами, при этом определяющие качества инновационной личности, среди которых можно отметить компетентность, ответственность, рефлексивность и образованность, по мнению опрошенных, современной молодежи присущи в наименьшей степени. Об этом также свидетельствует невысокая доля опрошенных, полагающих, что современной молодежи присущи те или иные «навыки XXI века» (при учете косвенности сделанных выводов). В итоге, данные результаты позволяют утверждать, что рано говорить о сформированной инновационности ивановской молодежи. Они также указывают на ряд проблем, решение которых требует совместного усилия всех агентов-участников.

3. Полученные результаты показывают, что молодежь Ивановского региона имеет определенный инновационный потенциал, который заключается в разделении ею ценностей инновационного общества, а также обладании рядом качеств инновационной личности (ресурсный уровень). На уровне резерва у молодых людей имеются установки на образовательную и профессиональную деятельность, в том числе установки на инновационную деятельность. Прослеживание данных уровней у молодежи свидетельствует о том, что ивановская молодежь в целом готова к реализации своего инновационного потенциала, однако чтобы запустить данный процесс, необходимы определенные условия, изучение которых должно быть одной из задач исследований, посвященных данной проблематике.

Кроме этого, поскольку в процессе анализа результатов исследования была выявлена необ-

ходимость более детального рассмотрения некоторых аспектов инновационного потенциала молодых людей, а именно рассмотрения роли государства и гражданского общества в процессе его развития, автором работы предлагается рассматривать инновационный потенциал личности на двух уровнях (рис. 2).

Первый уровень будет соответствовать личностному уровню. Наибольшее внимание будет уделяться изучению аксиологического и праксеологического аспектов инновационного потенциала. Аксиологический аспект включает в себя изучение ценностей и качеств молодежи, в особенности ценностей и качеств, поощряемых инновационным обществом, а также рассмотрение потребностей молодых людей в реализации инновационных начинаний. Деятельностный аспект предполагает изучение установок на инновационную деятельность (профессиональную, образовательную) и практик, связанных с инновациями.

На втором уровне – уровне государства – основное внимание будет уделяться изучению условий жизнедеятельности молодежи – факторам развития инновационного потенциала, инновационному потенциалу региона, деятельности властей в данном направлении, востребованности инноваций, ценности образования на рынке труда, а также факторам, способствующим или препятствующим реализации инновационного потенциала и инновационной деятельности молодых людей. На данном уровне также будет уделено внимание гносеологическому аспекту инновационного потенциала, под которым понимается осознание молодежью реалий и своего места в современном обществе.

Применение данной модели позволит не только установить уровень инновационного

потенциала молодежи региона, ее готовность к инновационному обществу, но также рассмотреть его во взаимосвязи с внешними условиями его развития и реализации. Она позволит установить наличие или отсутствие в регионе условий для развития инновационного потенциала, а также выявить те направления деятельности властей (муниципальных, региональных и федеральных), на которых необходимо сконцентрировать наиболее пристальное внимание при работе с молодежью.

Список литературы

1. Сумина Е.В., Чалкин Т.А. Научно-технологическое развитие территорий как основа инновационной стратегии экономики России // Сибирский журнал науки и технологий. 2012. № 3. С. 210–214.
2. Schwab M.K. The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond // Foreign Affairs. December 12, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution> (дата обращения: 16.11.2019).
3. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 16.11.2019).
4. Портал госпрограмм РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://programs.gov.ru/Portal> (дата обращения: 16.11.2019).
5. Луков В.А. Инновационный потенциал: можно ли его считать атрибутом молодежи. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: Материалы семинара для молодых ученых / Под ред. В.А. Лукова; Московский гуманитарный университет, Институт фундаментальных и прикладных исследований. М., 2011. С. 7–16.
6. Шарова Е.Н., Цылев В.Р. Традиционность и инновационность в ценностных ориентациях молодежи Мурманской области // Проблемы развития территории. 2014. № 1 (69) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnost-i-innovatsionnost-v-tsennostnyh-orientatsiyah-molodyozhi-murmanskoj-oblasti> (дата обращения: 16.11.2019).
7. Банникова Л.Н. [и др.] Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: Монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого; Министерство образования и науки Российской Федерации, Совет ректоров вузов Свердловской области, Ассоциация профсоюзных организаций студентов вузов Свердловской области, Уральское отделение Российского общества социологов, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
9. Клочкова Л.И. Реализация идей ресурсного подхода в развитии воспитания школьников: к вопросу о системе понятий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/117-12821> (дата обращения: 16.11.2019).
10. Айвазян А.А., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р. и др. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: Монография / Под общ. ред. профессора Ю.Р. Вишневого; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. 244 с.
11. Навыки будущего [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asi.ru/future_skills/ (дата обращения: 16.11.2019).
12. Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И., Смагин И., Судаков Д. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://futuref.org/futureskills_ru (дата обращения: 16.11.2019).

ASSESSMENT OF THE LEVEL OF YOUNG PEOPLE'S INNOVATION POTENTIAL (BASED ON RESEARCH MATERIALS OF THE IVANOV REGION)

E.E. Ushenkov

Ivanovo State University

This article presents the results of the author's social research: «Innovation Potential of Youth in the Ivanovo Region» conducted in September-October 2018. A statistical analysis of the quantitative data concerning the value orientations and qualities most characteristic for modern youth is made. By studying the qualities of the innovative personality of modern young people, a conclusion is drawn on the extent to which the young generation of Ivanovo region has mastered the "skills of the 21st century", as well as on the level of development of their innovation potential.

The results of the study show that young people in the region are quite unevenly involved in the development of innovation society. The greatest interest is demonstrated by schoolchildren, while young people of older age are more concerned about their everyday problems and show an average level of interest in innovation activities. The dominant position among the qualities of an innovative person, which are characteristic of modern youth, is occupied by the qualities responsible for the information security of a person and characterizing his or her behaviour in modern society. The results also show that young people in the Ivanovo region have a certain innovative potential: they share the values of

an innovation society, have the qualities of an innovative personality and certain attitudes to educational and professional innovation activities. All this testifies to the fact that the young people of the Ivanovo region in general are ready to realize their innovative potential. However, in order to start this process, certain conditions are required. The study of these conditions should be one of the tasks of further research in this area.

Keywords: youth, innovation, innovation society, innovative development, innovative personality, innovation potential, skills of the future, skills of the 21st century.

УДК 316

ОБРАЗ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

© 2020 г.

В.В. Тюлюнова

Тюлюнова Валерия Владимировна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lera-0995@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.11.2019

Статья принята к публикации 26.05.2020

Исследуется образ семьи в современном российском авторском кино. В процессе трансформации семейных ценностей кинематограф, как и любой вид искусства, может отражать современные тенденции семьи, в этом контексте важно, как и какие именно проблемы семьи демонстрируются в кино. Используются результаты контент-анализа рецензий кинокритиков и интервью режиссёров. Для изучения важна интерпретация сюжета именно экспертами, они дают информацию о замысле фильмов, об их понимании сюжета. Многие из них отмечают, что режиссёры кинолент специально демонстрируют проблемы достаточно открыто, чтобы зритель задумался и в будущем не совершал тех же ошибок, что их герои. В результате исследования были выделены факторы, характеризующие проблемы современной российской семьи: проблемы молодых семей, проблемы девиантного материнства и отцовства, проблемы сиротства, проблемы неполных семей. Описаны демонстрируемые в фильмах семейные отношения. Критики выделили в них некоторые аспекты: родительская функция семьи, неготовность молодых людей к браку и ребёнку, нежелание детей жить в детских домах, несамостоятельность детей-сирот, их неподготовленность к взрослой жизни, эмоциональность детей из неполных семей.

Ключевые слова: авторское кино, образ семьи, молодые семьи, социальное сиротство, детское сиротство, девиантное материнство, неполные семьи.

Введение

Современная семья переживает, возможно, наиболее сложный период в своей истории. Происходящие глубокие изменения в семейной сфере находят отражение как в общественных представлениях, так и в трудах учёных, изучающих семью. Не случайно исследователи оценивают современный этап в развитии семьи как период глубокой трансформации или даже глобального кризиса семейного института. Так, по мнению А.Г. Вишневого, низкая и продолжающаяся снижаться рождаемость, все меньшее число зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни, ослабление прочности брака и увеличение числа разводов и внебрачных рождений, растущее замещение семейной солидарности солидарностью социальной, эмансипация детей и пожилых, либерализация семейных нравов, гибкость семейной морали – признаки, которые нередко воспринимаются как свидетельства тяжелого кризиса современной семьи и даже всего современного общества [1, с. 137]. А.И. Антонов также считает, что современная семья переживает серьезный кризис и это одновременно кризис самого общественного устройства, цивилизации [2].

Происходящие изменения не могли не найти отражения и в такой важнейшей сфере жизнедеятельности, как искусство, в том числе в кинематографе. Важно отметить, что киноискусство в силу своего «массового» характера способно не только чутко реагировать на изменения в общественном развитии, возникающие острые проблемы, но и оказывать социально-психологическое, воспитательное воздействие на сознание, мировоззрение, ценностные представления людей.

Тематика, связанная с семьёй и семейными ценностями, отражается чаще в немассовых, авторских фильмах. Киноискусство обычно подразделяют на массовые фильмы и фестивальное кино. Массовые фильмы, как правило, имеют хороший прокат в кинотеатрах, могут показываться по федеральным каналам, но довольно часто такие фильмы являются коммерческими и, по оценкам кинокритиков, имеют низкие рейтинги, несмотря на известных актёров и интересный сюжет. Наряду с массовым кино существует и некоммерческое кино, которое снимается не на бюджетные деньги, из-за отсутствия широкого проката не имеет высокой прибыли. Такие фильмы часто участвуют в конкурсных программах международных и российских кинофестивалей, уже позже они имеют

прокат в крупнейших городах России, но в очень ограниченном варианте, поэтому зрителю такое кино становится доступным лишь через некоторое время после премьеры. Авторское кино имеет высокие рейтинги, хорошие отзывы кинокритиков, даже награды известных кинофестивалей. В них поднимаются актуальные социальные проблемы, в том числе связанные с семьёй. Главное, что есть в каждом фильме, это идея автора, которую он хочет донести до зрителя.

Современное авторское кино может отражать наиболее острые и часто встречающиеся проблемы российской семьи. И если коммерческое кино использует преобладающие в аудитории модели мышления, поэтому часто кинокритики их обвиняют в предсказуемости сюжета, то авторское кино вопреки этим рамкам раскрывает тему чаще неожиданным или даже шокирующим для зрителя образом. Как объясняют сами режиссёры, это является одним из механизмов воздействия на зрителя, на его настроение, нормы, ценности. Соответственно, сами киноленты могут рассматриваться с точки зрения их воздействия на формирование и развитие семейных ценностей. М.И. Жабский называл это процессом кинематографической социализации, т.е. формированием «личностных потенциалов» человека [3, с. 47]. Для авторов фильмов важно донести свою идею до зрителя, показать российскую действительность без прикрас и спецэффектов, оказывая воздействие на аудиторию не только в эстетическом плане, но и на ее ценностные установки. Такое кино выступает как отражение действительности и фиксация результатов этого отражения. Язык авторского кинематографа рассматривается как средство социальной коммуникации, инструмент, «манипулирующий» сознанием не только отдельного человека, но и общества [4].

Данное исследование посвящено авторским фильмам, именно в них можно увидеть реальные проблемы современных российских семей. Для режиссёров важна не столько красивая картинка и интересный сюжет, сколько реалистичность фильмов, чтобы зритель посмотрел и поверил.

Несмотря на наличие в современной российской социологии кино исследований, посвященных семейной проблематике [5–9], очевидна необходимость комплексного подхода к изучению того, как и какие проблемы современной семьи находят отражение в кино, нужно учитывать мнение не только зрителей, но и экспертов, то есть тех, кто занимается и интересуется кино. Современные исследования, как правило, нацелены на анализ содержания фильмов либо на оценки зрителей. Для достижения достоверных результатов необходимо использовать совокуп-

ность социологических методов. Комплексный подход предполагает социологическое изучение и содержания фильмов (осмысление затрагиваемых семейных проблем), и оценок экспертного сообщества (кинокритиков, режиссёров, ученых), и реакции зрителей после просмотра таких фильмов. Но в первую очередь с помощью контент-анализа рецензий на авторские фильмы можно выделить спектр проблем семьи, которые наиболее часто демонстрируются в фильмах.

Методология

Для исследования семейной проблематики в современном российском кино был произведён отбор фильмов сайта «Кинопоиск», а также кинопортала The Internet Movie Database с наиболее высокими рейтингами. Были отобраны следующие киноленты:

- «Возвращение» (2003), Россия, реж. Андрей Звягинцев (триллер, драма, детектив), 7.954, IMDb: 8.00;
- «Итальянец» (2005), 97 мин., Россия, реж. Андрей Кравчук (драма), 7.719, IMDb: 7.60;
- «Кука» (2007), 100 мин., Россия, реж. Ярослав Чеважевский (драма), 7.722, IMDb: 7.20;
- «Аритмия» (2017), 116 мин., Россия, реж. Борис Хлебников (мелодрама, драма), 7.732, IMDb: 7.50;
- «Нелюбовь» (2017), Россия, реж. Андрей Звягинцев, 7.4, IMDb: 7.7;
- «Дочь» (2012), Россия, реж. Александр Касаткин, Наталья Назарова, 7.6, IMDb: 7.4;
- «Я не вернусь» (2014), реж. Ильмар Рааг, 7.16, IMDb: 7.1.

Был проведён контент-анализ положительных и отрицательных рецензий, отзывов популярных интернет-изданий с 2004 по 2019 год, исследовано 150 рецензий в изданиях, среди которых: «Афиша», «Аргументы и факты», Arteritory, Cinemaholics, Delfi, «Искусство кино», «Эхо Москвы», «Фонтанка», Euronews, Forbes, «Интерфакс», «Известия», «Коммерсант», «Новая Газета», «Российская Газета», «Радио Свобода», «Медуза», «РИА-Новости», «Сеанс», «Комсомольская правда», The Hollywood Reporter, The New Times, Timeout, Topflight, «Ведомости», «Собеседник», «Новое русское слово», «Нескучный сад», «Знаменитости»; интернет-порталы Gazeta.ru, film.ru, tass.ru, vesti.ru, Horrorzone, Profile.ru, Trud.ru, Zavtra.ru, Newlookmedia, krasland.ru, The Village, Interfax, SQD.RU. Кроме того, были проанализированы 17 интервью режиссёров, в том числе интервью автора картины «Нелюбовь» Андрея Звягинцева на фестивале «Кинотавр» журналу «Искусство кино» и в программе «Белая сту-

Таблица

Название фильма	Базовый словарь	Словарь по проблеме
«Аритмия»	18310	55
«Возвращение»	34808	122
«Итальянец»	23518	77
«Дочь»	17958	76
«Я не вернусь»	28204	90
«Кука»	13264	66
«Нелюбовь»	89000	115

дия» на канале «РоссияК»; интервью режиссёра картины «Итальянец» Андрея Кравчука на канале «РоссияК». В интервью авторы очень много рассказывают о замысле фильмов, об их понимании сюжета, о целях своих картин, так как для анализа фильмов важна интерпретация их сюжета. Большинство отзывов на фильмы были найдены на сайте «Кинопоиск» со ссылками на указанные ресурсы. Многие рецензии написаны профессиональными кинокритиками, среди которых Любовь Аркус, Валерий Кичин, Антон Долин, Василий Степанов, Станислав Зеленский, Алексей Васильев, Лидия Маслова, Сергей Кудрявцев. Многие издания являются популярными, в них есть специальные рубрики, а некоторые издания ориентированы только на кино, как, например, Cinemaholics, «Искусство кино», «Сеанс».

Для обработки полученных данных был применен метод контент-анализа с привлечением специализированного пакета «Лекта». Количество слов в базовых словарях, объёмы словарей по семейной проблематике указаны в таблице. Наиболее полными являются словари по семейной проблематике к фильмам Андрея Звягинцева «Возвращение» и «Нелюбовь», поскольку именно в данных кинолентах раскрываются разные семейные проблемы.

Соответственно, фильм «Нелюбовь» стал отправной точкой для дальнейшего анализа семейной проблематики в кино. Базовый словарь по рецензиям на данный кинофильм составил более 89 000 слов, объем словаря для изучения интересующей проблемы – 115 семантических цепочек. Словари по проблеме включали в себя лексемы, связанные с семьёй. Самыми большими оказались словари на фильмы «Дочь» и «Кука», поскольку в СМИ данные ленты получили наименьший отклик по причине отсутствия проката.

Стоит отметить, что сначала был проведён контент-анализ именно фильма «Нелюбовь»,

поскольку он был отмечен неоднозначной реакцией зрителей и кинокритиков, имел широкий резонанс. Фильм получил хороший отклик от экспертного сообщества.

В фильме показан широкий спектр проблем российской семьи: разводы, необдуманные браки, нежеланные дети, девиантное материнство, социальное сиротство. Андрей Звягинцев в своём фильме пытается отразить специфику современных российских семей. В фильме поднимается проблема воспитания детей в семьях, которые находятся на грани развода. На основе выделенных проблем в фильме «Нелюбовь» был проведён контент-анализ остальных фильмов.

Результаты

В фильмах «Аритмия» и «Нелюбовь» ярко демонстрируются проблемы молодой семьи. Молодые пары часто имеют некоторые трудности в преодолении кризисов семьи, разрешении конфликтов, поскольку опыта при решении сложных споров недостаточно. Поэтому конфликты в молодых союзах переходят в разводы, что ярко демонстрируется в фильмах.

В ленте «Нелюбовь» рассказывается история родителей, которые переживают развод, но не решили, что дальше делать с их 12-летним сыном Алёшей, поскольку у обоих родителей уже есть новые партнёры и им не хотелось бы воспитывать своего ребёнка в новой семье:

«... у каждого свои дела, своя работа, свои интересы, в которых не находится места сыну Алеше» (film.ru).

Борис считает, что Алёша должен остаться с матерью, так как изначально всегда так было, причём не только в России.

Несмотря на то что это художественный фильм, в действительности семьи, в которых супруги не только не любят друг друга, но и не любят собственного ребёнка, безусловно, существуют, хотя материальное положение позволяет им воспитывать ребёнка. Режиссёр фильма Андрей Звягинцев рассказывает об этом в интервью:

«...мы нашли историю, когда мать-одиночка отказалась от своего ребенка, которому было 14 лет. В суде она обосновала свое намерение отказаться от ребенка, и он оказался в детском доме, который был не так далеко от дома, где он жил прежде. Этот мальчик приходил к своим прежним друзьям во двор, и очевидцы рассказывали, что мать проходила мимо него, даже не повернув голову в его сторону» (http://ru.rfi.fr/).

В фильме иллюстрируется, что муж настоял на рождении ребенка, потому что «так принято», а жена просто поддалась на уговоры, но

сама к материнству не была готова. С одной стороны, рождение детей укрепляет семью, а с другой – кризисы, связанные с ребенком, могут эту супружескую пару разрушить.

В фильме «Аритмия» рассказывается о молодой семейной паре, которая тоже решила развестись. Есть несколько мнений по поводу желания Кати подать на развод. Одной из причин могут быть разные жизненные цели супругов:

«Траектории жизни неумолимо разводят их в разные стороны. Приемный покой – удачный старт для карьеры. Через пару лет Катя пойдет на повышение, а если что заглохнет – папа, светило медицины, подсобит. У Олега же будущего нет. Он прекрасный специалист, но врач скорой помощи и через 20 лет будет врачом скорой помощи» («Известия», Н. Корнацкий).

Катя устала от такой жизни, от неопределённости, возможно, понимая, что её муж навсегда останется обычным врачом скорой. По мнению кинокритиков, основная причина развода – нервная работа, как следствие – алкоголизм мужа. Олег выпивает с коллегами по работе.

Оба фильма вышли в 2017 г. Поскольку в них рассказывается о кризисе молодой пары, посвящены они именно современным семьям, поэтому часто кинокритики и зрители сравнивают эти два фильма. Только в «Нелюбви» у семьи есть ребёнок, который им особо и не нужен. И даже когда проходит время после смерти мальчика и герои живут уже с другими, они не меняются, относятся к любви точно так же, как и раньше. В «Аритмии» причина кризиса семьи видится в профессиональной деятельности, герои работают по сменам, да и сама работа очень нервная и напряжённая, что сказывается на их взаимоотношениях. И в один момент героиня начала сомневаться, а за того ли она замуж вышла. Но, несмотря на все проблемы супругов, у них остаётся главное – их любовь друг другу:

«Мы видим настоящую любовь настоящих людей, испытывающих разного рода кризисы – как на работе, так и в реальной жизни. Но очевидно, что они не могут просто так взять и разойтись» (Newlookmedia, В. Богданов). Чего нельзя сказать о фильме «Нелюбовь».

Очень часто Звягинцева обвиняют, что в его фильме отсутствуют какие-либо семейные, моральные, религиозные ценности. Но ведь режиссёр специально делает акцент на этом, чтобы люди увидели реальную жизнь, чтобы у зрителя никогда не возникло мысли совершить что-то подобное.

Проблемы детско-родительских отношений поднимаются в фильме «Нелюбовь» (девиантное материнство), проблема отцовства очень хорошо показана в фильмах «Возвращение» и «Дочь».

В фильме «Нелюбовь» Звягинцев раскрывает проблему именно материнской любви, поскольку раньше в фильме «Возвращение» исследовалась фигура отца. В картине очень ярко показаны взаимоотношения матери с сыном Алёшей. Это пример девиантного материнства – она не любит своего ребёнка, не уважает его, не испытывает желания общения с ним, у неё отсутствует эмпатия, иногда даже применяются формы насилия:

«Главная героиня постоянно унижает сына, пинает, как надоевшую глупую собачонку» («Комсомольская правда»).

Стоит отметить, что девиантное материнство связано не только с отказом от своих детей, но и служит причиной снижения эмоционального благополучия ребёнка и отклонений в его психическом развитии [5, с. 161]. Женя сильно занята собой, и дело даже не в профессии (работает в салоне красоты). Она забывает о семье, ребёнке, поскольку не желает с ним общаться, ей это неинтересно, она равнодушна к своему ребёнку.

«Возвращение» – один из первых фильмов Андрея Звягинцева. Кино о проблемах отцовства. После долгого отсутствия отец возвращается домой, для сближения он решает взять с собой в поездку на водопад двух сыновей – Ивана и Андрея, 13 и 15 лет. Важно отметить, что это первая встреча сыновей с отцом. Если старший его, может, немного помнил, то младший никогда и не видел. И самое первое, о чём они подумали, когда мама сообщила им о возвращении отца (особенно это волновало младшего Ивана):

«Откуда отец вернулся? Где он был? Все об этом молчат» («Другое кино», А. Красавина).

Сразу стоит отметить, что младший Иван никак не хотел принимать отца, постоянно с ним ссорился, вступал с ним в споры:

«...возникла обида: почему он заставил ждать так долго, а где он был раньше?» («Рускино», О. Богачевская).

Он даже не мог называть его папой, постоянно старался сделать всё наперекор отцу:

«...он позволяет себе украсть его нож» («Другое кино», А. Красавина), говоря своему брату, что это для самообороны:

«"А откуда ты знаешь, что он отец?" – "А может он – убийца?". И ножик украдет "на всякий случай": "ударит – убью"» («Рускино», О. Богачевская).

Андрей же, наоборот, принял отца:

«Андрей откликнется сразу – радостной верой и обожанием, а главное – старший сын всегда ждал, ждал возвращения. Ему радостно и хорошо произносить – "папа". Он во всем старается слушаться» («Рускино», О. Богачевская).

Отец пытался добавить то, что упустил за десять лет:

«Спросить дорогу, подзвать официантку, не нить, отвечать за свои слова, не бояться грязной работы – то, как отец бросает их во все это, и зрителю, и сыновьям кажется невыносимо трудным и безлюбным» (yavlinsky.ru, Морозова); *«Ребята, заласканные матерью и бабушкой, были к этому не готовы»* («Рускино», О. Богачевская).

В походе возникают разные ситуации, когда отец демонстрирует свои воспитательные способности, например когда у сыновей воруют деньги, он решает не вмешиваться, а наблюдает за ними, потом приводит к ним вора, требуя, чтобы сыновья сами с ним разобрались, от чего оба отказываются. Это, безусловно, отцу не понравилось.

Он пытался научить их довольно простым вещам, которыми должен владеть мужчина. По его мнению, это: не врать, быть мужественными и ответственными, не перекладывать свою вину на других, а еще – быть терпеливее, смиреннее; главное же – не трусить, не терять свое человеческое лицо.

Несмотря на свою суровость и авторитарный стиль поведения, отец всё равно пытается наладить отношения с сыновьями, а главное – научить их обычным, казалось, вещам.

Он позволяет себе пить алкоголь за рулём, бить сыновей, которых он не видел 10 лет, и они понятия не имеют, какой их отец. Конечно, это им не нравится, ведь он же сам взял их с собой на рыбалку.

Когда мальчики уплыли на лодке рыбачить и приплыли на три часа позже, чем договаривались, думали, что отец будет рад их большому лову. Но папа был зол. Испугавшись, сыновьям приходится как-то выкручиваться, оправдываться. В ответ отец начинает бить старшего сына по лицу. Братья даже не могли подумать, что для него это так важно, чтобы они были на острове в строго оговорённое время, они не привыкли к такому, особенно это касается старшего, поскольку Иван, возможно, специально хотел позлить отца.

«Заметьте, если в детстве, в крайнем случае, юности человек не осознает абсолютно определенных запретов, т.е. того, что есть вещи, которые нельзя делать ни при каких обстоятельствах, он не поймет этого никогда» («Рускино», О. Богачевская), хотя возможно, мальчики просто не думали, что ему это будет особенно важно, т.к. они не виделись очень долгое время и, несмотря на кровное родство, всё равно казались друг другу чужими, особенно с младшим.

В итоге всё оборачивается так, что Иван с ножом бросается на отца в истерике, он кричит отцу: «Я мог бы любить тебя, но ты хуже всех. Ты – никто!»:

«Самое страшное для любого отца – не остаться в своих сыновьях, не вернуться в них. Быть для них никем» («Другое кино», А. Красавина).

Затем Иван убегает в лес, поднимается на вышку, отец за ним, в итоге отец срывается с вышки и умирает:

«В финале картины вера старшего сына в отца оборачивается выдержанностью и хладнокровием в действиях» («Анализ фильма», Д. Хрюкин).

Сыновья везут тело на лодке и позже, пристав к берегу, видят, как лодка начинает тонуть. Именно тогда Иван впервые закричит «Папа, папа!»:

«Трагедия глубже проникает в Ивана – он бежит за отцом по воде» («Другое кино», А. Красавина).

В фильме «Дочь» рассказывается о череде убийств молодых девочек-подростков, которые происходят в маленьком провинциальном городке. От рук маньяка погибла дочь местного священника. Параллельно показывается семья – отец воспитывает дочку-старшеклассницу – Инну и маленького сына Ваню:

«В первых кадрах фильма папа везет детей в школу на велике: младший на раме, Инна на багажнике... счастливое лицо девочки – у нее самый лучший папа на свете» (CinemaFlood, Я. Пилюгин).

Мама давно умерла, поэтому хозяйство на плечах Инны. Примерно в середине фильма зритель может догадаться, что убийцей молодых девушек является папа Инны.

В итоге отца Инны арестовывают, младшего сына забирают в детский дом – это, наверное, одна из самых душераздирающих сцен в фильме. Дело в том, что город небольшой и все про всех знают, в итоге детей просто начали оскорблять, унижать морально – Ваню в детском саду; даже когда они идут по улице, от злости и боли на них нападает мать погибшей девочки. И когда Ваня спрашивает Инну: «Наш папа убийца?» – Инна отвечает: «Наш папа самый лучший папа в мире!» – и вешает его портрет на стенд с лучшими людьми города, то есть, несмотря ни на что, она хочет, чтобы сын запомнил его лучшим папой, а не маньяком-убийцей.

В фильмах «Возвращение» и «Дочь» оба отца пытаются воспитывать своих детей со строгостью и некоторой сдержанностью. Только в «Возвращении» ребята росли без отца, впервые увидели его в подростковом возрасте. В «Доче-

ри» отец воспитывал дочь и сына один, мать умерла. В «Возвращении» делается акцент на отношениях отца и сыновей, насколько младший сын не хотел принимать его, и лишь когда произошло горе, он понял, что какой бы он ни был, он всё-таки отец. И в фильме «Дочь», когда все узнают, кто настоящий маньяк, дочь не отворачивается от отца. Для них с Ваней он остаётся самым лучшим папой, что бы он ни сделал. Поэтому оба фильма учат любить своих близких и ценить их, пока они рядом, пока они живы, несмотря на обстоятельства.

В фильмах «Кука» (2007), «Итальянец» (2005) и «Я не вернусь» (2014) ярко демонстрируется проблема детского сиротства. Проблема достаточно актуальна для России, особенно в 90-х гг. и начале XXI века. И время выпуска фильмов это только подтверждает. К сожалению, проблема социального сиротства — это не только дети, оставшиеся без попечения родителей, но и пожилые люди, о которых забывают их близкие, и люди вынуждены справляться с трудностями самостоятельно. Такой сюжет можно увидеть в фильме «Нелюбовь»: взаимоотношения главной героини с её матерью, когда после пропажи ребёнка дочь и её муж приезжают к ней, она им не верит, считая, что таким образом супруги хотят, чтобы мальчик после развода остался у неё. Сама Женя по дороге домой признаётся мужу, что на самом деле вышла замуж за него, чтобы больше не жить со своей матерью, называя её «злой, одинокой стервой», а его она никогда не любила:

«Она – отражение дочери, та – отражение матери, обе страдают от нелюбви и не способны дать любовь своим детям» (А. Долин, «Искусство кино»).

Поскольку главная героиня воспитывалась так, она просто не способна дать любовь ни своему ребёнку, ни своему мужу, ни матери.

Когда супруги решали, что делать с мальчиком, Борис предлагал Жене отдать его бабушке, на что жена сказала, что та не любит собственного внука. Данная проблема действительно существует.

Такое отношение бабушки очень сильно ранит внуков. В интервью Звягинцев рассказывает историю своего коллеги:

«Ему сейчас сорок, он рассказывает: "Никогда в жизни не забуду, мне было лет семь, я помню, как стою в своей комнате и в дверную щель вижу, как мать разговаривает со своей матерью, моей бабушкой. И бабушка громко, сверля мать глазами, говорит: "Я тебе тогда говорила и сейчас повторяю, я с ним сидеть не буду". И я понимаю, что это про меня". Ему сорок, он рассказывает это, а в глазах стоят

слезы. Это врезалось ему в память навсегда» («Медуза»).

В фильме «Кука» рассказывается про маленькую девочку-сироту, которая уже почти год проживает в старом доме вместе с умирающей бабушкой, сама получает за неё пенсию на почте, покупает продукты, сама готовит еду:

«Кука смелая, она даже страшную собаку в своем дворе приручила. Боится девочка только одного: если бабушка умрет, ее, Куку, сдадут в детский дом, а этого она очень-очень не хочет...» (Я. Чеважевский, «О фильме»).

Ещё один фильм, в котором поднимается тема сиротства, – «Я не вернусь». Главная героиня – Аня Морозова, выпускница детского дома, окончила университет, учится в аспирантуре, встречается с женатым профессором, ждёт, когда он бросит семью ради неё. Однажды к ней в гости приходит её детдомовский приятель:

«...оставляет сверток: якобы драгоценности для невесты, а на самом деле наркотики. Попав в розыск, Анна пускается в бег» («Ваш досуг», А. Румянцева).

Выглядит героиня очень молодо, поэтому она снова оказывается в детском доме, где встречает 13-летнюю Кристину, которую все обижают, а Аня начинает защищать её, как старшая сестра. Девочки как будто становятся сёстрами:

«...как возникает родство между чужими людьми, более важное и подлинное, чем кровные узы» («Коммерсант», Л. Маслова).

В фильме снова затрагивается проблема сиротства, после детского дома дети выходят абсолютно не готовыми к жизни:

«...если в детстве у детей нет должного к ним отношения, нет любви вокруг них, нет нормальной семьи, то потом, когда они вырастают, эти дети не умеют возвращать любовь, не знают, как ее проявить» (film.ru).

Проблема Ани, главной героини – в ее мнении, что если у неё было несчастливое детство, то все должны ей его компенсировать, любить, уважать, предоставить место в обществе:

«Но она не знает, как любить самой. Она будет учиться этому на протяжении фильма благодаря своей попутчице» (film.ru).

Режиссёр фильма рассказал, как они готовились к съёмкам, посетили шесть детских домов, беседовали с детьми и воспитателями:

«Например, директора говорят о том, что у детдомов есть достаточно спонсоров, но со стороны эта добродетель выглядит покупкой совести. В то же время детям эти подарки фактически безразличны, то, что им по-настоящему нужно, находится в другом месте.

Им нужно время искреннего общения и человеческое отношение. В свою очередь, дети говорят о том, что потом у них будет «вольная жизнь». Это тоже такой знак. Жизнь будет, но потом...».

В фильме «Итальянец» 2005 г. рассказывает история воспитанника детского дома – Вани Солнцева, которого хотят усыновить итальянцы. Другие ребята Ване завидуют:

«Ночью, когда все уже лежат в кроватях, его сосед, который страшно хотел бы быть на его месте, ревниво шепчет ему про то, что бывают плохие иностранцы, которые берут детей из России на пересадку органов, как бы на запчасти» («Новое русское слово», Т. Иенсен).

Для того чтобы узнать, кто его мама, Ваня начал учить алфавит, чтобы прочитать своё личное дело из сейфа директора, там указан адрес роддома, в котором его оставили. Когда Ваня сбегает из детского дома, все начинают его искать. В конце фильма, когда Ваня всё-таки находит свою мать, её так никто и не увидел, её не показали в кадре, режиссёр сделал это специально:

«Здесь важнее был поступок мальчика. Если герой в шестилетнем возрасте способен совершить такие действия, то все, этого уже достаточно» («Нескучный сад»).

Сам фильм оканчивается письмом Вани его другу Антону, которого забрали в Италию вместо него:

«Ваня сообщает, что, несмотря на мокрый снег и стужу, ему – в мамином доме и рядом с мамой – тепло» (krasland.ru, А. Марцинкевич).

Эта история основана на реальных событиях, что подтверждает автор картины:

«...за исключением главного героя все остальные ребята были воспитанниками детских домов и приютов. Эта женщина, занимавшаяся усыновлением российских детей в итальянские семьи, начала в какой-то момент фальсифицировать отказы биологических родителей. Ведь родители должны письменно отказать от ребенка. Возник скандал, она ушла из агентства, затаив обиду, и на волне обиды она мне все без утайки рассказала. Частично мы эти детали использовали» («Знаменитости»).

Если раньше проблема сиротства в нашей стране была связана с историческими событиями, с войнами, то уже в XXI веке сиротство прежде всего связано с лишением родительских прав, хотя сейчас, по данным статистики, можно уже говорить, что число детей-сирот в России стремительно сокращается. Банк данных о детях сокращается во многом за счет снятия с учета детей, которым исполнилось 18 лет [11].

У общества сироты вызывают негативные чувства, так как многие из них, вырастая, так и

не становятся полноценными членами общества, причин этого много:

«Самое страшное наступает, когда они достигают 16–18-летнего возраста. Кто им даст жилье? Кто их научит готовить? Кто научит считать и читать? Кто им даст представление о жизни? ... Судьба каждого человека, оказавшегося в детском доме, очень сложна» («РоссияК»);

«А проблема здесь в том, что для развития ребенка совершенно необходимой составляющей является опыт материнской любви, когда тебя любят просто потому, что ты – маленький, что ты есть – и этого достаточно. Только с таким опытом человек потом сам способен бескорыстно кого-то любить. Вот почему многим детям из детского дома, когда они вырастают, очень трудно даже семью создать» («Нескучный сад»).

В фильме «Возвращение» демонстрируется проблема неполных семей, поскольку сыновья воспитывались только матерью, росли всегда без отца. Они абсолютно несамостоятельны, так как недополучили мужского воспитания, что приводит к некоторой инфантильности. Люди, которые были воспитаны только матерью, другому могут смотреть на обычные вещи в жизни:

«Считается, что такие люди более нежны, эмоциональны, мнительны и эгоистичны» (kgportal.ru, М. Гаврилова). Такое воспитание ведёт к отсутствию самостоятельности, ответственности.

В самом начале фильма была показана сцена, как парни прыгали с вышки в воду. Когда все уже прыгнули, остался один Иван, он испугался и не знал, что делать, чтобы его не назвали трусом, тут же сразу появляется мама, которая уговаривает его не прыгать, что он с удовольствием и не делает.

С другой стороны, отец, который 12 лет отсутствовал в жизни своих родных сыновей, пытается восстановить родственную связь между ними, не объясняя практически ничего, не рассказав, где же он был. И если со старшим это удаётся более-менее, то с младшим возникают огромные проблемы, что в итоге обернулось против него самого.

Выводы

Кинематограф даёт огромный материал для изучения общества, различных социальных проблем, в том числе и семейных. С помощью контент-анализа рецензий кинокритиков на современные авторские фильмы были выделены проблемы современной семьи, которые демонстрируются в российском кино: проблемы мо-

лодых семей, проблемы девиантного материнства и отцовства, проблемы сиротства, проблемы неполных семей. По данным статистики [12, с. 96] и исследователей, изучающих семью, действительно эти тенденции характерны для современного института семьи [13, с. 106]. Кинокритики выделяют такие аспекты, как родительская функция семьи: родителям очень важно быть готовыми к рождению ребенка, любить и уважать его, интересоваться его проблемами; ребёнок может как укрепить семью, так и разединить, поэтому важно быть готовыми к родительству. Эксперты подробно описывают проблему сиротства, режиссёры подчёркивают в своих фильмах нежелание детей жить в детских домах и их абсолютную неготовность к взрослой жизни. Также кинокритики пишут о неполных семьях, как о семьях, где дети вырастают более ранимыми и эмоциональными, им не хватает мужского воспитания, отчего они могут вырасти абсолютно несамостоятельными. Что касается проблемы молодых семей, авторы подчёркивают, что супругам необходимо быть осознаннее в решении о заключении брака, чтобы их планы на будущее совпадали, а не расходились. Многие кинокритики отмечают, что режиссёры фильмов специально демонстрируют проблемы достаточно открыто, чтобы зритель задумался и в будущем не совершал тех же ошибок, что и герои. Соответственно, в современных российских фестивальных фильмах семья отображается чаще в негативных ракурсах.

Важно, что эксперты дают не только общую оценку выбранных фильмов, они рассуждают на тему воздействия тех или иных картин на зрителя. Маршалл Маклюэн писал о СМИ, в частности о кино [14, с. 147], как об определенном средстве коммуникации, которое не только отражает реальность, но и способно конструировать её. Наиболее ярко и жизненно, по мнению критиков, проблемы молодых и неполных семей раскрыты в фильмах Андрея Звягинцева «Возвращение» и «Нелюбобь». По мнению экспертов, авторы картин не только отражают современные тенденции семьи в своих фильмах. Они пытаются как-то воздействовать на зрителя, на их ценностные ориентации в отношении семьи с помощью различных кинематографических приёмов.

Стоит отметить, что пока в России рынок авторского кинематографа развит слабо. Чтобы некоммерческое кино смотрели больше зрителей, необходима особенная маркетинговая политика, поскольку рынок немассового кино довольно специфичен и сильно отличается от рынка массового кино. Возможно, массовый зритель не готов смотреть «фестивальное ки-

но», поскольку в нем нет закрученных сюжетов, спецэффектов и надо думать, вникать в серьёзные проблемы и ситуации, которые есть в реальной жизни. Следует развивать продвижение фестивальных фильмов в России, не ограничивать прокатные удостоверения, проводить новые кинофестивали, не препятствовать прокату таких фильмов, чаще организовывать специальные показы, использовать интернет-ресурсы и платформы для открытых показов хороших авторских фильмов с семейной проблематикой, а также для рекламы данных кинофильмов, чтобы зрители смотрели не только иностранные блокбастеры, но и качественный современный российский кинематограф.

По результатам контент-анализа рецензий кинокритиков были выделены наиболее острые проблемы современной семьи, которые наиболее часто демонстрируются в кинофильмах [15, 16]. Данные позволяют провести в дальнейшем комплексное исследование, т.е. узнать мнение не только экспертов, но и обычных зрителей, которые тоже могут сказать о демонстрации в фильмах тех или иных семейных проблем, а также о воздействии кино на их семейные установки. В будущем исследовании можно сопоставить экспертные и зрительские оценки.

Список литературы

1. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневецкого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
2. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования. Научный интернет-журнал. 2014. № 1. № 1.
3. Жабский М.И. Глобализм и функции кино в обществе // Вестник РФФИ. 2005. № 4 (42). С. 43–50.
4. Тугуши С.А. «Авторское кино» как феномен культуры 20 века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 215–222.
5. Васильева Н.Ю. Образ героя в российском кинематографе как способ трансляции семейных ценностей. URL: <http://www.scienceforum.ru/2017/pdf/31908.pdf>
6. Бакакина Ю.Д. Влияние кинематографа на формирование семейных ценностей современной молодежи // Система ценностей современного общества. Сборник. 2017. С. 53–57.
7. Бурмистрова Н.П. Образ семьи в художественных фильмах. URL: http://universiade.msu.ru/archive/Lomonosov_2007/17/byrmistrova_np.doc.pdf
8. Лебедь О.Л., Синельников А.Б. Образ семьи в российских художественных фильмах // Социология. 2013. № 1. С. 18–36.
9. Шевченко И.О. Образ отца в современном российском кино: сравнительный социологический ана-

лиз // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 2. С. 72–77.

10. Махмутова Р.К. Материнство как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Психология и педагогика. 2007. № 9. С. 159–166.

11. Сравнительный анализ выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Статистика интернет-проекта Министерства образования и науки «Усыновление в России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/> (дата обращения: 22.01.2020).

12. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 694 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/year/ejegod-15.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

13. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 106–118.

14. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

15. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.

16. Аникиев Р.А. Контент-анализ кинорецензий // Достижения науки и образования. 2018. № 9 (31). С. 15–21.

17. Бакшеева В.В., Горшкова В.Е. Передача метафоры в кинорецензиях // Язык. Культура. Коммуникация / НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2019. № 22. С. 17–24.

18. Хегай П.А. Социальная и мировоззренческая проблематика в текстах современных кинорецензий // Медиасреда. 2019. № 2 (16). С. 41–45.

THE IMAGE OF THE FAMILY IN MODERN RUSSIAN CINEMA ACCORDING TO EXPERTS

V.V. Tyulyunova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents a study of the image of the family in modern Russian author's cinema based on the results of content analysis of film critics' reviews and directors' interviews. In the process of transforming family values, cinema, like any art form, can reflect the current trends of the family. In this context, it is important what problems of the family are shown in the cinema and how they are shown. We identify a number of problems of the modern Russian family that are shown in a selection of films: problems of young families, problems of deviant motherhood and fatherhood, problems of orphanhood, problems of single-parent families. We also reveal the most significant aspects of family problems that are demonstrated in modern Russian festival films, whose directors try to make the strongest impression on the audience. In modern Russian festival films, the family is shown more often in a negative perspective, and the authors of the films explain it by the fact that this way they not only reflect the modern family tendencies in their films, but also try to influence the viewers and their value orientations regarding family.

Keywords: author's cinema, family image, young families, social orphanhood, child orphanhood, deviant motherhood, single-parent families.

УДК 316.4.062

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ ДОСТУПНОСТИ МАССОВОГО СПОРТА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2020 г.

А.А. Болозин

Болозин Андрей Александрович, соискатель Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
andrew-bolozin@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 13.01.2020**Статья принята к публикации 27.05.2020*

Рассматриваются институциональные барьеры доступности массового спорта для современной российской молодёжи. В качестве таких барьеров автор выделяет коммерциализацию и профессионализацию массового спорта. Коммерциализация препятствует расширению численности вовлеченных в массовую спортивную деятельность из-за отсутствия возможности у значительной части молодежи принимать спорт в качестве платной услуги, а профессионализация обуславливает снижение количества уже занимающихся, так как ориентирует массовый спорт исключительно на результат, не принимая в расчет иные его важные задачи. Автор обоснован концепт «институциональные барьеры» и проведён анализ понятия «доступность». Актуальность работы определяется тем, что современная отечественная реальность изменилась, стала непостоянной, расплывчатой, обусловленной влиянием ряда негативных факторов на социализацию молодежи, поэтому актуализировались тенденции к уменьшению продолжительности жизни, высоким показателям заболеваемости, смертности в работоспособном возрасте. Уже сегодня невключенность некоторой части российской молодежи в массовую спортивную деятельность приводит к росту преступности, социально обусловленных болезней и суицидов. Это, в свою очередь, масштабно обозначило проблему «инвалидизации» российской молодежи, что толкает современное российское общество к возвращению стратегии оздоровительного и профилактического спорта. Для снижения негативных тенденций, сложившихся в российском социуме, необходимо создать максимальный доступ молодежи к массовому спорту – социальному благу, направленному на укрепление здоровья.

Ключевые слова: массовый спорт, молодёжь, социальный институт, институциональные барьеры, доступность, коммерциализация, профессионализация.

Введение

Проблемы доступности при получении общественных благ в современном российском обществе встречаются в той или иной форме весьма часто. Особенно болезненно воспринимаются они в социальной сфере. Не является исключением и массовый спорт, поскольку здесь затрагиваются наиболее важные направления с точки зрения удовлетворения физических и духовных потребностей человека [1].

Массовый спорт следует считать важнейшей социальной сферой для оптимального развития всего российского социума, в том числе молодежи, ее социализации в современных условиях. В этом плане приоритетными задачами становятся: формирование ценностей физического и духовного здоровья нации; постулирование здорового образа жизни; вовлечение в занятия массовым спортом как можно большего числа людей [2, с. 188].

Обоснование концепта «институциональные барьеры»

Целесообразно начать с обоснования концепта «институциональные ограничения». Дан-

ное понятие будет рассмотрено с позиции неoinституциональной парадигмы Д. Норта, которому принадлежит нормативная концепция социального института. В соответствии с представленной концепцией, «социальный институт может быть рассмотрен в виде устойчивых формальных и неформальных норм, сложившихся в ходе определенной практики социального взаимодействия» [3].

Общая линия рассуждений Д. Норта по этому вопросу может быть сведена к следующей схеме: «Общественный порядок нуждается в устойчивости институтов, дабы социальные акторы смогли их понять, осмыслить и построить свои действия сообразно с ними. В том случае если будет иметь место постоянная смена норм, то это вызовет рост процессов неопределенности и неустойчивости, а может быть, даже и деградации самих основ существования общества» [3].

Институты устанавливают ограничительные рамки, определяя стимулы и ограничения для социальных акторов. Стимулы необходимы для поощрения желаемого социального поведения, а ограничения связаны с запретом на определенный тип социального действия. «Институци-

ональные ограничения включают как запреты индивидам совершать определенные действия, так и, иногда, указания, при каких условиях отдельным индивидам разрешены некоторые действия. Поэтому, как уже было сказано, институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом» [3].

В рамках данного исследования важно понимать, что институциональные ограничения, связанные как формальными, так и неформальными предписаниями, могут порождать барьеры, препятствующие доступности массового спорта для определенных групп населения, если данные институциональные барьеры приобретают для них дискриминационный характер. Иными словами, институциональные барьеры понимаются не только с точки зрения снижения потенциала неопределенности, но и в качестве негативного комплекса норм, имеющих отрицательную коннотацию.

Анализ понятия «доступность»

Исследования институциональных барьеров доступности массового спорта для молодежи в современной России следует продолжить через анализ семантического наполнения понятия «доступность».

Слово «доступность» не стало научным понятием, поэтому отсутствует специальная терминология и соответствующая научная традиция, в рамках которой можно было бы дать его интерпретацию. В связи с этим обратимся к соответствующим разделам словарей, чтобы установить смысловой контекст его употребления в повседневных разговорных практиках. Такой подход крайне важен для того, чтобы выстроить необходимые смысловые коннотации при его сопоставлении с избранной неинституциональной методологией и специальными понятиями, составляющими часть входящего в предмет данного исследования научного дискурса.

Филологи чаще всего используют лексику «доступный», с которой производят все необходимые для уточнения смыслов языковые манипуляции. В словаре Л.И. Скворцова «доступный» означает «подходящий для всех, которым можно пользоваться» [4]. В Толковом словаре Д.Н. Ушакова «доступный» понимается как «открытый для посещения и использования» [5]. В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой о доступности говорится в контексте соответствия чьим-то возможностям [6]. Если суммировать предложенные подходы к пониманию слова «доступный», можно выстроить два семантических ряда: 1) доступность предполагает готовность и наличие внутренних возможностей у

субъекта воспользоваться определенным объектом; 2) доступность связана с отсутствием неких внешних барьеров и препятствий, которые могут встретиться на пути у субъекта во время его стремления к объекту. Следовательно, принципиальная возможность доступности предполагается при наличии определенных свойств и качеств у субъекта и отсутствии внешних препятствий, делающих невозможным получение чего-то или движения к чему-то.

Поскольку слово «доступность» не имеет статуса научного термина, далее перейдем к следующему уровню обобщения, позволяющему использовать уже сугубо научные категории. Новое понятие, образующее следующий уровень изучения, – это «доступность услуги». Данный термин введен в связи с особенностями массового спорта как формы, разновидности соревновательной активности. Массовый спорт может возникнуть лишь там, где для этого выстроена и соответствующим образом подготовлена материальная основа. «Практически любая область массового спорта нуждается в материально-техническом обеспечении. Водные виды спорта предполагают строительство бассейнов, лыжные – специализированных трасс, игровые виды спорта – стадионов или спортивных площадок, гимнастика – залов с необходимыми спортивными снарядами и инвентарем и т.д.» [7]. Иными словами, возможность заниматься массовым спортом в современном обществе должна быть предоставлена, обеспечена, подготовлена в форме услуги, имеющей, как пишут специалисты, «шаговую доступность».

В данном исследовании будем исходить из содержания, определенного применительно к понятию «услуга» Ф. Котлером, согласно которому под ней понимаются мероприятия или предоставляемая выгода, предлагаемые одной стороной по отношению к другой [7]. Из этого определения следует, что получение услуги связано с приобретением определенного блага, поэтому доступность услуги означает прежде всего доступность получения желаемого блага, имманентно с этой услугой связанного, то есть неотделимого от нее [8].

В рамках одной из трактовок классификации благ специалисты предлагают их деление на частные и общественные [9]. Частные блага связаны с правом собственности на их предоставление со стороны владельца источника блага. Получение частного блага привязывается к источнику блага, являясь неотделимым от него в силу возникшей правовой связи, потенциально основанной на том или ином юридическом факте: покупке права собственности, создании права собственности, находке или другом спо-

собе обретения объекта собственности, указанном в первой части Гражданского кодекса РФ. Получение благ от этого источника находится в прямой связи с волеизъявлением субъекта как собственника.

Иное понимание возникло в отношении общественного блага, которое по своей природе является неделимым. На него не существует права частной собственности. Также очень важным для понимания является тот факт, что источник общественного блага не может быть предметом открытого соперничества за обладание им. Таким образом, важнейшими признаками общественного блага являются его неисключительность и неконкурентность. Другая особенность общественного блага состоит в том, что оно может приносить пользу как отдельно индивиду и группам лиц, так и обществу в целом [10]. При этом потребление общественного блага одним социальным актором не делает его менее полезным применительно к другому социальному актору [11].

Проведя сопоставление признаков двух разновидностей блага – частного и общественного, можно сказать, что массовый спорт является формой общественного блага. Массовый спорт адресует активность и соперничество в легализованное обществом направление, организует досуг, отвлекает от различных форм девиации, формирует социально значимые ценности, выступает необходимой базой для формирования здорового образа жизни. В совокупности он формирует необходимые условия для повышения социального и физического здоровья.

Коммерциализация и профессионализация как институциональные барьеры в массовом спорте

В контексте изучения снижения доступности массового спорта для молодежи необходимо отметить, что данную ситуацию в современных условиях обостряют заявленные приоритеты автономного развития сферы массового спорта. Речь идет об уходе государства из этой отрасли, ограничении его участия [12].

Характерной тенденцией в современном массовом спорте становится создание коммерческих спортивных структур (например, хозрасчетных клубов, фитнес-центров) [13], повсеместно распространяется практика заключения договоров по возмездному оказанию услуг по спортивной подготовке и проведению тренерами платных занятий. Большинство специалистов признает, что объекты спортивно-массовой инфраструктуры преимущественно недоступны

рядовым гражданам из-за высокой стоимости спортивно-оздоровительных услуг и, как правило, пользуются спросом у людей с высоким уровнем доходов [2, с. 188].

Интересным в этой связи представляется рассмотрение экспертных исследований, посвященных тому, насколько часто сегодня имеют место случаи взимания денег за занятия в спортивном учреждении. Параметр «очень часто» выбрали 27% экспертов, «довольно часто» – 33%, «по-разному: где-то есть, где-то нет» – 20%, «довольно редко» – 10% [14].

Таким образом, в настоящее время массовый спорт в России в абсолютном большинстве стал платной услугой, тенденция к его коммерциализации усиливается и распространяется.

Проблема роста бедности населения современной России закрывает большей части молодежи доступ к занятиям массовым спортом, что приводит к снижению его доступности по коммерческому признаку.

Сегодня приходится констатировать, что вследствие роста бедности населения России покупка спортивного инвентаря, спортивной одежды и обуви, оплата занятий в спортивных и оздоровительных секциях занимают в бюджете молодых россиян далеко не первые места по сравнению с другими жизненными приоритетами [15].

Коммерциализация является одним из оснований, ухудшающих показатели доступности в сфере ФКиС. По мнению Ю.А. Фомина, коммерциализация рождает негативную ситуацию для дальнейшего развития массового спорта [16]. Ученый определяет коммерциализацию в спорте как процесс применения его для приобретения прибыли, вовлечения в процесс коммерческих отношений субъектов спортивной деятельности в качестве активного звена [16]. По его словам, первым признаком кризиса в сфере массового спорта является его коммерциализация. Следствием этого процесса является создание новой модели спорта, которая характеризуется стремлением к получению прибыли субъектами спортивных отношений. Как пишет А.Д. Жуков, сегодня в российском спорте обозначались элитные (коммерческие) и «массовые» виды [17], что, без сомнения, усиливает поляризацию среди участников спортивного процесса в самом институте спорта в частности и среди населения современного российского социума в целом.

Многие популярные виды спорта, к которым относятся гольф, теннис, фигурное катание и ряд других, являются недоступными для значительной части представителей современной российской молодежи, поскольку занятия про-

водятся исключительно на платной (коммерческой) основе.

При этом важно и то, что в последние годы в России были реализованы некоторые управленческие эксперименты в сфере ФКиС. Одним из таких экспериментов является переход существующих спортивных учреждений на программы спортивной подготовки [17], а следовательно, на иную систему оплаты труда, суть которой заключается в том, чтобы поставить заработок тренера в прямую зависимость от результата его спортсменов. Если раньше действовала система так называемого «подушевого» финансирования в спортивных школах, при которой тренер получал заработную плату за количество воспитанников, что во многом способствовало привлечению большего количества детей и молодежи к занятиям спортом и обеспечивало массовость, то при оплате только результата тренеру становится невыгодно бесплатно тренировать большие группы спортсменов. Учащиеся спортивных школ, которые не показывают высокого результата, зачастую вынуждены оплачивать свою дальнейшую спортивную подготовку в коммерческих спортивных организациях.

В этой связи актуальность приобретает вопрос о профессионализации массового молодежного спорта, его преимущественной ориентации на результат. Активный процесс профессионализации молодежного спорта в современной России ухудшает условия доступности для тех групп молодежи в возрасте 21–30 лет, которая не занимается спортом профессионально.

По мнению Ю.А. Фомина, профессионализация молодежного спорта вызвана, прежде всего, его многозатратностью, которая продиктована длительным учебно-тренировочным процессом в абсолютном большинстве видов спорта, активно продолжающимся 10–15 лет [16]. Чтобы понять, почему на современном этапе развития молодежного спорта в России приобрела актуальность проблема профессионализации, необходимо рассмотреть общую структуру спортивной подготовки на разных уровнях.

В рамках современной системы спортивной подготовки установлены стандарты, предполагающие переход на следующий этап только в том случае, если спортсмен сдает нормативы и получает разряд, соответствующий этому этапу. Кроме того, ограничен период нахождения спортсмена на том или ином этапе. Подобный подход к организации спортивной деятельности лишает спортивные школы возможности работать на массовость и сужает их деятельность до работы только на результат. Спортивная подготовка практически не распространяется на рас-

сматриваемую в данном исследовании молодежную группу. Молодые люди возрастной категории от 21 года, не имеющие профессионального спортивного результата, не могут осуществлять спортивную подготовку на базе государственных спортивных организаций.

Сегодня перед спортивными школами стоит дилемма: с одной стороны, они призваны создавать условия для развития массового молодежного спорта, а с другой – новые стандарты спортивной подготовки все больше склоняют их к профессионализации, что объективно ведет к сужению каналов доступности для занятий массовым спортом.

Таким образом, молодежь возрастной группы 21+, не имея профессионального спортивного результата, не может продолжать спортивную подготовку. При этом, не утратив статуса школьника или студента младших курсов, молодые люди данного возраста находятся в пограничном состоянии, студенческий и школьный спорт для них также недоступен. Молодежь данной возрастной группы оказывается исключенной из системы спортивной деятельности в рамках государственных бюджетных организаций.

Следовательно, имея объективную потребность в получении спортивной нагрузки, молодой человек должен осуществлять спортивную деятельность на базе коммерческих организаций или показывать профессиональный спортивный результат.

Уже сегодня невключенность некоторой части российской молодежи в массовую спортивную деятельность приводит к росту преступности, социально обусловленных болезней и суицидов [18]. Это, в свою очередь, масштабно обозначило проблему «инвалидизации» российской молодежи, что толкает современное российское общество к возвращению стратегии оздоровительного и профилактического спорта. Осуществлению поставленных задач препятствует не столько мощное развитие индустрии развлечений, сколько недофинансирование молодежного массового спорта (6% в России против 30%, например, в Финляндии), недоверие современной молодежи к официальным институтам и принудительность спортивной социализации [19].

В современных экономических условиях неоспоримым фактом является, что спорт переориентирован только на результат. «Культ» результата все больше отклоняет современный молодежный спорт России в сторону профессионализации, делая ставку на приоритет успеха, карьеры и денежной выгоды. В этой связи изменились и ценностные ориентации спорта в сторону

прагматических и потребительских направлений. В контексте увеличивающейся профессионализации спорта растет результативность спортсменов, что, однако, противопоставляет профессиональный спорт, отдаляя его от массового [20].

Заключение

В числе барьеров, ухудшающих показатели доступности, были определены коммерциализация и профессионализация массового спорта. Коммерциализация проявляется в увеличении общего процента молодых людей в возрасте 21–30 лет, которые включаются в занятия массовой спортивной деятельностью в сегменте платных услуг. Эта ситуация обусловлена не только осознанием значимости спорта как ценности, но и отсутствием необходимых возможностей осуществлять это бесплатно.

Изучение материально-технического состояния спортивной инфраструктуры, ориентированной на возрастную группу 21–30 лет, показало, что количество и качество спортивных объектов не соответствует реальным запросам молодежи, ее готовности заниматься массовой спортивной деятельностью. Профессионализация системно связана с коммерциализацией, так как отражает характер институциональных ограничений, сложившихся в российской модели института массового спорта. В настоящее время спортивные школы утратили функцию массовой подготовки спортсменов, не ориентированных на спорт высоких достижений, оказавшись в пограничном состоянии между спортом профессиональным и массовым. Современная система спортивной подготовки устанавливает стандарты, предполагающие переход на следующий этап только при условии, если спортсмен сдает нормативы и получает разряд, соответствующий этому этапу. Кроме того, ограничен период нахождения спортсмена на том или ином этапе.

Подобный подход к организации спортивной деятельности лишает спортивные школы возможности работать на массовость и сужает их деятельность до работы только на результат, что приводит к росту профессионализации. Молодые люди возрастной категории от 21 года, не имеющие профессионального спортивного результата, не могут осуществлять спортивную подготовку на базе государственных спортивных организаций. Молодой человек, не показывающий профессионального результата, вынужден завершить свою спортивную подготовку или оплачивать услуги тренера, занимаясь спортом в коммерческих организациях, вследствие чего массовый молодежный спорт стано-

вится платным, коммерциализированным, в чем проявляется сужение каналов доступности для занятий массовым спортом. Те молодые люди, которые не могут оплачивать занятия спортом, все больше отклоняются от здорового образа жизни к асоциальным, аддитивным проявлениям, что влечет за собой рост социально обусловленных болезней, проявлений девиантного и делинквентного поведения у представителей данной социальной группы. Усилению процессов профессионализации и коммерциализации массового молодежного спорта способствует неравномерное распределение ресурсов между профессионалами и «массовиками». Оснащение и развитие спортивных учреждений имеет ситуативный, избирательный характер, с приоритетом в сторону профессиональных клубов, что создает неравенство в условиях между спортом профессиональным и массовым.

Список литературы

1. Дуплинская Е.Б., Селиванов К.С. Приоритеты государственной политики в финансировании физической культуры и спорта в РФ // Молодой ученый. 2014. № 11. С. 256.
2. Клюев А.В., Кузнецов П.К. Барьеры в управлении массовым спортом в современной России. М.: СтандАрт, 2015.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
4. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: ООО «Изд-во «Мир и Образование», ООО «Изд-во «Оникс», 2012. 1360 с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель; АСТ, 2000. 1216 с.
6. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка. Три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1 200 словообразовательных единиц. М.: АСТ, 2010. 699 с.
7. Котлер Ф. Маркетинг, менеджмент: экспресс-курс / Пер. с англ.; под ред. С.Г. Божук. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
8. Поворина Е.В. Концепция доступности услуг: теоретические и практические аспекты // Сервис в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 157.
9. Новоселова Е.О. Общественные блага // Альманах мировой науки. 2016. № 10-2. С. 172.
10. Житникова К.А. Общественные и частные блага // Анализ проблем в области экономики: Сборник трудов аспирантов и преподавателей по мат-лам 16-й Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 16–18 февраля 2010 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт экономики и права, 2016. С. 201.
11. Харевич Г.Л. Общественные блага как объект потребления // Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях: Сборник трудов конфе-

ренции. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2016. С. 689.

12. Исаев А.А. Спортивная политика России. М.: Современный спорт, 2012. 511 с.

13. Квашук В.К., Грачев П.Н., Маслова И.Н. К проблеме управления системой подготовки спортивного резерва // Научно-теоретический журнал «Ученые записки Университета имени П.Ф. Лесгафта». 2011. № 2 (72). С. 109–112.

14. Общественный и личный идеал, представления о смысле, качестве жизни и справедливости, жизненные планы и социальное здоровье современной российской молодежи РФ (настоящее и будущее России): Материалы всероссийского экспертного опроса (выборка 467 экспертов) / Сост. С.И. Григорьев. М.: Изд-во РГСУ, 2014. 64 с.

15. Григорьев С.И. Социальная квалиметрия эффективности либерально-рыночных реформ на фоне

оценки благополучия молодежи в России рубежа XX–XXI веков. М.: Магистр-Пресс, 2014. 88 с.

16. Фомин Ю.А. Актуальные социальные проблемы спорта. Омск: Омский государственный институт физической культуры, 2009. 218 с.

17. Спортивная энциклопедия систем жизнеобеспечения / Под ред. А.Д. Жукова. М.: Юнеско, 2011. 1000 с.

18. Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 70–79.

19. Котомина А.А. Российская молодежь в современных социокультурных условиях (по результатам социологического исследования) // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2015. № 2. С. 144.

20. Сулейманов И.И. Основы спортивной конфликтологии: Монография. Омск: Сибирская государственная академия физической культуры, 2007. 343 с.

INSTITUTIONAL BARRIERS IN THE AREA OF MASS SPORTS FOR MODERN RUSSIAN YOUTH

A.A. Bolozin

Southern Federal University

The purpose of the article is to consider the institutional barriers to the availability of mass sports for modern Russian youth. The author identifies commercialization and professionalization of mass sports as such barriers. Commercialization prevents the expansion of the number of people involved in mass sports activities due to the lack of opportunities for a significant part of young people to accept sports as a paid service, and professionalization causes a decrease in the number of those already engaged, since it focuses exclusively on achieving the results in mass sports, without taking into account other important tasks. The author substantiates the concept of «institutional barriers» and analyzes the concept of «accessibility». The relevance of this study is determined by the fact that the modern realities in Russia have changed, becoming unstable and vague, due to the influence of several negative factors related to young people's socialization, and the trends of decreasing life expectancy, high morbidity and mortality in working age have become more pronounced. Even today, the lack of involvement of some Russian young people in mass sports activities leads to an increase in crime, socially-related diseases and suicides. This, in turn, highlights the problem of «disability» of Russian youth on a large scale, which pushes modern Russian society to return to the strategy of recreational and preventive sports. To reduce the negative trends that have developed in Russian society, it is necessary to create maximum access for young people to mass sports as a social good aimed at obtaining health.

Keywords: mass sports, youth, social institution, institutional barriers, accessibility, commercialization, professionalization.

УДК 316.4

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СОЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ДИНАМИКА

© 2020 г.

А.А. Черникова

Черникова Анна Андреевна, младший научный сотрудник
Института социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва
aannyu@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 27.12.2019**Статья принята к публикации 14.05.2020*

Рассматривается образовательная миграция как один из значимых драйверов развития интеграции стран Евразийского экономического союза, обосновывается значимость развития интеграции стран Евразийского экономического союза в сфере образования как одного из важнейших условий и движущей силы экономической интеграции, описываются социальные угрозы интеграции и дается оценка динамики образовательной мобильности в регионе. Приведена статистика по численности обучающихся в школах, колледжах и университетах профессионального образования государственной и негосударственной форм собственности стран-участниц ЕАЭС начиная с 2013 г., указано число образовательных организаций начального, среднего и высшего профессионального образования. Особое место занимает описание социальных угроз и рисков интеграционной политики в сфере образования, а также описываются возможные пути развития и перспективы сотрудничества. Проанализирована роль России и русского языка на пространстве Евразийского экономического союза. Описаны формы образовательного сотрудничества и приведены оптимальные организационные способы реализации интеграции ЕАЭС. Большое внимание уделено численности студентов образовательных организаций высшего профессионального образования, прибывших из стран-членов ЕАЭС, с 2013/14 уч.г. (приведена статистика по каждой стране: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия).

Ключевые слова: образовательная миграция, академическая мобильность, интеграция, ЕАЭС.

Введение

Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) был подписан в 2014 г. В 2019 году мы праздновали первый юбилей – 5 лет со дня подписания. Этому событию предшествовали сложный и длительный путь дезинтеграции экономических связей на постсоветском пространстве, 2 экономических кризиса: глубокий цивилизационный кризис 90-х гг. и мировой финансовый кризис 2008 г., последствия которых государствами-членами ЕАЭС к 2014 г. так и не были преодолены [1]. Решение об интеграции демонстрировало понимание лидерами государств необходимости поиска новых ресурсов для экономического развития, реализации потенциала хозяйственных связей внутри региона, модернизации национальных экономик и создания условий для выхода на глобальные рынки.

В настоящее время Российская Федерация является одной из стран – лидеров по абсолютной численности иммигрантов на своей территории. В 2015 г. Россия занимала третье место после США и Германии в рейтинге ООН по численности населения, родившегося за рубежом: в США – 46.6 млн человек; в Германии –

12 млн, а в России – 11.6 млн человек. По доле иммигрантов в населении Россия занимала только 102-е место в мире – 8.2% российских жителей были рождены за пределами России. Лидерами по этому показателю являются ОАЭ (88.4%), Катар (75.5%), Кувейт (73.6%), в которых трудовые иммигранты составляют основную часть трудовых ресурсов и занятого населения. Российский показатель пока значительно меньше европейских стран: Швейцария – 29.6%, Австрия – 17.4%, Швеция – 16.9%, Ирландия – 15.8%, Германия – 14.5%. Однако темпы роста численности иммигрантов в России (+0.4%) в 2010–2015 гг. уже сопоставимы с некоторыми европейскими странами: в Германии и Болгарии, во Франции (+0.5%), в Бельгии (+0.7%). Более значительными темпами росла численность иммигрантов в Норвегии (+3.6%), Швейцарии (+2.9%), Нидерландах (+2.7%), Австрии (+2.2%), Швеции (+2.1%) [2].

Факторами, по-прежнему обеспечивающими общность евразийского пространства, остаются: совместная история и общая историческая память; использование русского языка в качестве средства межнационального и межгосударственного общения; сходство политических си-

стем. Свободное движение рабочей силы, массовая трудовая миграция также способствуют укреплению интеграционных связей.

При этом важно понимать, какие риски интеграционной политики могут перерасти в угрозы, какие имеют объективный характер, а какие субъективный и что можно предпринять для их минимизации. Если говорить о возникающих в ходе интеграционных процессов проблемах, издержках и рисках, то, как представляется, их можно разделить на риски роста и имманентные риски.

К социальным рискам роста относятся миграционные риски и связанные с ними проблемы интеграции; снижение поддержки интеграции принимающим населением стран-участниц Евразийской интеграции; вопросы поддержания высокого уровня социальной сплоченности и солидарности; необходимость решения проблем, связанных с управлением многообразием; отсутствие необходимой миграционной инфраструктуры; ксенофобия и психологическое неприятие мигрантов.

Важным аспектом, связанным с единым рынком труда ЕАЭС, свободным движением рабочей силы, стало бы формирование не только социального, но и согласованного образовательного, информационно-библиотечного и научно-технологического евразийских пространств.

Одним из условий предотвращения социальных угроз успешной интеграции является развитие общекультурного информационного пространства. Важно не торопиться, решать проблемы на основе научно обоснованной стратегии евразийской интеграции, используя общественно одобряемые подходы и методы социально-экономической политики.

Как показывает опыт, КНР в странах Центральной Азии создает для потенциальных трудовых мигрантов центры обучения китайскому языку и культурной адаптации в Китае. Представляется перспективным направлением расширение возможностей изучения русского языка для потенциальных и реальных мигрантов в странах происхождения.

Важной гуманитарной составляющей политики евразийской интеграции стало бы принятие на вооружение международно признанных концепций человеческого развития (потенциала человеческого развития). Россия остаётся основной процессом евразийской интеграции, и ключевая роль нашей страны в этом процессе определяется исторически и объективно социально-экономическим и политическим доминированием. На её долю приходится 87.6% экономического потенциала, 78.4% населения и 83.9% территории ЕАЭС [3].

Методология

В статье использованы следующие методы: системный подход, моделирование, сравнительный анализ, обобщение. Сбор показателей позволят отобрать признаки для получения объективных данных о текущем состоянии образовательной миграции в регионе. Были рассмотрены инструменты для сбора и сравнительного анализа по страновому признаку. Ведущим поставщиком официальной статистики о Европейском Союзе (ЕС) является Евростат, который занимается сбором статистической информации по странам-членам ЕС и гармонизацией статистических методов используемых данными странами, производит и распространяет статистические данные для поддержки стратегии. Так, например, сравнивая статус русского языка в ЕАЭС, я пришла к следующим выводам.

1. В Армении русский язык не имеет официального статуса, однако распространён, им владеет более половины населения (58.6%). Русский язык в Армении признаётся языком национального меньшинства.

2. В Беларуси в качестве этнических русских себя определяют только 15% населения. Однако более 80% граждан страны практически во всех сферах жизнедеятельности используют русский язык.

3. В Казахстане около 23% населения говорят по-русски как на родном языке. Здесь, подчеркнем, русский язык выступает как второй язык или же (в зависимости от уровня образования и места жительства) первый иностранный язык для всего нерусского населения республики, в первую очередь казахов. Несмотря на закрепление официального статуса русского языка в Конституции Казахстана, он нивелируется другими законодательными актами и реализуемыми государственными программами. В частности, положением о переводе к 2020 г. всего документооборота на казахский язык, внедрением в образовательный процесс концепции трехязычия, предполагающей использование английского языка в качестве языка преподавания ряда серьезных дисциплин в старших классах, а также переводом казахского языка на латинскую графику. В результате введения таких нормативных актов русский язык постепенно вытесняется из общественно-политической, хозяйственной жизни, системы образования, области культуры и СМИ [4].

4. Для Кыргызстана русский язык выступает не как официальный, но, в отличие от соседей, как язык межнационального общения. В стране все еще существует возможность получения

Таблица 1

Количество обучающихся (на начало учебного года; человек) [5]					
Учебный год	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18
Начальное профессиональное образование					
Армения	7 448	7 295	6 874	6 251	6 500
Беларусь	74 559	72 823	72 242	70 268	66 892
Казахстан ¹	X	x	X	X	X
Кыргызстан	29 393	28 515	28 845	30 492	31 738
Россия	774 195	727 289	686 120	562 974	557 006
ЕАЭС	885 595	835 922	794 081	669 985	662 136
Среднее профессиональное образование					
Армения	30 534	28 911	24 734	23 584	23 444
Беларусь	138 382	128 975	121 314	117 818	114 051
Казахстан	561 184	532 910	498 965	488 926	489 337
Кыргызстан	91 623	92 550	89 605	90 585	91 877
Россия	1 987 781	2 109 432	2 186 015	2 306 469	2 388 093
ЕАЭС	2 809 504	2 892 778	2 920 633	3 027 382	3 106 802
Высшее профессиональное образование					
Армения	104 774	98 028	100 614	96 634	94 709
Беларусь	402 820	371 762	346 600	325 022	299 295
Казахстан	559 176	509 914	489 251	509 967	530 818
Кыргызстан	223 241	214 410	199 505	175 430	162 165
Россия	5 683 375	5 243 359	4 798 822	4 431 653	4 277 034
ЕАЭС	6 973 386	6 437 473	5 934 792	5 538 706	5 364 021

образования на русском языке, хотя с 2019 г. отмечается следующая тенденция: преимущественное право при поступлении в местные вузы дается тем, кто будет учиться на кыргызском языке. За последние несколько лет позиции русского языка в республике ослабли, так как власти республики уделяют внимание более глубокому изучению кыргызского и английского языков. Так, делопроизводство в органах власти в ближайшие годы полностью переведут на киргизский язык, граждане без достаточного знания кыргызского языка уже не могут претендовать на определенные госдолжности. В государственных ведомствах вводится обязательное тестирование на знание кыргызского языка. Однако, исходя из массового участия рабочей силы из Кыргызстана на территории России и Казахстана, востребованность изучения русского языка в республике представляется достаточно высокой.

Каждая из стран-членов ЕАЭС имеет свою историю, традицию и культуру, существенно различаясь по масштабу, экономическому и ресурсному потенциалу, но имея одну общую цель – повышение эффективности социально-экономической политики для обеспечения роста качества жизни и благосостояния своего населения. Одним из значимых драйверов развития интеграции стран Евразийского экономического союза является сфера образования и науки. Общее языковое и научно-образовательное пространство эффективнее всего способствует процессу интеграции союза.

В таблице 1 приводится статистика по численности обучающихся в школах, колледжах и

университетах профессионального образования государственной и негосударственной форм собственности. В численность обучающихся включены граждане государств – членов ЕАЭС и иностранных государств, а также лица без гражданства, поступившие как на условиях общего приема, так и в соответствии с установленными квотами.

Для сопоставимости на уровне ЕАЭС представлены данные в сумме по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. В Армении, Беларуси, Кыргызстане и России эти программы относятся к программам высшего профессионального образования. В Казахстане программы бакалавриата относятся к программам высшего профессионального образования, программы магистратуры – к программам послевузовского образования.

Во всех странах-участницах союза отмечается спад численности обучающихся начального профессионального образования с 2013/14 гг. по 2015/16 гг.

В отношении численности среднего профессионального образования наблюдается спад, за исключением Кыргызстана и России, где динамика плавающая. А по динамике численности студентов по программам высшего профессионального образования прослеживается стабильный спад у всех стран-участниц союза.

На рисунках 1, 2, 3 приведена статистика по числу образовательных организаций начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования, согласно которой динамика проявляется не в интенсивном росте, а в стабильном умеренном развитии у всех стран-участниц ЕАЭС.

Рис. 1. Число образовательных организаций НПО (на начало учебного года; единиц)²

Рис. 2. Число образовательных организаций СПО (на начало учебного года; единиц)

Рис. 3. Число образовательных организаций ВПО (на начало учебного года; единиц)

Развитие академической мобильности отражено в совместных соглашениях ЕАЭС и в нормативно-правовых базах самих стран. Например, в Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. в число приоритетов попали «повышение конкурентоспособности российской системы образования в мировом пространстве», «повышение уровня дохода от экспорта образовательных услуг», «привлечение в страну квалифицированных кадров» [6]. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. одним из целевых направлений называется «увеличение доли иностранных студентов в российских образовательных учреждениях до 5% от общего числа студентов» [6].

Численность студентов образовательных организаций высшего профессионального образования, прибывших из стран-членов ЕАЭС, с 2011/12 по 2015/16 уч.г. выросла в 1.4 раза.

Причем динамика по странам разная – в Казахстане данный показатель увеличился в 2.4 раза, а в Белоруссии сократился в 2.1 раза. По Армении и России динамика непостоянная. Высокий уровень академической миграции студентов между странами ЕАЭС обусловлен одинаковыми условиями поступления в вузы для собственных граждан и граждан стран-членов интеграционного объединения – конкурсный отбор.

В обращении Президента Российской Федерации В.В. Путина к главам государств-членов ЕАЭС от 18 января 2018 г. отмечается целесообразность сотрудничества в социально-гуманитарной сфере, в частности, важность оказания содействия высшим учебным заведениям стран ЕАЭС в налаживании межвузовских связей, реализации совместных проектов и программ, расширении студенческих обменов и повышении академической мобильности. Включение в орбиту евразийской интеграции новых направлений, в том числе в гуманитарной и социальной

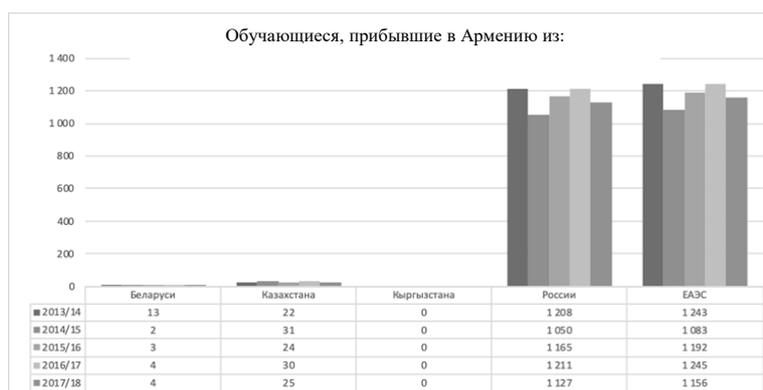

Рис. 4. Численность обучающихся, прибывших в Армению (на начало учебного года; человек)

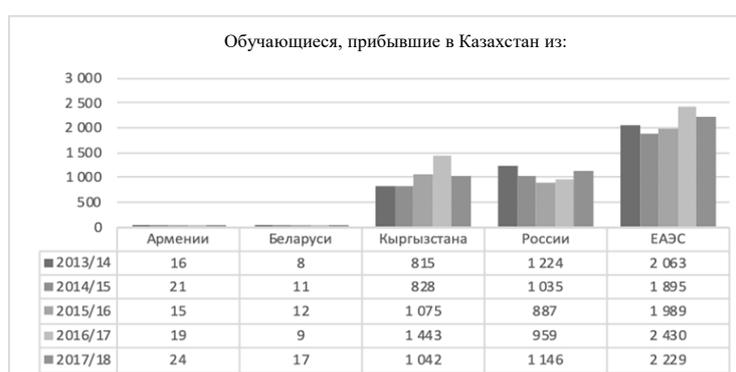

Рис. 5. Численность обучающихся, прибывших в Казахстан (на начало учебного года; человек)

Рис. 6. Численность обучающихся, прибывших в Кыргызстан (на начало учебного года; человек)

плоскости, является одним из приоритетов деятельности Правительства Российской Федерации в сфере международной интеграции и экономического сотрудничества [7].

Развитие образовательного сотрудничества на пространстве ЕАЭС призвано содействовать достижению ключевых целей Национального проекта «Образование», включая повышение конкурентоспособности и развитие экспорта российского образования, внедрение новых практик и методов обучения, поддержку талантливой молодежи, развитие профессионального образования и непрерывного обучения.

На рис. 4 прослеживается динамика образовательной миграции в Армению, где лидером по количеству студентов является Россия, которая отправляет более тысячи студентов ежегодно. В

2015/16 академическом году в Армении обучалось 1165 российских студентов, в 2016/17 уч.г. зачислено 1211 студентов. Можно проследить небольшой спад в 2017/18 г., когда приехало 1127 российских обучающихся, что на 0.5% меньше, чем по статистике прошлого года, а вот студентов из Кыргызстана за последние 5 лет в вузах Армении зачислено не было.

Количество иностранцев в казахских вузах активно увеличивалось в 2013–2017 гг., достигнув своего пика в 2016/17 академическом году (рис. 5). Заметное влияние на социально-экономическое положение Казахстана оказала либерализация рынка труда в рамках ЕАЭС. В 2012–2017 гг. число граждан республики, трудоустроенных в других странах Союза, выросло в 2.5 раза. Почти 90% из них работают в России.

Рис. 7. Численность обучающихся, прибывших в Россию (на начало учебного года; человек)

Это привело к росту денежных переводов из РФ с 443 млн долл. в 2011 г. до 709 млн – в 2017 г.

Как видим из рис. 6, в Кыргызстане за рассмотренный период обучающихся из Армении и Беларуси не зафиксировано, что говорит об отсутствии спроса на получение диплома данной страны у дружественных государств-партнеров.

Казахстан на протяжении многих лет является бесспорным лидером по числу студентов, обучающихся в российских вузах. В 2015/16 академическом году в России было 66 821 студента из этой страны, в 2016/17 уч.г. зачислено 67 403 студента. Можно проследить тенденцию роста по количеству казахских студентов, но в 2017/18 г. приехало 65 700 обучающихся, что на 2% меньше, чем по статистике предыдущего года. На втором месте – Беларусь (в 2017/18 уч.г. прошли обучение 10 792 студента), а замыкают тройку лидеров студенты из Кыргызстана, который отправил 7 247 студентов на обучение в российские вузы в 2017/18 учебном году.

Результаты

Образование, подготовка кадров, научные исследования, экспертно-аналитическая поддержка, регулярный информационный обмен – важные факторы в развитии всех стран-участниц ЕАЭС. Но образовательное сотрудничество на пространстве ЕАЭС пока не является сферой наднационального регулирования и остается в сфере национальной компетенции стран-членов. Идея общего евразийского образовательного пространства, с которой неоднократно выступала Россия, пока не находит поддержки у всех стран Союза. Вместе с тем сотрудничество в образовательной сфере на пространстве ЕАЭС последовательно эволюционирует и становится все более разнообразным по форматам, включая формирование международных ассоциаций и консорциумов вузов; международное двустороннее образовательное сотрудничество; сетевые образовательные форматы; образовательные программы по евразийской интеграции при ее отдельных направлениям

на уровне бакалавриата, магистратуры, ДПО; разработку учебных и учебно-методических материалов, публикацию специализированных периодических изданий по евразийской тематике; краткосрочные научно-образовательные мероприятия, в том числе образовательные школы, а также совместную исследовательскую деятельность.

Сотрудничество в сфере образования на пространстве ЕАЭС выходит за рамки формальных политических рамок интеграции. Так, Евразийская ассоциация университетов, которая объединяет более 100 университетов стран СНГ, стремится сохранить единое образовательное пространство и обеспечить эквивалентность университетских степеней, развитие университетского сотрудничества. Возможность реализации образовательных программ в сетевой форме обладает рядом преимуществ – повышение качества образования, аккумуляция лучших практик международного опыта, актуализация образовательных программ, а также развитие личностных и профессиональных компетенций и мотивации студентов.

Наиболее активное образовательное сотрудничество на евразийском пространстве развивается в двустороннем варианте. Большинство российских университетов считают университеты из соседних стран, в том числе из стран ЕАЭС, приоритетными международными партнерами, и студенты из этих стран доминируют в составе иностранных студентов. Такое двустороннее сотрудничество включает совместные образовательные программы, программы двойных дипломов, организацию совместных центров на базе университетов. Удачным примером двустороннего сотрудничества, которое также «пересекает» политические границы ЕАЭС, можно считать совместные (славянские) университеты, которые создаются на основе двусторонних соглашений в Армении, Беларуси, Кыргызстане и Таджикистане. Всего около 20 тысяч студентов обучаются по русским образовательным программам и на русском языке.

Сетевые формы образовательного сотрудничества являются оптимальным организационным способом реализации интеграции в образовательной сфере. ЕАЭС не является исключением: Евразийский сетевой университет – это объединение университетов государств-членов, возглавляемое Томским государственным университетом, Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом.

Евразийский сетевой финансовый институт – ассоциация, объединяющая шесть учебных заведений государств-членов ЕАЭС, была создана для сотрудничества в области образования и науки в сфере финансов с целью обеспечения кадровой и научной поддержки для эффективного сопряжения национальных финансовых систем в ЕАЭС. Данный консорциум, несомненно, повышает конкурентоспособность стран Союза, предоставляет возможность широкому кругу граждан использовать массовые открытые курсы, налаживает образовательный и культурный обмен не только между странами-участниками, но и с зарубежными странами, дает возможность приглашения высокомотивированных студентов и научно-педагогических кадров.

Включение «евразийского измерения» (по аналогии с «европейским измерением» в рамках Болонского процесса) в образовательные программы высшей школы также стало ярким проявлением эволюции образовательного сотрудничества в ЕАЭС. Разработаны специализированные программы бакалавриата и магистратуры на тему евразийской интеграции. В настоящее время формат дополнительного профессионального образования еще не приобрел достаточную популярность при прогнозируемом высоком спросе на такие программы, поскольку существует объективная необходимость в повышении осведомленности об евразийской интеграции чиновников и представителей бизнеса, академического сообщества и широкой ответственности стран-членов ЕАЭС.

Многие образовательные и научные организации проводят исследования процессов в ЕАЭС, тем самым формируя центры компетенции для евразийской интеграции, решая задачи по обучению и популяризации евразийских предметов, информируя профессиональные сообщества, органы власти и общественность об интеграционных процессах, происходящих в ЕАЭС [8].

Одним из решений в рамках интеграции в сфере образования могло бы стать создание единого евразийского образовательного пространства. Именно Россия неоднократно выдвигала эту идею и обосновывала целесообразность

создания евразийского образовательного пространства, считая его одной из ключевых задач евразийской интеграции [9]. Чаще всего эти идеи подчеркивали интеграцию в сфере высшего образования (наиболее чувствительно, с точки зрения национальных интересов, и наиболее сложно для интеграции из-за различий в образовательных стандартах, подходов к оценке качества), а также были связаны с целями продвижения русских интересов, распространения русского языка. Кроме того, четыре страны ЕАЭС включены в более широкие рамки международной образовательной интеграции, оставаясь при этом участниками Болонского процесса, что также является сдерживающим фактором для формирования единого евразийского пространства высшего образования. Необходимость в едином образовательном пространстве актуальна, ведь существующие требования к специалистам XXI века полностью интегрированы в мировую экономику. Интернационализация образования стран-участниц ЕАЭС предполагает объединение усилий по разработке и реализации определенных мер по созданию общих научных баз.

Среди всех стран ЕАЭС Россия объективно остается наиболее привлекательной для получения образования гражданами соседних стран, что неизбежно определяет асимметрию интеграции образования [10]. Недостаточна гармонизация национального законодательства и практики регулирования в области образования, в том числе в области оценки и взаимного признания результатов обучения, требований к подготовке учителей, а также межстранового неравенства в финансировании образования, развития инфраструктуры образования, уровней образования. «Оцифровка» образования и языковые трудности остаются для образовательной интеграции в строгом смысле этого слова. Кроме того, при обсуждении евразийского сотрудничества в сфере образования меньше внимания уделяется школьному образованию, а также последипломному образованию и образованию взрослых. В то же время именно на этих уровнях образования сотрудничество стран ЕАЭС может быть значительно усилено и могут быть достигнуты важные интеграционные эффекты, поскольку будущее интеграционной ассоциации напрямую зависит от ее людских ресурсов, граждан стран ЕАЭС, их участия в евразийской в разработке конкретных евразийских проектов [11].

Рекомендации по углублению и развитию сотрудничества в сфере образования ЕАЭС включают в себя:

– установление тесных контактов между учебными заведениями союзных стран, включая

связи между педагогическими университетами, расширение обмена студентами, создание специализированных сетевых образовательных структур;

- формирование общих подходов к оценке качества, прежде всего школьного образования и образования для взрослых, а также реализация совместных проектов и инициатив по обеспечению качества образования на основе использования лучшего опыта межстрановых сравнительных исследований результатов обучения;

- формирование единого пространства в области профессионального образования и обучения с целью обеспечения непрерывного образования;

- внедрение системы евразийских грантов для поддержки самых талантливых студентов и ППС;

- расширение линейки программ дополнительного профессионального образования в сфере евразийских интеграционных процессов, ориентированных на представителей власти, бизнеса, научных кругов, широкой общественности;

- развитие исследовательской и информационной инфраструктуры и формирование комфортной среды;

- содействие обеспечению научной, учебной, методической, справочной, духовно-нравственной и художественной литературой, аудио- и видео- материалами;

- формирование во властях союзных стран специализированных структур, отвечающих за гуманитарное и технологическое сотрудничество, научно-образовательную интеграцию, культурную и научно-техническую деятельность в рамках евразийского проекта.

Внутренние ограничения и барьеры: невозможность вхождения в мировые рейтинги, отсутствие практики получения международных грантов и трудности с публикационной деятельностью (проблемы аффилиации), отсутствие базы данных выпускников вузов, малое количество контактов с работодателями, возможные проблемы с выбором языка-посредника, недостаточная лингвистическая грамотность студентов и сотрудников вузов. Необходима постепенная и последовательная гармонизация законодательства и практики регулирования в области образования, науки, инноваций, интеллектуальной собственности, образовательных и профессиональных стандартов во всех странах-партнерах Союза.

Заключение

В силу исторических, социокультурных, экономических факторов Россия пока остается достаточно привлекательной в миграционном отношении страной в евразийском и постсовет-

ском пространстве. Во-первых, еще не до конца исчерпан потенциал этнических русских и желающих переселиться в силу разных причин в Россию из стран бывшего СССР. Во-вторых, в некоторых российских регионах и отраслях российской экономики существует объективная потребность в населении в целом и трудовых ресурсах в частности. В настоящее время отрасли экономики и отдельные предприятия в России нуждаются в некоторых категориях иностранных рабочих и специалистов, система образования – в иностранных студентах, а реализация идеи «инновационного развития» страны невозможна без привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа [12].

Сейчас у России сохраняется возможность максимально использовать миграционный ресурс для пополнения населения страны за счет близкого в культурном, языковом и ментальном отношении населения. Однако миграционные ресурсы в странах бывшего СССР не бесконечны, за них идет конкурентная борьба, миграционные потоки из стран Центральной Азии, Украины, Молдовы переориентируются на новые направления. В данном контексте миграционная политика России должна быть более адекватной времени, а государство должно активно работать над миграционной привлекательностью страны. ЕАЭС нуждается в поддержке научно-экспертного сообщества. Его мнение представляется крайне значимым для обеспечения полноты информации из разных источников при принятии регуляторами решений. Экспертное сообщество собирает и анализирует факты, которые по разным причинам не обнародуются в официальной среде, обозначает нерешенные вопросы. Велика роль экспертного сообщества и в восприятии населением тех или иных проблем, связанных с миграционно-интеграционными процессами.

Примечание

1. В Казахстане программы бакалавриата относятся к программам высшего профессионального образования, программы магистратуры – к программам послевузовского образования.

2. В Казахстане программы бакалавриата относятся к программам высшего профессионального образования, программы магистратуры – к программам послевузовского образования, а по России данные не представлены в исследовании.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ (дата обращения: 03.03.2018).

2. International Migration Report 2015: Highlights / United Nations Population Division, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2016. 250 p.
3. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c.66928fa27e527/ (дата обращения: 05.09.2019).
4. 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2019 году. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20190228/10-naibolee-vazhnyh-sobitii-v-tse-ntralnoi-azii-v-2019-godu> (дата обращения: 30.09.2019).
5. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/education.aspx (дата обращения 05.11.2019)
6. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. М., 2019. 199 с.
7. Обращение Президента России к главам государств – членов Евразийского экономического союза. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения: 18.09.2019).
8. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. // Вестник международных организаций. 2010. № 1 (27). С. 96–106.
9. Осипов Г.В., Осадчая Г.И., Андреев Э.М. и др. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с.
10. Бордачев Т.В., Вишневский К.О., Глазатова М.К. и др. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: Докл. к XX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Отв. ред. Т.А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.
11. Киреев Е.Ю. Мигранты из государств-членов Евразийского экономического союза в Москве: экономическое поведение и проблемы адаптации на рынке труда // Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы Международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы–2018». СПб., 2019. С. 241–251.
12. Joint declaration of the European Ministers of Education convened in Bologna on 19 June 1999 (Bologna Declaration). URL: http://www.ehea.info/media/ehea.info/file/Ministerial_conferences/02/8/1999_Bologna_Declaration_English_553028.pdf (дата обращения: 24.09.2018).

EDUCATIONAL MIGRATION FROM THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: SOCIAL THREATS, PROSPECTS, DYNAMICS

A.A. Chernikova

ISPR FCTAS RAS, Russian State Social University, Moscow

The article considers educational migration as one of the significant drivers of the integration for Eurasian Economic Union members. The importance of Eurasian Economic Union integration in the field of education as one of the most important conditions and driving forces of economic integration is emphasized. The author describes the social threats to integration and assesses the dynamics of educational mobility in the region. Statistics are given on the number of students at schools, colleges and universities of professional education of state and non-state ownership of the EAEC member states since 2013, and on the number of educational organizations of primary, secondary and higher professional education. Particular attention is given to the description of social threats and risks of integration policy in the field of education, as well as possible ways of development and prospects of cooperation. The role of Russia and the Russian language in the Eurasian Economic Union is analyzed. The forms of educational cooperation and the most optimal organizational ways of implementing the integration of the EAEC member states are described. Much attention is also paid to the number of students of educational institutions of higher professional education who arrived from the EAEC member states since 2013/14 (statistics for each of the following countries are given: Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia).

Keywords: educational migration, academic mobility, integration, Eurasian Economic Union, EAEU.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 372:6

РОЛЬ РОДИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЕЗОПАСНОМ ПОВЕДЕНИИ ПРИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТАХ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© 2020 г.

О.В. Котлованова

Котлованова Олеся Владимировна, аспирант кафедры педагогики и психологии детства
Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск
kovchel08@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2020

Статья принята к публикации 14.05.2020

Описаны аспекты взаимодействия родителей с детьми и педагогом в рамках программы по формированию представлений о безопасном поведении у детей старшего дошкольного возраста при угрозах возникновения чрезвычайных ситуаций террористического характера. Акцентируется внимание на важности не только понимания родителями необходимости формирования у детей представлений о безопасности, но и их активного участия при обучении детей стратегиям адекватного поведения при различных террористических ситуациях или угрозе таковых. Как результаты проделанной работы, представляющие практическую значимость и имеющие научную новизну, приводятся рекомендации для родителей по детской безопасности, составленные по материалам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Предложены и описаны стратегии поведения детей, позволяющие им быть ситуативно гибкими и эффективными в вопросах безопасности, с учётом правил поведения при различных угрозах террористических актов; стратегии рекомендованы для ознакомления родителям. Предложены практические рекомендации для родителей по удовлетворению информационной потребности ребёнка и по организации предметно-пространственной среды для закрепления материала о терроризме и безопасности, изученного на занятии. Описаны индивидуальные педагогические консультации для родителей по вопросам обучения и развития ребёнка, с учётом возможных тенденций к пассивности, тревожности и любопытствованию ребёнка.

Ключевые слова: стратегии безопасного поведения при терроризме, роль родителей в дошкольном образовании, дети старшего дошкольного возраста.

Постановка проблемы. Терроризм становится актуальной и болезненной проблемой общества, а террористические акты стали неотъемлемой частью современной жизни [1]. Проблема развёртывания антитеррористических мер является злободневной для большинства стран, и требования к безопасности подрастающего поколения повышаются [2]. Сохранение здоровья детей и формирование у них опыта безопасного, ответственного поведения в отношении своей жизни и здоровья рассматриваются как одни из основных задач системы образования, что отражено в следующих нормативных документах: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) от 17.10.2013 № 1155 (часть 2, пункт 2.6), Национальная доктрина

образования РФ до 2025 года, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция развития дополнительного образования детей, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014 г. № 1726-р, Приказ Минобрнауки РФ от 4 июня 2008 г. № 170 «О комплексе мер по противодействию терроризму в сфере образования и науки» от 4 июня 2008 г. № 170, Письмо Минобрнауки России от 04.06.2008 № 03-1423 и Письмо Минобрнауки РФ «Об обеспечении безопасности в образовательных учреждениях» от 30.08.05 г. № 03-1572. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования (ФГОС ДО), утвержденному Приказом Министерства образования и науки России от 17.10.2013 № 1155, формирование у детей основ безопасного поведения в быту, социуме,

природе осуществляется в ходе реализации образовательной области «социально-коммуникативное развитие» (часть 2, пункт 2.6).

В процессе реализации профилактических контртеррористических и контрэкстремистских мер возрастает роль образовательных учреждений [3]. Огромна роль дошкольной образовательной организации (ДОО) в распространении жизненно важной информации о мерах безопасности, в обучении и привитии навыков безопасного поведения у детей в условиях чрезвычайных ситуаций террористического характера (ЧСТХ) и угроз их возникновения. Дошкольная организация должна стать ключевым связующим звеном между родителями и ребёнком в вопросах наиболее конструктивного и эффективного формирования элементарных навыков и стратегий безопасных действий у детей в чрезвычайных ситуациях, что может укрепить общественную безопасность в будущем [4].

В наше время, когда в любую минуту может остро встать вопрос, как остаться в живых, как себе помочь, что предпринять в ЧСТХ, главная задача педагогов и родителей видится в том, чтобы сформировать у детей представления о безопасном поведении и передать знания о том, как адекватно действовать при ЧСТХ. Целью нашего научного исследования стала выработка таких подходов и практических рекомендаций для родителей, которые способствовали бы повышению эффективности формирования у детей представлений о безопасном поведении при террористических угрозах.

Методика. Анализ литературных и научных данных по проблеме, опыт работы автора, структурирование нормативной и методической информации по безопасности при террористических актах позволили создать дополнительную авторскую программу «Безопасный я в безопасном мире», которая ставит своей целью формирование представлений о безопасном поведении у детей старшего дошкольного возраста при угрозе и возникновении ЧСТХ.

Научный результат. Крайне важна заинтересованность родителей в общем процессе формирования у детей представлений о безопасном поведении.

Прежде чем обратиться к результатам исследования, необходимо пояснить формы взаимодействия педагога с родителями, а также описать и пояснить стратегии безопасного поведения при террористических угрозах, которые предложены автором.

Самая первая форма проведения встречи с родителями – круглый стол по проблемам безопасного поведения при угрозе и возникновении ЧСТХ. Важно, чтобы педагог сообщал о

рекомендациях в течение реализации программы дополнительно, своевременно.

Особенно ценной представляется общедоступность знаний о стратегиях безопасного поведения ДДВ при ЧСТХ. С учетом этого для ознакомления родителей рекомендовано практическое приложение к программе «Безопасный я в безопасном мире» (конспекты занятий), которое позволит в домашней обстановке родителям вместе с детьми повторить и закрепить полученные на занятиях знания.

Родителям предлагается изучить приложение к программе, где определены основные правила безопасного поведения при различных ЧСТХ, которые ориентированы на детей («Терроризм. Правила безопасного поведения при угрозе и возникновении ЧСТХ»). Правила учитывают стратегии наиболее безопасного поведения при различных ЧС, связанных с терроризмом. Важно, что и для родителей правила безопасного поведения приведены в тех формулировках, которые используются педагогом на занятиях с детьми. Например, мы даём определения понятий «террорист» и «терроризм» так, чтобы это было понятно и не страшно для детей. Мы предлагаем следующие практические рекомендации педагогу для обсуждения вопросов терроризма с детьми: «Терроризм – это когда группа бандитов или один бандит стремится что-то себе получить (например, требует деньги), при этом добрых обычных людей запугивает, наводит страх и ужас. Преступники-террористы любыми способами пытаются нарушить покой в нашей жизни. Но бояться терроризма нельзя, потому что жизнь со страхом очень тяжела, и именно этого добиваются террористы. Но нужно быть в любой ситуации *наблюдательными и осторожными*». В рамках занятия дети развивают наблюдательность и учатся быть осторожными и распознавать опасность; а родителям важно знать, о чём было занятие, как раз для того, чтобы подготовиться и компетентно ответить ребёнку на его вопросы о терроризме и безопасности. Педагоги могут рекомендовать для ознакомления родителям специализированную литературу по вопросам безопасности при ЧСТХ, которая прописана в программе «Безопасный я в безопасном мире», или другую важную для изучения.

При составлении программы для детей старшего дошкольного возраста мы опирались на официальные рекомендации МЧС России по действиям в различных террористических ситуациях или при угрозах их возникновения. Однако большая часть рекомендаций адресована взрослым, и мы перекладывали эти правила для восприятия детьми. Действие по инструкции

хорошо и полезно в чрезвычайных ситуациях; но также важно быть ситуативно гибким, т.к. невозможно описать все возможные варианты опасностей терроризма. Наша сверхзадача как раз состоит в том, чтобы ребёнок мог придерживаться манеры поведения адекватно ситуации и с учётом собственных возможностей. Так, в результате исследования, анализа и использования опыта появились стратегии поведения при террористических угрозах. Выработан такой набор правил, который составляет основу стратегии, но каждое из правил не является её неотъемлемой частью. Опишем результаты нашего исследования подробнее для каждой стратегии.

Одной из потенциальных террористических угроз является бесхозный предмет, который может заинтересовать ребёнка. Правила поведения, которые сложились в стратегию поведения при обнаружении предмета, обыгрываются на занятии обучающем и закрепляющем. Для лучшего запоминания детьми стратегию мы назвали «Умные собачки». Важно познакомить родителей со стратегией, чтобы в домашних условиях в семейной обстановке и при желании и интересе ребёнка эта стратегия закреплялась. «Стратегия: ведём себя как умные собачки. Мы наблюдательные, как собачки, и мы замечаем странные предметы. Мы осторожные, как собачки: мы не трогаем странные предметы и не подходим к ним. Мы громкие, как собачки: мы зовём на помощь взрослых. Умные собачки знают, что в опасных предметах могут быть провода, антенны, изолянты, веревки, скотч, батарейки, проволока, верёвки. Умные собачки знают, что опасные предметы могут шуметь, тикать, шелкать, иметь странный запах».

В качестве примера можно также привести стратегию «Наблюдательные котики» при ситуации нахождения ребёнка в заложниках. «Стратегия: ведём себя как наблюдательные котики. 1. Будь рядом со своим воспитателем или с другим твоим знакомым взрослым, постарайся не разлучаться. Котики тоже держатся вместе. 2. Настройся на долгое ожидание. Спасателям нужно время, чтобы освободить тебя. Они не теряют ни минуты, но должны всё предусмотреть. Если ты оказался в заложниках, знай: ты не один, спасатели спешат к тебе на помощь. Котики тоже умеют долго ждать. 3. Если есть возможность, держись подальше от дверей и окон. Котики не любят сидеть на проходе. 4. Постарайся пометчать: вспоминай свои любимые книги, мультфильмы, загадки и стихи. Подумай о том, что спасатели уже спешат на помощь. Котики ведь тоже мечтают, например, о ... (можно спросить детей). 5. Будь внимателен, постарайся запомнить приметы преступников,

отличительные черты лиц, одежду, имена, ключки, шрамы, о чем они разговаривают – хорошенько запоминай. Наблюдательные котики очень внимательно могут следить за всеми. 6. Не раздражай террористов: не кричи, не плачь, не возмущайся. Не вступай в споры с террористами, выполняй все их требования. Помни: этим ты спасаешь себя и окружающих. Твоё неожиданное движение, прыжки или шум могут повлечь жестокость от террористов – а это опасно не только для тебя, но и для других заложников. 7. Можно кратко сообщить, что тебе нужен врач, что-то болит. 8. Ничего не используй против террористов, даже игрушечное оружие. Наблюдательные котики сами никогда нападать не станут. 9. Если тебе угрожают пистолетом, надо выполнять требования террориста и ждать, когда придут спасатели. 10. Ничего не делай, пока не получишь разрешения от террористов. На любое действие (сесть, встать, попить, сходить в туалет) спрашивай разрешение. 11. Не выделяться из массы других людей. Наблюдательные котики сидят тихо и не выпрыгивают».

Ещё одна стратегия – «Извивающаяся змейка» (рекомендуется при штурме, освобождении заложников со стрельбой, взрывами, обрушениями). «Стратегия: ведём себя как извивающиеся змейки. Недопустимо показывать оружие (даже игрушечное). Змейки не ползают с игрушками. Недопустимо брать брошенное террористами оружие. Змейки не ползают с пистолетами. Недопустимо трогать поврежденные конструкции и оголившиеся провода. Змейки извиваются, но не по проводам. Недопустимо спускаться по водопроводным трубам, по связанным простыням. Змейки не спускаются из окон. Недопустимо прыгать из окон здания, начиная с третьего этажа, т.к. неизбежны травмы. Змейки не прыгают. Недопустимо высовываться из окон и дверных проёмов. Змейки ползут и извиваются, но из окон не высовываются. Недопустимо приближаться к террористам. Змейки, наоборот, прячутся от опасных людей».

Эти и другие правила наиболее безопасного поведения, описанные в рамках стратегии, могут спасти жизнь ребёнка. Поэтому особенно важно, чтобы и родители понимали значимость подобных занятий и способствовали лучшему усвоению знаний и умений у их детей.

Мы стремимся подчеркнуть значимость психолого-педагогической поддержки семьи и повышения компетентности родителей (законных представителей) в вопросах развития и образования, охраны и укрепления здоровья детей, особенно связанных с безопасным поведением при ЧС. Для этого нами предлагаются индивидуаль-

ные педагогические консультации для родителей по вопросам обучения и развития ребёнка (в течение всего периода реализации программы безопасного поведения в различных ЧСТХ).

Чуткость по отношению к эмоциональному состоянию ребёнка проявляют не только педагог, но и заботящиеся родители. Всегда нужно учитывать возможные отклонения от нормальной реакции ребёнка, что обусловлено не столько педагогическими действиями, сколько индивидуально-типологическими особенностями ребёнка, его эмоциональным состоянием и уровнем текущего соматического здоровья. Мы выделили три тенденции (отличающиеся от среднестатистической гармоничной реакции) того, как дети могут отреагировать на занятия о формировании террористической безопасности: 1) тенденция к тревожности: дети ярко и эмоционально реагируют на изучение вопросов, связанных с ЧСТХ; 2) тенденция к пассивности: дети с пассивной установкой на изучение и использование правил поведения (ПП); 3) тенденция к любопытству: дети любопытствуют и задают много уточняющих вопросов о терроризме и о правилах безопасного поведения.

Соответственно, педагог и родители должны максимально быстро заметить подобные тенденции у ребёнка и принять меры по нормализации психоэмоционального состояния. Ведь развитие, обучение и воспитание детей должны происходить на фоне их эмоционального благополучия и положительного отношения к миру, к себе и к другим людям. Рекомендовано дополнительно встретиться с ребёнком (индивидуально) и с семьёй, обсудить подобные тенденции с родителями и с детским психологом для мягкой коррекции состояния ребёнка. При необходимости используется психологическая диагностика детей, проводимая психологами. Участие ребёнка в психологической диагностике допускается с согласия его родителей. Результаты психологической диагностики могут использоваться для решения задач психологического сопровождения и проведения квалифицированной помощи детям и семьям. Нижеперечисленные (разработанные нами) подходы рекомендованы для использования в психолого-педагогической работе с детьми и для ознакомления и соблюдения родителями.

1. С тревожными, эмоционально лабильными детьми важно проговаривать подробности обеспечения безопасности лично их и людей в целом в общественных местах, на улице и т.д. Нужно акцентировать внимание ребёнка на изучении ПП; дать понять, что терроризм – крайне редкое явление и, скорее всего, он с ним никогда не столкнется. ПП – это защитные ме-

ры, которые мы должны знать; но, скорее всего, они никогда не понадобятся. Так, мы знаем про землетрясение или шторм на море, но никогда не встретимся с этими опасностями. Нужно создать максимально комфортную атмосферу дома, урегулировать межличностные отношения внутри семьи. От эмоциональной реакции родителей и педагога будет зависеть и реакция ребёнка на терроризм. Необходимо сделать акцент на игровой составляющей с эмоционально-положительным подкреплением, соревнованиями, творческой деятельностью, которая тоже способствует отреагированию внутренних переживаний.

2. Дети с пассивной установкой на изучение и использование правил безопасного поведения должны быть больше мотивированы педагогом и родителями. Заинтересованность в научении кукол, родственников и т.д. правилам безопасного поведения может заинтересовать ребёнка. Особое внимание стоит уделить личной мотивации ребёнка и определению его интересов в целом и по данной теме. На групповых занятиях следует уделить особое внимание активности вовлечения ребёнка, стимулировать интерес, проводить рассадку с учётом тенденции к пассивности (ближе к педагогу).

3. Дети, любопытствующие и задающие много уточняющих вопросов о терроризме и о правилах безопасного поведения, нуждаются в удовлетворении интереса со стороны педагога и родителей. Ребёнок обязательно должен «проиграть» то, что его интересует, и получить исчерпывающие ответы на свои вопросы. Скорее всего, после этого ребёнок увлечётся чем-то по другой тематике.

Для более качественной реализации целей и задач, которые обозначены для каждого занятия и для программы в целом, приветствуется вовлечение родителей воспитанников в процесс формирования знаний о безопасном поведении. Заинтересованность и активное участие родителей позволят сформировать доверительные отношения между педагогом и семьёй ребёнка, продолжать закрепление нового материала вне занятий.

Мы предлагаем следующие примерные рекомендации для педагогов и родителей по удовлетворению информационной потребности ребёнка и по организации предметно-пространственной среды для закрепления материала, изученного на занятии. Важно, что такие рекомендации выстроены для закрепления каждого занятия программы. Ниже даны примеры рекомендаций для родителей без ссылок на конкретные занятия.

1. Предложить сюжетно-ролевые игры по темам «Спасатель», «Профессии людей, кото-

рые нас спасают и оберегают» и другим связанным с вопросами безопасности и спасения темам. Родитель может выступать в роли играющего партнёра или координатора для уточнения ВПП, необходимых для сохранения жизни и здоровья. Реализуется сотрудничество детей и взрослых, ребенок выступает полноценным участником образовательных отношений и может выбрать интересующую его тему, касающуюся ЧС или операции по спасению.

2. В людных местах родителям рекомендовано обращать внимание ребёнка на возможные опасности при их реальном обнаружении (подозрительные сумки, пакеты): таким образом тренируется наблюдательность и закрепляются знания об опасных бесхозных вещах. Взрослый, будучи наставником, может напомнить ПП и использовать их с ребёнком в реальной ситуации. Реализуется сотрудничество педагога с семьёй.

3. Может быть рекомендована беседа с ребёнком на тему терроризма с акцентом на безопасность. Родителям следует максимально компетентно и эмоционально спокойно отвечать на вопросы детей о терроризме и безопасности при терроризме. Нельзя оставлять вопросы детей без ответа. Важно самим родителям не испытывать страха перед терроризмом, а снабдить ребёнка уверенностью в том, что взрослое сообщество и полиция охраняют нас.

4. Рекомендовано провести дидактическую игру: «Где спрятался опасный предмет?». Предлагается схема города, улицы. Ребёнку даётся установка: найти, где на карте города может быть опасный предмет. Родитель поддерживает инициативу детей в ответах. Совместно делается вывод: опасный предмет может быть в любом месте, особенно там, где многолюдно.

5. Ребёнок может нарисовать предметы и объекты, за которыми можно спрятаться и спастись, если ты заметил бандитов-террористов (примеры обычных подходящих объектов – кiosk, куст, веранда, машина и т.д.). Родитель – это помогающий партнёр. Следует отвечать на все вопросы детей о террористической опасности максимально компетентно и эмоционально сдержанно, но с эмпатией к ребёнку.

6. Находясь в разных местах (на прогулке, в магазине, в парке и т.д.), рекомендовано заинтересовать ребёнка заданием: быстро найти места, где можно спрятаться (по стратегии «Тихая мышка»).

7. Создать достаточно насыщенную и вариативную развивающую предметно-пространственную среду для организации детьми сюжетно-ролевых игр по темам, связанным с избеганием опасных ситуаций ТХ (возможность убежать и спрятаться в первые минуты ЧСТХ), и другим

связанным с вопросами безопасности и спасения темам.

Ещё одной формой привлечения родителей к вопросу формирования у ребёнка представлений о безопасном поведении является подготовка итогового занятия. Совместно с другими семьями и детьми группы, с координационной помощью педагога проводится заключительное занятие «Мой безопасный мир» программы «Безопасный я в безопасном мире» в конце учебного года. Предлагается провести занятие в свободной форме. Учитывая форму занятия, практическая часть вариативна, но отвечает цели и задачам занятия. Цель занятия – закрепить сформированные представления о безопасном поведении при угрозе и возникновении ЧСТХ. Задачи занятия: 1) закрепить знания о безопасном поведении при угрозе и возникновении ЧСТХ; 2) закрепить сформированные умения распознавать опасные ситуации, обосновывать и следовать стратегиям безопасного поведения; 3) развивать нравственно-волевую сферу ребёнка, способного ценить жизнь и здоровье – своё и окружающих. Так как занятие предполагает свободную форму, оборудование и материально-техническое обеспечение могут быть выбраны родителями в соответствии с планируемой деятельностью и согласно цели и задачам занятия.

Родителям следует знать ПП по курсу программы. Важно построить занятие таким образом, чтобы каждый ребёнок мог повторить все ПП при различных угрозах и совершениях ЧСТХ, продемонстрировав и описав их в рамках стратегий. При составлении занятия следует опираться на ознакомительные материалы для родителей, прописанные в программе (материалы для родителей дублируют ПП, изученные детьми в течение года). Варианты форм проведения занятия – квесты, тематические площадки для сюжетно-ролевых и театрализованных игр (импровизированный спектакль), проблемные ситуации и др. Важно осветить ПП при различных возможных ситуациях террористической этиологии: при пожаре, обнаружении опасного предмета, при избегании захвата террористами, в заложниках у террористов, при штурме. Реализуется сотрудничество детей и взрослых, ребенок выступает полноценным участником образовательных отношений. Реализуется сотрудничество ДОО (либо другой организации, в которой реализуется программа) с родителями. Семьи вовлекаются непосредственно в образовательную деятельность.

Результаты внедрения материалов, предложенных в статье, в практику взаимодействия ДОО и семьи по вопросам антитеррористической безопасности детей следующие: воспитатели и методисты, внедрившие наши рекомен-

дации в занятия по безопасности с детьми старших и подготовительных к школе групп, отмечают «интерес детей к вопросам безопасности», «мотивацию детей к изучению стратегий поведения с перевоплощением в героев (солдат, собачка, мышка, котик, змейка)», «100% родителей подписали согласия и выразили заинтересованность в проведении регулярных занятий по антитеррористической безопасности в группах в течение всего учебного года», «15% родителей в различных формулировках высказали предложение о создании интерактивного игрового приложения для использования на компьютере и любом гаджете о закреплении у детей стратегий и правил поведения при террористических угрозах».

В настоящее время нами проводится исследовательская работа с программистами и методистами для создания удобного, интересного и качественного игрового приложения по антитеррористической безопасности.

Выводы. Таким образом, говоря о формировании представлений о безопасном поведении важно понимать, что сотрудничество педагога и родителя может максимально повысить эффективность обучения ребёнка дошкольного возраста стратегиям адекватного поведения при ЧСТХ. Закрепление понимания и применения авторских стратегий при террористических угрозах как в ДОО, так и дома повышает вероятность того, что

при реальной угрозе ребёнок поступит наиболее здоровьесберегающим образом. Пользуясь нашими результатами исследования и практическими рекомендациями, родители и педагоги уделяют большее внимание и прилагают более эффективные усилия для сохранности жизни и здоровья детей в условиях нарастающих террористических угроз современности.

Список литературы

1. Науменко Ю.Л. Педагогические технологии и механизмы формирования навыков безопасного поведения учащихся школ: Автореф. ... дис. канд. пед. наук. М.: Ун-т Рос. академии образования, 2009. 15 с.
2. Черный С.П. Психолого-педагогическое обеспечение процесса формирования навыков безопасного поведения в чрезвычайных ситуациях у учащихся общеобразовательных школ: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск: Красноярский госуд. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. 19 с.
3. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 248–253.
4. Борисова Н.И., Пьянзина О.В., Чернышева Е.Н., Чебардакова Н.Н. Город, дружественный к ребенку. Методология реализации инициативы в Республике Казахстан. Астана: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Казахстан, 2015. 68 с.

THE ROLE OF PARENTS IN SHAPING PRE-SCHOOL CHILDREN'S PERCEPTIONS OF SAFE BEHAVIOUR IN THE EVENT OF TERRORIST ACTS

O.V. Kotlovanova

South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Chelyabinsk

The article describes some aspects of interaction between parents, children and teachers as part of a programme to develop pre-school children's perceptions of safe behaviour at risk of terrorism-related emergencies. Special emphasis is placed on the importance of the parents' role not only in understanding the need to form children's perceptions of safety, but also in their active participation in teaching children strategies for adequate behaviour in various terrorism-related situations. Based on the materials of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, practical recommendations for parents on children's safety are presented. Some strategies for children's behaviour allowing them to be situationally flexible and effective in safety questions are proposed. Taking into account the importance of psychological and pedagogical support for the family and raising the competence of parents (legal representatives) on child safety in case of terrorism threat, the article describes individual pedagogical consultations for parents on the issues of the child's education and development.

Keywords: strategies of safe behavior in terrorism, role of parents in preschool education, children of senior preschool age.

УДК 378

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОПОСТАВИМОСТИ

© 2020 г.

А.А. Муравьева, О.Н. Олейникова

Муравьева Анна Александровна, к. филол.н.; заместитель директора
Национального офиса Erasmus+ в России, Москва
info@erasmusplusinrussia.ru

Олейникова Ольга Николаевна, д.пед.н.; проф.; директор
Национального офиса Erasmus+ в России, Москва
info@erasmusplusinrussia.ru

*Статья поступила в редакцию 08.04.2020**Статья принята к публикации 29.05.2020*

Рассматриваются вопросы развития магистерских программ в России в контексте принципов и трендов Болонского процесса. Проведен анализ международного и российского опыта в области развития магистерских программ. Выявлены ключевые препятствия для успешной реализации российских магистерских программ, которые были бы конкурентоспособны на международном уровне, и сформулированы рекомендации по устранению существующих недостатков на системном и институциональном уровне. Цель статьи – на основании проведенного сравнительного анализа представить конкретные рекомендации по повышению качества и актуальности магистерских программ. При проведении исследования использованы сравнительно-аналитический метод, метод анализа текстов, методы сбора эмпирической информации, методы наблюдения и интервью (в рамках процедур мониторинга реализации проектов программ Темпус и Эразмус+), понятийно-терминологический анализ; интерпретация; моделирование и проблемный метод. Новизна заключается в выявлении ключевых системных препятствий для успешного развития института магистратуры в России и формулировании конкретных предложений по их устранению.

Ключевые слова: магистратура, результаты обучения, Болонский процесс, высшее образование, Европейские стандарты и рекомендации по обеспечению качества, Европейская система переноса и накопления зачетных единиц, Дублинские дескрипторы, обучение в течение всей жизни, образовательные стандарты.

Введение

Вопросы трех циклов (уровней) программ высшего образования стоят на повестке дня российской системы высшего образования уже долгое время.

В рамках реализации положений, зафиксированных в Болонской Декларации и в последующих документах Болонского процесса, российская высшая школа активизировала процесс перехода на трехуровневую систему: бакалавриат, магистратура, аспирантура.

Для России уровневая система не нова: магистратура существовала и до 1917 г.; а возможность перехода на бакалавриат и магистратуру была официально признана еще в 90-х годах прошлого века. Другое дело, как это происходило.

После присоединения к Болонскому процессу понятия и практики двух первых циклов получили дальнейшее развитие, которое было и остается непростым и продолжает наталкиваться на определенное сопротивление [1].

Российский дискурс в этой области носит волнообразный характер – то усиливается, то затухает. Основные аргументы оппонентов ка-

саются формальной характеристики программ бакалавриата, а именно их продолжительности, а также целесообразности магистерских программ двух циклов в целом. Следующий аргумент – исторически высокое качество и фундаментальность российского высшего образования. С этим аргументом было бы трудно поспорить, если бы мы в настоящее время находились в рамках той парадигмы общественного развития, в которой мы уже не находимся. Образование, как известно, должно быть не просто созвучно своей эпохе, но и «работать» на перспективу, готовя обучающихся к жизни не только здесь и сейчас, но и в будущем.

Мир стал другим, и отрицание этого равноценно неоправданной косности и нежеланию сделать этот мир лучше, признав его вызовы. Новые технологии, прежде всего информационные, изменили коренным образом не только финансовые и технологические стороны жизни, но и само мышление поколений миллениалов и тех, кто следует за ним. И в этой связи обостряется актуальность вопросов, связанных с содержанием образовательных программ, обучающей средой, новыми методами и средствами

обучения, то есть с сохранением и поддержанием самого статуса высшей школы и ее привлекательности для различных целевых групп; а также – что еще важнее – с сохранением системы ценностей, которая находится под ударом в контексте распространения различных форматов виртуальной реальности во всех сферах общественной и частной жизни.

В современном мире ценностные основания образования приобретают беспрецедентно важное значение в контексте резких и, как правило, непредсказуемых политических и социальных изменений, которые вызывают к жизни угрозу возникновения некоего пространства, не заполненного соответствующими нормами и ценностями, или «паттернами», которые бы отражали социальную реальность и детерминировали действия людей [2].

В более конкретных терминах это означает модернизацию образовательных программ, повышение их актуальности, привлекательности и востребованности, а также создание условий для эффективного трудоустройства и развития карьеры выпускников.

Поскольку благодаря информационным технологиям новая общественная парадигма развития носит сетевой характер, происходит интернационализация различных общественных подсистем, включая и высшее образование. Развитие интернационализации на европейском континенте трансформировало ранее существовавшие европейские интеграционные процессы в части их структурирования, усиления и придания им системного характера. Уже сформирован общеевропейский дискурс в сфере высшего образования, опирающийся на общий понятийный аппарат и общее понимание принципов и системных механизмов, обеспечивающих развитие и модернизацию различных сегментов образовательной системы [3].

В рамках глобализации, интернационализации и стратегии обучения в течение всей жизни повышается актуальность вопросов, связанных с признанием квалификаций, в том числе и освоенных в другой стране, периодов обучения за рубежом и т.д. Для решения этих вопросов должны быть сформированы основания, обеспечивающие не только развитие дискурса, но и его имплементацию.

И таким ключевым основанием, с одной стороны, и инструментом, с другой, явился Болонский процесс, в рамках которого и сформировалась концепция трех циклов высшего образования (в нашей терминологии – уровней). Для успешной имплементации этой концепции сформированы конкретные инструменты, такие как, например, рамка квалификаций для евро-

пейского пространства высшего образования (Дублинские дескрипторы), Европейская система переноса и накопления зачетных единиц (ECTS), Европейские стандарты и руководство по обеспечению качества высшего образования на европейском пространстве высшего образования (ESG) и другие.

В сфере российского высшего образования наблюдается разрыв между формальным участием в Болонском процессе, сопровождающимся внедрением определенных его механизмов в высшее образование, и сущностными факторами, которые обеспечивают использование этих механизмов наиболее успешным и полезным способом.

Именно этот разрыв будет рассмотрен в статье на примере цикла магистратуры; кроме того, будут предложены конкретные пути его преодоления.

Методы и материалы

Для выявления ключевых системообразующих элементов и инструментов эффективного развития института магистратуры в нашей стране и минимизации факторов, ограничивающих эффективность магистратуры, проанализирован массив российских и зарубежных публикаций по исследуемой тематике. Исследование анализируемого явления проведено по осям диахронического и синхронического рассмотрения, что позволяет определить как источники сдерживающих факторов, так и возможности и векторы их устранения для успешного движения вперед.

Исследованы (помимо источников, указанных в списке литературы) российские и зарубежные публикации, включая нормативные документы федерального и отраслевого уровня и документы Болонского процесса, включая документы встреч министров высшего образования и основные методические документы, такие как Европейские стандарты и рекомендации по обеспечению качества, Европейская система переноса и накопления зачетных единиц и др.; научные статьи российских исследователей (например, публикации в профильных журналах и сборниках трудов и материалов конференций таких авторов, как И.В. Абанкина, В.С. Сенашенко, С.А. Пилипенко, А.А. Жидков, Е.В. Караваева, И.П. Марченко, Ю.А. Гударенко, Б.И. Бедный, О.А. Кузенков, О.В. Мотовилова, Х.С. Пак, А.А. Давыдова, А.Е. Камышанова, С.А. Теммюева, А.А. Байков, С.Е. Марсова, О.Б. Пичков и др.) по общим вопросам методики и организации программ магистратуры, по вопросам проектирования и реализации ма-

гистерских программ, формирования индивидуальных траекторий освоения магистерских программ, вопросам организации магистратуры по укрупненным направлениям подготовки.

В целом в последнее время статьи о магистратуре и о Болонском процессе стали нечастым явлением. Даже такие журналы, как «Вестник магистратуры» и «Магистрант», не публикуют аналитические и методические статьи по вопросам развития магистратуры.

В публикациях фрагментарно рассматриваются отдельные вопросы магистерского образования, например магистерское образование как ступень к научной деятельности в непрерывном образовании; новые программы подготовки магистров; соотношение академической магистратуры и аспирантуры, проблемы развития магистратуры в региональных вузах [например, 4–8].

Следует отметить, что только единичные работы [9] содержат указание на зарубежный опыт, в частности на Дублинские дескрипторы, на использование результатов обучения, в том числе и для расчета зачетных единиц.

Методы исследования включали в себя сравнительно-аналитический метод, метод анализа текстов, методы сбора эмпирической информации, методы наблюдения и интервью (в рамках процедур мониторинга реализации проектов программ Темпус и Эразмус+), понятийно-терминологический анализ; интерпретацию; моделирование и проблемный метод.

Результаты

Следует отметить, что первые два цикла/уровня высшего образования являются не чьей-то прихотью, но ответом на вызовы внешней среды. Именно в ответ на эти вызовы формировалась концепция обучения в течение всей жизни, направленная на создание возможностей для непрерывного профессионального и личностного роста и самореализации людей в условиях беспрецедентной динамики развития технологий, рынков труда и изменения моделей организации труда. Именно в ответ на эти вызовы сформировалась потребность в усилении диалога вузов с рынком труда, с предприятиями и компаниями. Именно в ответ на эти вызовы была разработана рамка квалификаций для европейского пространства высшего образования и Европейская рамка квалификаций для обучения в течение всей жизни.

Рамка квалификаций для европейского пространства высшего образования, иначе называемая Дублинские дескрипторы, разработана и принята университетским сообществом в 2004 г. в качестве рамочных критериев описания до-

стижения обучающимися определенного уровня квалификации. Коснемся этих критериев, называемых дескрипторами, подробнее, поскольку они играют ведущую роль в проектировании программ и обеспечении сопоставимости квалификаций.

Эти критерии включают в себя: знание и понимание, применение знаний, вынесение суждений, способность к коммуникации, способность к обучению. Ниже приведена расшифровка каждого критерия:

1) знания и понимание, основанные на знаниях и понимании, обычно ассоциирующихся с уровнем бакалавра, и выходящие за эти рамки и/или углубляющие их, которые являются основой или предоставляют возможность для проявления оригинальных подходов при разработке и/или применении идей, часто в рамках исследовательского контекста;

2) применение знаний и понимания и способность решать проблемы в новых и незнакомых контекстах в рамках более широких (междисциплинарных) контекстов, связанных с областью изучения;

3) способность интегрировать знания и справляться со сложными задачами и формулировать суждения на основе неполной или ограниченной информации, предполагающей учет социальной и этической ответственности, связанной с использованием их знаний и суждений;

4) способность четко и непротиворечиво сообщать свои выводы и использованные для их формулировки знания специалистам и неспециалистам;

5) умения в области обучения, позволяющие продолжать обучение в значительной мере самостоятельно и автономно.

Европейская рамка квалификаций (ЕРК) основана на 3 критериях, таких как: знание и понимание, умения, широкие компетенции (уровень самостоятельности и ответственности). В ЕРК уровню магистры соответствует уровень 7.

Ниже приведены дескрипторы данного уровня:

1) высокоспециализированные знания, часть которых относится к последним достижениям в соответствующей области трудовой деятельности или обучения, на основе которых формируются оригинальные идеи и/или проводятся исследования; критическое осмысление вопросов в области изучения в смежных областях;

2) умения решать специализированные проблемы, необходимые для проведения исследований или реализации инноваций с целью создания новых знаний и процедур, а также интегрировать знания из различных областей;

3) управление контекстами трудовой деятельности или обучения, которые являются непредсказуемыми и требуют новых стратегических подходов, и их преобразование; ответственность за вклад в профессиональные знания и практическую деятельность и/или оценку стратегической деятельности команд.

То есть, в общем виде, выпускники магистерских программ должны иметь уровень знаний и понимания или же высокий уровень художественных компетенций, который позволяет им интегрировать знания и справляться со сложными ситуациями, формулировать суждения и сообщать собственные выводы экспертам и неэкспертам. Выпускники должны быть способны продолжать собственное обучение и проводить исследования самостоятельно. Дескрипторы в обеих рамках основаны на результатах обучения/компетенциях, и для каждого цикла установлен рамочный объем зачетных единиц.

В этой связи коснемся более подробно понятия «результаты обучения», которое лежит в основе не только образовательных программ, но и стратегии обучения в течение всей жизни, где обучение понимается в трех ипостасях – как формальное, неформальное и спонтанное (в нашей терминологии – самообразование). Результаты обучения лежат в основе ECTS и ESG, и в целом они являются основой реформирования парадигмы высшего образования, обеспечения взаимного признания дипломов и степеней и обеспечения качества программ. У нас более привычно использование термина «компетенции».

Результаты обучения в зарубежной практике понимаются как способность целостного использования знаний, умений, опыта и отношений в стандартных и новых трудовых ситуациях; то есть это описание того, что будет знать и уметь делать человек после завершения обучения.

Результаты обучения в контексте образовательных программ обеспечивают их прозрачность, гибкость и преемственность, позволяют избежать дублирования, позволяют студентам сделать обоснованный и информированный выбор программ и курсов обучения. Они позволяют сформировать систему обеспечения качества и признавать результаты обучения, достигнутые в рамках других сегментов образования, обеспечивают прозрачность и международную сопоставимость квалификаций [10].

Использование результатов обучения провозглашено в документах Болонского процесса и особо подчеркнуто в Бухарестском коммюнике в качестве основы реформирования парадигмы высшего образования, обеспечения взаимного признания дипломов и степеней и обеспечения качества программ. На конференции ми-

нистров образования в Лондоне была достигнута договоренность, что результаты обучения должны использоваться при проектировании образовательных программ и в рамках студенто-центрированной педагогики.

На втором цикле в странах – участницах Болонского процесса сформирована диверсифицированная типология образовательных программ и соответствующих дипломов и степеней. К сожалению, к нашей стране это не относится.

На настоящий момент в ЕПВО наиболее распространенными являются программы с объемом 120 з.е. Причем в двух третях стран Болонского процесса – это единственная модель данного цикла. В других странах в дополнение к этой модели используются модели с объемом 60–75 з.е. или 90 з.е. Для доступа к магистратуре нужно завершить программу второго цикла. После этого открыт доступ к докторантуре (в европейском понимании, аспирантуре – в российской терминологии). Обычно продолжительность программ – 1–2 года обучения по полной форме или их эквиваленте. Содержание программ соответствует общим дескрипторам уровней квалификации и проектируется и реализуется на основе результатов обучения [11].

На данном уровне наблюдается диверсификация документов, выдаваемых по завершении программы. Эти документы представлены свидетельствами, дипломами, степенями и сертификатами. Базовым документом является степень магистра, которая присуждается по завершении основной программы обучения. При этом в каждой стране имеется собственная типология документов, которая формировалась не один год.

При всем многообразии, все документы отражают соответствие их держателя рамочным требованиям для данного уровня (Рамка квалификаций для европейского пространства высшего образования и ЕРК). При этом в разных странах количество уровней квалификаций в национальных рамках квалификаций отличается от 8 уровней ЕРК. Например, в Ирландской национальной рамке квалификаций девятый уровень соответствует второму болонскому циклу или уровню 7 ЕРК. И на этом уровне выдаются два типа документов – степень магистра ('Masters') и диплом, носящий название 'Postgraduate Diploma'.

И здесь следует подчеркнуть, что термин «квалификация» используется в мировой практике как синоним терминов «диплом», «свидетельство», «степень» и т.д.

Выдаваемые свидетельства зависят от типа магистерской программы, который, в свою очередь, зависит от направленности программы. Как правило, магистерские программы в вузах ЕС включают в себя [12]:

– исследовательские магистерские программы, направленные на формирование четких научных и методологических компетенций, которые интегрированы в инновационную деятельность и процесс трансфера новейшего знания (такие программы обычно выбирают те, кто планирует обучение на третьем цикле);

– программы прикладного характера (в англосаксонской традиции это так называемые «*taught Master courses*» с сильным профессионально-ориентированным характером, которые могут быть реализованы в формате очного, частичного, дистанционного образования или же в рамках смешанного формата – *blended learning*).

Академическая/исследовательская магистратура дает прямой доступ к программам докторантуры, в то время как практико-ориентированная/профессиональная магистратура дает возможность поступления в докторантуру при соблюдении дополнительных условий.

Пример

В Великобритании и Ирландии все степени магистра являются академическими. Но есть различие между тем, что носит название «*taught Masters*» и «*research Masters*». В Ирландии «*taught Master*» предполагает обучение в течение 1 года, а исследовательская магистратура – 2 года. В Великобритании «*taught Master*» присуждается после 1 года обучения по полной форме или даже более 1 года и имеет объем 90 з.е. ECTS. Исследовательская магистратура, часто называемая M.Phil. (магистр филологии), имеет продолжительность 2 года и дает возможность для получения степени доктора философии (Ph.D.).

При наличии различия между академической и практико-ориентированной магистратурой, существуют возможности смены профиля, если обучающийся примет соответствующее решение, в виде дополнительных «мостиковых» курсов.

В ряде стран особо выделяется третье направление, а именно – магистерские программы различной продолжительности для работающих людей в рамках повышения квалификации (в нашей терминологии), для людей, возвращающихся в образование или занимающихся самообразованием.

Как правило, квалификация/степень академического/исследовательского магистра присуждается в университетах, а профессионально-ориентированного магистра – высшими учебными заведениями неуниверситетской категории.

Также в некоторых странах реализуются разные варианты программ для лиц, поступающих в магистратуру по той же специальности, что и завершенная программа бакалавриата, и

для лиц, имеющих степень бакалавра по иной специальности. Иногда их называют «*Conversion Master*».

Например, человек с дипломом по физике может поступить на магистерскую программу в области бухгалтерского дела. В Австрии, например, прием на магистерские программы осуществляется по результатам анализа бакалаврского профиля заявителя. При принятии решения о приеме устанавливается необходимость дополнительных «переходных» курсов на первом году магистерской программы.

В России магистерские программы имеют долгую историю. И, возможно, эти «долгосрочные» воспоминания и импринтинги влияют на современный взгляд на институт магистратуры.

Рассмотрение текущего состояния дел с диалектической точки зрения может позволить частично объяснить современное состояние дел, например, настойчивое продвижение педагогической и научной составляющей магистерских программ. Как известно, основной задачей магистратуры в дореволюционной России была *подготовка высокообразованного университетского преподавателя, ведущего собственные исследования и хорошо ориентирующегося в определенной отрасли научного знания* [8]. После 1917 г. на долгие десятилетия магистратура была предана забвению.

И только в 1993 г. появилось «Положение о магистерской подготовке (магистратуре) в системе многоуровневого высшего образования Российской Федерации», утвержденное постановлением Государственного комитета РФ по высшему образованию¹. Данным Положением магистерская подготовка определялась как реализация профессиональных образовательных программ, ориентированных исключительно на научно-исследовательскую и научно-педагогическую деятельность. Поэтому содержание данных программ связывалось в основном с фундаментальной подготовкой в определенной сфере научного знания. Корреляция с дореволюционным опытом очевидна.

Согласно ФГОС 2000 года, магистерская образовательная программа включала программу подготовки бакалавра по соответствующему направлению (4 года) и специализированную подготовку магистра (2 года), то есть была зафиксирована четкая вертикаль продвижения «бакалавр – магистр». Далее, в 2006 г., приказом Министерства образования и науки Российской Федерации «Об образовательной программе высшего профессионального образования специализированной подготовки магистров» (от 22 марта 2006 г. № 62) было введено понятие «специализированная подготовка магистра» и в

основные направления подготовки были включены научно-исследовательская и педагогическая, проектная, опытно-конструкторская, технологическая, исполнительская, творческая, организаторская деятельности и др. Правда, не очень понятно, по каким основаниям были выделены именно эти области.

Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) были закреплены квалификации «бакалавр» и «магистр». В новой системе высшего профессионального образования предполагалось, что бакалавриат будет формировать общие базовые профессиональные компетенции по укрупненным направлениям подготовки, а магистратура будет давать узкую профессиональную специализацию в рамках общих направлений подготовки.

Далее был переход к ФГОС третьего поколения в его последовательных «плюсовых» ипостасях – 3, 3+, 3++ и т.д., которые уже предполагали в качестве точки отсчета компетенции, которые должны были быть согласованы с работодателями. Затем стали разрабатываться профессиональные стандарты, которые предназначались для использования при разработке, в том числе, ФГОС ВО и соответствующих образовательных программ.

И здесь стали возникать проблемы и усугубилось системное недопонимание назначения и содержания программ подготовки магистров, которое можно свести к двум вопросам. Во-первых, как выявить запросы работодателя? Во-вторых, как трансформировать их в программы?

На системном уровне методологического решения этим проблемам предложено не было, не была предложена системная методика. Каждый вуз все делал по-своему, да и при разработке профессиональных стандартов системного метода также не предлагалось.

Более того, если посмотреть на зарубежный опыт, профессиональные стандарты, как правило, разрабатываются только до 5 уровня (ЕРК). Что касается уровней университетского высшего образования, как правило, совместно с работодателями формулируется так называемые benchmarks (реперные точки), которые подлежат учету при формировании систем обеспечения качества и требований к оценке выпускников.

Отсутствие четких методических оснований привело к тому, что определенная непоследовательность наблюдается и в описании уровней квалификаций, рекомендованных Минтруда для целей разработки профессиональных стандартов, и страдает качество профессиональных стандартов. Более того, в вузовской среде отсутствует четкое понимание предназначения профессиональных стандартов, которые часто

путают с требованиями к должностям (см., например, [13; 14]).

И, как результат, часто во ФГОС и программах нет четкого водораздела между квалификациями бакалавра и магистра в части формулировок как универсальных, так и общепрофессиональных и профессиональных компетенций. К сожалению, нигде в методических документах нет отсылки на Дублинские дескрипторы или ЕРК. И в целом на уровне системы высшего образования не сформирована культура определения результатов обучения (компетенций); а отсутствие культуры использования результатов обучения приводит к целому ряду негативных последствий. Самое первое – это подрыв сопоставимости программ, дипломов и степеней, а следовательно, и международной конкурентоспособности российской высшей школы. Также это ставит под удар реализацию национального проекта «Экспорт образования». Второе – это ложное понимание преемственности² программ как преемственности целей обучения и содержания основных образовательных программ; преемственности педагогических технологий, используемых в учебном процессе; преемственности знаний, умений, навыков и компетенций, формирующихся в результате освоения образовательных программ разного уровня.

Если использовать *результаты обучения*, преемственность будет означать возможность перехода с одного уровня на другой, смены траектории при смене образовательной программы за счет возможности признания ранее полученного обучения, обучения в других образовательных организациях (сетевые/совместные образовательные программы), неформального обучения.

Именно исходя из того, что должно быть на выходе, и в соответствии с уровневыми дескрипторами рамки квалификаций для европейского пространства высшего образования, можно четко и обоснованно спроектировать программу, структурировать ее по модулям и определить требуемый набор знаний и умений, обеспечивающих идентификацию как программы в целом, так и самих результатов обучения.

Отсутствие опоры на результаты обучения приводит к необоснованной типологии практик, предлагаемых ФГОС, к схоластике в формулировках УК и ОПК, которые часто не коррелируют с уровнем квалификации магистра, в типологии профессиональных задач, а также к необоснованному сосуществованию компетенций и профессиональных задач.

Отсюда и необоснованная важность, придаваемая в магистерских программах научно-исследовательской работе и педагогическим

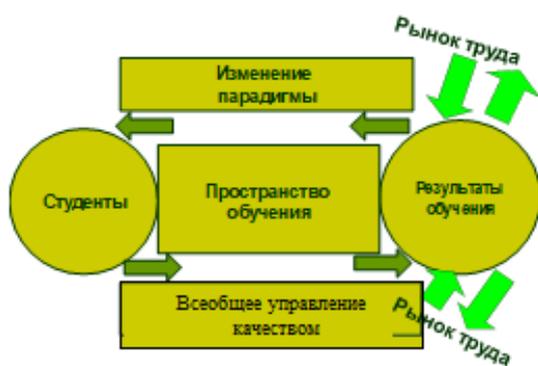

Рис. Цепочка обучения

компетенциям. Причем часто именно подготовка к научно-исследовательской работе признается ключевым отличием программ бакалавриата от магистерских программ.

В существующей ситуации нарушается сама цепочка обучения (рис.).

Указанные выше системные проблемные моменты дополняются и другими проблемами на институциональном уровне, также требующими скорейшего разрешения.

Это, во-первых, ситуация, когда выпускники бакалавриата, поступающие в магистратуру, меняют направление подготовки. Такая практика, как указывалось выше, характерна и для других стран. Российское образовательное законодательство не ограничивает поступление в магистратуру выпускников «непрофильного» бакалавриата, что приводит к проблемам при обучении из-за неоднородности учебных групп.

Очевидно, что требуется четкое нормативное регулирование «переходных»/«мостиковых» курсов для таких случаев, с четким указанием, когда – в целом – возможно поступать на иную программу более высокого уровня.

Также еще не до конца преодолена традиционная интерпретация преемственности программ первого и второго цикла, когда второй цикл представляет собой программу подготовки бакалавра по соответствующему направлению (4 года) и специализированную подготовку магистра (2 года) [13]. Это подтверждается тем фактом, что в среднем на программах магистратуры обучаются около 85% выпускников программ бакалавриата.

В последние годы наблюдается рост магистрантов из представителей рынка труда; при этом в вузах разрабатываются программы магистратуры по заказу компаний.

Еще одной проблемой для успешного развития образовательных программ магистратуры является настойчивое продвижение их «академизма», интерпретируемого как фундаментальность и научность. Однако средств/способов, позволяющих адекватно измерить фундамен-

тальность и соразмерить ее с требованиями жизни, не предлагается.

При том, что действующие ФГОС ВО 3++ дают возможность университетам открывать как академические (научно-исследовательские), так и практико-ориентированные магистерские программы, объем научно-исследовательской составляющей подготовки магистрантов, зафиксированный на раннем этапе становления магистратуры, фактически сохранился и, более того, не зависит от профиля магистерской программы.

Заключение и выводы

Многие исследователи продолжают анализировать проблемы становления и развития магистратуры, предлагая различные пути решения, уточняют её целевые функции.

Одновременно наблюдается рост популярности магистерских программ и интереса к ним со стороны субъектов рынка труда. Модули магистерских программ широко используются в рамках курсов повышения квалификации для субъектов рынка труда.

Однако, как показывает исследование, в академическом сообществе сохраняется недопонимание целей и задач магистратуры, значимости магистерского образования. Не преодолено заблуждение, согласно которому попытки подчинить образовательные стандарты требованиям профессионального сообщества работодателей в формате профессиональных стандартов противоречат основной идее многоуровневой структуры основных образовательных программ высшей школы, основой которых является универсальность, фундаментальность и научность приобретаемых студентами знаний, их университетский характер [14].

Часто до сих встречается упрощенная интерпретация требований работодателей, согласно которой работодатели не ценят глубокие знания, трансверсальные/универсальные компетенции, – достаточно посмотреть на высказывания работодателей, чтобы убедиться в том, что они придают значение именно трансверсальным компетенциям выпускников.

Упрощенчество и непонимание в данной области обусловлено отсутствием системного подхода на уровне системы высшего образования к таким ключевым вопросам, как:

- соотнесение образовательных программ с дескрипторами Рамкой квалификаций европейского пространства высшего образования;
- использование в качестве отправной точки при проектировании ФГОС и образовательных программ *результатов обучения*.

Также успешному развитию магистерских программ мешает неотрегулированность поступления в магистратуру бакалавров с различными профилями обучения. Нуждаются в решении вопросы формирования обучающей среды для взрослых студентов, что особенно актуально с учетом роста популярности магистерских программ для работающих специалистов и требует и соответствующих компетенций у преподавателей.

В этой связи можно предложить следующие рекомендации.

На системном уровне целесообразно:

– рекомендовать для использования и разъяснять требования рамки квалификаций для ЕВПО, что позволит адекватно определять результаты обучения в сотрудничестве с работодателями;

– сформировать культуру проектирования результатов обучения с учетом специфики высшей школы и ее задач как социального института и с учетом цифровизации и задач устойчивого развития;

– отрегулировать проблемы, касающиеся набора в магистратуру лиц, имеющих диплом бакалавра, полученный в других вузах и по другому направлению.

На институциональном уровне необходимо:

– адаптировать магистерские программы к особенностям обучения взрослых, с одной стороны, и к особенностям обучения миллениалов и следующих за ними поколений;

– формировать обучающую среду подготовки магистров с использованием интерактивных и дистанционных форм обучения;

– организовать в постоянно изменяющихся условиях развития магистратуры возможности непрерывного самообразования для преподавателей;

– развивать международное сотрудничество в высшем образовании для обмена опытом и развития дискурса экспертов, реализации совместных и сетевых образовательных программ магистратуры.

Важность международного сотрудничества подтверждается опытом программы Темпус (завершилась в 2014 г.) и действующей программы Эразмус+, реализуемых при поддержке ЕС.

Как показывает опыт мониторинга авторами исследования проектов Темпус и Эразмус+, университеты, которые придавали серьезное значение использованию инструментов Болонского процесса при модернизации собственных магистерских программ и программ обучения в течение всей жизни, в настоящее время успешно осуществляют интернационализацию собственных программ и успешно привлекают на обучение иностранных студентов.

Примечания

1. Об утверждении Положения о магистерской подготовке (магистратуре) в системе многоуровневого высшего образования Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9006365> (дата обращения: 03.04.2020).

2. В 2012 г. в ст. 11 ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации» определено, что «Федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования обеспечивают преемственность основных образовательных программ».

Список литературы

1. Стукалова И.Б. Развитие магистратуры в России: предпосылки, проблемы и перспективы // Современное образование. 2018. № 3. С. 1–8. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26892 (дата обращения: 03.04.2020).

2. Конструктивная педагогическая аксиология – объект научной рефлексии. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2928 (дата обращения: 03.04.2020).

3. Олейникова О.Н., Муравьева А.А. Теоретическое осмысление процессов интеграции в высшем образовании // Качественное образование: проблемы и перспективы: Сб. научн. ст. / Отв. ред.: Д.К. Бартош, Е.Л. Кабахидзе, О.Н. Олейникова. М.: МГПУ, 2016. С. 200–214.

4. Пак Х.С., Давыдова А.А. Магистратура как ступень к научной деятельности в непрерывном образовании // Академия профессионального образования. 2015. № 6. С. 15–20.

5. Роботова А.С. Проблемы и трудности обучения магистров: взгляд профессора педагогического университета [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век. 2017. Вып. 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-trudnosti-obucheniya-magistrov-vzglyad-professora-pedagogicheskogo-universiteta/viewer> (дата обращения: 03.04.2020).

6. Камышанова А.Е. Магистратура в системе высшего профессионального образования. URL: <http://rostjournal.ru/?p=226> (дата обращения: 03.04.2020).

7. Хачев М.М., Теммеева С.А. Проблемы и перспективы института магистратуры в региональных вузах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 12-2. С. 314–318. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12567> (дата обращения: 03.04.2020).

8. Константинова Л.В. Проблемы развития магистратуры в условиях реформирования высшего образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-magistratury-v-usloviyah-reformirovaniya-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 03.04.2020).

9. Клименко Т.К. Методологические подходы к проектированию образовательной программы магистратуры // Гуманитарный вектор. 2014. № 1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-proektirovaniyu-obrazovatelnoy-programmy-magistratury/viewer> (дата обращения: 03.04.2020).

10. Baume D. Writing and using good learning outcomes, Leeds Met university. 2009. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/b881/1a28a8da510c1200590fcef65fe14649b406.pdf?_ga=2.50220774.1984503082.1585932451-1838360507.1585932451 (дата обращения: 03.04.2020).

11. The European Higher Education Area in 2018: Bologna Process Implementation Report. URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/european-higher-education-area-2018-bologna-process-implementation-report_en (дата обращения: 03.04.2020).

12. Davies H. Survey of Master Degrees in Europe. EUA. 2009. URL: <https://eua.eu/resources/publications/650:survey-of-master-degrees-in-europe.html> (дата обращения: 03.04.2020).

13. Сенашенко В.С., Пыхтина Н.А. Преемственность бакалавриата и магистратуры: некоторые ключевые проблемы // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 13–25.

14. Сенашенко В.С. О соотношении профессиональных стандартов и ФГОС высшего образования // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 31–36.

MASTER PROGRAMMES THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL COMPATIBILITY

A.A. Muravyeva, O.N. Oleynikova

National Erasmus+ Office in Russia

The article addresses issues relating to the further development of master level programmes in Russia against the background of the Bologna Process.

Analysis of international and internal practices has been performed to identify key obstacles to the successful implementation of the master-level programmes in Russia, and ways to deal with the obstacles on the systems and institutional levels, to ensure the programmes' international competitiveness.

Methods used comprise the comparative-analytical method, method of text analysis, methods of collection of empirical information, method of observation and interviewing (within the framework of monitoring of Tempus and Erasmus+ projects), interpretation and modeling and problem method.

The novelty consists in the identification of key systemic obstacles in the way of effective implementation of master programmes in Russia and proposals to deal with them.

Practical use of the information presented in the article can contribute to enhancing the work of Federal academic and methodological associations, methodological divisions at universities and the decision- and policy-making at the systems and institutional level.

Keywords: Master programme, learning outcomes, Bologna Process, Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area (ESG), European Credit Transfer and Accumulation System (ECTS), Dublin Descriptors, lifelong learning, education standards.

УДК 37.02

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

© 2020 г.

Н.Л. Орлова

Орлова Надежда Львовна, преподаватель кафедры английского языка
для естественнонаучных специальностей
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Youlia_@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 11.03.2020
Статья принята к публикации 20.05.2020*

Представляется создание дидактической проекции одного из наиболее трудных языковых явлений в обучении английскому языку студентов естественнонаучных направлений. Рассматриваются способы выбора лексических синонимов на основе лексико-семантической сочетаемости, грамматических конструкций и стилистических свойств. Для достижения адекватности перевода устанавливаются типы взаимозаменяемых синонимов, а также семантических, грамматических и стилистических условий их чередования.

Ключевые слова: синонимия, лексико-семантическая сочетаемость, адекватность, корреляция, контекст, взаимозаменяемость, дидактический, проекция.

Введение.

Дидактическая целесообразность проблемы выбора контекстуальных синонимов

По мнению ряда исследователей, «контекстуальные синонимы не следует рассматривать в теории синонимии, так как они относятся скорее к плану речи, чем к плану языка» [1, с. 216]. Авторские синонимы становятся таковыми только в определенном контексте. Коммуникативная ситуация может стать источником появления контекстуальных синонимов только в том случае, когда слова используются не в своих основных, а в контекстуальных значениях, реализующихся «в процессе коммуникации, в речи» [2, с. 29]. Говоря о подходе к преподаванию языков, М.Н. Вятютнев утверждает, что подход «аксиоматичен и представляет сущность предмета, которому надо обучать, описывает точку зрения, философию. Подход принимается на веру, признается» [3, с. 12].

Настоящая работа имеет двоякую направленность. Во-первых, рассматривается проблема развития у студентов умения выбирать контекстуальные синонимы. Во-вторых, осуществляется анализ переводческих ошибок, допускаемых студентами в построении синонимических рядов. Отбор единиц для анализа осуществляется среди слов и словосочетаний, представляющих выраженную трудность для усвоения студентами. Список отобранных единиц составлен на основе многолетнего опыта работы. Проблема правильного применения близких по значению слов тесно связана с влиянием межъязыковой интерференции. Существует много слов,

которые трудно различить, особенно в тех случаях, когда они одинаково переводятся на русский язык. Представим наиболее характерные примеры единиц речи, которые регулярно вызывают затруднения и ошибки у студентов в процессе иноязычного общения.

Различия и сочетаемость в семантических описаниях синонимов

Несовпадающие объемы значений слов в английском и русском языках и неявные границы их смысловых оттенков являются постоянными источниками трудностей их употребления. Пытаясь выразить тот или иной смысл с помощью английского слова, студент прежде всего исходит из его значения, совпадающего с русским аналогом. При этом обучаемый, как правило, не учитывает идиоматического спектра значений этого слова в иностранном языке.

Семантическая некорректность может быть абсолютной или относительной. Фраза *He betrayed himself to passions/despair* – ‘Он предался страстям/отчаянию’ неправильна абсолютно, так как *betray* имеет значение ‘становиться предателем, совершать предательство’, а *betray oneself* – а) ‘выдать себя, невольно обнаружить себя’, б) ‘случайно проговориться’: *his face betrayed his fear, he betrayed his ignorance*. Смысловой ошибки не будет, если использовать слово *abandon* (*He abandoned himself to despair*), так как *abandon oneself to smth.* имеет значение ‘предаваться чему-либо, отдаваться чему-либо’, *abandoned to softish credulity* – ‘жертва глупой доверчивости’. В данном случае глагол *preда-*

ваться с возвратной частицей *-ся* и глагол *предать* абсолютно различны в значениях. Примером относительной некорректности является фраза *He had a very convenient life*. Она некорректна относительно смысла. В этом случае надо было сказать *He had a very comfortable life*, то есть 'Он имел все жизненные блага'. *Convenient* предполагает отсутствие каких-либо жизненных трудностей или неудобств, а также наличие того, что облегчает деятельность. Сравните употребление *convenient* и *comfortable* в следующих случаях: *a comfortable train* – 'поезд с мягкими сиденьями и т.д.', *a convenient train* – 'поезд, который удобен ввиду своего расписания'. Кроме того, нельзя не обратить внимание на идиоматичность речи человека, хорошо владеющего языком, то есть на наличие умения правильно сочетать слова, соблюдать требования к лексико-семантической и синтаксической сочетаемости.

Рассмотрим существительные *possibility*, *opportunity*, *chance*. Каждое из них имеет значение 'возможность'. Однако возможность, обозначаемая словом *possibility*, может быть приятной или неприятной. 1. *They discussed the possibility of arranging extra classes*. 2. *The possibility of her missing classes worried him*. 3. – *We could postpone the meeting for a week*. – *Yes. That's a possibility*. Следует отметить, что *possibility* не употребляется с глаголом *Have* (*to have a possibility*). Говоря о чем-либо приятном, полезном или необходимом, следует употреблять *opportunity* или *chance*. 1. *They were given the opportunity of moving into a bigger flat*. 2. *This course provides an excellent opportunity for teachers to bring themselves up – to – date with the latest developments in audio-visual aids*. 3. *He never misses the opportunity of practising his English*. *Opportunity* может применяться как с герундием, так и с инфинитивом: *I had no opportunity of asking him / to ask him*. В настоящее время *opportunity* часто используется в качестве неисчисляемого существительного (*equality of opportunity*) в контексте образования и социологии: *Comprehensive schools have brought greater equality of opportunity but not as much as some people hoped*. *Opportunity* употребляется со следующими глаголами: *have, find, get, take, seize, grasp, make the most of, miss, waste, give, provide, afford* (в официальной речи), *offer*. Прилагательные, обычно употребляющиеся со словом *opportunity*, – *good, excellent, wonderful, golden, welcome, rare, unique*. В разговорной речи *chance* часто употребляется в том же значении, что *opportunity*. Например, допустима взаимозаменяемость: *She had no opportunity / chance of asking him*. Однако в предложении *I should like*

to take this opportunity of thanking Mr. Brown for his valuable help взаимозаменяемость невозможна, так как существует риск спутать разные значения слова *chance*: *If she had a chance, she would change her job*. *She jumped at the chance of appearing at the party*. *She didn't give him a chance to object*. *Be sure to go to the concert if you have a chance*. Другое значение слова *chance* связано с вероятностью совершения действия и соответствует русскому слову *шанс*: *She has no chance of passing the exam*. *Is there any chance of seeing the Dean today*. – *No, I am afraid there's no chance at all*. *He is very busy. This is your last chance*. Следовательно, перифрастическая способность говорящего, то есть умение выбрать из потенциально возможных средств то, которое максимально соответствует конкретной сфере речевого общения (общественно-политической, социально-культурной, профессионально-трудовой, социально-бытовой и др.), свидетельствует об активном владении лексикой и грамматикой языка. Чем лучше сформированы лексико-грамматические навыки, тем легче осуществляется реализация поставленных коммуникативных задач. Любой человек, активно владеющий языком, легко перефразирует следующее высказывание: *He is fond of reading books*. – *He is keen on reading books*. *He is crazy about reading books*. *He derives pleasure from reading books*. Важно, например, понимать, что из двух семантически достаточно близких синонимов – *greedy* и *mean* – первый означает 'жадный, переполненный желанием обладать и захватить больше, чем это необходимо': *Don't be greedy, Pete. Leave some apples for the others*. *He was greedy for power*. *Mean* в одном из значений предполагает отсутствие щедрости, нежелание поделиться с другими тем, что имеешь, скупость, скарденность: *He is so mean. He never invites anybody out*. Не зная этого, легко допустить семантическую ошибку. Нельзя отрицать, что полное семантическое соответствие достигается довольно редко, за исключением терминов и терминообразных слов. Например, *big* и *large* употребляются для обозначения размера (больше среднего): *A big/large room/apple* т.д. Тем не менее следует отметить, что прилагательное *big* по сравнению с *large* больше характерно для разговорной речи: *Is it a big town?* (разговорный стиль); *The meeting was held in a large room on the first floor* (официальный стиль), то есть в данном случае различие только стилистическое. Однако *big* применительно к людям или их деятельности часто приобретает несколько иной оттенок значения: 1) 'взрослый, старший' (*Don't cry. You are a big boy/girl? Where is your big brother/sister now?*); 2) 'важный, известный' (*The Big Three, a*

bigwig /слэнг/); 3) 'крупномасштабный' (*big business, a big landowner*). В этих сочетаниях *big* нельзя заменить на *large*. Кроме того, *big* часто употребляется в некоторых идиоматических выражениях, часто в пренебрежительном смысле: *big-headed* (слэнг), *a big head, to grow too big for one's boots* (слэнг) – 'тщеславный, самодовольный, высокомерный', *to talk big* (разг.) – 'говорить о чьей-либо деятельности, планах, как будто они являются очень значительными'.

Непосредственный стилистический интерес представляет нейтрализация семантических значений. *Want* ('хотеть') в отличие *wish* предполагает у субъекта настойчивость, волю действовать: *They only want truth, justice. Wish* указывает только на желательность ситуации: *I wish this week were over*. Прилагательные *grateful* и *thankful* близки по значению, но не являются абсолютно тождественными: 'Мы благодарны (*grateful*) другому человеку, который оказал нам помощь в той или иной ситуации' – *He was very grateful to his parents for lending him the money to buy a car*. Но мы не можем употреблять слово *thankful* по отношению к другому человеку. *Thankful* употребляется в том случае, когда мы радуемся тому, что удалось избежать негативных последствий или благоприятному стечению обстоятельств: *I am thankful Mary is safe. She might have been killed in that expedition. It turned out to be disastrous. She should be thankful to have escaped so lightly*. Оба синонима употребляются предикативно, реже атрибутивно: *a grateful/thankful patient*.

Рассмотрим еще один синонимический ряд: *begin, start, commence*. В большинстве случаев *begin* и *start* можно использовать без существенных различий в значениях: *I started/began mountain climbing when I was 18. It's no use waiting for Jeremy. – Let's start/begin*. Однако следует отметить, что *start* чаще употребляется в разговорной речи по сравнению с *begin*. Стилистически более корректно сказать *Damn, it's starting to rain!*, чем *Damn, it's beginning to rain!* Тем не менее следует отметить случаи употребления *start*, в которых употребление *begin* невозможно: 1) *To start a journey. I think we ought to start at 6, while the roads are still clean*; 2) *To start working /for machines/. The car won't start*; 3) *To make /machines/ start/. How do you start the washing machine? Commence* употребляется таким же образом, как *begin*, но его применение более характерно для официального стиля: *Term will commence on September 4th*. Кроме того, важно соблюдать грамматическую корреляцию речи. *Commence* сопровождается *-ing*-формой глагола: *We commence building on March 18th. Begin* и *start* могут сопровождаться инфинитивом или

-ing-формой без существенных различий в значениях, но *-ing*-форма более приемлема, когда речь идет о начале длительного или обычного вида деятельности: *She sat down at the piano & started to play/playing. How old were you when you began playing the piano?* Форма *-ing* не употребляется в продолженных глагольных временах: *I am starting to learn Spanish*.

Выводы.

Формирование у студентов компетенций, позволяющих избежать смысловых ошибок при выборе контекстуальных синонимов

Актуальность проблемы выбора контекстуальных синонимов при переводе очевидна. В настоящее время действует множество компьютерных переводческих программ, однако не существует универсального алгоритма, позволяющего избежать переводческих ошибок. Хотя каждой категории текстов присуща своя фреймовая структура, любая из них далека от совершенства [4, с. 160]. Для решения этой проблемы организована целенаправленная работа по развитию целого комплекса умений и навыков внешней и внутренней речи, так как эта практика затрагивает как глубинные структуры сознания студентов, так и оформление высказывания во внешней речи. Для эквивалентного воссоздания смысла необходимо решить целый комплекс научно-методических и практических проблем. Учащимся надо конкретно знать:

- что следует иметь в виду под эквивалентной передачей содержания текста;
- почему не всякая передача содержания текста является эквивалентной;
- что ведет к ошибкам в переводе;
- каков механизм поиска и отбора лексических средств;
- каким образом использовать весь свой информационный запас и фоновые знания;
- как выделять те случаи, когда отдельные слова английского или русского оригинала могут функционировать в тексте таким образом, что используется вся гамма значения слова и переводчику бывает даже трудно определить, какое значение в данном контексте превалирует;
- как принять верное «контекстуальное» решение, когда значение слов, зарегистрированных в словарях, совпадает со значением единиц оригинала, но не во всем объеме;
- как справиться с проблемами, решить которые в рамках собственно лингвистического контекста невозможно, когда необходимо обращение к внетекстовой информации – справочникам,

словарям, энциклопедиям, цель которых – максимально полно раскрыть так называемые регулярные соответствия и общие несоответствия между единицами оригинала и перевода. Мы разделяем точку зрения Р. Брауна, который утверждает, что между различными языками существует полное переводческое взаимодействие / *mutualtranslatability*/. [5, р. 67]. В условиях ограниченного времени, отведенного на вузовский курс английского языка, исключительно важным является формирование у студентов данных компетенций. Продвижение в этом направлении и составляет магистральное русло совершенствования преподавания английского языка в высшей школе.

Список литературы

1. Апресян А.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры / Восточная литература, 1995. 472 с.
2. Уфимцева А.А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967. 179 с.
3. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1984. 144 с.
4. Орлова Н.Л. Способы преодоления переводческих ошибок интернациональной и псевдоинтернациональной лексики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5. Ч. 2. С. 159–162.
5. Brown R. Composition of scientific words. Baltimore, 1954. 67 p.

LEXICAL DIFFICULTIES WHEN TRANSLATING CONTEXTUAL SYNONYMS

N.L. Orlova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of the article is to form a didactic projection of one of the most difficult phenomena in the process of teaching English to students specialising in natural sciences. The article tackles the ways of choosing lexical synonyms on the basis of lexical and semantic correlation, grammar structures and stylistic peculiarities. To achieve adequate translation of texts, it is necessary to determine the types of interchangeable synonyms as well as semantic, grammar, and stylistic peculiarities for their interchangeability.

Keywords: synonymy, lexical and semantic correlation, adequacy, context, interchangeability, didactic, projection.

УДК 372.881.111.1

АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СНЯТИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© 2020 г.

Е.Н. Пушкина

Пушкина Елена Николаевна, к.филол.н.; доц.; доцент кафедры
английского языка для естественнонаучных специальностей
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
enpushkina@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 27.01.2020**Статья принята к публикации 18.05.2020*

Обосновывается необходимость обучения студентов неязыкового вуза процедуре анализа структуры предложения, предназначенной для адекватного понимания текстов по специальности и преодоления содержащихся в них грамматических трудностей. Анализ предложения рассматривается как специфический вид работы на стыке обучения практике языка, грамматике и переводу. Подчеркивается важность формирования умений и навыков самостоятельного проведения анализа предложения у студентов начального этапа обучения, нередко испытывающих затруднения в области практической грамматики английского языка и основ перевода. Главная роль в анализе предложения отводится установлению категориальной принадлежности языковой формы по внешним, характерным для неё признакам, таким как окончания, суффиксы и т.д., и определению её синтаксической функции по её позиции в предложении. Затрагиваются вопросы теоретического плана: сравниваются существующие подходы к анализу предложения, виды анализа в зависимости от ориентации на теорию или практику языка, использование формальных и неформальных признаков, дифференциация связанных по значению лингвистических терминов. Предлагается способ снятия грамматических трудностей перевода, основанный на анализе предложения, в частности, в решении такого сложного вопроса, как устранение многозначности в сфере служебных слов.

Практическая ценность вопроса об анализе предложения и перспективы его дальнейшего исследования обуславливаются тем, что он связан как с выявлением смысла, так и с преодолением содержащихся в предложении грамматических трудностей.

Ключевые слова: анализ структуры предложения, выявление смысла, формальные и неформальные признаки, преодоление грамматических трудностей предложения.

Постановка проблемы

Вопрос о выявлении смысла иноязычного слова, фразы или предложения так или иначе касается всех, кто имеет дело с иностранным языком. Тем, кто занимается преподавательской деятельностью или изучает язык, хорошо знакомы сочетания слов «чтение и перевод текста», «понимание и перевод», «понимание речи на слух», «проверка понимания прочитанного». В практическом плане нам нетрудно представить себе, что такое предложение, текст, чтение и перевод. Гораздо труднее ответить на вопрос о том, что такое понимание, поскольку этот процесс недоступен непосредственному восприятию и очень сложен для описания. Но он имеет огромное теоретическое значение, и от него зависит решение практических вопросов: как лучше учить языку, чтению, переводу, составлять пособия и т.д.

В лингвистике мы можем судить о понимании, исследуя то, что связано с ним и доступно зрительному восприятию, т.е. наблюдая за поведением единиц языка. Основной единицей

текста, связанной с передачей и восприятием смысла, является предложение.

Все трудности понимания текста возникают в предложении. Что мы делаем, когда это случается? Мы перечитываем предложение, пытаемся разобраться в смысловых связях составляющих его слов, т.е. начинаем анализировать предложение. Чем выше уровень языковой подготовки, тем легче с этим справиться. Тем же, кто знает язык хуже, требуется помощь. Профессионально-ориентированные тексты сложнее по своей структуре, чем тексты школьных учебников, и самостоятельно преодолеть возникшую трудность студенту порой нелегко. Сказываются и характерные трудности английского языка, связанные с незначительным количеством флексий и многозначностью служебных слов. В английском языке отсутствует согласование в падеже, по которому можно было бы судить о смысловых связях слов, а предлоги и союзы при различии в значении нередко совпадают по форме. Непривычно важную роль играет фиксированный порядок слов. Работа с текстом профессиональной направленности к

тому же предполагает определённую сумму знаний из области теории языка, основ перевода, а эти дисциплины, как известно, не входят в школьный курс обучения иностранному языку. Одним словом, возникает потребность в том, чтобы помочь студенту, не прошедшему обучение в лингвистическом вузе, самостоятельно провести структурно-семантический анализ предложения и преодолеть возникающие в процессе перевода трудности. Именно этим определяются цель и задачи проведённого в рамках настоящей работы исследования.

Общая характеристика анализа предложения

Прежде чем приступить к рассмотрению практических вопросов анализа, необходимо уточнить его теоретические параметры, определить его лингвистическую природу, предназначение, связь с этапами перевода, последовательность выполняемых операций, рассмотреть рекомендации, которые следует учесть, приступая к анализу предложения.

Анализ предложения, иначе именуемый синтаксическим членением, лексико-синтаксическим анализом [1], синтаксическим разбором [2] или структурно-семантическим анализом [3], можно определить как деление его по формальным признакам на взаимосвязанные части с целью выявления его смыслового содержания. Он особенно важен на первом этапе перевода, результатом которого является рабочий перевод предложения. Второй этап представляет собой его литературную обработку и, в строгом смысле слова, является не переводом, а литературной обработкой результатов первого этапа, благодаря чему предложение приобретает более высокий статус соответствия стилистическим нормам родного языка. Именно на втором этапе происходят лексические и грамматические трансформации, осуществляются замены, перестановки, добавления и опущения, которые по традиции рассматриваются при обучении основам перевода. Здесь также требуется анализ, но, в отличие от синтаксического анализа предложения, он не имеет зрительной опоры и цели у него другие – на основе выявленного смысла определить стилистический регистр высказывания и подобрать соответствующие ему языковые средства реализации. Но так или иначе отправной точкой литературно обработанного перевода всегда служат данные первого этапа, на котором устанавливаются структурно-смысловые отношения, связывающие предложение воедино. В самом термине *перевод* это деление на два этапа не находит отражения, и в

практике обучения языку его приходится употреблять недифференцированно; но в целях научного исследования сам факт существования двух уровней перевода, конечно, следует иметь в виду. Первый этап перевода в теоретическом плане интересен тем, что он непосредственно связан с процессом понимания иноязычного текста и затрагивает вопрос об использовании в нём родного языка¹. В данной работе, имеющей практическую направленность, термин *перевод* используется в его суженном значении, ограниченном рамками его начального этапа. В определённом смысле перевод здесь рассматривается как показатель понимания: *адекватный перевод* означает *правильное понимание*, неадекватный перевод означает искажение смысла переводимого предложения.

Так, в общих чертах, определяются процесс перевода и роль, отведённая в нём анализу структуры предложения. В вопросе о том, как должен осуществляться анализ предложения, существенную роль играет знание определённых правил и рекомендаций. Необходимо знать:

- что такое подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство применительно к условиям родного и иностранного языка;
- что представляет собой фиксированный порядок слов английского предложения; что повествовательное предложение, за исключением случаев инверсии, строится по формуле S-P-O (*Subject – Predicate – Object*: подлежащее – сказуемое – дополнение).

Следует учитывать, что:

- подлежащее и сказуемое, как правило, всегда присутствуют и находятся в начале предложения; наличие в нём определения, дополнения или обстоятельства имеет факультативный характер;
- если подлежащее выражено существительным, то оно может быть лишь в общем падеже без предлога, а подлежащее-местоимение – только в именительном падеже (существительное с предлогом или местоимение в объектном падеже никогда не используются в роли подлежащего);
- подлежащее стоит перед сказуемым и не отделяется от него запятой;
- перед подлежащим, выраженным существительным, как правило, стоит артикль;
- если два существительных стоят рядом, то первое из них переводится как прилагательное (аналогично, если рядом стоят несколько существительных, то последнее из них является определяемым, а все предыдущие – определениями к нему);
- существительное с апострофом является определением;
- подлежащее никогда не бывает рядом с дополнением: их всегда разделяет сказуемое;

– обстоятельство, как и любые другие слова, стоящие в начале предложения перед подлежащим, отделяется от него запятой;

– личные формы глаголов *to be* и *to have*, модальные глаголы, формы с глаголами *shall* и *will* всегда выполняют функцию сказуемого; спряжение глаголов *to be* и *to have* в настоящем, прошедшем и будущем времени надо знать наизусть.

Приведённый выше список правил и рекомендаций может быть значительно расширен, в частности, за счёт соответствия значений английских предлогов падежным значениям русского языка. К примеру, предлог *of* передаёт значение принадлежности, отвечает на вопрос *кого?* или *чей?* и соответствует русскому родительному падежу. Предлог *to* означает направление движения, предлоги *by* и *with* соответствуют творительному и инструментальному падежам, отвечающим на вопросы *кем?* или *чем?*, и т.д. Подобной обработке могут быть подвергнуты полифункциональные служебные слова и другие формы и конструкции, представляющие трудность в плане перевода.

Анализ предложения предполагает знание общего значения и формальных признаков основных членов предложения. Сюда входит информация о том, что:

– подлежащее отвечает на вопросы *кто?* *что?*; находится, как правило, слева от сказуемого; существительное-подлежащее может иметь окончание *-s* в форме множественного числа;

– сказуемое отвечает на вопрос *что делает?*; определяется по глагольным признакам: видовременным формам глагола в действительном и страдательном залоге, самостоятельно или по таблицам [5, с. 80; 6, с. 88–90], которые всегда должны быть под рукой (примеры в таблицах даются с переводом, что в данном случае не менее важно, чем знание самих глагольных форм);

– дополнение отвечает на вопросы *кого?* *чего?* *что?* *кем?* *чем?* *о ком?* *о чём?* и др.; находится справа от сказуемого;

– определение отвечает на вопросы *какой?* *какая?* *какое?* *какие?* *каким?*; стоит перед определяемым словом или после него; его отличительным признаком могут быть формы сравнительной и превосходной степеней сравнения;

– обстоятельство отвечает на вопросы *где?* *когда?* *куда?* *почему?* и др.; обычно стоит в конце предложения, реже в начале, перед подлежащим; когда оно выражено наречием, оно может иметь суффикс *-ly*.

Приведённые сведения могут быть заданы списком [5, с. 7], представлены в виде таблиц [3, с. 11–14] или оформлены как-то иначе, но важно, чтобы они были доведены до студентов

до того, как они приступят к работе над текстом. Более подробно о том, какими формами могут быть выражены основные члены предложения, студенты могут узнать, работая над пособиями по грамматике английского языка.

Анализ и перевод начинается с главных членов предложения: подлежащего и сказуемого. Второстепенные члены предложения выявляются и переводятся во вторую очередь. Такая последовательность самоочевидна, так как подлежащее и сказуемое передают основной смысл содержащейся в нём информации. К тому же они определяют направление дальнейшего перевода предложения. Если они выявлены правильно, это значительно облегчает последующий анализ предложения. В противном случае адекватного понимания и перевода уже не следует ожидать.

С точки зрения формальных показателей, или идентификаторов, сказуемое проще всего определить благодаря его глагольным признакам. Из всех членов предложения только сказуемое обладает богатым набором формальных показателей. Сюда входят грамматические показатели шестнадцати видовременных форм действительного залога, десяти форм страдательного залога, окончание *-s* в третьем лице единственного числа настоящего неопределённого времени, модальные глаголы, показатели лица и числа таких важных для анализа глаголов, как *to be* и *to have*.

У подлежащего формальных, или явных, признаков значительно меньше. Окончание *-s* во множественном числе можно отнести к неявным признакам, поскольку оно присутствует и у глагола в одной из его форм.

Очередность выявления главных членов предложения не имеет принципиального значения. Всё зависит от узнаваемости формальных показателей и расположения слов в каждом конкретном предложении. Нередко глагол-сказуемое узнаётся сразу и воспринимается как своего рода водораздел – слева от него следует искать подлежащее, а справа – дополнение. В таких случаях сказуемое выявляется первым.

В других предложениях оно не имеет явных признаков и находится в окружении слов, которые также могут быть приняты за сказуемое. В данном случае целесообразно начать анализ с подлежащего, помня о том, что оно стоит в начале предложения, не имеет предлога, отвечает на вопросы *кто?* *что?*, употребляется с артиклем, может иметь окончание *-s* и выражается существительным, местоимением, герундием, инфинитивом или придаточным предложением.

Ещё один момент, который нуждается в уточнении, это вопрос о том, в какой степени

анализ предложения носит формальной характер и какое участие в нём принимает значение слов. Синтаксический анализ, естественно, имеет формальный характер, но если он используется как инструмент выявления смысла предложения, он поневоле становится семантико-синтаксическим, или формально-смысловым. Конечно, опора на форму делает любой анализ более наглядным и убедительным. Учёт же семантических признаков неизбежно усложняет процедуру анализа, лишает его столь очевидного основания. Но это противоречие невозможно устранить, поскольку оно заложено в самой природе языка. Трудно отрицать тот факт, что, читая предложение, мы опираемся не только на форму, но и на значения знакомых нам слов. Следовательно, в анализе предложения используются как формальные, так и неформальные показатели. Начинается он с формальных признаков, но далее к нему привлекаются все факты, имеющие отношение к выявлению смысла анализируемого предложения. В первую очередь, это, конечно, значение слова и его связь со значениями других слов. Но помощь может прийти и со стороны других факторов, таких как контекст, лингвистическая догадка, фоновые знания, параллели, аналогии, сравнение с родным языком.

Работа над текстом начинается с предложения. Отдельные его части привлекают к себе внимание, когда понимание затруднено. Эта лингво-психологическая особенность восприятия текста определяет структуру данной работы: сначала рассматриваются вопросы, связанные с анализом всего предложения, затем анализируются составляющие его элементы. В понятие составных частей, или элементов, предложения входят грамматические формы, обороты и конструкции, которые отражают характерные особенности грамматического строя английского языка и представляют наибольшую трудность в плане перевода.

Анализ предложения

1. Простое распространённое предложение

Наиболее интересными с точки зрения анализа являются самые распространённые типы предложений: простые и сложноподчинённые предложения. И те, и другие могут содержать разного рода обороты и конструкции, затрудняющие понимание смысла. Предлагаемый анализ разных типов предложений проводится на материале примеров другой работы², с тем чтобы подчеркнуть различия в подходах, которые становятся более заметными при использовании

одного и того же языкового материала, т.е. при наличии общего основания для сравнения.

In older times, the energy of falling water was utilized by means of water wheels. В предложении одно сказуемое, сигналом которого является употребление глагола *was* – *was utilized*. Выделив корень слова, определяем значение глагола *utilize* по словарю – ‘использовать’. Самостоятельно или с помощью таблицы времён в страдательном залоге [5, с. 80], с возможной поправкой на грамматический род подлежащего в русском эквиваленте, переводим *was utilized* как *был использован*.

Далее определяем грамматическое подлежащее – *energy* (*энергия*) – по положению слева от сказуемого и артиклю *the*. Смысловая ось предложения – *the energy was used* – *энергия использовалась*. В данном предложении слово *energy* – второе по счёту существительное; однако первое, *times*, не может быть подлежащим, поскольку оно входит в группу слов, которая начинается с предлога. За подлежащим *energy* следует определение, вводимое предлогом *of*: *of falling water*. Предлог *of*, как эквивалент русского родительного падежа, требует постановки вопроса *чего?* На этот вопрос отвечает ближайшее к *energy* существительное *water* (*вода*); ответ – *энергия воды*. Слово *falling* (если не угадывается сразу как Причастие I) занимает позицию определения к слову *water*. Однокоренное определение глагола *fall* – *падающий*. В итоге группа слов *the energy of falling water* переводится как *энергия падающей воды*.

Группа слов *in older times* стоит перед подлежащим и является обстоятельством времени. Самый узнаваемый элемент в ней – показатель сравнительной степени *-er*. Переводим *older* как прилагательное *old* в сравнительной степени; значение его устанавливаем по памяти или по словарю – ‘более старый’. Это определение. Стоящее за ним слово должно быть существительным, в данном случае это существительное *time* (*время*) с окончанием множественного числа *-s*, что позволяет перевести его как *времена*. Общее значение предлога *in* соответствует русскому предлогу *в*. Рабочий перевод обстоятельства – *в более старые времена*.

Центральным элементом, или ядром, группы слов *by means of* является существительное *means*, которое в словаре переводится как *средство, способ*. Предлог *by* соответствует в русском языке творительному падежу и отвечает на вопрос *чем?* / *с помощью чего?* Получаем рабочий перевод *by means* – *с помощью средства*. Предлог *of* отвечает за родительный падеж и требует ответа на вопрос *чего?* Окончательный перевод всей группы слов – *при помощи, по*

средством. Ответ на вопрос *посредством чего?* находим в последней части предложения – *water wheels*. Здесь следуют подряд два существительных. Согласно правилу перевода, первое из них (*water*) – определение, которое проще всего перевести как *водный*. Определяемое им существительное *wheels* стоит во множественном числе (окончание *-s*) и переводится как *колёса*: *water wheels* – *водные колёса*. Опираясь на контекст и знание родного языка, догадываемся, что речь идёт не о водных, а о *водяных колёсах*: *с помощью водяных колёс*.

Рабочий вариант перевода – *В более старые времена энергия падающей воды была использована при помощи водяных колёс*.

Литературный вариант перевода: *В древности энергия падения воды использовалась с помощью водяного колеса*.

Последовательность шагов и конечный результат анализа в сравниваемых вариантах в целом совпадают, что естественно, если анализ проведён профессионально. Но если мы хотим обучить этому студента, то главным становится вопрос о том, сколь доступными средствами он осуществляется и насколько сложен лингвистический аппарат его описания. Здесь имеются расхождения. Первое из них касается требования определить время, лицо и число глагольной формы (*Past Indefinite Passive*; 3 лицо единственного числа), присутствующее в сравниваемом варианте анализа. В авторском варианте признаки глагольной формы определяются по таблице грамматических времён в страдательном залоге и устанавливаются сразу, поскольку в таблице уже всё определено [6, с. 88–90]. Знание же того, какими лингвистическими терминами обозначается эта форма, не является условием выявления её смысла. Иными словами, морфологический статус глагольной формы в анализе, направленном на выявление смысла, является избыточной информацией, как и упоминание о том, что граница *группы сказуемого* определяется предлогом *by*, вводящим *косвенное дополнение*.

Использование термина *группа сказуемого*, равно как и термина *группа подлежащего*, требует уточнения. Что предшествует чему в приведённом выше примере: выявление сказуемого или группы сказуемого, подлежащего или группы подлежащего? Очевидно, что первичным звеном является определение самого подлежащего или сказуемого. И только после того, как они выявлены, можно говорить о границах формируемых ими групп. Верно то, что группа подлежащего находится слева от сказуемого, но в неё может входить несколько слов, которые потенциально могут быть определены как под-

лежащее, и важно то, по каким признакам мы выделяем одно из них. Термин *группа подлежащего* сам по себе очень полезен и может быть использован в других случаях. Возьмём, к примеру, предложение *Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise*. Здесь перед сказуемым *makes* нет ни одного слова, которое могло бы претендовать на роль подлежащего – в этой функции выступает вся группа слов в целом, иными словами, группа подлежащего. В группе слов *the energy of falling water* мы определяем словоформу *energy* как подлежащее не потому, что она входит в группу подлежащего. Наоборот, мы определяем границы группы подлежащего после того, как выявили само подлежащее. В формальном смысле, группа подлежащего является функциональным эквивалентом одного слова и может рассматриваться как распространённое подлежащее. Из этого следует, что термины *группа подлежащего* или *группа сказуемого* целесообразно употреблять там, где это необходимо, при анализе определённого типа предложения или на более высоком уровне анализа предложения, на уровне теоретической интерпретации. Но к процессу выявления главных членов предложения в данном случае они отношения не имеют. Скорее, их использование относится к категории описания полученного результата и является вторичным по отношению к нему. Поэтому простая констатация того, что та или иная группа слов является, допустим, группой сказуемого, выглядит как замена анализа его результатом.

Именно это наблюдается и в других случаях. То, что группа слов *the energy of falling water* является группой подлежащего, констатируется без комментариев, т.е. без предварительного анализа и указания на формальные признаки её выделения.

При анализе формы *falling* говорится о том, что она является частью предложной группы *of falling water*, правым определением к слову *energy* и входит в состав *группы подлежащего*. Всё верно, но так ли это необходимо для установления её смысла? Далее указывается, что это *Present Participle* от глагола *to fall* и что это не герундий, т.к. предлог *of*, стоящий впереди, относится не к *falling*, а к существительному *water*. Между тем понятно, что разграничение форм герундия и причастия никакой смысловозначительной роли здесь не играет. Комментарий к предлогу *of* ограничивается констатацией того, что он является эквивалентом русского родительного падежа, без разъяснения того, что это значит для выявления смысла словосочетания.

Неясно, с какой целью даётся определение типа предложения, причём в середине, а не в

начале анализа. Оно определяется как простое распространённое предложение, т.к. содержит лишь одно сказуемое (глагол в личной форме *was utilized*) и одно связанное с ним подлежащее (*the energy*). Представляется, однако, что название типа предложения к значению содержащихся в нём слов отношения не имеет.

Относительно группы слов *in older times* сказано только, что это предложная группа, являющаяся обстоятельством времени, занимающим нулевое место (фронтальное положение). Анализ её значения не проводится, хотя тут есть формальные показатели: предлог *in* в своём основном значении, сравнительная степень прилагательного *older* и форма множественного числа существительного *times*. Не даётся рабочий перевод данной группы слов, хотя он был бы уместен как логическое завершение анализа выявленных в её пределах семантических связей.

Относительно группы слов *by means of water wheels*, также без какого-либо предварительного анализа, констатируется, что это предложное косвенное дополнение, т.е. лингвистический статус и здесь заменяет собой семантический анализ слов. Подобным образом и предложный оборот *by means of* не анализируется с точки зрения значения входящих в него слов, а просто определяется как форма, означающая 'при помощи, посредством'. Информация о том, что существительное *water* использовано в атрибутивной функции и выступает в роли определения, очевидно, считается более важной, чем догадка о том, как его можно было бы перевести.

Значение незнакомых слов из разных частей предложения устанавливается не поэтапно, а в конце анализа, путём отбрасывания окончаний и определения значений слов по словарю. Отсутствует момент анализа значения слова, равно как и его рабочий перевод. Упускается возможность попытки определить значение слова по корню, по его связи с окружением, использовать языковую догадку, уточнить, в каком падеже оно должно стоять в рабочем варианте русского эквивалента перевода. Учёт подобных моментов полезен тем, что он влияет на ход анализа, может ускорить его, дать возможность скорректировать его направление, осуществить прогноз и в итоге облегчить его дальнейший процесс.

Отношение к значению является главным отличием сравниваемых вариантов анализа предложения. Оно зависит от определения цели анализа и роли, отведённой в нём формальным и неформальным признакам. В первом случае целью анализа является определение морфологического статуса слова, или принадлежности его к той или иной части речи с тем, чтобы облегчить нахождение его значения в словаре.

При этом анализ предложения признаётся основным средством полного и правильного понимания английского текста³. Важно уточнить, что речь идёт о понимании с помощью словаря, а не на основании существующих в предложении семантических связей. Суть анализа сводится к вопросу о том, как, не зная значения слова, установить, какую функцию оно выполняет в предложении и к какой части речи оно принадлежит, для того чтобы быстрее и легче установить его значение по словарю. Во втором случае анализ предложения служит средством выявления его смысла на основании формальных и семантических связей, и синтаксическое членение рассматривается как начальный этап этого процесса. Очевидно, что быть средством определения значения слова по словарю и средством выявления смысла предложения, это не одно и то же. Можно говорить о двух разных функциях, или предназначениях анализа предложения. Подход к нему в обоих случаях разный. В первом отдаётся предпочтение формальным показателям с явной недооценкой семантических признаков; второй основывается на учёте и тех, и других. Понятно, что первый подход служит сугубо практическим целям, хотя неизбежно поднимает и вопросы теоретического плана. Второй подход сложнее, поскольку он требует теоретического осмысления вопроса и опирается на такие труднодоступные понятия, как понимание, значение, смысл, не ограничиваясь грамматическим аспектом слова. Но именно он может дать ответ на вопрос, отчего всё же возникают трудности в понимании и переводе текста, несмотря на вроде бы неплохое знание грамматики и хороший словарь под рукой.

Что касается частого употребления лингвистических терминов, представляющих трудность для студента, то это объясняется, скорее всего, смешением двух типов анализа предложения. Один из них можно было бы назвать описательным, или дескриптивным, а другой, за отсутствием более удачного термина, смысло-различительным. Последний имеет целью выявление смысла предложения, первый же позволяет проверить знание того, как называются выявленные в ходе анализа элементы и составные части предложения. Он углубляет и систематизирует знания о структуре предложения, но инструментом выявления его смысла не является. Описательный анализ можно представить как второй, теоретически ориентированный этап анализа предложения, и в учебных целях он был бы очень полезен на его завершающей фазе, в частности при освоении систематизирующего курса грамматики в лингвистическом вузе. Однако использовать его при определении

смысла предложения нет необходимости; это лишь усложняет анализ и отвлекает от его главной цели. Последнее замечание приобретает особую важность при анализе предложения с более сложной синтаксической структурой.

2. Сложноподчинённое предложение

Анализу данного типа предложений также должно предшествовать ознакомление с определённым минимумом информации общего характера, касающейся типов придаточных предложений и союзов, с помощью которых они присоединяются к главному предложению. Эти сведения должны быть в краткой и доступной форме изложены в пособии по переводу. Важно, прежде всего, помнить, что в таких предложениях два сказуемых и два подлежащих, по одному в главном и придаточном предложениях. Основные правила перевода распространяются и на этот тип предложений. Рассмотрим особенности анализа сложноподчинённого предложения на следующем примере: *To accelerate the process, the experimenter raised the temperature as evaporation is known to take place more rapidly at a higher temperature.*

Здесь два сказуемых: *raised* (поднял) и *is known* (известно). Они легко выявляются по глагольным признакам: окончанию *-ed* и форме пассивного залога (*to be* + V_3). Первое из подлежащих, *experimenter* (экспериментатор), распознаётся по местоположению слева от сказуемого и артикль *the*. Смысловая ось предложения – *the experimenter raised the temperature*. Её рабочий перевод – *экспериментатор поднял температуру*. Трудность возникает при выявлении второго подлежащего *evaporation* – *to take place*. Во-первых, непривычна сама форма подлежащего, и, во-вторых, мало что проясняет упоминание того, что это сложное подлежащее, характерное для субъектного инфинитивного оборота и узнаваемое по признаку этого оборота – сочетанию пассивной формы с инфинитивом. В данном случае, наверное, целесообразнее было бы пойти другим путём – заранее отработать употребление этой конструкции в подобных примерах *is believed (considered, expected, thought, reported, etc.) to be*, которые переводятся безличными оборотами *полагается / считается, что*. Когда они станут легко узнаваемыми, их перевод в любом предложении не представит трудности, и необходимость в запоминании связанных с ними терминов отпадёт. Рабочий перевод *evaporation is known to take place* – *известно, что испарение имеет место*.

Вторая трудность связана с союзом *as*, перевод которого по словарю осложняется большим количеством приводимых в нём переводов его значений. Возможен другой подход: союз *as*

должен быть включён в список союзов, которые необходимо знать в их основных значениях. У союза *as* таких значений немного: *так как, в качестве, по мере того как, когда*. Методом их подстановки выясняем, что это *так как*. Теперь остаётся перевести начало и конец предложения.

Группа слов, стоящая в начале предложения, вводится инфинитивом *to accelerate* – *ускорять*. Студенту должно быть известно правило, что инфинитив в начале предложения переводится обстоятельством цели, вводимым союзом *для того чтобы* или союзным оборотом *с целью*. В таком случае уже в рабочем переводе обстоятельство *to accelerate the process* будет переведено правильно – не *ускорить процесс*, а *для того, чтобы ускорить процесс*.

В последней части предложения *more rapidly at a higher temperature* сигналами сравнительной степени являются формы *more* и *high*; первая перед наречием *rapidly* с его характерным признаком, суффиксом *-ly* ('более быстро'), вторая – перед существительным *temperature* ('более высокая температура'). Значение предлога *at* «домысливается», или определяется, по контексту – *более быстро при более высокой температуре*.

Рабочий перевод предложения – *Для того чтобы ускорить процесс, экспериментатор поднял температуру, так как известно, что испарение имеет место более быстро при более высокой температуре*.

Литературный вариант перевода – *С целью ускорения процесса, экспериментатор повысил температуру, так как известно, что при более высокой температуре испарение происходит быстрее*.

Здесь полезно напомнить студентам, что различия в порядке слов объясняются несопадением смысловых центров предложения в языке оригинала и языке перевода.

Сложноподчинённые предложения, в силу их распространённости, структурного разнообразия и сложности понимания, безусловно, заслуживают более пристального внимания. Наибольшую сложность представляют специфические для английского языка придаточные предложения подлежащие, придаточные сказуемые, бессоюзные придаточные предложения. Выявление их отличительных признаков в плане анализа предложения является перспективной областью исследования.

Анализ элементов предложения

Особое место в ряду переводческих затруднений занимают многозначные формы, в частности многофункциональные служебные слова

[7, с. 182]. Это можно пояснить на следующем примере. Когда мы имеем дело с предложением, в состав которого входит одно или несколько придаточных предложений, мы можем представить его в виде цепочки простых предложений, соединённых с помощью союзов. От того, как мы переведём эти союзы, зависит понимание всего предложения в целом. Трудность заключается в том, что один и тот же союз в английском языке может иметь не одно, а несколько значений. Для русскоговорящего обучающегося это затруднительно, поскольку он привык к однозначному соответствию: одно слово – одна часть речи – одно значение, а значит, и один перевод. В английском языке диапазон употреблений одного слова в функции различных частей речи колеблется от двух до четырёх. Одна и та же форма может в разных предложениях выступать в роли союза или предлога (*for*), союза или наречия (*once*), союза, предлога или наречия (*since*), союза, глагола или причастия – *provided (that)*, составного предлога, прилагательного, существительного или глагола – *subject (to)*. При этом в качестве условия правильного перевода предложения требуется предварительно определить синтаксическую функцию используемой в нём многозначной формы [8, с. 14]. Звучит пугающе для непрофессионала, мало знакомого с тонкостями синтаксического анализа английского предложения; но одновременно такая ситуация побуждает к поиску иных, более доступных способов решения проблемы. К примеру, обращает на себя внимание тот факт, что *since* в роли предлога (*с, после*) употребляется в контексте слов, имеющих отношение к указанию на момент или период времени (e.g. *since 1968*), в то время как при использовании этой формы в функции союза такое указание отсутствует, e.g. *Since the results had not been published, a dispute arose over the priority for the discovery*. Правосторонний контекст имеет разную структуру в том и другом случае. Установить такое различие нетрудно, поскольку различительный признак имеет явный характер и может служить ориентиром при анализе предложений, содержащих данную форму.

Аналогично решается вопрос с формой *provide/provided (that)*. Сначала устанавливаем спектр её значений, который определяется двумя словами: *если* (синоним союза *if*) и *обеспечивать (предусматривать)*. Затем подстановкой каждого из этих значений с ориентацией на непосредственное языковое окружение в предложении выясняем значение конкретного употребления данной формы. В значении ‘если’ она стоит в начале придаточного предложения, что невозможно для глагола. В значении ‘обеспечи-

вать’ она занимает место либо сказуемого, тогда это глагол, либо определения в постпозиции, тогда она переводится как причастие прошедшего времени, или Participle II (*предусмотренный*). В последнем случае вместо *that* употребляется *for (provided for)*.

Значение и позиционная характеристика являются решающими факторами и в случае с полифункциональной формой *subject (to)*. Признаком того, что она употребляется как существительное (*предмет*), является её нахождение на месте, занимаемом существительным в функции подлежащего или части именного сказуемого (*to be a subject*), при этом возможно наличие артикля и предлога *of* в постпозиции. Как глагол *subject (подвергать, подчинять)* занимает в предложении место сказуемого, выраженного глаголом в личной форме или инфинитивом, и тогда данная словоформа употребляется с предлогом *to*. Несколько сложнее с формой *subject to* в роли предлога или прилагательного. Здесь определяющим является различие в значении: *при условии* (предлог) и *подлежащий* (прилагательное). Как прилагательное эта форма представляет собой часть составного именного сказуемого (*to be subject to*) и употребляется без артикля. Если это предлог, то значение *при условии (с учётом)* должно соответствовать по смыслу предшествующему и последующему языковому окружению. В функции предлога форма *subject to* не может занимать место ни существительного, ни прилагательного, ни глагола.

Не меньшая переводческая трудность связана с употреблением местоимений *it, one, that* в функции замещения, что представляет интерес с точки зрения предложенного выше способа снятия многозначности на основе исключения конкурирующей формы. Подобный подход позволяет иначе взглянуть на грамматические трудности языка и перевода и определить перспективу их дальнейшего исследования.

Выводы

Сложность работы над специальными текстами для студентов нелингвистического профиля подготовки на начальном этапе обучения делает анализ предложения одним из наиболее надёжных средств выявления его смыслового содержания. Необходимым условием анализа являются доступные для студентов базовые знания из области практической грамматики, позволяющие установить категориальную принадлежность и синтаксическую функцию слова по формальным признакам, а также рекомен-

дации, основанные на закономерностях употребления слов в предложении.

Анализ предложения делает возможным поиск доступных способов преодоления грамматических трудностей в самостоятельной работе студентов над чтением и переводом учебных текстов по специальности. Связь анализа предложения одновременно с выявлением смысла предложения и снятием содержащихся в нём грамматических трудностей определяет его ценность в совершенствовании практики обучения основам профессионального английского языка.

Примечания

1. Роль родного языка в обучении иноязычной речевой деятельности в теоретическом плане рассматривается в специально посвящённой этому вопросу работе [4].

2. http://perviydoc.ru/v7755/клименко_а.в._ремесло_перевода?page=20, http://perviydoc.ru/v7755/клименко_а.в._ремесло_перевода?page=21 (дата обращения: 20.01.2020).

3. http://perviydoc.ru/v7755/клименко_а.в._ремесло_перевода?page=17 (дата обращения: 20.01.2020).

4. Многозначность английских слов, как одна из специфических трудностей в обучении английскому языку, более подробно рассматривается в работе [7, с. 182].

Список литературы

1. Клименко А.В. Ремесло перевода: Практический курс. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 636 с.

URL: http://perviydoc.ru/v7755/клименко_а.в._ремесло_перевода (дата обращения: 20.01.2020).

2. Белякова Е.И. Английский язык для аспирантов: Учебное пособие. СПб.: Антология, 2007. 224 с.

3. Алексеева Т.Е. Структурно-семантический анализ при обучении профессионально-ориентированному английскому языку // Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе: Материалы Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. Е.Е. Сухова, Т.В. Ризина. Рязань: Концепция, 2017. С. 10–16.

4. Пушкина Е.Н. Роль перевода в обучении иностранному языку студентов неязыкового вуза // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: Материалы II Междунар. практ. конф. 23–24 апреля 2019 г. / Науч. ред. М.В. Золотова. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 247–251.

5. Пушкина Е.Н. Translation Difficulties. Трудности перевода: Учебно-методическое пособие по переводу. 2-е изд., перераб. и допол. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2017. 84 с.

6. Пушкина Е.Н. Remedial English. Коррективный курс английского языка: Учебно-методическое пособие для студентов бакалавриата (начальный период обучения). Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2018. 96 с.

7. Пушкина Е.Н. Вводно-коррективный курс иностранного языка в неязыковом вузе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 178–185.

8. Резник И.В. и др. Английский для юристов (трудности письменного перевода): Учебное пособие. М.: Проспект, 2005. 79 с.

SENTENCE ANALYSIS AND OVERCOMING GRAMMATICAL DIFFICULTIES OF ENGLISH SPECIALITY TEXTS

E.N. Pushkina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article substantiates the necessity for teaching sentence analysis to students of non-linguistic universities with the aim to achieve a better understanding of English speciality texts and overcoming grammatical difficulties. Sentence analysis is viewed as a specific activity at the junction of teaching language practice, grammar, and translation. The importance of the sentence analysis competence at the initial stage of studying is stressed, since first-year students often experience difficulties in the field of grammar and translation basics. The main role in the analysis is attributed to the identification of a language unit's characterization as a part of speech by using its formal features (inflexions, suffixes, etc.) and its syntactical function depending on its position in the sentence. The following theoretical issues are discussed: existing approaches to sentence analysis, types of analysis depending on their theoretical or practical bias, the use of formal and informal characteristics, and the need for differentiating between the related linguistic terms used. A technique for overcoming grammatical difficulties in translation based on sentence analysis is suggested, in particular, in dealing with such a difficult case as elimination of the polysemy of function words.

The practical value of the sentence analysis and the prospects for its further study stem from the fact that it involves both the revealing of its meaning and the overcoming of grammatical difficulties in the sentence.

Keywords: analysis of sentence structure, revealing of sentence meaning, formal and informal characteristics, overcoming of sentence-level grammatical difficulties.

УДК 378.14 + 159.9

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
ПОДГОТОВКИ ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ,
ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ МАГИСТРАТУРЫ
«ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ»**

© 2020 г.

Н.Ю. Ярыгина, Ю.Е. Францева

Ярыгина Наталья Юрьевна, к. психол. н.; доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
natyarigina@gmail.com

Францева Юлия Евгеньевна, к. пед. н.; старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jull.franceva@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 29.01.2020**Статья принята к публикации 25.05.2020*

В современных условиях востребованность психологов-консультантов порождает проблему качества оказываемой ими помощи, что актуализирует проблему профессиональной подготовки психологов-консультантов, так как существует большое количество учебных заведений, которые осуществляют их подготовку. В настоящее время не существует как четких требований к учебному процессу подготовки специалистов в данной области, так и профессионального стандарта психолога-консультанта. Большинство исследователей, изучающих особенности организации учебного процесса подготовки психологов-консультантов, рассматривает данную проблематику в рамках преподавания дисциплины «Психологическое консультирование» на уровне бакалавриата. Авторы статьи рассматривают магистратуру как ступень формирования профессиональных навыков. На основе анализа образовательной ситуации реализации программы магистратуры «Психологическое консультирование» ННГУ обозначаются актуальные проблемы, с которыми сталкиваются и преподаватели, и обучающиеся. Предлагается собственная методологическая концепция организации образовательного процесса подготовки психологов-консультантов и формирования у магистрантов профессиональной компетентности и навыков консультативной работы, основанная на новом образовательном походе – контекстном обучении.

Ключевые слова: организация процесса обучения, подготовка психологов-консультантов, образовательная программа магистратуры, контекстное обучение, психологическое консультирование.

В современном обществе активно развивается психологическое консультирование как вид психологической помощи, а антропологические условия способствуют формированию роли «клиента», обращающегося к специалисту за помощью в разрешении своих психологических проблем. Возможность появления этой роли связана с изменением восприятия человеком своей жизни, осознания ее ценности, значимости и готовности ею управлять [1]. Профессия психолога-консультанта становится все более востребованной и престижной. Множество учебных заведений, оказывающих услуги подготовки и переподготовки специалистов в области психологии, стремится заняться возвращением психологов-консультантов. При этом в России очень остро стоит вопрос качества помощи, оказываемой консультантами, а это, в свою очередь, делает очень значимой проблему подготовки психологов-консультантов в современной образовательной среде [2].

Данная проблема рассматривалась в научных публикациях неоднократно, но большин-

ство исследователей изучает процесс подготовки в рамках психологического бакалавриата, описывая особенности преподавания дисциплины «Психологическое консультирование» (Ю.В. Гольцева, И.Р. Григорова, Ю.А. Ефименко, Е.П. Кораблина), либо в формате профессиональной переподготовки (М.Д. Морозов, Г.А. Суворова) [3–8]. Коллектив авторов во главе с Фан Цзюань предлагает для подготовки использование триангулярной модели, согласно которой развитие компетенций будущих психологов-консультантов происходит всегда из трех ролей: «клиент», «консультант», «супервизор» [9]. М.Р. Арпентьева описывает консультативно-ориентированную модель, согласно которой обучение происходит в консультативном процессе взаимодействия преподавателя и студента [10]. Изучаются также необходимые условия и компетенции для подготовки будущего психолога-консультанта [4; 11–12]. Однако при анализе имеющихся публикаций в данной области нами практически не было обнаружено работ,

посвященных решению проблемы подготовки психолога-консультанта в рамках программ магистратуры.

Как указывает Е.Ю. Пономарева, «в Российской Федерации практически не существует иных форм базовой подготовки психологов, кроме вузовской системы обучения» [13]. При этом, на что обращает внимание абсолютное большинство исследователей, в российской системе образования не существует единой четкой концепции, которая помогла бы ответить на вопрос, как подготовить психолога-консультанта в условиях вузовской среды, чтобы он не испытывал проблем с началом своей профессиональной деятельности из-за недостатка практических умений. Как подчеркивает Е.П. Короблина, очень усложняет ситуацию тот факт, что «не существует единой системы требований к профессиональной подготовке психолога-консультанта» [14]. Имеются лишь общие указания на необходимость базового психологического образования, определенный объем специальных знаний, опыт практической работы под руководством квалифицированного супервизора. Отмечается необходимость прохождения психологом-консультантом личностной терапии до начала и в процессе профессиональной деятельности.

На наш взгляд, следует обратить внимание еще на один факт. Присоединение России в 2003 году к Болонскому процессу привнесло в систему высшего образования два серьезных изменения:

– приоритетность двухуровневой системы высшего образования «бакалавриат – магистратура»;

– смещение с самого процесса обучения, в виде планирования и реализации учебного процесса (содержание учебного плана, учебного времени и т.д.), на результаты обучения, в виде компетентностного подхода с сильной ориентацией на профессиональную и личностную подготовленность [15].

Первым уровнем высшего образования является бакалавриат, особенность которого состоит в формировании базового теоретического образования. Следующий уровень высшего образования – магистратура, задачей которого является формирование специализированных практических умений.

Существование магистратуры как второго уровня высшего образования позволило продолжать обучение по образовательным программам магистратуры людям, не имеющим базового образования на уровне бакалавриата или специалитета. Основное условие поступле-

ния – это успешно пройденное вступительное испытание. Это обстоятельство ставит еще одну задачу – создать образовательные условия для подготовки всех категорий магистрантов. Как указывалось выше, вопрос о подготовке психологов-консультантов в научно-исследовательской среде проработан недостаточно подробно, но и в имеющихся исследованиях акцент сделан на программы бакалавриата, хотя именно образовательные программы на уровне подготовки магистров могут помочь решить проблему с нехваткой практической подготовки. В настоящее время подготовка психологов-консультантов в основном концентрируется на предоставлении необходимых знаний, и в «такой системе студент формируется в основном как носитель информации» [12, с. 225]. Как указывает Е.Ю. Пономаревой, «необходима специализированная практическая подготовка психологов по психологическому консультированию и психотерапии, которая бы соответствовала мировым стандартам и была официально признана в Российской Федерации» [13, с. 37].

В Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (далее – ННГУ) на факультете социальных наук в течение последних 10 лет успешно развивается образовательная программа магистратуры «Психологическое консультирование». С каждым годом количество обучающихся по данной программе увеличивается. Основной миссией данной программы является формирование практических навыков профессиональной деятельности и повышение личностной компетентности будущих психологов-консультантов. Руководитель и преподаватели программы активно занимаются оптимизацией содержания и форм реализации программы. Анализ образовательной ситуации позволяет обозначить следующие проблемы:

1) у большинства магистрантов отсутствует базовая психологическая подготовка, что стало возможным после вступления в Болонский процесс, как указывалось выше;

2) имеются временные ограничения, т.к. формат магистратуры предполагает ограниченное количество учебных предметов и учебных часов;

3) магистранты работают в других сферах, поэтому психологическое консультирование не связано с основной деятельностью;

4) мотивация поступления в магистратуру очень разнообразна, не всегда определена и осознана;

5) в Нижнем Новгороде практически отсутствуют базы практик, готовые принять будущих специалистов.

Выявленные проблемы создают специфические условия, в которых приходится реализовывать образовательный процесс.

Кроме того, Н.Ю. Ярыгиной было проведено исследование личностных особенностей психологов-консультантов Нижнего Новгорода, которое выявило ряд противоречий – в частности, между гуманистическими субъект-субъектными позициями консультантов, о которых они заявляют, и такими проявлениями их личности, как авторитарность, стремление лидировать, давать советы, поучать и т.д. Такие противоречия опасны не только для клиентов, но и для самих консультантов, т.к. могут привести впоследствии к неудовлетворенности и профессиональному выгоранию [16]. Одной из причин наличия таких противоречий является проблема процесса подготовки психологов-консультантов.

С целью повышения уровня преподавания в течение последних 4 лет магистранты участвовали в нескольких лонгитюдных исследованиях по изучению динамики личностных особенностей, обусловленной обучением в программе. Одновременно с этим шел постоянный поиск оптимальной модели содержания и форм образовательных условий, реализующихся в процессе преподавания дисциплин, относящихся непосредственно к профессиональной деятельности психолога-консультанта. Проведенное исследование личностных особенностей обучающихся по образовательной программе «Психологическое консультирование» позволило нам выявить положительную динамику тех из них, которые имеют первостепенную важность для готовности к будущей профессии, обусловленную определенными особенностями образовательного процесса.

Стратегической целью программы является создание условий для психологических изменений, которые должны обеспечить формирование внутри магистранта будущего психолога-консультанта, что включает в себя приобщение магистранта к знаниям в области консультативной психологии, психологии личности, психологии развития, психологического здоровья и т.д., создание максимально благоприятных условий для получения осмысленного профессионального опыта, для осознания своих психологических ресурсов и ограничений в профессиональной деятельности. Для реализации цели нами были обозначены следующие базовые методологические положения, которые легли в основу нашей работы по развитию образовательной программы: концепция преднамеренного изменения С.И. Макшанова, концепция деятельностного подхода в учебной деятельности Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова, А.К. Марко-

вой, концепция контекстного обучения А.А. Вербицкого [17–20]. Далее рассмотрим более подробно эти положения.

Во-первых, мы исходили из того, что любой процесс обучения в качестве результата предполагает изменения, причем не только в плане профессиональной компетентности, – их спектр гораздо более широк. Поэтому нам важно было понять, что такое психологическое изменение. Если говорить об изменениях психического вообще, то можно выделить три категории:

- изменение как созревание, подчиняющееся определенным закономерностям, имеющее стадийный характер (на каждом этапе развиваются новые психические функции);
- изменение как результат внешнего влияния;
- изменение как результат воплощения собственных выборов человека [17].

В нашей работе нам важно изменение как результат внешнего влияния и воплощения собственных выборов человека. С.И. Макшанов выделяет внешние и внутренние факторы, детерминирующие изменения психологических феноменов.

К внешним факторам изменений можно отнести окружающую человека социальную, культурную, профессиональную и физическую среду. По этому поводу стоит упомянуть высказывание К. Роджерса: «Я знаю, что не могу никого ничему научить, я могу только создать среду» [17, с. 16]. Изменения среды становятся стимулом изменений психологических феноменов, человек оказывается перед необходимостью выбора: оставаться ли ему в изменившейся ситуации, преобразовывать ее в соответствии со своими нуждами или попытаться уйти из нее. Кардинальные перемены среды при этом приводят к значительным изменениям личности человека.

Внутренние факторы изменений более сложны и неоднозначны по той причине, что отсутствуют общепринятые представления о структуре психики, субъективной реальности как таковой. К этим факторам относятся индивидуальные и личностные свойства, находящиеся в системе сложных взаимосвязей. Индивидуальные свойства рассматриваются как базисные, определяющие успешность усвоения учебного и профессионального опыта. Личностные свойства, такие, как отношение к себе и к окружающим людям, имеют решающее значение для изменений, т.к. именно они определяют шансы и характер изменений [17].

Существует сложность с определением трансформации психологических феноменов: используется множество терминов, обозначающих разные аспекты изменения (формирование,

развитие, обучение, воспитание и т.д.), но важно отразить универсальность категории. Как определяет С.И. Макшанов, универсальность выражается в понятии «преднамеренное изменение». Понятие «преднамеренное изменение» адекватно отражает цель, процесс и результат изменений и подчеркивает их осознанный характер. «Понятие преднамеренного изменения позволяет применять его и к ситуациям, не относящимся к развитию в принятом понимании, например, когда в результате преднамеренного изменения трансформируются отношения личности к чему-либо... Преднамеренное изменение предлагается определить как осознанную активность субъектов взаимодействия, направленную на гармонизацию их личностного и профессионального бытия» [17, с. 21].

Вторым методологическим положением стали позиции теории учебной деятельности Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова, А.К. Марковой. Базовой для этой теории является идея С.Л. Рубинштейна о единстве сознания и деятельности, согласно которой психика и сознание формируются в деятельности и проявляются в ней же, представляя собой единое целое [19]. Идея была дополнена А.Н. Леонтьевым, который подчеркнул, что личность формируется и проявляется именно в деятельности [21]. Эти позиции составили базу психологической теории учебной деятельности (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.К. Маркова), согласно которой учебно-профессиональная деятельность состоит из следующих компонентов:

1) *мотивационно-смыслового*, содержащего профессиональную мотивацию, понимание предназначения профессии, освоение ценностей профессиональной деятельности, смысловой основы профессионального общения, мотивы реализации личности в профессии;

2) *деятельностного*, содержащего решение задач в ходе самостоятельной работы и выполнения учебных действий в рамках формирования профессионально значимых качеств специалиста, присвоения знаний и формирования профессиональных умений и навыков;

3) *оценочно-контрольного*, содержащего решение задач, обеспечивающих формирование и совершенствование навыков самооценки, самоконтроля, саморефлексии [18].

Третьим важным положением, которое использовалось при разработке образовательной программы, является концепция контекстного обучения А.А. Вербицкого.

Контекстное обучение – это новый образовательный подход, созданный с целью преодоления противоречий традиционной модели обучения. А.А. Вербицкий выделяет следующие не-

достатки стандартного образовательного процесса:

- развитие познавательной, а не профессиональной мотивации;
- отсутствие четкой системности содержания обучения;
- малые возможности для проявления инициативы, активности в разрешении проблем;
- статичность информации, невозможность всей ее проверки и закрепления на практике;
- принцип индивидуализации: каждый студент сам за себя [22].

Важно отметить, что контекстное обучение – это «не отказ от изложения теории и не лозунг «назад к практике», а психологически, педагогически и методически обоснованное модельное ее «замещение», воссоздание в образовании предметного и социального контекстов усваиваемой студентами профессиональной деятельности» [22, с. 8]. Суть его в создании собственной, внутренне мотивированной активности студента, а не просто в передаче информации [22]. «Контекстное обучение – это моделирование предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности» [18, с. 271]. А.А. Вербицкий рассматривает контекст как смыслообразующую категорию в самом процессе контекстного обучения. В его понимании «контекст – это система внутренних и внешних условий жизни и деятельности человека, которая влияет на восприятие, понимание, и преобразование им конкретной ситуации, придавая смысл и значение этой ситуации как целому и его компонентам. Внутренний контекст представляет собой индивидуально-психологические особенности, знания и опыт человека; внешние – предметные, социокультурные, пространственно-временные и иные характеристики ситуации, в которых он действует» [20, с. 65]. На наш взгляд, концепция внутреннего и внешнего контекста интегрируется с пониманием внутренних и внешних условий преднамеренных изменений по С.И. Макшанову.

Организация образовательного процесса по программам высшего образования диктуется требованиями федеральных государственных стандартов третьего поколения (далее – ФГОС ВО). Особенностью ФГОС ВО является описание результатов освоения образовательной программы через формирование определенных компетенций. При этом компетентностный подход формирует новое понимание профессионального образования с точки зрения используемых образовательных технологий не только для описания компетентностной модели выпускника, но и при разработке образовательных программ образовательной организацией.

С учетом требований ФГОС ВО и с опорой на базовые положения, которые описаны выше, нами были сформулированы следующие методологические принципы процесса обучения.

1. Принцип сочетания теории и практики, согласно которому обеспечивается оптимальная мера теории консультативной психологии и консультативной практики. Для этого в первом семестре в учебный процесс введены предметы для освоения теоретических концептуальных основ психологического консультирования как вида психологической помощи, внутренней структуры профессиональной деятельности психолога-консультанта и отработки базовых консультативных навыков; и только со второго семестра начинается погружение в конкретные терапевтические и консультативные подходы. При этом представленные терапевтические подходы отражают базовые классические и современные школы, позволяющие магистранту максимально широко увидеть психотерапевтическое и консультативное пространство.

2. Принцип погружения, реализующийся в том, что практически с самого начала обучения магистранты погружаются в содержание деятельности психолога-консультанта. Учебные предметы, идущие последовательно, обеспечивают перманентность процесса, домашние задания обеспечивают внимание к профессиональной деятельности за пределами учебных занятий.

3. Принцип добровольной активности, согласно которому магистрант является не пассивным объектом воздействия преподавателей, – он постоянно активен, что делает его субъектом, вовлеченным в процесс, проявляющим самостоятельность и креативность.

4. Принцип сочетания групповой и индивидуальной работы, согласно которому магистранты постоянно обращаются к своему внутреннему миру, при этом находясь в процессе группового взаимодействия. Эти условия обеспечивают повышение дифференциации личности магистранта, осознающего уникальность свою и другого человека, при этом погружаясь в сложность и многогранность процесса психологической совместности.

5. Принцип моделирования процесса, который создает возможность постоянного осмысления консультативного процесса и отработки консультативных навыков и умений. Учитывая тот факт, что в психологической практике обучающие упражнения (во всяком случае их большая часть) не могут быть полноценно выполнены на муляжах или симуляторах, т.к. основой психологического консультирования является процесс субъект-субъектного взаимодействия, а также выход сразу на реальных клиен-

тов тоже невозможен, экспериментальными объектами в практических упражнениях могут быть только сами обучающиеся, а проблема обучения решается постоянным моделированием консультативного процесса или его фрагментов на учебных занятиях и во время прохождения практик.

6. Принцип самодиагностики и саморефлексии, реализующийся в создании условий для запуска процесса личностного самоопределения в широком и узком смысле этого термина, процесса осознания своих проявлений и переживаний через участие в обсуждениях материала, в специальных упражнениях, получение обратной связи, участие в супервизиях. Обучающиеся в учебном процессе обращаются к личному опыту, что создает возможность для осознания своих возможностей, ограничений и векторов развития в будущей профессиональной деятельности.

7. Принцип интеграции учебных предметов и задач практики, согласно которому учебный процесс гармонично сочетает содержание материала и творческие задания по учебным предметам, одновременно являющиеся компонентами индивидуальных заданий по практике.

8. Принцип взаимодействия магистрантов первого и второго курсов обучения, реализующийся в обеспечении клиентского и консультативного опыта за счет самих же магистрантов. Например, в первом учебном семестре идет практика по получению первичных профессиональных умений, в задания которой входит получение клиентского опыта, а магистранты второго курса в это время отрабатывают приемы и методы когнитивного подхода в консультировании. Первокурсники выступают в качестве клиентов для второкурсников, выполняя в это время свои задания по практике. Далее во время супервизий происходит плодотворная обратная связь, что развивает обе группы магистрантов.

9. Принцип наставничества, согласно которому магистранты-второкурсники выступают наставниками первокурсников, принимая участие во время педагогической практики в организации и проведении лекционных и практических занятий, проводя методические консультации по выполнению первокурсниками творческих заданий. А во втором семестре, когда первокурсники начинают отрабатывать навыки консультационной беседы, второкурсники, сначала являясь их клиентами, потом принимают участие в супервизии, где выступают экспертами и дают профессиональную обратную связь.

Определенные преднамеренные изменения как осознанная активность обучающихся в сторону личностных изменений, понимания и принятия миссии психолога-консультанта, готовно-

сти к выполнению профессиональной деятельности – стратегический вектор подготовки будущих психологов-консультантов, обучающихся по образовательной программе магистратуры «Психологическое консультирование». Образовательный процесс наполнен контекстным содержанием: выполнение практических заданий обращено к личному внутреннему миру обучающихся, их знаниям, личному опыту и личным переживаниям, при этом все индивидуально-психологические изменения стимулируются заданиями, направленными на формирование профессиональной компетентности психолога-консультанта.

Список литературы

1. Василюк Ф.Е. Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 80–92.
2. Ключева Н.В. Проблемы в профессиональной подготовке психологов-консультантов и подходы к их решению // Ярославский психологический вестник. 2016. № 35. С. 83–86.
3. Гольцева Ю.В. Технология формирования профессиональных умений психологического консультирования у будущих педагогов-психологов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-formirovaniya-professionalnyh-umeniy-psihologicheskogo-konsultirovaniya-u-buduschih-pedagogov-psihologov-1> (дата обращения: 17.02.2019).
4. Григорова И.Р. К вопросу о подготовке психологов-консультантов, экзистенциальный аспект // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2016. № 2 (4). С. 58–61.
5. Ефименко Ю.А. Модель оптимизации подготовки психологов-консультантов // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2015. № 38. С. 38–52.
6. Ефименко Ю.А. Социально-психологические условия оптимизации проблемы практической подготовки психологов-консультантов // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2015. № 54. С. 101–109.
7. Кораблина Е.П. Своеобразие подготовки современных психологов-консультантов // Universum: Вестник Герценовского университета. 2014. № 3–4. С. 136–140.
8. Мороз М.Д., Суворова Г.А. О подготовке практических психологов для системы образования с дополнительной специализацией психолог-консультант // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Тезисы докл. VI Всерос. научно-практ. конф. (Ярославль, 19–21 ноября 2013 г.). Ярославль: Канцлер, 2013. С. 393–395.
9. Фан Ц., Огнев А.С., Лихачева Э.В. Триангулярная модель подготовки психологов-консультантов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2016. № 3–4. С. 5–7.
10. Арпентьева М.Р. Подготовка психологов-консультантов: консультативно-ориентированная модель // Современная наука. 2016. № 3. С. 54–63.
11. Дмитриенко Е.В. Профессиональная подготовка психолога-консультанта // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 3 (9). С. 51–54.
12. Ефименко Ю.А. Особенности профессиональной подготовки психологов-консультантов в высших учебных заведениях // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 225–229.
13. Пономарева Е.Ю. Особенности профессиональной подготовки практических психологов в контексте современных исследований // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2016. № 1 (33). С. 35–42.
14. Кораблина Е.П. Особенности подготовки психолога-консультанта к профессиональной деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5. № 12. С. 20–30.
15. Болонский процесс и качество образования. Опыт вузов: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 122 с.
16. Ярыгина Н.Ю. Проблема личностных особенностей психологов-консультантов // Психология, социология и педагогика. 2016. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2016/11/7268> (дата обращения: 07.02.2019).
17. Макшанов С.И. Психология тренинга: Теория. Методология. Практика: Монография. СПб.: Образование, 1997. 238 с.
18. Белозерцев Е.П., Горнеев А.Д., Пашков А.Г. и др. Педагогика профессионального образования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластёнина. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 368 с.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2-х т. / Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1989. 322 с.
20. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения: Материалы к четвертому заседанию методологического семинара 16 ноября 2004 г. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 84 с.
21. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
22. Вербицкий А.А. Контекстное обучение: понятие и содержание // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 4. С. 6–10.

**SPECIFIC FEATURES OF ORGANIZING THE TRAINING OF PSYCHOLOGICAL COUNSELLORS
IN THE MASTER'S DEGREE PROGRAM «PSYCHOLOGICAL COUNSELLING»***N.Yu. Yarygina, Yu.E. Frantseva*

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The current demand for psychological counsellors raises the issue of quality of assistance rendered by these professionals. Consequently, the problem of professional training of psychological counsellors acquires special relevance, as there is a large number of educational institutions that provide training in this field. At present, there are no clear requirements for the learning process in this area, nor is there a professional standard for psychological counsellors. Most researchers studying the peculiarities of organization of the learning process for training psychological counsellors consider this problem in the framework of teaching the discipline «Psychological Counselling» at the Bachelor's level, while the authors of this article consider the Master's degree as a stage when the professional skills are developed. The analysis of the educational situation in the implementation of the Master's program «Psychological Counselling» at the UNN has allowed the authors to identify the current problems that both teachers and students are facing.

In this article, the authors propose their methodological concept of the organization of the educational process for training psychological counsellors and the development of professional competence and counselling skills among Master's program students, based on a new educational approach – contextual learning.

Keywords: organization of the learning process, training of psychological counsellors, Master's degree program, psychological counselling, contextual learning.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (58)

2020

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 25,9. Усл. печ. л. 22,4. Тираж 100 экз. Заказ № 206.
Дата выхода в свет: 30.07.2020
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет